

УДК 63.3(2Рос-6УАН)
К П44

ПОДРОЖНИК

Выпуск 6

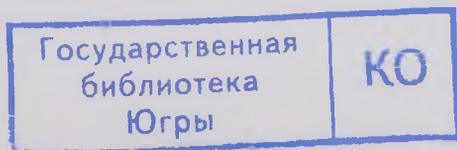
ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 6

Редактор-составитель
Валерий Белобородов

- 088571-

Маңдр и Ка
Тюмень
2005

ББК 26.89

П 44

П 44 ПОДОРОЖНИК: Краеведческий альманах. Вып. 6 /
Ред.-сост. Белобородов В.К. — Тюмень: Мандр и
К^а, 2005. — 384 с.

Очередной выпуск «Подорожника» открывается неизвестной до нынешнего времени русскому читателю мемуаристикой Евы Фелинской, побывавшей в ссылке в г. Березове в середине XIX в. Перевод с польского сделан специально для очередного номера краеведческого альманаха.

В нынешнем выпуске читатель также сможет познакомиться с недавно обнаруженной рукописью об участнике Гражданской войны Тихоне Сенькине, с воспоминаниями сына и внука о сургутском учителе Ф.К. Зобнине, с пронзительными письмами почти нашего современника, корреспондента окружного радио В.П. Поливанова и многим-многим другим. Книга адресована всем, кто интересуется историей родного края.

- © Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.
- © Белобородов В.К. (составление), 2005.
- © Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.
- © Государственная библиотека Югры (издание), 2005.
- © Мандр и К^а (издание, оформление), 2005.

ISBN 5-93020-341-5

Мода на лечение голодом проходит...

Глядя на нынешний томик «Подорожника», трудно не заметить, что он «пухнет» от номера к номеру. И вовсе не потому, что мы все разучились кратко формулировать свои мысли. Просто время, когда нас всех держали на диете псевдоисторизма, прошло. И многих, гораздо лучше знавших, как проходили революции во Франции, нежели истоки хлебопашества в родном краю или имена тех, кто помогал становлению культуры региона, такая ситуация даже не раздражала: «Ну, что может быть интересного рядом?»

Краеведческие изыскания нижевартовцев, выливающиеся в сборники «Западная Сибирь: История и современность»; генеалогические поиски и ежегодные вече в виде родословных чтений в Тюмени; попытка насыщать журнал «Сургут» материалами на местную тематику... Посмотришь на бесчисленные книги об истории «малой родины» и понимаешь, что появился еще один вид хобби. Если хотите, щедро коллекционирования прошлого своего края. Человек не только пополнил свою котомку знаниями, но и жаждет, чтоб она стала подорожником для всех.

Мода на лечение духовным голодом проходит...

Зная ветреный характер этой дамы, иногда так хочется, чтобы она искренне улыбалась каждому поколению...

Ю. Мандрика

«С тех пор все у нас было общее...»

Исследователи польской сибирской литературы — достаточно обширного и, что гораздо важнее, чрезвычайно глубинного и сущностного пласта польской культуры — редко упоминают имя Эвы (или, в русской традиции, Евы) Фелиньской. Взгляд ученых легко преодолевает Уральские горы и, не задерживаясь пока еще в Западной Сибири, останавливается на Восточной Сибири. Эта легкость преодоления сибирских просторов обусловлена, может быть, и тем, что современные польские филологи, как когда-то и сами «пишущие польские ссыльные», разделяют мнение маркиза де Густина, высказанное им в 1839 г., что «Сибирь начинается сразу же за Вислой». По словам Е. Чаплеевича, они «с изумлением обнаруживают таинственные узы, связывающие земли, начинающиеся «сразу же за Вислой», с краем далеким, холодным, столицей зимы»¹. Польские земли на восток от Вислы принято называть Кресами — слово *Kresy* можно перевести на русский язык как «окраины, пограничные области»².

«Не будем останавливаться на наиболее, может быть, бросающемся в глаза факте пространственной амбивалентности как Кресов, так и Сибири. И в том, и в другом случае пространство изменчиво, не уточнено, а его границы подвижны, неуловимы, как если бы их не было вообще»³. Но суть отношения поляков, большинство которых, попадая в Сибирь, начинали здесь активно действовать, причем в сфере умственной, интеллектуальной, философской, заключается в ином. Как пишет Е. Чаплеевич, «ссыльные поляки, подобно голодным северным оленям, разбивали оледеневший наст навязанной всем одинаковости, чтобы «разгрести» глубоко под ним разнородность этническую, куль-

¹ *Czaplejewicz Eugeniusz. Kresy a Syberia // Na pograniczu. Studia i szkice. — Białystok, 1992. S. 107.*

² *Stypuła R. Nowy słownik polsko-rosyjski: Новый польско-русский словарь / R. Stypuła, G. Kowalowa. — Москва, 2004. С. 178.*

³ *Czaplejewicz Eugeniusz. Kresy a Syberia. S. 107.*

турную, цивилизационную, религиозную. Почти каждый из пишущих делал это. Как если бы, оказавшись в Сибири, каждый услышал в себе голос свыше, призывавший его стать этнографом или же вообще «исследователем Сибири»... Место этнографии и этнологии в польской сибирской литературе необычайно велико. Аналогичную роль, как представляется, играли и другие интересы: географические, климатические, исторические, лексикографические и лингвистические, даже геологические»⁴.

Прочитав березовские дневники Э. Фелиньской того же, 1839, и следующих за ним двух лет, понимаешь, что она тоже словно услышала этот «голос свыше» и тем самым разделила общую для многих поляков судьбу — и в каком-то смысле их предназначение — вспомним литературные и научные труды, положившие начало серьезному этнографическому и этнологическому изучению Якутии, В. Серошевского, его «Двенадцать лет в стране якутов», исследования А. Шиманьского, Л. Немойовского, Б. Дыбовского, Б. Пилсудского и многих других.

«Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» сообщает следующее: «Фелинская Ева (1793–1859) — руководительница «Женского общества» — филиала «Союза польского народа». В 1839 году за революционную деятельность отправлена на поселение в г. Березов. Летом 1841 г. переехала в Саратов, затем в Вольтынь. Дневник дважды печатался в виленском журнале «Атенеум» (в 1846 и 1849 гг.), отдельным оттиском из журнала (1850) и отдельной книгой (1852). Перевод дневника на английский язык вышел тремя изданиями в 1852–1854 гг., на датский — в 1855 г.»⁵

В Березове Э. Фелиньская преодолела свое 45-летие. Наблюдательная, мудрая, ироничная, умная, здравомыслящая, справедливая женщина и для меня, переводчицы, интересная собеседница, заставляющая поговорить и о смысле жизни, и о нарядах в ней — не только платьях для тела, но и масках для души. Вероятно, интересной собеседницей она была и для своих березовских современников — жители сибирского городка принимали ее и в аристократических, богатых, и в достаточно (по березовским меркам!) бедных домах. Случай привел ее в чум остяка, а любопыт-

⁴ *Czaplejewicz Eugeniusz*. Kresy a Syberia. S. 108.

⁵ Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Репринтное воспроизв. с изд. 1890 г. — М., 1993. Т. 69. — С. 435.

ство пригласило самоедов в ее квартиру. И на все — странное и обыденное, торжественное и отталкивающее — у автора дневниковых записей свой женский взгляд, свое мнение европейца.

Цвет, вкус, запах, ощущения — все это есть в дневниках, потому что есть в жизни, как и изумление, отвращение, радость, отчаяние, надежда, тоска, любопытство... Родной польский язык, ласкающий слух благодаря подруге-польке, которая «имела местом ссылки Тару, уездный городок на юге Тобольской губернии, здоровый и приятный климат которого не идет ни в какое сравнение с суровым холодом Березова, однако же так испугалась одиночества в чужой стране, что предпочла неудобства Березова», и приехавшему отрабатывать казенный кошт поляку-врачу, впустивший в себя слова «малица», «шаман», «бродни»... Блеск дорогого меха, сияние небосвода — и вонь протухшего мяса, облепившие тело комары... Страсть охотника и романтическая история любви, поведенная на чистейшем французском языке, прелесть которого особенно изысканна у Полярного круга. И, конечно же, Березов — его дух, его душа, жизнь за стенами домов — взгляд извне и изнутри. Беспечная жизнь Березова 1839 и 1840 гг., ее явные и тайные стороны. Проза жизни. Но какой поэтичный текст!

Напечатанный в журнале «Атенеум» дневник, связанный с пребыванием Э. Фелиньской в Березове, переведен без купюр.

Полный текст мемуаров «Воспоминания о путешествии в Сибирь, пребывании в Березове и в Саратове» вышел в свет в Вильно в трех томах (1852–1853), объем каждого из которых превышает 300 страниц.

За 150 лет, прошедших со времени написания дневника, изменился орфографический облик отдельных слов, некоторые вышли из употребления, но мы постарались максимально приближенно к оригиналу передать необходимый смысл. Если русский словарь давал большой синонимический (а иногда и омонимический) ряд возможных переводов, приходилось руководствоваться и настроением оригинала, и женской интуицией, помещая себя в предлагаемые обстоятельства. Хотелось бы верить, что русская версия польского текста максимально приближена к оригиналу. Ведь у сибиряков и поляков действительно много общего...

О. Трофимова

Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Березове*

Путешествие из Тобольска в Березов

Прибыв в Тобольск 11 апреля 1839 г., 17 апреля по еще санному пути я выехала в Березов, однако из-за таяния снегов и большой воды на Иртыше я была вынуждена задержаться на первой же станции Бронниково в 36 верстах от Тобольска. По приказу губернатора меня вернули назад, в Тобольск, где я ожидала открытия навигации на Иртыше и Оби.

Панна Юзефа Жонжевска, вместе с которой мы выехали из Киева, имела местом назначения Тару, уездный городок на юге Тобольской губернии, здоровый и приятный климат которого не идет ни в какое сравнение с суровым холодом Березова, однако же она так была напугана одиночеством в чужой стране, что предпочла неудобства Березова, обратилась с прошением об изменении места назначения, на что и получила разрешение.

С тех пор все у нас было общее.

Весь месяц я провела в Тобольске. В этом городе насчитывается до 10 тысяч жителей. Город лежит над устьем Тобола при впадении его в Иртыш, делится на две части, которые называются старым и новым городом. Старый, построенный под горой на очень обширном ровном месте, многолюднее, но скучнее однообразием расположения и улиц, и при этом сырее. Каменных зданий, кроме церкви, насчитывается немного. Все остальные строения без штукатурки, большей частью почерневшие от дождей, производят понурое впечатление. Великолепный Иртыш, бьющий о кромку этого города, — главное его украшение.

* Wyjątki z Dziennika Ewy Felińskiej pisanego w Berezowie // Athenaeum: pismo zbiorowe. — Wilno, 1845. — T. 6. — S. 73–95; Dziennik p. E. Felińskiej: Ciąg Drugi // Athenaeum: pismo zbiorowe. — Wilno, 1846. — T. 1. — S. 70–136; T. 2. — S. 140–172; T. 3. — S. 214–235.

Новый город, построенный над старым на очень высоком берегу, кажется присматривающим сверху за своей старой матерью; он гораздо веселее первого, потому что сухой; состоит из домов новых и опрятных, однако более всего эта часть города гордится гранитным памятником, который воздвигнут правящим ныне царем в честь Ермака, первого покорителя Сибири, и кафедральной церковью, или собором.

10 мая Иртыш освободился ото льда. 17-го дано было знать, что корабль, на котором мы должны были отплыть в Березов, готов.

Попрошавшись с губернатором, генералом Потемкиным, Северином Кржижановским, Онуфрием Петрашкевичем и другими, отправились мы, сопровождаемые нашими земляками, на берег Иртыша. Антони Павша, Кароль Мархоцки, Игнаци Струмилло, Константин Волицки и Керсновски проводили нас в лодке прямо на корабль, на котором мы должны были плыть.

Это была большая рыбацкая лодка (*судно*), восьмивесельная, поднимающая на борт до 10 тысяч пудов, тобольского купца Брахина, которую он построил для рыбной ловли на Обском море. Мы обнаружили приготовленную для нас каюту, или маленькую комнатку, под палубой, единственную, какая была на этом судне, совсем тесную, достаточно темную и забитую водой и шкурами, которые издавали не слишком приятный запах, — однако комнатку бесценную с той точки зрения, что у нас был хоть как-то обустроенный свой уголок среди толпы незнакомых людей.

До самого сигнала к отплытию наши земляки помогали нам разместить наши вещи, и мы с грустью наслаждались последними доверительными разговорами, последним обменом мыслями и чувствами, запаса которых нам должно было хватить на долгие годы одиночества.

Несколько часов ожидания прошли в этих милых разговорах, наконец с неохотой услышали мы тройной выстрел из небольшой пушки, находящейся на нашем судне, — сигнал отплытия и взаимных прощаний.

Снялись с якоря, и наше судно двинулось на север, а небольшая лодка отвезла друзей на берег. И пока еще можно было различить белые платки, развевающиеся на ветру, мы посылали друг другу прощальные приветы. И вот все исчезло. «Бог весть,

— подумала я, — не в последний ли раз звуки родной речи долетели до наших ушей?»

Было 10 часов вечера. Свежая зелень распускающихся берез сливалась с серыми сумерками, только шум весел и крики сплавщиков леса нарушали вечернюю тишину. Гористые берега Иртыша смыкались один с другим перед нашими глазами. Я погрузилась в свои мысли, и мне стало невыразимо грустно. Каждый удар весла отдалял меня все дальше и дальше от моей родины и нес в край пустынный и дикий! Мы обе с подругой стояли на палубе в молчании, каждая из нас была наедине со своими мыслями. Кругом ночь, тишина, пустыня; виднелись только время от времени по берегам небольшие татарские деревушки с торчащими минаретами, и, отрываясь на мгновение от собственных мыслей, мы переносились во времена Кучума, Ермака. Наконец холод и сгущающаяся ночная тьма вынудили нас спуститься с палубы в нашу каюту. Новизна нашего положения, прошлое и мглистое будущее так роились в голове, что я дождалась рассвета, так и не заснув.

Наша каюта — это каморка 4-х локтей в ширину и 6-ти в длину, с несколькими рядами полок по стенам, которые служили и кроватью, и шкафом для вещей; мы с Юзей спали одна над другой; маленькое узкое окошко под самым потолком едва пропускало мутный свет, но, сидя на верхней полке, можно было читать.

Кроме необходимой челяди и смотрителя (*приказчика*), на судне было и несколько пассажиров из мещанского класса, которые размещались, как могли, под палубой на мешках муки, предназначенной для Березова и Обдорска.

На рассвете мы проплыли Бронниково, небольшую деревню с русским населением. Дальше мы плыли мимо пустынных берегов, однако кое-где можно еще было видеть возделываемые поля, засеянные хлебом, хотя и в небольшом количестве.

На третий день нашего путешествия поднялась буря. Мы стали на якорь. Волны так сильно раскачивали судно, что нельзя было удержаться на ногах. Те, кто был менее привычен к воде, начали ощущать приступы морской болезни. Пани Яценко, матери учителя небольшой березовской школы, которая с дочерью ехала проведать сына, сделалось дурно. У пани Жожевской болела голова, меня тошнило, но я попробовала все-таки подняться на палубу, и свежий воздух и холодный ветер принесли мне

облегчение. С тех пор у меня не было больше приступов болезни, даже во время более сильных бурь.

Буря длилась около двух дней. Бедная пани Ященко лежала все время почти без чувств, лицом вниз, а как только поднимала голову, ей вновь становилось дурно. Мужчины, привычные к воде, как утки, спокойно пили чай, спали или же курили. К вечеру буря утихла, и мы отправились дальше.

Иртыш весной разливается на несколько верст, течет между высокими берегами, покрытыми лесом, большей частью кедровым; низкие берега и острова густо заросли вербами. Вода Иртыша необычайно мутная, ее нельзя использовать, не фильтруя. Для этой цели у нас была машинка, взятая в Тобольске, для остальной же части экипажа, чтобы уменьшить хлопоты, наливали большие бочки воды, которой пользовались после того, как она отстоится.

Время было ужасное. На пятый день нашего плавания миновали Демьянск, самую важную деревню на пути от Тобольска до Березова, от которой до Тобольска напрямую считают верст 200. Однако подсчеты эти предположительные, так как от Бронникова на полпути уже нет ни сухопутной дороги, ни верстовых столбов.

До Демьянска кое-где еще видны следы земледелия, но от этой деревни на север тянутся не возделываемые по причине все более холодного климата пространства.

По мере того как мы продвигались на север, несмотря на то, что был конец мая, исчезала весенняя зелень, которая так чудесно уже одевала леса в окрестностях Тобольска. Серели обнаженные, без листьев, вербы, которые из-за своей густоты так тянулись вверх, что просто стреляли в небо и выглядели как леса итальянских тополей; только вечнозеленые шпили кедров и пихт делали более приятным вид мертвых берегов. В то же самое время по мере продвижения на север все более укорачивались ночные часы, так что от Демьянска ночи почти что не было.

Ветер постоянно был холодный, но плавание прошло спокойно аж до Самарова, деревни, состоящей из нескольких десятков домов живущих здесь русских. Это самый значимый пункт между Тобольском и Березовом: половина пути и граница этих двух уездов.

Наше путешествие длилось уже неделю. С самого начала я была заморожена этим огромным пространством воды, девствен-

ных лесов, которые невозможно охватить взглядом, — они простирались передо мной, и разбуженное воображение дополняло картину. То упираясь или в Северный полюс — вечное скопление снегов в пустыне, или в каменные Уральские горы, о которых местные рассказывают столько чудес, воспринимая их как правду в своем воображении, полном веры и неумемной фантазии, и с религиозным благоговением передавая из поколения в поколение; то снова мысленно преодолевая пространство от Оби аж до Курильских островов, я переносилась через снега, льды, пустыни и широчайшие реки, леса, полные диких зверей, с которыми человек, скитаясь в зоне ему несвойственной, вынужден был породниться в своем сиротстве, обычаи которых принял, чтобы легче выжить в их краю. В этой великой природе, дикой, еще несущей на себе отпечаток руки Творца, не стертый усилиями человека, было что-то дивно торжественное. Дух и чувствует свое величие, мысленно обнимая творения Бога столь великие, столь различные, и чувствует свою ничтожность в присутствии этих памятников могущества Творца... Однако эти возвышенные впечатления превратились в итоге в какое-то меланхолическое чувство. Чем является человек на фоне таких великих творений? В чем заключается его мизерное предназначение? — Мелкий кусочек огромного единства, как один опавший листочек в этих безграничных лесах, мечется, ежеминутно подгалкиваемый неизвестной ему силой, но считает себя чем-то важным.

Несколькими верстами ниже Самарова мы всплыли в Обь. Какая великая огромность воды! Иртыш, впадая в эту реку, тем не менее не сразу соединяет с ней свои воды. Долго еще можно отличать по цвету мутную воду Иртыша от чистой и прозрачной обской воды. Эта последняя река значительно шире первой, течет по обширной равнине, делясь на очень большое количество разветвлений, или рукавов, каждый из которых становится рекой такой же широты, как и основное русло. Нужно великолепное знание местности, чтобы не заблудиться в этой густой сети.

Равнина, которую захватывает Обь своими рукавами, простирается вширь на несколько десятков верст, вдоль же тянется до Ледовитого моря.

Эти рукава, то расходясь, то вновь соединяясь в одно целое, формируют неисчислимое количество островов, заросших плаку-

чими ивами. Всю эту равнину, словно руками, обнимают с обеих сторон два высоких берега, покрытых кедрами, лиственницами и пихтами. С этих высоких берегов начинаются возвышенности суши.

Неприятный холод, снег, падающий часами, деревья без листьев, земля без зелени не позволяли даже помыслить, что приближается конец мая.

26 мая день был настолько ветренный, что мы вновь вынуждены были стать на якорь. Пользуясь отдыхом, приказчик и еще несколько человек сели в небольшую лодку и доплыли до берега. Там ободрали прекрасный кедр, который приказчик приказал спилить на мачту. 14-летняя дочь пани Яценко выбралась на пешую прогулку с этим небольшим отрядом, а вернувшись назад, как выпущенный голубь с Ноева ковчега, принесла немного зелени как знак приближающейся весны. Конечно, это была не оливковая ветка, а несколько смородиновых веточек и листья ярко-красного пиона с пучками. Я радовалась этим растениям как встрече со старым знакомым в чужой стране.

От Самарова берега были пустынные, без селений. Эти пустынные места были словно граница между оседлыми поселениями и кочующими племенами остяков. Длинные рубашки без складок с вышивкой до подола — это одежда татарок; некоторые носят на голове высокие шапки, отороченные мехом, другие нечто наподобие рогатой диадемы с разными нашитыми монетами. У татар же одежда очень походит на еврейскую, то есть белые кафтаны, называемые лапсердаками, на голове остроконечные шапки с длинными ушами, отороченными мехом; только имамы, или род священнический, носят на голове белые чалмы. Религии придерживаются магометанской.

Продвигаясь далее на север, время от времени мы встречали юрты остяков. Как только их замечали, сразу же отправляли лодку, чтобы достать продовольствие, то есть свежих уток или рыбы, что не всегда удавалось; в последнем случае все мы довольствовались крупами, мукой, которыми мы запаслись, к тому же у нас были сухарики к чаю, у остальных же были хлебные сухари. Запаса хлеба хватило ненадолго, он быстро зачерствел и зацвел.

Иногда нам везло встретить на берегу небольшие русские поселения, в которых можно было достать хлеба, кур, яиц и молока, что мы очень ценили.

Меня еще в Тобольске напугали недостатком молочных продуктов в Березове; готовясь к ведению хозяйства, я купила в прибрежном поселке корову и везла ее с собой на судне, поэтому у нас и было обилие молока.

Наконец мы приплыли в Кондинск. Это деревня, насчитывающая более 10 изб русских поселенцев. Это поселение известно монастырем греко-российских монахов, которых переселили в Кондинск после того, как их монастырь в Березове сгорел во время пожара в 1798 г.

Мне сказали, что мы находимся от Березова всего лишь в 200 верстах. Несмотря на то, что этот городок не был для меня приманкой, я была рада, что наконец закончится водное путешествие на неудобном судне, где невозможно было воздух не только прогреть, просушить, но и просто освежить, тем более что мы обе с Юзей были нездоровы. У Юзи были флюсы, а у меня лицевая рожа.

31 мая мы покинули Обь, и наше судно вошло в Сосьву, реку почти такую же широкую, как Иртыш. Вскоре показался Березов.

Мы плыли уже 2 недели. Появление в поле зрения земли, к которой устремляешься, всегда значимо, потому что путешествие по воде неприятно своей монотонностью. Приближение к Березову вызвало на судне великое движение. Каждый выбежал на палубу, чтобы удостовериться в этом собственными глазами, как если бы он не верил другим, и я признаюсь, что тоже побежала за прочими. Затем, удовлетворив свой интерес, все отправились по своим местам и стали готовиться к прибытию: одни умывались, чистили платье, собирали свои вещи в одно место, одевались; другие начали суетиться около пушки, чтобы дать знак прибытия. Я смотрела на это движение, завидовала, может быть, тем, кто высматривал на далеком еще берегу знакомые дома, знакомых людей. У меня не было кого высматривать глазами, не было желания одеваться, и я стояла неподвижно на пороге своей каюты, как фигура святого Яна над шумящим каскадом. В конце концов мне захотелось двигаться подобно другим, я вышла на палубу, чтобы увидеть артиллерийские приготовления и быть свидетелем выстрелов из пушки. Я начала легкомысленно смеяться, когда увидела эту пушку величиной с добрую крысу. Из этого я извлекла мораль не хуже, чем во

многих сказках, что не обязательно быть большим, чтобы наде-
лать много шуму.

В скором времени мы поравнялись с Березовом, прозвучали
3 выстрела, и был брошен якорь.

Все сразу же пересели в лодку, которая вскоре причалила к
берегу. Я и моя подруга остались на судне, ведь нам не к кому
было спешить. Мы выслали казака, чтобы он приготовил для
нас какую-нибудь квартиру.

Ожидая возвращения казака, я могла присмотреться к горо-
ду со стороны реки.

Виднелись две каменные церкви и один большой дом, хорошо
построенный, выкрашенный в желтый цвет; остальной город состо-
ял из небольших деревянных домиков в два этажа, почерневших от
дождей и имевших непривлекательный вид. Кедровый лес окружал
этот городок с трех сторон так, что он как бы выглядывал из леса.

Через пару часов посланный возвратился на лодке, чтобы
сопроводить нас в подготовленное помещение, пока мы не най-
дем другого.

После двухнедельного путешествия по воде, не имея места,
чтобы сделать и трех шагов, я была рада, что могу использовать
ноги и что у меня две комнаты, чистые и светлые. Однако так
как только перед нашим прибытием затопили печь, казак, пока
комнаты не прогреются, пригласил нас к себе и угостил чаем.

Я была признательна ему за это гостеприимство, но пустой
чай не был для меня вкусен, потому что я была голодна.

Все наши вещи и запасы остались на судне до следующего
дня. Я попросила хозяина, чтобы он послал купить что-нибудь
поесть, но он ответил мне, что здесь нет базара и что в их
кладовой сейчас нет ничего съедобного, кроме кислых уток.
Думая, что это утки с какой-то кислой приправой, я попросила
принести их — через минуту мне объяснили, что *кислые* — это
вежливое слово, которым обозначают протухшее мясо.

Мы вынуждены были отправиться спать голодными.

Ночь была светла как самый яркий день, потому что в это
время года в Березове ночи попросту нет. Эта неожиданная сме-
на ночи днем, которой мы не чувствовали в каюте с узким
окошком, едва возвышающимся над водой, очевидно, и привела
к тому, что мы не спали всю ночь.

1 июня 1839

Утром нам принесли самовар и немного молока. Наш чай и сахар остались на судне; мы с Юзей Жожевской посмотрели друг на друга, и глаза наши сказали, что это слишком жидко для голодных. Однако делать было нечего, мы выпили немного воды с молоком без сахара и без булки и отправились искать себе квартиру.

Не имея ни прислуги, ни базара, на котором можно было бы купить еду, мы решили снять квартиру со столом. Искали мы недолго. Мы просто-напросто пришли в дом, который нам рекомендовал полковник Кржижановский, дом, в котором он сам жил во время своего 14-месячного пребывания в Березове. Это был дом казака Козлова. Мы договорились, и сразу же начали перевозить наши вещи, а нам тем временем приготовили отменный ужин, состоявший из каши на молоке и какого-то печенья.

Нам предоставили три очень чистые комнатки, оклеенные бумажными обоями. Мы расположились как у себя дома и начали получать удовольствие от собственного дома.

3 июня 1839

Наша хозяйка зажиточна, гостеприимна, хотя и очень проста в обращении. Она относится к нам не так, как обычно обращаются с квартирантами в наших городках, у которых пересчитывают куски и стараются, чтобы они как можно меньше стоили. Она относится к нам как к гостям, которых Провидение ей ниспослало. Все, что только есть в доме наилучшего, в нашем распоряжении: хорошее печенье, хорошие сливки к чаю, обильный, сытный стол, правда, часто приготовленный не по нашему вкусу. Нам непривычно было, что подают, например, сваренных соевых уток, залитых холодным квасом со сметаной, или же вареники с мясом, сваренные в молоке, — в то же время суп и жаркое без соли, ибо здесь такой обычай; однако же дают такое огромное количество еды, что голодным остаться невозможно.

В Березове нет тех весенних дней, которые у нас доставляют столько наслаждения, — там резкий переход от холода к внезапной жаре. Вчера еще топили печи, а сегодня не просто тепло, — жарко. Деревья начали распускаться, трава зеленеть и черемуха зацвела как по волшебству. Так жарко, что нужно освежаться водой со льдом. Все окрестности вчера были как мертвые, сегодня же оделись как под венец. Я должна вправду сказать, что

Березов не кажется мне таким ужасным, как это рисовало мое воображение. Пословица говорит, что и дьявол был прекрасен, когда был молод; это же можно сказать и об этой местности. Есть ли хоть одна безобразная весной?

4 июня 1839

Березов сейчас исключительно кокетлив. Лиственницы покрылись молодыми иголками самой яркой зелени и издают очень милый запах. Трава, напоенная влагой тающей земли, растет как на дрожжах, растет прямо на глазах. Поднявшаяся Сосьва, заливая берега, представляется огромным водным пространством, которое, омывая множество островов, заросших ивами, теряется вдаль, а перед глазами бегущие волны, пенясь, разбиваются о крутой берег, на котором громоздится городок. Суда и рыбацкие лодки, готовые к отплытию на Обское море на рыбный промысел, радуют глаз нахохлившимися мачтами, на которых мелькают при порывах ветра разноцветные флажки; небольшие лодки снуют, перевозя с берега груз и провизию, необходимую для многомесячного путешествия в безлюдных краях. Все эти приготовления придают движение и необычайную жизнь этой пустынной местности.

Наш хозяин, казак, добродушный старик, вместе с другими тоже собравшийся на Обское море, после того как полностью подготовил свою лодку к отплытию, пришел попрощаться с домашними богами, попрощаться со своей семьей, попрощаться и с нами, которых он уже считал своими друзьями.

В комнате, которую нам уступили, была большая икона за занавесками, в окружении большого количества малых икон в золотых и серебряных окладах. Количество икон в богатых ризах является определенным показателем зажиточности и набожности хозяев дома, таким образом тщеславие и благочестие сливаются и подпитывают эту священную смесь.

Наш хозяин был поистине набожный человек. Было часов 10 вечера, когда старик, прежде чем выйти из дома, вошел во главе своего семейства в комнату с образами, поклонился — и все поклонились, несколько раз пали ниц перед иконами, коротко помолились и встали. Старик со слезами на глазах попрощался с женой, детьми, со всеми остальными, и у всей семьи тоже стояли слезы в глазах.

Сердце мое сжалось, не знаю почему. Я тоже почувствовала слезы на глазах. Я не припомню, чтобы когда-нибудь вид роскоши и пышности или изящества искусства пробудили во мне желание обладать ими, но маленький домик, с утонченным целомудрием, в котором царят согласие, лад и достаток, — такой дом всегда очаровывал меня, в таком я хотела бы жить и умереть. Только сердечные чувства были моим миром, только в них я черпала наслаждение и грусть, счастье и боль. Никогда мои желания не переступали через порог дома. Мне казалось, что таким способом, словно стянув все радиусы моей жизни в одно место, сосредоточив в одном очаге все составляющие моего счастья, о которых знаю только я одна, я становилась менее зависима от стрел судьбы, так как, отгораживая себя от общества, я получала благополучие из рук природы, но не из рук людей. Увы! Тщетная надежда. Именно в это место ударила молния, и все мое счастье одним ударом грома обратилось в пепелище.

5 июня 1839

Немного ветрено, и потому не так жарко, и чуть меньше комаров. Вдвоем с Юзей мы вышли на прогулку с целью осмотреть городок.

Березов — уездный город Тобольской губернии, расположен около 63 градуса северной широты, на левом берегу Сосьвы, которая в нескольких милях от этого места впадает в Обь. Берег, на котором построен городок, высоко поднимается над поверхностью воды, но улицы болотистые, некоторые просыхают только во время сильной жары, на некоторых трясины не просыхают никогда, на некоторых же вечно стоят лужи, словно каналы, и жители Березова величают их озерами.

В наших городках такое положение дел было бы невозможно. Как могли бы существовать дома на улицах, по которым не проехать? В Березове это неудобство не так важно: летом никто там не ездит, нет колес, нет экипажей, нет дороги. Все ходят пешком или плавают на лодках. Поверхность земли в Березовском уезде, на всем своем обширнейшем пространстве, еще не поранена нигде следом от колеса. Зачем ездить? Для чего дорога, когда вся суша — это бескрайняя пустыня? Нет города, нет деревни, нет поселения человеческого на этом огромном пространстве, которое своими размерами поражает воображение.

Малое число жителей ютится по берегам рек, река же обеспечивает все потребности местных жителей: доставку дерева, съестных припасов, обмен с остяками и самоедами. В городке для перехода из дома в дом положены толстые доски, тес, кругляки, палки — по желанию хозяев ближайших домов.

По той же самой причине, что не видно нигде дороги, этого следа связи человека с человеком, весь край имеет вид совсем иной, чем у нас: прежде чем об этом даже допустишь мысль, глаза тебе подскажут, что это пустыня. Ездить начинают только тогда, когда замерзшие болота и реки могут выдержать груз на своем хребте.

В Березове сто и несколько десятков домов, почти все двухэтажные. Очевидно, из-за географического положения и влажного климата сложился обычай строить в два этажа. Нижний обычно предназначался для кухни, кладовых и хозяйственных помещений, верхний служил хозяевам квартирой. Не знаю, почему часто я встречалась с мнением, что Березов стоит на острове. Это вовсе не так. Как я сказала выше, этот городок только одной своей стороной прижимается к воде, а с трех сторон его окружает материк.

Располагает Березов двумя каменными церквями, Спасской и Заручейной (*Запоточной?* — О.Т.). Последняя названа так потому, что от города она находится за глубоким оврагом, который весной наполняется водой. Она построена в очень красивом месте на высоком берегу Сосьвы, в окружении прекрасных старых лиственниц. Эти лиственницы, как гласит предание, — остались еще от святой роши, в которой идолопоклонники остяки поклонялись лиственницам. Еще и сегодня, несмотря на то, что между остяками распространяется христианская религия, они относятся к лиственницам с религиозным почтением.

Около этой церкви — кладбище, на котором похоронена знать; чтобы быть там похороненным, надо купить соответствующее право. Там есть надгробия из камня, мрамора, но чаще — отлитые из железа. Второе кладбище — в лесу за городом, там пристанище вечного покоя для бедных людей.

Около Спасской церкви, где было старое кладбище, находится могила Меншикова. Несколько лет назад тело его было выкопано, и оказалось, как и одежда, в замерзшем состоянии, в полной свежести, как если бы вчера замороженное. Потому что

в Березове даже во время самой сильной жары грунт не размораживается. Только сверху лед более-менее тает на несколько пядей, и то на солнечной стороне.

На этой могиле нет никакого надгробия, ни надписи, только местные легенды сохранили память об этом месте. После перезахоронения тела над могилой насыпали небольшой холмик и окружили его деревянным штакетником, который не обещает быть долговечным. Поэтому через некоторое время не останется и следа от пребывания на земле человека, рожденного под такой странной звездой, который из низших слоев общества вознесся на самую высокую должность, держал в своих руках судьбы народов, поставил род свой одной ногой на трон — и вдруг упал еще быстрее, чем вознесся, в пропасть нужды и забвения. Местные березовские предания твердят, что Меншиков стал очень набожным, был будто бы церковным старостой в Спасской церкви и умел работать руками.

Местные березовские предания усыпляют, потому что так перемешаны со сказками — результатом поэтической фантазии народа, склонного к вере в сверхъестественность, что трудно различить правду в нагромождении выдумок и реальности.

Я видела в Спасской церкви служебник, пожертвованный Ольгой Долгоруковой во время ее пребывания в Березове, с ее собственноручной подписью.

В Березове есть два церковных прихода греческого обряда и резиденция протопопа. Находятся здесь также все присутственные места в соответствии с уставом уездных городов, за исключением канцелярии предводителя дворянства, которому некого там представлять, потому что дворянства нет. Имеется также небольшая уездная школа с двумя классами.

Население Березова по большей части состоит из казаков, есть также несколько купцов и очень мало мещан. Все без исключения в меру возможности занимаются торговлей и рыболовством.

Здесь находится несколько магазинов, в которых продают легкий ситец, сахар, чай, варенья и другие привозные товары. Муку и крупы обыватели покупают прямо на судах сразу на год и сколько необходимо. Никакого базара, где можно было бы купить повседневную еду, нет. Каждый хозяин должен обеспечивать себя сам. Река и лес для них — и кладовая, и базар.

6 июня 1839

Как жаль, что нельзя пользоваться короткими минутами березовского лета; искушение манит в лес, но тучи комаров тут же выгоняют из леса. И против них нет никакого средства.

Не имея возможности гулять по лесу, мы с моей подругой решили завязать первые знакомства.

Прежде всего мы отправились к городничему, который нас уже несколько раз посетил. Небольшой домик кокетничал только изысканной чистотой, что, впрочем, свойственно всем сибирским домам.

Жена городничего, молодая и красивая, нарядившись в честь нашего визита, молча угощала нас множеством варений и чаем. Она была так несмела, что не могла произнести ни слова, только улыбкой отвечала, однако молодость и красота — огромный патент на снисходительность. Несмотря на свою молчаливость, жена городничего заинтересовала меня, как заинтересовывает несмелый ребенок, который в присутствии взрослых уходит внутрь себя, а раскрывается лишь рядом с тем, кому доверяет. Мне хотелось обязательно ее приручить, что мне немного в конце концов и удалось, и хоть я и не дождалась ее громких ответов на мои вопросы, но она наклонялась к уху мужа, а он, словно эхо, повторял вслух слова жены.

От городничего мы пошли к пани Нижегородцевой, богатой купчихе, для которой у нас было письмо из Тобольска. Ее дом, самый богатый в Березове (о нем я уже вспоминала), состоял из главного корпуса и двух флигелей — все выкрашено в желтый цвет.

Не зная точно, где именно живет хозяйка дома, я вошла в первые же двери. На пороге нас встретил молодой человек, которого я попросила показать, куда нам идти. Незнакомец необычайно вежливо проводил нас в гостиную, а сам скрылся. Я предположила, что он был смущен своим неглиже, ибо был в халате, и пошел переодеться.

Прошло несколько минут, к нам никто не вышел, и мы начали разглядывать то, что нас окружало. Все поражало нас своей роскошью, особенно потому, что это было в Березове. Огромные зеркала, картины, мебель красного дерева, хрусталь, серебро, великолепный фарфор свидетельствовали о зажиточности хозяйки и были следами знакомства Березова с европейской

цивилизацией. Большие окна, из которых открывался вид на огромное водное пространство и леса за ним, обширные комнаты, образцово чистые, прекрасно меблированные, делали этот дом весьма приятным.

На окнах множество вазонов с крепкой растительностью, что создавало какую-то свежесть и необыкновенно цветущий вид на фоне этой тоскливой местности. Можно было забыть, что ты находишься в Березове.

Минут 10 мы гуляли по комнатам, рассматривая все окружающее, как по волшебным палатам феи из сказочного мира.

Наконец вернулся наш незнакомый проводник. Я угадала, что он переодевался. Пришел одетый в новый бархатный полосатый шлафрок. Это был сын хозяйки дома, а матери дома не было, поэтому мы вернулись к себе.

Нестерпимая жара постоянно стояла в комнате. Здесь нет рос, здесь нет вечерней прохлады, нет утренней свежести; солнце все время светит и печет, печет словно адским огнем без перерыва, без прохлады. Едва лишь оно спустится за горизонт, пряча только свой диск, но не скрывая ярких лучей, как снова поднимает голову и, кажется, говорит с издевкой, как преследующий неприятель: «Ты думал, что меня нет, а я здесь. Иди сюда, пусть тебя снова печет!»

Невозможно дышать, невозможно усидеть на стуле — лежу на полу, меняя место, и несколько раз в день бегаю в банку обливаться холодной водой. У меня отекают ноги и болит желудок.

Перед вечером мы отважились выйти на берег реки — нам сказали, от воды воздух прохладнее. Но едва мы оказались у реки, на нас напали несметные тучи комаров, и справиться с ними было невозможно. Плюс к тому добрые казачки, жадные до новостей, увидев, куда мы пошли, бросились толпою в ту же сторону. Каждая, хоть и была с нами незнакома, целовала нас в лицо трижды, сочувствовала нашему одиночеству и обещала нас развлекать. В качестве аванса своих добрых намерений все засыпали нас вопросами.

Мужественно выдержав двойную атаку, мы повернули домой.

12 июня 1839

Сегодня мы попрощались с единственным утешением в Березове — со свободой в собственном доме.

Из Тобольска приехала пани Х. и по праву минутного знакомства в этом городе, пользуясь давними отношениями с нашей хозяйкой, соизволила явиться к нам без приглашения, будучи уверена, что доставляет нам великое удовольствие. Она заняла нашу лучшую комнату, и теперь мы имеем одной комнатой меньше, но зато одной приятельницей больше, не считая гусыни, которую пани Х. ради оригинальности возит с собой и ласкает ее, как собачку.

Пани Х. — это сибирячка совершенно оригинальная: одевается по-русски, стреляет, ходит на охоту, имеет множество разного оружия, поэтому считает себя настолько выше прочих женщин, насколько от них отличается.

Пани Х., в соответствии с развитым своим воображением, представляет себя, естественно, нашим другом и, считая одиночество самым большим злом из того, что нас встретило, думает, что делает гуманное дело, охраняя нас от него. И поэтому мы находимся в довольно ложном положении. Она, думая, что делает нам одолжение, отнимает у нас сокровище, мы в свою очередь вместо благодарности за доброе отношение чувствуем только принуждение и неволю.

15 июня 1839

Из Березова ни до Тобольска, ни в какую другую сторону нет иной дороги, кроме как по реке. Летом плывут на судах, зимой, когда река замерзнет, ездят по ее хребту. И это единственный путь, по лесу нигде невозможно, как говорится, протиснуться.

Березов — это главный пункт одноименного уезда, на просторах которого, если бы он находился в Европе, могло бы поместиться несколько удельных государств. По некоторым направлениям от Березова до своей границы уезд растянулся на 3000 верст. Граничит этот уезд на востоке с Енисейской губернией, на юге — с Тобольским уездом, на западе — с Вологодской губернией, на севере омывается Ледовитым океаном. На этом огромном пространстве земли насчитывается 15000 жителей. Однако за точность этого числа ручаться нельзя, так как кочевая жизнь остяков и самоедов не дает возможности точно их пересчитать. Однако даже когда едешь вдоль берегов крупных рек, где обычно селятся люди, видишь пустыню поразительную.

Проедешь несколько десятков верст, прежде чем наткнешься на несколько десятков юрт.

Весь этот уезд не знает никакого земледелия, только в Березове, центре цивилизации, и в некоторых русских селениях сеют немного репы и редьки; капуста вырастает в лист, но не закручивается в вилки, однако и этот лист жители рубят и квасят для борща, так же, как и ботву редьки и репы.

Картофель мог бы здесь расти неплохо, хотя клубни мелкие, так как ранние заморозки портят ботву, но здесь его мало сажают, разве что для забавы, всего по нескольку кустов. Хозяйка, засадившая целую грядку, думает, что сделала великое дело. Вообще жителям Березова не нравится этот овощ. Видно, что их желудки более привыкли к мясным блюдам, которые усваиваются не с большим трудом; не любят таких, приготовление которых требует много работы, но дает мало еды.

Пани Х., наша соседка, гость, или нахлебница, редко нас оставляет одних, хотя у нее здесь несколько братьев и замужних сестер. Однако она менее обременительна, чем можно было ожидать. Она много говорит, не требуя, чтобы ей отвечали. Часто часами она довольствуется ролью рассказчика и слушателя в одном лице. В ее речи много юмора, она рассказывает множество забавных историй из сибирской жизни — у нее талант представлять свои рассказы в лицах. Если утрата свободы и одиночества может быть чем-то возмещена хоть частично, то, наверное, тем, что из разговоров с ней лучше, чем из каких бы то ни было описаний, можно познакомиться с обычаями и характером здешних жителей. Но гусь пани Х. является для нас настоящим бедствием: как только проснется, сразу же начинает гоготать в зависимости от настроения и портит нам самый сладкий сон, который, без привычки, мы не можем, по примеру пани Х., возместить сном послеобеденным.

В Сибири привычка послеобеденного сна так вошла в обычай, что все после обеда раздеваются и ложатся спать, как это было бы на ночь, и спят долго. Магазины даже в Тобольске закрываются на несколько часов, предназначенных для всеобщего отдыха. Зато вечернее бодрствование переходит далеко за полночь. Игра в карты — излюбленное развлечение сибиряков.

17 июня 1839

Благодаря пани Х. я завязала уже несколько знакомств. Вообще я нашла здесь больше красивых женщин, чем могла пред-

полагать. Больше всего меня удивило, что много черноглазых брюнеток, в то время как светлые волосы и голубые глаза характеризуют практически весь русский народ. Я решила, что это должны были быть потомки казаков с Черного моря.

Березовские казаки ведут свой род от дружины Ермака, которая первой покорила Сибирь. В нее вошли добровольцы как с Днепра, так и с Дона; значительно помог людьми купец Строганов, однако в большей своей части это были поселенцы, присланные позднее Строгановым из-за Урала для удержания в спокойствии покоренного народа. Однако сегодняшние казаки вовсе не сохранили мужественных привычек своих храбрых предков. Постоянная безопасность усыпила в них воинственный дух. Все обленились и стали исключительно перепродавцами, тоскуют по своим набитым пером матрацам, и я видела двадцатилетних казаков, плачущих, если их случайно обнесут чаем.

Березовские казаки находятся в Российском государстве на тех же правах, что и остальное казачество. Каждый мужчина-казак должен нести воинскую службу с 17 лет и до самой старости, только тогда он может быть уволен от службы, когда начальство признает его к службе неспособным.

Однако эта служба ограничивается легкой обязанностью — отбыванием на часах в нескольких присутственных местах города Березова и несением службы по очереди при полковом штабе в Тобольске. Для этой цели всегда из Березова посылают нескольких казаков в Тобольск на 4 месяца, по прошествии которых им на смену едут следующие.

Офицеров выбирают из своего же круга, однако чин, хоть бы и самый высокий, не дает никаких привилегий наследникам. Сын полковника есть не кто иной, как простой казак и должен собственными заслугами заслужить себе звание.

Раньше казакам вольно было переходить на гражданскую службу или записываться в мещанство, теперь уже нельзя.

За исключением необременительной службы, о которой я уже говорила, казаки являются в Березове тем же, чем у нас евреи. Сами ничего не производят, ничем не занимаются, ни даже рыболовством, ни охотой, кроме легкой и приятной охоты на уток с сетями (*перевесы*), — только приобретают они эти снасти у остяков, меняя по очень низкой цене на вещи, необходимые этим последним.

Жители Березова на судах выходят в море на все лето, чтобы ловить рыбу, и там больше развлекаются торговлей, чем рыбной ловлей. Хоть каждый и имеет на своем судне команду, состоящую в большинстве своем из остяков, для рыболовства, однако свой улов составляет очень малую часть груза. Самую главную добычу получают рыбой, приобретенной у остяков и самоедов, так как эти народы, зная по обыкновению, в какое время суда выходят в море, стягиваются в эту же сторону с сетями и сбывают выловленную рыбу на суда, взамен на нужные им вещи.

Остяки пока еще не знают значения денег, у них выражением цены является обычно мех, а именно: шкурка белки представляет ценность в 20 копеек ассигнациями, горноста́й — таких же 40 копеек, песок — 3 рубля ассигнациями. Остяк, беря товар от русских, договаривается не на деньги, а на названные выше шкурки, имеющие нормальную цену. Другие меха, более дорогие, имеют очень разные цены, поэтому их стоимость пересчитывают в ценах названных выше шкурок, и таким образом идет торговля.

Жители Березова в общем живут в достатке, можно сказать, богатые. За предметами первой необходимости, такими, как рыба и дичь, достаточно руку протянуть. Бог держит для них всегда открытую кладовую: полные дичи и зверя леса, полные рыбы реки. Достаточно забросить сеть или поставить вентерь, чтобы иметь обильное пропитание на несколько дней. Обь изобилует отменными осетрами, нельмами, стерлядью, налимами, сельдью, щуками, муксунами, окунями и множеством другой рыбы. Нельма и стерлядь по нежности вкуса идут перед осетром. Налимы бывают пудовой величины. Сельдь — рыбка небольшая, но жирная и вкусная. Щука считается самой плохой едой, русские ее почти что не едят, кормят щукой только безмолвных собак, вскармливаемых лисиц и батраков из остяков.

Из дичи, идущей в еду, в огромном изобилии гуси, утки, тетерева, глухари, рябчики, куропатки. Бекасов и их подвидов хоть и много, но на них никто не охотится, может быть, потому, что малые размеры этой дичи не вознаграждают, в мнении здешних жителей, затраченных трудов, а может, потому, что не знают легких способов их добычи.

Зайцев здесь огромное количество, но русские брезгуют их мясом как едой нечистой, шкурки же их настолько дешевы, что

не окупают перевоз до Тобольска, где их выделывают. Только остяки не пренебрегают никаким мясом, едят все, что только можно есть и что может усвоить их организм. Собаки не более изысканные в еде, чем остяки. Мясо лисиц, ворон, медведей, кишки, падаль, тухлую рыбу — все, что можно есть в сыром или вареном виде, но чаще — в сыром.

Березов — край, чрезвычайно обильный водой. Не вспоминая Оби, которая течет отсюда в нескольких верстах, в радиусе не больше версты от этого городка впадают в Сосьву несколько рек, как-то: Вайгулка, Малая Остячка, Большая Остячка, Казенка, Городинка, не считая мелких.

22 июня 1839

Сегодня день рождения моей дочери Паулины. Проснувшись, я сразу же помолилась о ней, потом моя мысль, постоянно к ней обращаясь, пронеслась по всей ее пока еще недолгой жизни. Не знаю, как так получилось, что на глазах у привязанных к ней родителей, среди братьев и сестер, которые ее любили, она перескочила, кажется, не заметив того, это время свободы и веселых игр, которое и в более поздние годы заставляет помнить о себе. Она в 10 лет была уже почти зрелой и умом, и сердцем. Словно Бог рано осенил ее знаком креста, совершил помазание на то предназначение, которое потом должно было исполниться. <...>

Боже, если Ты берешь в расчет волнения нашего сердца, если наши притеснения, муки, наши слезы, наши молитвы задерживают на себе Твой взор милости, если невинность и самоотверженность дают право на Твою заботу, прими молитвы матери о счастье этого ребенка!

Я была взволнованна, хотела весь этот день пробыть в полном одиночестве, однако так не случилось. Пришла ко мне масса гостей. Пани Нижегородцева пришла с дочерьми и с зятями; купчиха, о доме которой я говорила выше (ей за 50 лет), деятельна, рассудительна, со следами бывлой красоты. Она мать пяти сыновей и пяти дочерей, принадлежит к числу высшей березовской аристократии и имуществом, и родством, ибо дочерьми своими одарила всех березовских чиновников. Исправник, стряпчий, казначей, аптекарь — это ее зятя. Только одна дочь не получила права носить чепец, потому что вышла замуж за мещанина.

В Березове строго придерживаются знаков своего положения. Купчихи и мешанки, хоть бы и самые богатые, не носят на голове ни чепцов, ни шляпок, повязывая только разноцветные платочки. Привилегия носить чепцы оставлена только самым благородным, то есть чиновницам, и не только потому, что купеческий класс не хочет пользоваться привилегиями другого класса, напротив, купечество само стоит на страже, наблюдая, чтобы эта граница не была пересечена.

Пани Х., которая в первом замужестве была за купцом, но всегда имела склонность к эмансипации, говорила мне, что, будучи вдовой, приехала из Тобольска в Березов и привезла с собой шляпки и чепцы, тем самым вызвав такое негодование березовской общественности, что ей без церемоний было сказано: если она наденет это барахло и осмелится прийти в церковь, то его сорвут у нее с головы и растопчут ногами. После такого заявления чепцы пани Х. вернулись в Тобольск, не будучи проветренными на ее голове.

Жители Березова свято соблюдают границы того общественного положения, в которое поместило их Провидение.

Я принимала моих гостей как могла. Пани Х. очень мне помогла, быстро разложив бостон на два столика, раздала карты, и таким образом мои гости чудесно развлекались.

В Березове как мужчины, так и женщины очень любят игру в карты, что очень выгодно там, где общество не много о чем может поговорить. Игра в бостон очень модная, а чья голова не способна вместить в себя такую великую мудрость, тот играет в очень легкую *кварку*.

26 июня 1839

Мы с Юзей Жожевской были у пани Нижегородцевой. Нас очень ласково принимали и угощали множеством варений, фруктами, кедровыми орехами, кофе, чаем с чудеснейшим печеньем. В этом доме очень хороший достаток.

Муж пани Нижегородцевой имел обширную торговлю, ежегодно ездил на ярмарки в Нижний Новгород и в Ирбит и привозил очень много предметов европейского производства, о назначении которых семья часто даже не подозревала. Мебель, серебро, одежда — все у них было из Европы. Даже роскошь из роскоши — играющий комод — украшал их салон.

В Березове вообще царит великий достаток (исключая остяков). Даже у самых бедных не найдешь такой нужды, какую у нас часто можно увидеть в низшем классе. Я не говорю о классе имеющих достаток, но и у беднейшей поденщицы, которая зарабатывает мытьем полов и стиркой белья, найдешь на столе хороший хлеб, дичь, рыбу, чай каждый день, для гостей — варенье; тонкое белое белье (другое никто не носит); несколько пар красивых платьев и хотя бы один шелковый салоп, лисий или беличий, с собольим воротником.

Для более богатых, то есть для широких кругов березовского общества, первым источником богатства является очень выгодная торговля мехами и рыбой. Любой, кто активен и имеет для того, чтобы вложить для начала в торговлю, 100 или 200 рублей ассигнациями, через несколько лет становится богатым купцом. Потому что прибыль на каждом обмене получает невероятную.

Остяки, не знающие денежного курса, меняют вещь на вещь, и эти вещи имеют цену, назначенную им произвольно самими же купцами. Например, пуд муки имеет цену шкурки одного белого песка. Пуд муки стоит в Тобольске самое большее 50 копеек ассигнациями, в отдельные годы значительно дешевле, ибо часом цена снижается до половины той, что названа выше; доставка из Тобольска до Березова стоит не дороже 15 копеек с пуда, так как рыболовецкие суда, идя порожняком на промысел рыбы в Обское море, очень рады взять на борт хоть какой-нибудь груз вместо камней, которыми они вынуждены бы были загружать абсолютно порожние суда. В то же время за шкурку песка не далее как в Березове перекупщики берут с оптовых купцов 3 рубля ассигнациями, затем эти шкуры переправляют на Ирбитскую или Макарьевскую ярмарку, куда съезжаются для взаимного обмена товарами купцы из России, Болгарии, Кяхты.

Следовательно, на одном только обмене с остяками русский купец зарабатывает по меньшей мере вчетверо. Такие обмены бывают несколько раз в год.

Предметы, которые остякам требуются от русских, это мука, ножи, топоры, свечи, табак, бусы, медные бляшки, бубны, а также ситцы, китайка и сукно ярких расцветок. С этими товарами купцы не чувствуют угрызений совести, грабя бедного остяка или самоеда. К тому же выгода от этого некорыстна и тем вернее,

что жители этих северных мест не боятся, чтобы какой-нибудь пришелец опередил их в торговле. Нужно обязательно пожить среди остяков, узнать их язык, завязать с ними личное знакомство, чтобы с ними торговать. У каждой семьи кочующих остяков, как и самоедов, есть свой знакомый купец, у которого она в любое время берет в долг, за оговоренное количество шкурок, необходимые ей предметы. Честность этих диких народов такова, что должник ни за какие деньги не отдаст другому то, что уже обещал отдать своему кредитору. Разве что неудачная охота в какой-нибудь год вынудит отсрочить выплату на год следующий, или же смерть должника и всей его семьи оставит кредитора неудовлетворенным, ибо пока жив хоть один человек из семьи, этот святой долг будет рано или поздно выплачен.

Другая причина достатка жителей Березова кроется в их обычаях. Сдается, что они лучше, чем мы, разгадали секрет свободной жизни. Ведь сколько раз мы, цивилизованные люди, приносили спокойствие, удобства и собственные удовольствия в жертву требованиям тщеславия или предубеждениям обычаев. Ведь скольких слуг держим мы не для собственного удовольствия, а чтобы дом наш содержался на уровне, приличествующем, как нам представляется, нашему положению. Этот сброд часто вместо удобств доставляет нам множество хлопот; для того, чтобы удержать дисциплину челяди, расположенной к разным выходкам из-за своей лени, мы вынуждены множить число приказчиков, которые забирают у нас наши доходы, но не всегда обеспечивают нам спокойную жизнь.

Эти и им подобные издержки неизвестны в Березове. Ни одна березовская сановница, ни даже самая богатая купчиха, не стыдится сама заниматься кухней и вести хозяйство, у нее только есть для помощи одна или две служанки, если она не может собственными силами справиться с множеством дел по дому. Березовские женщины знание кулинарного искусства считают своим достоинством. Каждая нововыходящая замуж должна щегольнуть своим воспитанием, взятым из материнского дома, приготовив собственноручно в доме мужа обед для гостей. Этот обед является в то же самое время показателем сметливости дочери и свидетельствует о хозяйственности родительского дома, в котором, как это видно по обеду, умеют хорошо принимать гостей.

Лавки, экипажи здесь неведомы и сдается, что никто в связи с этим не теряет на жизненных удовольствиях, а очевидно, приобретает в спокойствии и достатке.

Женщины, хоть и кажется, что они обижены, унижены таким порядком вещей, если посмотреть поглубже, сдается, что больше выигрывают. Дела по хозяйству, если к ним привыкнешь с детства и если с ними не связано представление об унижении, вовсе не так тягостны, как это кажется. Там муж берет в свой дом жену с желанием, заботится о ней, ибо чувствует, что она ему действительно полезна, что от нее зависит порядок и все удовольствия, какими он пользуется. Именно поэтому же в Сибири, несмотря на то, что здесь нет обычая давать за дочерьми приданое, хоть бы родители были и очень богатыми, старая дева — редкость. Мне не удалось видеть ни одной, кроме калек. Там женщины церемонятся и выбирают среди мужчин — у нас все происходит наоборот.

Есть еще одна причина, которая серьезно влияет на достаток и добрый быт жителей Сибири. Это то, что им не требуется приобретать земельной собственности.

У нас человек деловитый и смекалистый, если в результате трудов и экономии ему удастся скопить какой-нибудь капиталик, сразу же вкладывает его в приобретение клочка земли, чтобы таким образом обеспечить детям, как говорится, средства для жизни, то есть быт без необходимости трудиться. И так он тратит сначала половину жизни, работая, чтобы приобрести этот клочок земли, а потом другую половину, чтобы увеличить приобретенное богатство, и чаще всего умирает, так и не воспользовавшись ни минутой свободы. Там же, наоборот, приобретенный капитал постоянно под рукой, постоянно работает. Даже жадность, так свойственная людям, все более и более увеличивать свое богатство, не может здесь дать себе волю. Количество вкладываемых в торговлю капиталов ограничено малой численностью населения края. Поэтому вся прибыль идет на приобретение все новых жизненных удобств. Остальное, как запас, вкладывается в стоимость недвижимости и наряды.

Легкость зарабатывания жизненных удобств промыслом освобождает родителей от чрезмерной заботы о будущей судьбе детей. Дочери наверняка получают мужей, которые будут заботиться об их содержании, сыновья наверняка обеспечат себя, лишь бы хотели работать. Поэтому образование детей, которое стоит у нас

так дорого, но чаще всего (прости, Господи, грехи наши) лежит мертвым капиталом, также не слишком беспокоит жителей Березова. Сыновья лишь бы умели немного читать да записывать долги остяков — этого и достаточно. А эти умения без особых затрат приобретаются в березовской школе. Науку арифметики заменяют счеты. Остальные знания приобретаются опытом.

Дочери учатся у матерей тому, что им следует знать, и если какая умеет немного читать и писать, то это умение расценивается у них как излишняя прибавка к воспитанию. Таким образом жизнь у них протекает легко и беззаботно, без ненужной заботы о будущем, как и без праздности и неограниченных желаний.

В Березове классы так не разделяются между собой, как это было бы у нас. Чиновники живут на том же уровне, что и купцы, мещане, даже казаки, только богатство приводит к различию. Более богатые дамы охотнее сближаются, беднейшие также ищут равных себе в имущественном отношении.

Березов постепенно разрастается домами. По мере увеличения доходов каждый ощущает потребность в более удобном жилье. Фантастическое изобилие леса облегчает строительство. Река без труда подносит срубленное дерево прямо к самому дому.

1 июля 1839

Подул северный ветер с Ледовитого океана, и сильно похолодало. Комары попрятались. Пользуясь этим счастливым обстоятельством, я решила пойти на прогулку. Юзя и пани Х. сказали, что с удовольствием составят мне компанию. Комаров действительно не было, но зато тучи мошек, еще более злобных, чем комары, лезли в глаза и рот.

Юзя вернулась домой, пани Х. я не могла уговорить поступить так же, а так как пани Х. любит прогуливаться только по людным местам, для ее удовольствия нужно было тащиться по грязным и местами заболоченным улицам Березова, скакать по круглым деревяшкам и разного рода подобиям тротуара.

Сделав круг, мы вернулись домой. Пани Х. пошла к сестре, а мне досталась свобода распоряжаться самой собой.

Пользуясь этой свободой, я пошла гулять за город. Вошла в лес. Через минуту (о, диво!) я увидела дорогу, проложенную колесами. Это была первая проезжая дорога, которую я видела с того времени, как покинула Тобольск. Это зрелище, столь незна-

чительное, было для меня чрезвычайно милым. Если кому-нибудь случалось в чужой и далекой стране встретить одежду, какую носят в родном краю, или услышать ноту знакомой песни, которую поют на родине, тот поймет, какое впечатление оказала на меня эта дорога, напомнившая мне что-то родное. Я деловито пошла по дороге, даже не думая, что она может меня завести далеко. Не далее чем за версту я вышла к казенным складам, построенным на реке Вайгулке. Там находятся запасы водки, соли, муки, которые по мере надобности привозят в город.

Место это достаточно красивое — лужайка над рекой. Открывающийся новый вид приятно выделяется среди однообразно тянувшегося леса. На этой лужайке несколько семей кочующих остяков разбили свои летние стойбища. Женщины и дети сидели около костра и пекли лепешки из муки в золе. Надо сказать, что остяки никогда не пекут хлеб, может быть, потому, что у них нет печей. Мужчины уехали далеко на рыбалку, и только собаки остались защитниками оставшейся части семьи. Впрочем, чего они могли бы бояться? Разве что медведя. Я покинула быстро этот берег — там были собаки и люди, а этого и дома вдоволь, я же искала естества, искала одиночества.

Углубившись в лес, я рассматривала деревья и прочие растения. Все другое, не такое, как у нас.

Может, я уже умерла для одного мира, но родилась для другого? Вокруг меня все изменилось: природа, люди, предметы, обычаи, фантазии — все другое. Если бы не чувства, тлеющие в глубине, если бы не зеркало памяти, в котором прошлое отражается такими живыми красками, что могло бы доказать мне, что это та же самая я?

И тут у меня возник вопрос: возможность сохранения памяти на самом дне души давних впечатлений — это благо или же наоборот? Я постаралась быстро отогнать от себя этот вопрос: я боялась осквернить кошунством свои мысли. Если умершее прошлое так прирастает памятью к душе, что ни оторвать его нельзя, ни воскресить невозможно, — то тяжело, очень тяжело; однако это единственная часть меня, в которой хоть и ощущается боль, но зато тлеет жизнь, остальное смерть, труха.

Бог часто ведет свои слепые создания к цели путями, понятными только ему одному, на которых содрогается их слабая

природа, тем не менее цели эти оказываются благотворными. Так подчинимся и будем верить!

Я долго бродила в одиночестве по лесу, не смея, однако, отойти от берега из опасения заблудиться. Я заметила остяцкую юрту, которая выглядела больше и приличнее других; двери были открыты, мне захотелось заглянуть в юрту, и я вошла. Это была деревянная халупа, до половины вросшая в землю. Крыша была сооружена из деревянной подстилки, покрытой землей; через отверстие, проделанное в крыше, уходил дым. В углу от двери теплился очаг, постоянно поддерживаемый как для приготовления пищи, так и для того, чтобы дымом отгонять комаров. Над очагом был повешен железный котел, в котором варилась еда. Это была рыба в воде, слегка заправленной мукой, не только без какой-либо приправы, но даже без соли. Это повседневная пища остяков, называется *бурдик*.

У стены в глубине видны были ровно уложенные дрова в форме софы, или лавки, на них были наложены шкуры оленей. Видно, что на этом месте семья и сидит днем, и спит ночью. Направо стоял большой сундук, обитый жестью, и еще два небольших сундучка. Сверху полка, на ней маленькие штучки из коры, которые служат мисками для еды, около них ведро из бересты и такой же черпачок с ручкой для воды. Несколько сачков и несколько ложек, а в углу посуда с водой — вот и все убранство дома богатого остяка!

Я застала отца и 10-летнюю девочку, оба были наги. Надо сказать, что отец сразу же надел малицу (рубашку из шкуры оленя, обращенной волосом наружу), девочка не посчитала нужным сделать это же.

Я не могла долго там гостить по причине ужасающей вони. Остяки несносно смердят. Когда остяк входит в какой-нибудь дом, в течение половины дня потом невозможно избавиться от запаха, хоть дом и проветривают, хоть в нем и кадят. Шкуры оленей, которыми они себя одевают, выделанные определенным способом, рыбий жир, воняющая пища, дым, не прекращающийся ни днем, ни ночью, которым остяк прокоптился, создают вокруг жителей этих мест атмосферу, неприятную до невозможности.

Нельзя даже вообразить себе, какими мерзостями остяки ежедневно питаются. Я не упоминаю здесь сырую рыбу, которая

является первым деликатесом, даже у русских. Остяки едят сырое мясо, кровь, кишки, падаль, подгнившее мясо и рыбу.

Остяки, живущие поблизости от городка, имеют обычай, когда они голодны, приходиться в Березов с котелком, подвешенным на палке, либо с лукошком (ведерко или корзина, разновидность посуды из бересты) для сбора подаяний от русских домов. И каждая хозяйка выливает или выбрасывает в эту посудину что ей в доме ненужное: немного вчерашней еды или сырой муки, обрезки мяса, кишки, а чаще всего помой из вымытых горшков и мисок или же воду, в которой парятся вонючие утки или рыба.

Остяки, как только наберут столько, сколько хватит для утоления голода на один раз, здесь же, на улице, садятся и начинают есть это зловоние. Мне однажды довелось проходить мимо подобного угощения — вонь от него была такая убийственная, что, заткнув нос, я вынуждена была бежать куда подальше.

Надо признать, что жители Березова, даже русского происхождения, не очень привередливы в отношении запахов, и требование чистоты, которой они так придерживаются в своих домах, не распространяется на еду. Они вовсе не обязательно выбрасывают вчерашнюю еду, ставят ее снова на стол и едят без отвращения мясные блюда, от которых разит так, что даже издали невозможно вынести их заразную вонь.

6 июля 1839

Какая духота, какой дождь! Никогда у себя на родине я не видывала таких ливней, как здесь. Дождь льет как из ведра без перерыва, то и дело сверкает, молнии бьют одна за другой, и кажется, что крайности сошлись на этих крайних границах земли. Жара, холод, дни, ночи, засуха и дождь — все чрезмерное.

Зажгли свечи перед иконами, дочь хозяина, 14-летняя девочка, читает Евангелие, хозяин, собравшись с духом, тихо молится, хозяйка с беспокойством поглядывает в окно, не горит ли их двор, и с каждым ударом грома кланяется до земли с перепуганным лицом — видно, что жизнь им мила, видно, что им есть что терять. Я же стала так равнодушна ко всему, что даже если бы солнце и звезды сошли бы со своих мест, мне кажется, что и этот феномен не вывел бы меня из апатии. Это нарушение природного порядка разве могло бы изменить мои чувства? Разве этот мир, мир, в котором я живу, принадлежит мне? Кроме

сомнительной надежды на то, что я когда-нибудь прижму к груди моих детей, надежды такой слабой, так ни на чем не основанной, которою единственно из милости Бог сопровождает всегда предопределение человека, хоть бы и в максимальной степени отчаявшегося, которая, как единственный ангел утешения, как вера, как совесть, поддерживает человека до самой гробовой доски, — все остальное мне так безразлично, что даже самый важный в жизни человека вопрос — жить или не жить — минует мой ум без какого бы то ни было следа.

О, если бы я могла быть уверена, что душа, освобожденная от оков тела, сможет улететь к существам мне дорогим, проникнуть в волнения их души, обнаруживать себя во вдохновении, оберегать в невзгодах, придавать силы в борьбе, утешать в беде, — о, тогда перспектива смерти была бы для меня звездочкой надежды, светящей ясным светом на бесцветной дороге моей жизни. Ибо (прости меня, Господи, если Тебя эта мысль оскорбляет, я не хочу богохульствовать) бессмертие, если в нем не будет ни продолжения чувств души, ни памяти о прошлом, будет ли бессмертием? Без этих условий я понимаю только бессмертие материи, ни одна частица которой не исчезает в природе, только распадается, приобретает новую форму. Но Ты, Господи, обещаешь бессмертие для моей души, которая понимает, любит, соединяет мыслью прошлое и будущее, и та же самая мысль поднимается ввысь, к Тебе. Именно такого бессмертия я жду из руки Твоей, Господи.

11 июля 1839

Мы были приглашены в дом к исправнику на вечер в честь именин хозяйки дома.

В Березове такой обычай, что по первому приглашению, которое обычно делают с утра, никто не идет, — нас об этом предупредила наша наставница, пани Х. Поэтому мы ожидали вторичного приглашения.

Часов около шести или семи посланец, которого, пользуясь обиходным выражением, здесь называют по-русски *завывала*, пригласил нас официально. Мы пошли в десятом часу и застали уже значительное общество. Мужчины развлекались в первой комнате около столиков для бостона, рядом со стаканчиками с наливкой. Дамы занимали вторую комнату. Все были богато одеты, в дорогих материях, золотых цепях, фермуарах, некоторые в жемчугах. Только

головной убор отличал чиновниц от небогатых: у одних были чепсы, а у других разноцветные платочки, затянутые на голове таким образом, что придавали голове вид дыни. Однако головные уборы эти уже начали отступать от первоначальной простоты. Их обшитые концы, изящно подколотые шпильками с драгоценными камнями, претендуют на приближение к шегольской свободе.

Девушки заняли красный угол под иконами. Это место почетное, о котором никогда не забывает хозяйка, если хочет кому-нибудь оказать почет в своем доме.

В Березове есть один обычай, который прямо противоречит принятым у нас традициям. Там девушкам оказывают честь в первую очередь. Именно им сначала подают чай, варенье, их усаживают на почетное место. Странно мне было смотреть, как 10-летняя девочка идет впереди своей матери и понимает, что именно ей принадлежит право первенства.

Перед диваном был большой стол, заставленный разного рода вареньями и кедровыми орехами. Хозяйка по очереди угощала ими дам. Только что вошедшую приветствовали, подавая ей варенье, и с нее начиналась новая очередь. Мужчин же щедро угощали вином и наливкой.

Вокруг дам стояла такая тишина, что шелканье кедровых орешков раздавалось по всей комнате. Постепенно самые смелые начали перешептываться, это подтолкнуло всех остальных, и в конце концов тишина сменилась глухим говором.

Видимо, все уже собрались, потому что начали разносить чай с превосходными пирожными. Следует признать, что жительницы Березова отличаются в этой части кулинарного искусства: они делают пречудесные бисквиты, вафли, миндальное печенье, французские булочки, однако подают их только женщинам; мужчины отлучены от булочек, варений, что возмещается спиртными напитками.

Через некоторое время после прихода пани Х. разложили бостон для женщин, другая часть компании занялась игрой в *кварку*, прочие развлекались молчанием и кедровыми орешками.

В полночь я хотела уйти, но любезная хозяйка не отпустила меня. Как раз начали накрывать к столу.

В два ночи подали ужин, состоящий из неисчислимого количества кушаний, а так как каждый прием похож на другой капля

до капли, я должна ради гастрономического интереса описать эти блюда. Приступая к этому похвальному делу, я должна, вслед за одним нашим писателем, повторить обращение к моей музе:

Влей в меня вдохновение, каким был охвачен Гомер,

Когда, по примеру старых греков, описывал корабли.

Итак, я вдохновлена и приступаю.

Прием был *a la fourchette*, каждый набирал себе и ел где хотел, с кем хотел и что хотел.

Сначала был подан куриный паштет и рубленое говяжье мясо во французском тесте. Это блюдо обязательное, без которого не обходятся ни одни именины; оно носит в обиходе название *пирог*.

Когда это блюдо было съедено, стол заставили холодными закусками. Там были утки, гуси, по-разному приготовленные, соленые и несоленые; говяжьи и оленьи языки, соленые, свежие; заливные разноцветные ноги, головы с разными украшениями, просвечивающими сквозь прозрачную поверхность желе, а именно с разными листочками и цветочками. Не довольствуясь этими местными запасами, исправница выставила и привозные деликатесы. На столе фигурировала ветчина из Тобольска и холодная поросятина.

Когда первая перемена ушла со стола, подали вторые блюда с соусами. Появились котлеты и различная дичь, все в сладком соусе с изюмом, черносливом и луком.

После этого блюда стол заставили печеностями. Гуси, утки, тетерева, глухари, рябчики, куропатки тесно покрывали весь стол. Телячья печень занимала почетное место.

После печеного подали рисовую кашу, залитую белым соусом из миндаля и молока. Это единственный десерт, обязательный на березовских столах во время каждого угощения, других не знают.

После этого десерта пошли желе, очень прозрачные, украшенные по-разному, но добавление вина и гвоздики придавало им вкус не совсем приятный.

Наконец несколькими сортами печенья угощение завершилось.

Видя столько еды, трудно было поверить, чтобы 30 или 40 человек смогли все это съесть, но посуда из второй комнаты, где был накрыт стол для мужчин, возвращалась пустая.

Вслед за последним блюдом хозяйка вошла в столовую комнату с подносом в руке, на котором было несколько бокалов как для шампанского и бутылка со спиртным. Она приглашала отдельно каждого выпить, а вежливость не позволяла никому отказаться от того, чтобы наполнить бокал за здоровье хозяйки. Все женщины должны были выпить или хотя бы пригубить. Этот напиток шумит как шампанское, розового цвета и делается из малинового сока или из смородинового с добавлением сахара и французской водки. Он очень вкусный. Называют его *аногар*.

Вскоре за здоровье было выпито. Каждый попрощался с хозяевами, и все вместе вышли — комната словно вымела их за двери.

13 июля 1839

Здесь начинают появляться ягоды. Это необыкновенно приятно в Березове, где нет ни овощей, ни фруктов. Княженика — ягода, растущая на четверть локтя над землей, на твердой ножке, цветет розовым цветом, имеет форму и цвет, напоминающие малину, но менее сочная; самым большим ее достоинством является ананасовый запах. Однако добыть ее трудно, хоть и растет она в лесах в великом изобилии, потому что никто не хочет из-за нескольких десятков копеек вести бой в лесу с комарами: здесь ни бедность, ни жадность не заставят людей, как это бывает в цивилизованных странах, мыкаться за горстку денег для удовольствия богатых.

Есть еще ягода, которая называется морошкой, она видом своим напоминает ежевику. У нее прекрасный персиковый цвет, но она менее вкусна, чем княженика. Малины растет немного, и никто ее не собирает. Смородина слишком кислая, и в ней очень много зернышек, из смородины иногда только делают сок. Чаще же местные жители употребляют ягоду, которая называется голубикой (похожа на нашу чернику), и бруснику. Дозревание этих ягод длится аж до зимы, когда уже совсем нет комаров, и поэтому их собирают в огромном количестве и засыпают в бочки, а как только начнутся морозы, высыпают на пол в кладовых до полного замерзания. В таком состоянии их хранят всю зиму и используют для приготовления блюд, делают из них соки или же едят сырыми.

И это единственные плоды, которые дает березовская земля. Правда, надо добавить кедровые орешки. На кедрах растут большие шишки, похожие по форме на сосновые. Под зиму, когда они созревают, их собирают, толкут палками, и каждый зубчик

отскакивает отдельно. Такие зубчики и называют орешками: под достаточно тонкой скорлупкой находится небольшое ядрышко, масляного вкуса, со смолистым запахом. Местные жители очень любят это лакомство, сдается, что больше по привычке, чем из-за вкуса. Без него не проходит ни одно торжество, им скрашивают долгие зимние вечера, и свет был бы не мил, если бы, набрав их на тарелку либо в фартук, каждый для себя, все домашние не отдали бы нескольких часов милой забаве — грызть кедровые орешки и засыпать весь пол выплюнутыми скорлупками.

Жительницы Березова столь неряшливы, что ореховые скорлупки всегда бросают на пол, от чего остаются пятна и вообще по полу ходить становится неприятно. Я не могла смириться с этим обычаем на общем фоне необыкновенной чистоты, царящей в домах.

Ягоды черемухи здесь в большом почете: из них пекут пироги, которые не так уж плохи по вкусу, но есть их неприятно из-за большого количества косточек, которые не выбрасывают, а перемалывают вместе с ягодами.

Из залитой водкой черемухи получается превосходная наливка, вкусом и запахом абсолютно похожая на вишневую наливку.

20 июля 1839

Сегодня я получила первое письмо от моих детей. Паулина хочет ко мне обязательно приехать. Я знаю, что не должна этого ей позволить. С того момента, как я получила письмо и знаю, что дети мои живы, что я могу с ними разговаривать из этого далека, все для меня повеселело: и дома, и околицы, и воды, и леса. У меня очень болела голова, и вечером я пошла с Юзей на прогулку. Сильный ветер загнал в лес комаров и мошек. Мы были одни. Это первая прогулка по Березову без мошек, без комаров и без нахалов.

Тишина, одиночество, вечерняя пора, свежесть воздуха и только что обретенная радость словно вливали через все чувства и ощущения какую-то невысказанную отраду в самую душу.

Чудесный прилив естественной жизни, которого я не чувствовала уже давно, давал в душе богатый урожай доверия, говорил мне о доброте Господа. И мне казалось, что я не стала еще его обездоленной дочерью.

Мы шли берегом реки и дошли аж до Вайгулки. Так было хорошо в этом уединенном месте, что даже не хотелось уходить.

Однако возвращаться домой нужно было обязательно. Я донесла до дома милые впечатления от этой прогулки и хотела понежиться в них до утра, по крайней мере уснуть погруженной в них.

Возвращаемся. Переступив порог дома, мы застаем общество пани Х., которая начала нам выговаривать, что мы не взяли ее с собой, ворчащую хозяйку, шумящих детей, вонь подгнившего мяса. Прощайте, милые впечатления от прогулки над рекой! Это был всего лишь мимолетный сон.

Ночью были первые заморозки.

3 августа 1839

Возникла идея прокатиться на лодке по Сосьве. Я люблю воду, люблю плавать, поэтому не отказалась. Исправница, пани Х., я, Юзя и еще две женщины составляли всю команду. Мужчин дома не было, поэтому мы не смогли найти ни одного для компании и нужно было рассчитывать на собственные силы.

Я и пани Х. сидели на веслах, ее служанка, как самая знающая дело, была рулевым. Мы счастливо переплыли реку и высадились на противоположном берегу, сухом, песчаном, поросшем травой и ивами. Я намеревалась исследовать низкий берег Сосьвы, лежащий против Березова, и поискать неизвестные мне растения и кусты.

Высадившись, мы разложили костер, достали из лодки самовар — этот верный спутник всех жизненных актов в Березове. Все нам благоволило, все было хорошо, пока не напали комары, но еще перед их атакой я свернула знамена. Видя, что оборона напрасна, я уселась на землю, спрятав под себя ноги, накрылась с головой платком и в таком положении нетерпеливо ждала конца трапезы.

Через час, напившись чаю, мы отчалили, чтобы вернуться назад. Посредине реки — самая свобода от комаров. Плавание по реке здесь единственная возможность побыть на свежем воздухе. Я ожила и вернулась к исполнению своих обязанностей — к веслам.

Как это бывает во всех свободных собраниях, пани Х. самовольно захватила власть, уверила нас, что проведет по самому короткому пути и сразу же посадила на мель.

Нам стоило многих усилий столкнуть лодку на глубину. Прошло несколько часов мозолистого труда. Пани Х. не хотела отступить от избранного ею проекта провести нас кратчайшим путем, но, несколько раз посадив нас на мель, она вынуждена была отказаться диктовать нам свою волю. Мы возвратились на

глубину и прибыли к месту назначения с глубочайшим удовлетворением от того, что наша одиссея счастливо завершилась.

Пани Х. оправдывалась перед всеми, что это не ее неумение, а стечение обстоятельств было причиной неудачи нашей экспедиции, я же, признав в душе превосходство мужчин, приняла решение никогда больше не спускаться на воду исключительно в обществе прекрасного пола.

От этой поездки остались у меня пузыри на ладонях от весел и боль в суставах, докучавшая мне всю ночь.

Вода на Сосьве начала спадать.

В Березове вода весной очень высоко поднимается, но больше всего меня удивило, что такая высокая вода стоит аж до августа. Какие бы огромные запасы снега по лесам ни подпитывали долго реки, впадающие в Сосьву, однако весь снег в окрестностях Березова и выше тает в июне. Уральские горы хотя и сохраняют снеговые запасы в течение всего лета, но они находятся ниже и не могут питать Сосьву. Следовательно, предполагаю я, самая вероятная причина длительного подъема воды та, что земля никогда не оттаивает до грунта, не всасывает воду, поэтому вода убывает лишь на столько, сколько может уйти по руслу Оби. Ветер, дующий с моря, не только сдерживает ее, но часто посреди лета, когда сильно задует на несколько дней, вода поднимается на еще более значительную высоту, чем весной, и заливают берега.

Сегодня уже совсем осень: листья на деревьях пожухли, трава тоже, реки вернулись в свои берега, оставив обширные побережья, залитые в течение нескольких недель глубокой водой, совсем голыми, грязными, топкими, без чистой воды и зелени, что производит впечатление очень невеселое. Березов теперь снял с себя свое весеннее нарядное одеяние, и это его очень портит. Он выглядит как старая актриса, которая, сыграв роль молодой и прелестной княжны, сбросила с себя красивые одежды, стерла румяна и белила и в будничном замызганном халате села, уставшая, у камина, среди старых вещей, разбросанных в беспорядке, которые еще час назад, подчеркивая ее прелести, вводили всех в заблуждение.

Однако все имеет свои хорошие и плохие стороны. Воздух теперь приятнее, чем летом, комары попрятались, и, следовательно, можно ходить на прогулки.

Я пошла в лес одна, потому что у Юзи не было желания. Нашла несколько рыжиков, что придало мне охоты искать далее. Я зашла в лес достаточно далеко и потеряла из виду берег. Солнце не светило, и я начала бояться, как бы не заблудиться, что в этих краях нередко случается даже с местными. В лесу нет ни дороги, ни какого-нибудь строения, ни придорожного креста, ни краешка поля, которые могли бы помочь заблудившемуся.

Я начала двигаться в сторону реки, как мне казалось, но все же не была уверена, что я не заблудилась. Лес казался мне все более диким и густым, но вскоре я вышла к какому-то оврагу, по дну которого текла струйка ручейка; заметив, в какую сторону он течет, я уже была уверена, что, идя по склону оврага, я должна буду выйти к реке. Берега оврага сильно заросли, протискиваться сквозь эти густые заросли было трудно, и я спустилась на дно оврага, где зарослей не было.

Едва я сделала несколько шагов, как овраг начал расширяться, — как бы узкий краешек лужайки раздвинулся у ног, и чудесная растительность заняла место крутых и голых обрывов. Вековые лиственницы, спуская сверху свои длинные ветви, осеняли это укромное место. Может, я бы и задержалась там подольше, отдохнула бы, но меня тянуло как можно быстрее выйти из леса, и я пошла дальше.

Дальше овраг поворачивал в сторону, и когда мне открылось заслоненное прежде пространство, я с величайшим удивлением и не скажу что с удовольствием оказалась среди нескольких остояков, стоявших лицом к лиственницам, изображавших какие-то пантомимы и лепетавших что-то на непонятном мне языке.

Я уже знала, что остояки, следуя обычаям своей древней шаманской веры, поклонялись лиственницам, и сегодня, хотя и скрывают это от людей нашего вероисповедания, приняв христианский обряд, все же не отрекаются полностью от старых обрядов и тайно их соблюдают. Они собрались в этой долине, конечно же, ради этой цели. Меня охватила тревога, я подумала, что, может, они захотят избавиться от меня, чтобы я не выдала их тайны. Я не знала, как далеко в этом отношении могли завести их обычаи. Если бы я могла убежать, то, разумеется, убежала бы, но отступить уже не было возможности, потому что меня увидели; пройти мимо я тоже не могла по причине высоких и крутых берегов.

Поэтому мое лицо приняло спокойное выражение, и, хотя и с внутренней тревогой, но я прошла между ними.

По их лицам пробежало какое-то удивление, но ни один из них не сказал мне ни слова. Как я и надеялась, я удачно вышла по оврагу на берег реки невдалеке от Березова.

6 августа 1839

Подобные блуждания и даже исчезновение людей — не такая уж редкость.

Я познакомилась сегодня с одной чиновницей, мать которой два года назад, отправившись собирать ягоды с подругами, отбилась от них и потерялась.

Несмотря на поиски от нее до сих пор не нашли ни следа.

Расскажу об одном случае подобного рода, который имел место несколько лет назад. Повела мне о нем сестра той, что играла в этой истории главную роль.

Случилось это в Кондинске, что стоит на Оби выше Березова.

Во время созревания ягод одна из местных жительниц пошла с приятельницами по ягоды. Через какое-то время она так отделилась от остальных, что напрасно кричала, аукала — ни один голос не ответил ей. Тогда она пошла, как ей казалось, в сторону дома, но уже и ночь наступила, а она все не могла добраться до берега реки, течение которой довело бы ее до дому.

Когда стало совсем темно и, поняв, что заблудилась, она потеряла надежду выйти из леса до утра, она залезла на дерево, где, как она думала, будет безопаснее, и так переночевала.

Весь второй день ушел на поиск дороги, но — напрасно. Однажды потеряв нужное направление, чем дальше она шла, тем все больше уходила в глубь леса.

Мучил голод, оставляли силы. Ягоды были единственной едой и питьем. Напрасно она надрывала голос, напрасно кричала — только глухая тишина отвечала ей эхом.

Надежда ее оставила, голод истощил силы. Она видела перед собой неминуемую смерть, но и та представлялась ей каждый раз в другом виде. Она видела себя то умирающей с голоду, когда не будет уже ягоды, то замерзающей от холода, то в когтях дикого зверя.

У нее уже не было силы ни кричать, ни искать дорогу; физическое изнеможение и отчаяние отняли у нее деятельность духа,

и она целыми днями сидела, скорчившись, только голос желудка инстинктивно выводил ее ненадолго из этого болезненного состояния, и тогда она собиралась, ела немного ягод и вновь возвращалась к первоначальной неподвижности.

В таком положении она провела 8 дней.

На девятый день, когда она собирала ягоды, послышался треск сухих веток. Все ее внимание сосредоточилось в слухе. Надежда придала ей силы. Треск все приближался. Через несколько минут ожидания она увидела приближающегося медведя.

Первым ее чувством был страх, но вскоре он прошел. Она подумала, что, может, Небо из милости посылает ей скорый конец вместо долгого умирания. Потом место страха заняла спокойная отрешенность.

Медведь приблизился к ней на несколько шагов — она осталась на месте, не шелохнувшись, и ждала последней минуты. Но медведь прошел мимо, не причинив ей зла, и спокойно пошел своей дорогой.

Когда страх окончательно прошел и уступил место разуму, женщина эта припомнила веру своих предков в то, что если медведь покажется заблудившемуся, — всегда выведет его на добрую дорогу.

Эта мысль пронеслась у нее в голове со скоростью молнии. Надежда возродила ее отвагу, и, собрав все силы, она пошла за медведем.

Медведь шел медленным шагом, часто на нее оглядываясь, но видя, что она идет за ним, не прибавлял, не замедлял шаг.

Когда они так прошли часть леса, силы стали оставлять бедную женщину, она уже чувствовала, что вынуждена будет отстать от своего проводника, ибо не могла идти далее. Она сделала еще несколько шагов из последних сил — и впереди, через ветви деревьев, увидела что-то вроде воды. И в самом деле, это был небольшой ручеек.

Луч надежды озарил ее сердце — она знала, что, если пойдет берегом ручья по течению, дойдет до русла реки, а где река — там и людские поселения.

Едва она подумала об этом, остановившись над ручейком, посмотрела на своего проводника и увидела, что он рысью устремился в глубь леса. И тогда она, подкрепившись немного ягодой и отдохнув, отправилась вдоль по-над ручьем.

Еще одна ночь застала ее в этом лесу, однако же на другой день она дошла до устья ручья, до реки.

Не имея силы идти дальше, она села на берегу, устремив взгляд на реку, смотрела, не увидит ли какую-нибудь лодку.

Целый день просидела она в напрасном ожидании.

На другой день (это был уже 11-й день с того момента, как она потерялась) она услышала лай собак и выстрелы из ручного оружия. Хотела кричать — но настолько потеряла голос, что за три шага никто бы ее не услышал; поэтому она пошла в сторону выстрелов, которые часто повторялись. Казалось, что стреляли достаточно близко, но она так и не смогла встретить ни одного стрелявшего, потому что стрелявшие не стояли на месте, а переходили с одного места на другое, и когда она добредала до того места, откуда слышался выстрел, не находила там уже никого. Наконец выстрелы стали отдаляться, но она не рискнула идти им вслед, опасаясь отойти от реки и вновь заблудиться. В конце концов все затихло, и она потеряла и эту последнюю надежду.

После этих тщетных попыток она вновь вернулась к реке с чувством утраченной надежды. Грустная, она вновь села у реки, думая, что судьба играет злую шутку с ее чувствами. Она была утомлена и почти что в отчаянии. Снова устремила глаза на воду, и какова же была ее радость, когда она увидела лодку, а в ней несколько человек.

Она напрягала голос, чтобы закричать, однако напрасны были ее старания: из ее груди не вырвался ни один звук.

Она была в отчаянии, думала, что и эта помощь пройдет мимо, как и первая, и осознание этого сделает ее смерть еще более ужасной.

Она чуть было не бросилась в воду, чтобы падением своего тела привлечь внимание людей в лодке, но река широкая, звук падения не долетел бы до них, и этот риск мог быть напрасным.

Лодка уже должна была с ней поравняться, и уже почти проплыла мимо, как у нее в голове блеснула новая мысль. В мгновение ока она сдернула с головы шелковую красную косынку, привязала ее к палке и начала махать.

Счастье, что на сей раз женщину заметили — лодка приблизилась и забрала ее. Те стрелявшие, которых она слышала, и люди в лодке принадлежали к одной компании, которая специ-

ально отправилась на ее поиски. Муж, дети и родные не переставали искать ее все это время, но когда их поиски ни к чему не привели, они привлекли соседей, знакомых, и все вместе отправились одни лесом, другие водой, стреляя и аукая.

Женщину едва узнали ее родные — такая она была изможденная.

18 августа 1839

Дождь, холодно. Весь день вышивала по канве. Я страстно полюбила это занятие — времени за ним совсем не замечаешь. Мысли отдыхают, счет ниток занимает все внимание, и нельзя думать ни о чем другом. Вечер проходит за чтением — на счастье, у меня достаточно книг из Тобольска.

В Тобольске сформировалась достаточно хорошая библиотека из книг на польском, русском и французском языках. Граф Петр Мошиньски заложил ее основание, оставив при своем отъезде книги, чтобы ими могли пользоваться другие. С этого времени собрание ежегодно увеличивается благодаря тому, что из Санкт-Петербурга присылают новые книги на деньги, пожертвованные тобольскими литераторами. Эти книги собирают в одном месте, они не являются собственностью никого конкретно, все имеют право брать для чтения те произведения, которые им нравятся, и по каждому требованию хозяин той или иной вложенной суммы имеет право, если захочет, изъять свою собственность, вложенную когда-то денежным взносом, в перерасчете на те книги, которые ему нравятся.

Благодаря этому книжному собранию моя мысль не испытывает голода. В Березове в присутственные места приходит газета «Северная пчела», благодаря которой до нас, в этот городок, долетает эхо из другого мира.

В самом Березове я нашла огромное количество книг, на что никак не могла рассчитывать. Среди местных жителей ходит значительное число романов на русском языке, как оригинальных, так и переведенных с французского, и чем они искусственнее, чем нелепее, тем с большим интересом их читают.

Пристрастие к романам и сказкам огромное. У каждой семьи есть свой излюбленный рассказчик, которого слушают долгими вечерами. Когда он приходит и располагается, чтобы начать рассказывать, весь дом, хозяева и слуги, старые и малые окружают

его: одни сидят на табуретах, другие на полу, только бы поближе, только бы не пропустить ни одного слова, хотя в результате частого повторения все знают излюбленную сказку наизусть. Часто выражения, состоящие из бессмысленных слов, повторяются аж до тошноты, и чем бессмысленнее, тем чаще и тщательнее они повторяются.

Женщины, умеющие читать, очень любят романы. Меня не раз забавляло, как сибирская любительница литературы, вылезая из-за занавески у кровати, где она пряталась, чтобы свободно почитать, с книгой Арлинкура в руке выливает из своих уст на домашних поток выражений, от которых зарумянилась бы не одна торговка на наших базарах.

Ночи уже совсем темные. Воздух холодный, как у нас в октябре.

Самоеды с берегов Ледовитого океана пришли сюда за водкой. Березов — это последний населенный пункт к северу, где есть склады водки. Жители этой северной зоны так страстно любят этот спиртной напиток, что часто, не колеблясь, преодолевают путь в несколько сотен верст, чтобы им угоститься и, если получится, привезти его домой.

Самоеды выше ростом, красивее остяков. По выступающим щекам, маленьким глазам в них можно признать потомков монгольских племен. Они высоко подбривают волосы на голове, спадающая сверху шевелюра закрывает лоб наполовину. Подбородки не зарастают волосами, потому что у самоедов, так же, как у остяков, в обычае выдергивать волосы до тех пор, пока они вообще не перестают расти.

Язык самоедов совершенно иной, чем у соседей-остяков, они говорят очень неразборчиво и через нос, и это не недостаток их — такова особенность их наречия.

По характеру они более энергичные, чем остяки.

Образ жизни этого народа мы практически не имеем возможности понять. Они занимают самую северную часть Западной Сибири вплоть до берегов Ледовитого океана. Земля там низменная и болотистая — на ней не растут уже высокие деревья, только карликовые. Поэтому у самоедов нет столько топлива, сколько у остяков, и лес не оберегает их от холода. Тонкие ивовые прутья служат им единственным топливом, юрты

они ставят на снегу, окутывая их вместо стен оленьими шкурами. Выглядят юрты как пирамиды, и называют их чумы.

Рыба, разное мясо зверя и птицы — это единственная их еда. Олени являются главным богатством. Это единственная страховка от голода.

На этих болотах ловится много белых песцов — их шкуры служат главным предметом торговли самоедов, это как монета при обмене товарами, с которой соотносятся все прочие стоимости. Ловят также лисиц различной стоимости, горностаев, белых песцов, уток-гагарок, шейки которых высоко ценятся из-за их красоты, их выделывают на шубы.

Самоеды одеваются оленьими шкурами так же, как и остяки, но их одежда больше украшена. Внизу повседневной их одежды — широкая кайма из нашитых узорами разных шкур.

Самоедки носят пояса с огромными медными разрисованными бляхами, которые покрывают их груди, цепляют на себя множество бус, побрякушек, привязывают колокольчики к локтям.

Самоеды — это еще идолопоклонники, они чтят солнце, месяц и все предметы, которые своей красотой привлекают их внимание. Красивое дерево, камень, вода, как только задержат на себе их взгляд, сразу же становятся объектом религиозного поклонения.

Религия их целиком чувственная, они верят в богов, которые объявляются им воочию в образе людей, предсказывают хороший или плохой улов, удачную или неудачную охоту, голод или изобилие.

Не только народные их предания полны этих явлений и предсказаний, но и сегодня их боги не менее к ним благосклонны, чем прежде. Каждый год бог объявляет то через одного, то через другого самоеда глухое пророчество, которое потом кружит по народу.

Чаще всего боги являются в одежде самоедов в лесу или на берегах рек.

30 августа 1839

Мороз был такой сильный, что промерзла земля. Жители Березова удивляются, что до сих пор нет снега.

Все суда, которые отплыли за уловом на море, возвращаются домой. Но этот улов был только в торговых целях. Всю рыбу засолили и продали на тобольские суда, которые специально для этого были отправлены на море; домой не привезли ничего.

Одно трагическое происшествие, которое случилось на этих днях, развлекло все березовское общество. Купец из селения Самарово, который вместе с другими был на рыбном промысле, забив свое судно рыбой, возвращался домой. Случайно он сел на мель, а из-за того, что сплавщики не справились с его спасением, судно с рыбой затонуло. Хозяин и все люди спаслись на лодках, которые были привязаны к судну.

После этой катастрофы купец вернулся домой. Жена, как обычно, поставила самовар, соседи сошлись, чтобы поприветствовать вернувшегося, но никакие уговоры не могли развеять черной тоски, которая наполнила его душу после этого случая.

Прежде чем подали чай, он вышел на минутку из избы. Через несколько минут вбежал кто-то из домашних с известием, что хозяин повесился.

На эту весть все, испуганные, выбежали толпой, в самом деле, нашли купца повесившимся, вовремя обрезали веревку и возвратили к жизни придавленного.

Когда прошло замешательство, вызванное этим происшествием, вернулись в избу, которую покинули. Какое же зрелище ожидало несчастную мать! Самовар опрокинут, трехлетний сын, весь в пузырях, корчась от боли, катается по полу, залитому кипящей водой.

На другой день ребенок умер. Спасенный купец все же нашел в себе достаточно силы, чтобы пережить потерю и рыбы, и сына, которого, говорят, он очень любил.

1 сентября 1839

В Березове есть такой праздник, называемый *капустка*. Березовские хозяйки сажают капусту, и хотя по причине короткого лета она не завивается в кочаны, все равно капустный лист используют для борща.

Когда уже наступают морозы, каждая хозяйка выбирает подходящее время, приглашает приятельниц и родных, которые помогают срубить капусту, сносить ее в дом, после чего приносят корыта, и женщины и девочки, вооружившись сечками, проворно принимаются за работу, припевая песенки, кто какие знает.

Порубленную капусту солят и сразу же выносят в подвал, по окончании же работы хозяйка угощает чаем и полдником, после чего играют в разные игры, прыгают, проказничают, развлекаются как кому угодно.

Хозяйки, которые капусты не садят вообще или выращивают ее мало, только для домашней необходимости, рубят ботву редьки и репы и используют ее так же, как капусту. Борщ из всех этих изрубленных по-березовски листьев, не исключая и капусты, очень невкусный.

4 сентября 1839

Один молодой купец, вернувшись из леса запыхавшимся, посеял в Березове панику. Он говорил, что, войдя в лес, чтобы поохотиться, услышал рычание медведя в нескольких шагах от себя, а когда скосил глаза в эту сторону, увидел медведя, пожиравшего черную корову. Естественно, что он бежал оттуда что было духу.

Жители Березова, за малым исключением, — изнеженные труссы. Достаток, легкость добывания всего от остяков за малую цену не побуждают их к борьбе с трудностями. Они любят только легкую охоту, не требующую труда и не доставляющую опасности. Сети, капканы — это их дело.

Хоть эти края и являются родиной медведей, но они редко приближаются к городку, держась подальше, в глубине леса. Однако жители Березова любят рассказывать о них — сказки об этих зверях скрашивают долгие зимние вечера и производят на слушателей впечатление, сходное с впечатлениями от историй с привидениями. Местный миф хочет показать в медведе павшего человека, за грехи превращенного в дикого зверя, сохраняющего, однако, в своем превращении определенную часть человеческих понятий и склонностей. Истории о таких оборотнях всегда оказывают влияние на воображение суеверных сибиряков.

Остяки также относятся к медведям с религиозным почтением, однако воюют с ними отважно. Не раз случалось видеть остяка, покалеченного медведем, — такие происшествия случаются обычно с самыми смелыми.

Есть в традициях остяков один способ охоты на этого зверя, требующий необыкновенной ловкости и смелости.

Обнаружив берлогу медведя, остяк, вооруженный острым ножом, выходит на встречу с ним и старается его раздражить. Когда разгневанный медведь поднимается на задние лапы и идет навстречу обидчику, тот приостанавливается, а когда медведь хочет схватить его в своих объятиях, он приседает и должен распороть медведю брюхо ножом.

Остяки едят медвежье мясо, однако после снятия с медведя шкуры не забывают попросить у него прощения за свою дерзость; потом отрезают лапу, помещают ее рядом со своими домашними богами и тем самым воздают ей религиозную честь.

Медведи в окрестностях Березова обычно темно-бурые. Ближе к морю появляются белые медведи, которые иногда наведываются на стоянки рыбаков. Заканчивается это все тем, что, нагнав страху, они съедают запасы провизии и рыбы, какие только найдут, и спокойно уходят, не причинив никакого зла людям.

6 сентября 1839

Выпало много снега. Березовское общество нарядилось в остяцкие одежды. Впечатление такое, что улицы превратились в зверинцы. Непривычному трудно освоиться с той мыслью, что под этими косматыми шкурами скрываются человеческие особи.

Остяк всей своей внешностью так отличается от людей, которых мы привыкли видеть, что нужно обязательно его увидеть, чтобы представить себе, какое особенное он производит впечатление.

Мужчины этого народа вырывают себе волосы из бороды до тех пор, пока они не утратят способности расти, и поэтому лица у мужчин гладкие, как у женщин. Волосы на голове не стригут, но, разделив их на две части, заплетают в две косы, в которые вплетают длинные шнуры бус. На шее они тоже завязывают шнурок больших бусин, на котором обычно вешают также медный крестик как знак того, что принадлежат к христианской вере.

Одежда их состоит из, прежде всего, рубашки из оленьих шкур, шерстью обращенных внутрь. Эта рубашка называется *малица*. В теплое время или в юрте при огне этого достаточно. В сильные холода они надевают вторую рубашку, так же, как и первая, не распаивающуюся спереди — ее нужно надевать через голову, только шерсть у этой второй наружу, называют ее *парка*. К ней пришит капюшон, который, выходя из юрты, остяк надевает на голову и стягивает ремешком, завязывающимся под подбородком, так что закрывается лоб и часть лица, только глаза, нос и рот оказываются подвластными воздействию ветра. Этот капюшон делают из шкуры, снятой с головы оленя, и на нем торчат на положенном месте уши этого животного.

Рукавицы, тоже косматые, навечно прикреплены к этой верхней одежде, называемой *парка*, только изнутри оставлено отвер-

стие в том месте, где рукавицы соединяются с одеждой, для того, чтобы можно было вынуть руки тогда, когда нет необходимости их прятать. В таком случае рукавицы откидываются на рукава.

Ноги остяка одеты прежде всего длинными чулками из оленьих шкур, шерстью обращенных к телу, стягиваются они выше колен, и называют их *чизы*.

На эти чулки надевается обувь также из оленьих шкур, но уже шерстью наружу. Эту обувь называют *пимы*. Делают их из шкур, снятых с оленьих ног, с красиво нашитыми разными полосками. Завязываются они так высоко, что нужно пристегивать ремешками к поясу. Подошвы у них тоже косматые, обращенные шерстью наружу, — это оберегает остяков от скольжения по льду.

Если остяк уезжает далеко от дома в крепкие морозы, то на всю названную выше одежду, то есть на *малицу* и *парку*, надевает еще третью, еще более широкую, тоже из шкур оленя, тоже с капюшоном с торчащими ушами и тоже, как первые две, не распаивающуюся спереди. Это одеяние называется *гусь*.

Одетым таким образом можно легко выдержать 50-градусные морозы. Местные жители не припомнят, чтобы в здешних местах были случаи, когда люди замерзали, что у нас не такая уж редкость при морозах значительно более мягких. Иногда только бывает, что обмораживают лицо; в таком случае его сразу же обкладывают водкой, и все заканчивается красными пятнами, которые через некоторое время проходят.

Остяки и остячки имеют обычай украшать свою кожу наколками с разными рисунками и окрашиванием их голубоватой краской. Сдается, что этот удивительный обычай, общий с обычаями некоторых племен Америки, говорит о связи, существовавшей когда-то между этими двумя столь разобщенными материками. Мысль настолько дикая, неестественная, не вытекающая ни из какой необходимости, разве могла бы случайно родиться в двух головах на двух концах земли, так отдаленных один от другого.

У остяцких женщин повседневная одежда совершенно такая же, как у мужчин, и отличается только занавеской, без которой остячка не может обойтись даже в собственной юрте. В семье есть люди, перед которыми она никогда не должна открывать свое лицо, — это отец мужа и старший брат мужа. В присутствии чужих остячки поднимают свои занавески.

Русские жители Березова, как только наступает зима, тоже переодеваются в остяцкие одежды, особенно когда выходят из дома; только чиновники, вынужденные соблюдать *decor* своего учреждения, носят в городке пальто или шубы, однако в дорогу они одеваются по-остяцки.

Остяки и летом носят ту же самую повседневную одежду, выбирая ту, которая волосом обращена наружу и которая уже хорошенько выношена. Праздничная же одежда летом состоит из рубашки красного или желтого сукна, а иногда белого полотна. Воротник у такой рубашки бывает красного сукна с нашитыми разноцветными бусинками и оловянными бляшками. Такие же украшения и снизу, и на груди. К этому наряду надевают обувь из красного сукна, с острыми носами, очень неудобную.

Праздничная одежда женщин отличается от наряда мужчин. Хоть и носят они, как и мужчины, волосы, сплетенные в две косы, однако не соединяют их друг с другом одним шнурком бус, как у остяков, — обе они своими концами скреплены с грубой и твердой лентой шириной в 3 дюйма с нашитыми бусинками. Эта лента походит на такую же в конской упряжи для повозки, к ней с двух концов и посередине прицеплены как бы кисти из нескольких шнурков крупных стеклянных бус, цветных, ниспадающих почти до земли. В нижней части каждого из этих шнурков привязаны круглые медные бляшки, как у краковских хомутов, которые при каждом движении головы, стучаясь друг о друга, громко бренчат.

Такой головной убор необыкновенно тяжел.

При подобном убранстве головы остячка надевает на тело снизу короткую юбку из цветного сукна, обшитую по подолу галунами, сверху кафтан, тоже из цветного сукна, обшитый широкой каймой вкруговую с бусинками и оловянными бляшками. Этот узкий и короткий кафтан завязывается спереди ремешками. При каждой завязке по обеим сторонам прикреплены маленькие колокольчики такой же формы, как у бильярдных карманов.

Обувь с такой одеждой носят также из цветного сукна с острыми носами, такую же неуклюжую, как у мужчин.

Этот наряд дополняют занавеской из розовой тафты, обшитой каймой из голубой тафты, а также бахромой, или же наоборот. Ею закрывается голова, плечи и часть лица. Занавеска эта называется *вакшим*.

8 сентября 1839

Остяки обычно покупают себе жен. Та, за которую больше заплатили, пользуется большим почетом и сама, и ее родители. Самой низкой ценой за жену является стоимость одного оленя, которая равна 5 рублям ассигнациями. Однако в зависимости от достатка соединяющейся пары цена может значительно повышаться.

Шаманской религией, которой придерживались ранее, да и теперь еще придерживается значительная часть остяков, многоженство разрешено, однако те, кто принял христианскую веру, ограничиваются одной женой. Но помимо христианских, давние обычаи, привычки, суеверия так вошли в традиции этого народа, что остяк без них обойтись не может: они определяют каждый поступок в его жизни. Старая вера как может уживается с новой. И потому крестик на груди и *шайтан* в кармане взаимно не мешают друг другу.

Шайтан — это божок, вырезанный из дерева, одетый по-остяцки во множество рубашек и кафтанов из шкур и других материй, в бусах и с денежкой, привязанной у пояса под рубашками.

Остяк, который не принял еще христианской веры, обязательно держит в своей юрте такого *шайтана*, который занимает почетное место в углу дома. Перед ним первым ставят еду; и только тогда, когда, по их предположениям, бог наестся, остяки сами приступают к еде.

Остяки чрезвычайно почитают лиственницы и медвежьи лапы.

Священнослужителями у них являются *шаманы*, которые имеют большое влияние на помыслы остяков как через обладание определенными секретами, так и через пророчества. В роду *шаманов* из поколения в поколение передается наука определенных шарлатанских действий, которые поражают верящих в них остяков своими чудесами. *Шаманы* в присутствии остяков втыкают нож в грудь, от чего позднее не остается никакого следа, сжигают в огне *бумажки*, а затем достают их невредимыми из пепла и делают множество подобных вещей, о которых я не буду говорить.

Вера в эти чудеса живет не только среди остяков, но и среди русских; незнание поразительным образом настраивает воображение этих народов, вне зависимости от их религии, на веру во все, что удивляет. Чем рассказы чудеснее, чем больше они отличаются

ся от правдоподобных, тем шире круг людей, которые им верят, и тем более рьяно их защищают. Меня уверяли, что *шаман* может разрубить человека на мелкие кусочки, а потом он сложит разрозненные части, помажет какой-то мазью — и возвращает человека к жизни. Мне приводили множество подобных примеров.

У нас шарлатанские проделки утратили уважительное к себе отношение даже у простонародья, ибо жиды, которые ими занимаются, показывая их каждому желающему за несколько грошей, тем самым заставили привыкнуть к ним, снизили их значимость, — но остяки, и даже русские из здешних окрестностей, считают их проявлением сверхъестественной силы.

Пророчества *шаманов* до сегодняшнего дня пользуются большой славой и спросом у жителей разных вероисповеданий; не только остяки, но и русские прибегают к их советам в самых важных случаях жизни.

Шаманы придерживаются той политики, что не прибегают к своему искусству в ответ на каждое к ним обращение: нужно много просьб и хлопот. При этом они не ворожат ни даром, ни за что попало. За каждое свое предсказание они берут не меньше чем стоимость оленя, что соответствует 5 рублям ассигнациями и является значительной суммой для бедных остяков. Именно поэтому к пророчествам прибегают только в крайних случаях, и пророчества и пророки приобретают уважение.

Мне рассказывал один из высших духовных руководителей греко-русского обряда, который своей разумностью намного превосходил своих «овечек», что, объезжая однажды по должности подведомственный ему приход, он попал в метель и был вынужден искать спасения в первой же попавшейся по дороге юрте. Только после того, как его приветили, он узнал от своих провожатых, что находится в юрте известного *шамана*.

Из-за метели он вынужден был задержаться здесь на несколько дней. В большей степени из-за скуки, чем из любопытства, а тем более из доверия, он начал просить *шамана*, чтобы тот ему поворожил. Долго *шаман*, зная о том, кто перед ним, не хотел открывать ему свое искусство, однако же, когда поближе познакомился со своим гостем и немного осмелел, позволил уговорить себя.

Этот священник находится под таким впечатлением от того, что услышал, что до сих пор не может хладнокровно рассказы-

вать, как ему этот *шаман*, не спрашивая у него о прошлом, которое угадал очень точно, предсказал скорое изменение его положения, смерть сына, полного сил и надежд, и дочери, что и исполнилось в течение ближайших месяцев.

Потом он меланхолично добавил: «Все исполнилось, что он мне предсказывал, до последней детали; исполнения оставшегося я ожидаю спокойно, даже смертного часа, который вскоре должен наступить».

Этот рассказ задел меня за живое. Я видела, что он был в убитом состоянии. Я захотела как-то облегчить его состояние, сказала, что считаю остяка слишком самонадеянным, коли он решился на такого рода пророчества, которые хоть и являются выдумками, всегда могут произвести то или иное впечатление.

«В этом моя вина, — ответил протопоп. — *Шаман* долго отказывался удовлетворить мое любопытство, но в конце концов уступил настойчивым просьбам и сказал, что появление первого же седого волоса будет для меня сигналом прощания с этим светом».

Потом он погладил свою бороду и волосы, черные, как смоль, и добавил: «Мне уже 50 лет, но у меня еще, против обычного, волосы не поседели. Видимо, Богу угодно продлить дни моей жизни, но, конечно же, ненадолго».

18 сентября 1839

Я была на похоронах молодой и богатой купчихи, которая умерла в родах, жертвой предрассудков и средств коновалов.

Хотя правительство и прислало сюда акушерку и врачей, однако местное население так предано некоторым суеверным традициям, коим необходимо следовать в самые критические дни человеческой жизни, что ни один здравый совет не может заставить их сразу отвернуться от предрассудков.

Похороны были великолепны. Когда гроб проводили до церкви и поставили там посредине, многочисленная мужняя семья окружила его и хором завела ритуальный плач.

Сначала мать мужа начала кричать очень пронзительно, заходясь от плача и перечисляя достоинства и добродетели умершей, не забывая выразить горе, постигшее всю семью, от такой утраты.

Когда закончила мать, сестры мужа по очереди начали импровизировать свои жалобы, насколько у каждой хватало способностей.

«Как прекрасно пани Н. плачет, — сказала какая-то женщина рядом со мной своей соседке, — ни одна из ее дочерей с ней не сравнится».

«Сегодня — это еще не то, — отвечала соседка. — Если бы ты слышала, как она прелестно плакала на похоронах своего покойного мужа. Можно, не погрешив против истины, сказать, что никто в нашем городке с ней не сравнится».

Этот выученный плач производил впечатление, противоположное своей цели. Сцена печальная, серьезная утрачивала свою торжественность и превращалась в какое-то театральное представление, особенно для тех, кто знал, что умершая не была любима в семье мужа. Но три маленькие дочки, которых она оставила сиротами, и внезапное несдержанное отчаяние мужа сжимали сердце.

Из Спасской церкви, где проходила служба, мы все отправились в похоронном кортеже на заручейное кладбище, где тело было положено в семейную могилу.

Те же самые особы, что и в церкви, на могиле снова оплакивали свои печали, пока труп не присыпали землей; после этого все кончилось, и, спокойно разговаривая со знакомыми, все вернулись домой.

Березовская Спасская церковь богата, обширна, но росписи ее безобразны. Головы у святых чудовищно огромны, все в пепельном цвете, конечности немилосердно покалечены. К счастью, золотые и серебряные одежды и другие украшения, сделанные из ценных металлов, частично скрывают уродливость живописи.

На сегодняшнем погребении одно происшествие очень взволновало общественность здешнего городка.

Здесь находится женщина, сосланная из России несколько лет назад не знаю за что, она производит впечатление очень набожной и носит монашеские одежды (*черницы*). И вот эта женщина подняла и спрятала платочек, который в толпе обронила с плеч какая-то девушка.

Казак, шедший рядом, заметил эту кражу, и не только он вынудил отдать взятую вещь, но и все общество пришло в негодование и хотело запретить этой женщине даже появляться в церкви.

Вмешалось духовенство и запретило распространять месть так далеко.

Целый день только и говорили что об этом неслыханном происшествии.

В Березове случаи кражи неимоверно редки. Ни один из местных, ни остяк, ни русский, не был еще замечен в подобном прегрешении. Если такое и обнаруживалось, то абсолютно точно, что это «фрукт привозной». Сосланные иногда понемногу крадут, но эти мелкие кражи тотчас же обнаруживаются благодаря отсутствию сообщников и ловкости в сбыте украденной вещи. Традиции так же, как и сама местность, оберегают березовских жителей от этой напасти.

Собственность каждого находится здесь под охраной всеобщего доверия, в домах нет даже замков, однако ничего не пропадает.

Жители Березова на все лето выпускают крупный рогатый скот и лошадей на пастбище в лес (за исключением коров, которых доят), не беспокоясь о том, где они находятся. Только когда выпадет снег, хозяин идет искать свою собственность и иногда находит ее за двадцать и более верст. Ни разу еще не случилось, чтобы остяк или русский злоупотребил этим всеобщим доверием и зарезал чужую корову, хотя иногда, в случае неудачной рыбалки или охоты, остяки, которые не делают никаких запасов в кладовых, испытывают очень жестокий голод.

Скот в Березове, пользуясь большой свободой, выказывает значительно больше сообразительности по сравнению с нашим. Я не раз видела, как целые стада, выев пастбище в каком-нибудь одном месте, все вместе мигрируют на другое. Для этого скотина из нескольких домов, собравшись в одном месте где-нибудь на берегу реки словно на совет, решительно бросается в воду и плывет во главе целого стада, которое бросается в воду по ее примеру, и все выходят на берег на таком острове, где пастбище еще не тронут.

Меня чрезвычайно поразил разум, или, что то же самое, материнский инстинкт у коров.

В Березове принято, как только рождается теленок, отлучать его от коровы и кормить из рук выдоенным у матери молоком. Для этого молоко наливают в миску, погружают туда руку, выставив наружу только кончик пальца. Подсаженный теленок инстинктивно сосет этот палец, а вместе с ним и молоко. Это повторяется несколько дней подряд, прежде чем теленок научится

сам пить хорошо молоко из миски; тогда ему уже не подсовывают палец, а оставляют молоко, которое теленок превосходно пьет.

Это искусственное вскармливание имеет то преимущество, что позднее можно отпускать теленка с матерью, не опасаясь, что у него будет соблазн высосать молоко. Второе то, что корова, у которой отняли теленка, бывает стельной каждый год.

Однако коровы должны понимать, что таким образом они теряют своего теленка, потому, когда приближается время родить теленка, корова использует всю свою хитрость, чтобы выскользнуть от хозяйки, которая запирает ее в хлев и усиливает бдительность, опасаясь, как бы корова не сбежала.

В связи с этим происходят шуточки такие анекдотические, что остается только изумляться. Например, когда корова не может выскользнуть от хозяйки, она притворяется больной, чтобы ей дали больше свободы, показывает всем своим видом, что ей нужна чистая вода, а когда обманувшаяся хозяйка выпускает корову на свежий воздух или к воде, та, идя сначала грустная, повесив голову, вдруг собирается с силами и устремляется в лес с такой скоростью, что ее невозможно догнать.

Убегав за несколько верст, когда уже не видит за собой погони, корова выбирает подходящее место, а родив теленка, прикрывает его опавшей листвой с деревьев; сама же, чтобы не выдать приют новорожденного, отходит пастись далеко.

Если хозяйке не удастся найти сбежавшую, корова таким образом держит теленка в укрытии пару недель, прежде чем тот наберет достаточно силы и резвости, чтобы мог доверять собственным ногам. Только тогда мать вместе с теленком выходит на пастбище, а когда хозяин это обнаружит, он должен собрать всех своих слуг, и пеших, и конных, чтобы вступить в схватку с теленком, который еще помучит пару недель, прежде чем даст себя поймать.

25 сентября 1839

Остяк и остячка после года счастливой семейной жизни приехали в Березов венчаться, но духовное начальство не дало благословения их союзу по причине того, что молодые забыли свои христианские имена.

Остяки, так же, как и прочие дикие народы, пользуются обычно домашними именами, характеризующими, как правило, либо определенную их способность, либо достоинство. Это имя произносят

между своими, так же обращаются к ним русские. Христианские имена вспоминают только при совершении гражданских актов.

Женитьбы остяков совмещают в себе древние верования и христианство. Остяк, заплативший родителям невесты *калым*, или условленную цену, за жену, считается уже ее мужем, берет ее в свой дом, а церемонию венчания, или же благословение священников, откладывают на лучшие времена.

Иногда годы проходят, прежде чем молодые соберутся устроить свадьбу.

Понятия о женитьбе у жителей Березова русского происхождения похожи на представления остяков. Правда, они не платят *калым* за жену, но и не берут за нее приданое; тем не менее жена считается в какой-то мере собственностью мужа. Не раз случилось, о чем мне доводилось неоднократно слышать, что муж по причине пьянства или какой-либо другой страсти убивал жену. Подобный грех вызывает негодование местных жителей. Расценивают его как бесчеловечность, однако никому в голову не приходит, что следовало бы применить к такому убийце всю строгость закона. Убивший жену вызывает негодование едва ли большее, чем тот, кто забивает принадлежащую ему корову.

Во время моего пребывания в Березове было одно происшествие подобного рода.

Один из низших полицейских служителей возненавидел жену по той причине, что в том же доме, где он жил, проживала и его любовница. Все свои доходы он расходовал на эту последнюю, а жена была в полнейшей нужде.

Пришло время его жене родить. По русскому обычаю каждый из навещающих роженицу жертвует ей какую-то сумму денег.

Когда посещения закончились, муж пришел к жене домогаться, чтобы она отдала ему эти деньги; та не хотела отдавать, считая, что это ее собственность. Этот отпор так разъярил мужа, что он, достав подпорку от ружья, отделывал жену до тех пор, пока не удовлетворил свою ярость. На другой день жена, посинев от ударов, умерла, а муж, идя за гробом во время похорон, плакал и перечислял достоинства жены, ее терпеливость и другие добродетели, обвиняя в том, что несправедливо убил жену, свою вспыльчивость.

Это обвинение себя, справедливость, возданная жене, снискала у местных жителей сочувствие к убийце; никто даже не

подумал принести жалобу на это убийство, как если бы это было дело самое естественное.

26 сентября 1839

Остязк и остязчка, живущие отсюда в нескольких десятках верст, привезли крестить своего новорожденного ребенка. Еще только дней шесть, как он появился на свет, а мать после совершенного пути в холодное время была так бодра, как если бы не она родила этого ребенка.

Не могли найти куму, и поэтому наша служанка стала крестной матерью.

Я должна здесь дать представление о том, как остязки ухаживают за своими младенцами.

Роль детской колыбельки играет корзинка из коры, узкая и плоская, выстланная крошками трухлявого дерева. Вместо подушки под голову кладут кору, соскобленную с ивовых веточек. Эту подстилку накрывают оленьей шкурой, и на ней ребенок лежит без пеленок, без белья, прикрытый только или завернутый в ту же самую шкуру.

К корзинке с обеих сторон прикреплены два кусочка шкуры, которые служат как бы дверками. Эти дверки закрываются, когда в корзинку кладут ребенка, и завязываются ремешками — только лицо остается открытым. Таким способом ребенка, прикрепленного в корзинке, оберегают от падений. Во время поездок корзинка с ребенком забрасывается на плечи.

Соскобленная кора молодых веточек, о которой я уже говорила, очень мягкая, остязки ее используют обычно вместо полотенца. Ею утираются после умывания, ею вытирают новорожденных детей, обтерев их сначала снегом.

Остязчки кормят своих детей собственной грудью. Напротив, жительницы Березова русского происхождения не утруждают себя этим. Все березовские дети, за небольшим исключением, не знают ни материнской груди, ни мамкиной. Сразу же после рождения их кормят коровьим молоком, налитым в рожок, в тонкий конец которого вставлен коровий сосок.

Дети так привыкают к этой соске, что с ней спят, с ней растут. На протяжении 3, 4, 5 лет они не отвыкают от соски.

Следует признать, что дети так хорошо растут на этом искусственном вскармливании, будто им всего хватает. Может быть,

именно этому обычаю отбирать детей от груди сразу же после рождения следует приписать значительное увеличение русского населения в этой местности, столь неблагоприятной для жизни. В редкой березовской семье мало детей. 8, 9 — это обычное число. Часто можно видеть более 10 детей у одной матери. Ибо женщины, не кормящие сами, ежегодно одаривают новым потомством.

5 ноября 1839

Мороз сегодня в 30 градусов. Я ездил на прогулку на оленях. Северный олень — это животное не больше рослого двухлетнего теленка, с мордой и копытами, подобными коровьим, с волосами под подбородком, как у козла, с огромными ветвистыми рогами на голове, как у обычного оленя, и коротким хвостом, как у серны.

Ноги у них тонкие, шерсть белая, пестрая и каштановая. Оленей запрягают в сани, называемые *нарты*. Нарты значительно длиннее, чем наши обычные сани. Полозья у них очень тонкие, все крепление не крепкое. Они должны соответствовать силе оленя, у которого ее не очень много. Сверху на креплении нарты прикреплены доски, ровно, как на столе, так, что нет в этих санях углубления, куда можно было бы поставить ноги или где можно было бы положить что-нибудь из вещей. Нужно сидеть как на топчане, спустив ноги набок. Груз, если есть что везти, укладывают на этот топчан, накрывают его оленьими шкурами и увязывают толстыми веревками. Прикрепленный таким образом, груз не выпадет, даже если бы сани перевернулись. Для человека же нет ни поручней, за которые он мог бы держаться в случае опасности, ни подножки — он должен уповать единственно на собственную ловкость, на пружинистость своих конечностей.

Эти сани без дышла. Обычно в них запрягают трех оленей. Небольшая шлейка с одним ремнем, проходящим у оленя под брюхом и привязанным к нартам, составляет всю упряжь. Один повод, заброшенный на рога среднего оленя, служит для управления всеми тремя, так как боковые олени вынуждены идти в направлении среднего.

Когда упряжь уже приготовлена, возница садится на нарты боком, вооруженный тонкой жердью, длиною в несколько аршин, с железным наконечником. Эта жердь используется для остановки

олений на бегу. Для этого возница втыкает жердь в снег, закручивая на нее поводья, и олени вынуждены остановиться.

Северные олени бегут быстро, как ветер. Пригорки, ямы и не останавливают их, и не заставляют замедлить бег, поэтому, чем выше пригорок, тем быстрее олень вынужден с него бежать, потому что, если бы он не убежал от настигающих его саней без дышла, то они влетели бы ему на ноги и переломали их.

Возница не может, или же не умеет, править оленями так, как правят лошадьми. Будь хоть поворот, хоть небезопасное место, олени не замедляют шаг.

Когда я села на нарты и оленей пустили, я узнала неприятные ощущения. Я боялась, потому что увидела, что ни одна разумная сила не может вмешаться и руководить направлением движения, что я полностью зависима от животных. Однако вскоре я несколько освоилась, видя, что нарты не переворачиваются, несмотря на то, что их бросает из стороны в сторону.

Если повороты не очень частые, то это происходит из-за необычайной длины нарт: повторю, что ширина нарт снизу равна ширине сверху. Однако не раз случалось, что нарты переворачиваются, но снова поднимаются, а путешественник в таком случае должен призвать всю свою ловкость, чтобы снова вскочить на нарты, прежде чем олени убегут, ибо в противном случае он должен будет идти пешком до того места, где олени остановятся для подкрепления сил или для перепряжки.

Северные олени питаются мхом, похожим на исландский, не требуют, чтобы им заготавливали корм на зиму: каким бы глубоким ни был снег, они разрывают его копытами и добывают себе корм. Хозяева обычно держат стада оленей по лесам, где достаточно мха, и забирают их оттуда только тогда, когда олени нужны для поездок.

Северные олени не могут переносить жару. В конце апреля или в мае, когда начинают таять снега, хозяева пересчитывают своих оленей, метят молодых и выслают с пастухами к Ледовитому океану в Уральские горы, где снег никогда не тает и где по причине холода нет комаров, которых олени не могут переносить.

Только с первым снегом олени возвращаются на свои зимние стойбища, и только тогда начинают приносить пользу своим хозяевам.

Северные олени очень выносливы в отношении голода и работы. Бегут без привала верст 50 и больше, но, когда чувствуют себя уставшими, падают на снег, и никакие самые сильные удары не заставят их подняться, хоть убей их, пока они не отдохнут хорошенько и не встанут добровольно.

Используя оленя во зло ему, можно проехать без остановки верст 100 и более.

Хозяева, имеющие много оленей, когда собираются отправиться в дальнюю дорогу, расставляют по привалам перепряжки со свежими оленями и таким образом выигрывают во времени, потому что отдых у оленя занимает более 10 часов.

Оленя и в дороге нет необходимости кормить заранее приготовленным кормом. Путешественник может остановиться в любом месте на привал, выпрячь оленей, и те сразу же разгребают снег и находят для себя еду. Инстинкт не подводит никогда.

Олени — это благо для северных местностей. Шкуры старых оленей служат для жителей этих холодных мест бельем, одеждой, постелью, обувью, головными уборами; шкурки молодых оленей, называемые *пешками*, имеют мягкий волос, и их используют для более легкой одежды: подшивают ими тулупы, салопы, шапки; шкурки годовалых оленей называются *неплюи*, из них делают, вывернув их шерстью наверх, что-то вроде тулупов, которые называют *ягами*. Такие *яги* идут на продажу в Тобольск и Ирбит и приносят хорошую прибыль.

Неплюи и *пешки* каштанового цвета ценятся больше всего, и только они идут на продажу. Чем темнее волос на шкурках, тем они дороже стоят.

Мясо оленей, если оно жирное, вкусное, вкусом напоминает мясо косули и лося, однако русские не советуют его есть, по крайней мере, когда едят сами, не очень об этом распространяются. Они испытывают пренебрежение к этому мясу как к пище исключительно для остяков. С удовольствием едят только олени языки.

Северный олень так необходим самоеду или остяку, что его отсутствие воспринимается как отсутствие какой-то части тела. На олене остяк проворен, резв, свободен, храбр, способен преодолеть 1000 верст — без оленя же он как без собственных ног.

При этом в случае неудачной охоты или плохого улова олени остаются единственным средством пропитания.

6 декабря 1839

В Березове во всех жилых домах, за исключением нескольких парадных, вставляют на зиму окна из рыбьей кожи, которые имеют то преимущество перед стеклянными, что с них можно соскабливать намерзший лед. Они пропускают в комнату достаточно света, однако внешние предметы увидеть через них невозможно. Но в этом отношении те, кто ставит окна стеклянные, не выигрывают: изморозь на них оседает таким толстым слоем, что приходится, хочешь не хочешь, ограничить поле зрения предметами, находящимися внутри дома.

Раньше в Березове пользовались окнами из слюды — множество поломанных слюдяных кусочков еще и сегодня валяется на помойках, однако в связи с несложностью доставки сюда стекла слюда вышла из употребления.

Вошло солнце, и над ним словно выросла огненная колонна, ярко-палящая, как если бы солнце плавилось. По этому знаку местные жители предвидели изменение погоды, и мороз, который вчера был $44^{\circ} R$, сегодня упал до $33^{\circ} R$.

Я не могу объяснить себе, почему березовские дома очень теплые, несмотря на то, что неплотно построены, с плохо сделанными окнами. В нашей комнате внутренние окна выбиты, топят всего раз в сутки, однако я обхожусь без ватного халата, потому что не чувствую в нем необходимости. Вероятно, толщина дерева, из которого сложены стены, невысокие потолки и хорошо сложенные печи являются причиной этого.

Дома в Березове строят из кедра, это же дерево прежде прочих идет на топливо.

Смотрю на часы: ровно три часа дня. В течение этого короткого времени, пока светит солнце, дни стоят ясные, но кажется, что ветер дует постоянно.

В Березове нет больших часов, которые показывали бы время для всего города. В полиции есть песочные часы, по ним все и регулируется.

10 декабря 1839

Мой хозяин Козлов и все торгующие жители города выезжают на ярмарку в Обдорск, которая длится целый месяц.

Городок Обдорск — это самый северный населенный пункт Березовского уезда, расположен недалеко от устья Оби, впадаю-

щей в море. В нем очень немного жителей, однако он является важным центром этих северных мест по причине своей ярмарки.

Около половины декабря под Обдорск подтягиваются со своими *чумами* все кочующие народы, как остяки, так и самоеды, не только из Березовского уезда, но и из Енисейской губернии, чтобы совершить необходимые им обмены. С другой стороны, туда приезжают купцы из Тобольска, разносчики из Суздаля и зыряне из Архангельской губернии, привозя товары для обмена с дикими народами.

Зыряне живут по реке Печоре. Они хорошо сложены, отважны и смекалисты. У них своеобразный язык, однако они хорошо говорят по-русски.

Когда выпадет снег и промерзнут реки, эти жители Севера запрягают оленей и через Уральские горы, без дороги, по снежной пустыне преодолевают тысячи верст, чтобы реализовать свои интересы. Они привозят в Обдорск, и даже в Березов, свои плоды и изделия, а именно: масло, шерстяные чулки, сети, веревки, нитки; взамен берут утиный пух, шкуры оленей и других животных, кость мамонта, а иногда даже муку.

Так как все кочующее население Березовского уезда собирается под Обдорском во время ярмарки, березовский исправник приезжает туда для сбора *ясака*, или податей, звериными шкурами, которые надлежит собрать для казны с этих диких народов.

Остяки и самоеды, как и все народы первобытных цивилизаций, делятся на племена, которые на здешнем административном языке называются *ватаги*. Каждая подобная *ватага* имеет своего патриарха, власть которого передается из поколения в поколение по праву наследования.

Этот патриарх, или начальник, разрешает все споры, распределяет подати, собирает их, а все беспрекословно ему подчиняются. В голодные времена или для удовлетворения насущных потребностей начальник должен находить способы для того, чтобы прокормить свою *ватагу*. Случаются нападения сборными силами одной *ватаги* на другую, и побежденная должна заплатить победителю контрибуцию оленями. Правительство вынуждено время от времени усмирять подобные злоупотребления.

Ватага состоит, как правило, из нескольких сотен чумов, или палаток, лучше сказать, семей. Правительство собирает по-

дати и выдает свои распоряжения через посредство таких начальников.

В Обдорске живет обдорский князь. Главное начальство остяков издавна происхождением из его рода. Царица Екатерина II прислала его отцу патент, парадный кафтан и обувь с острыми носами. В важных ситуациях, например, во время приезда губернатора или какого-нибудь другого важного чиновника, князь предстает одетым в свои парадные одежды, с «привилегией» на голове.

Князь живет в деревянной юрте, несколько более приличной, чем у других остяков, недалеко от Обдорска, чтобы ему легче было сношаться с правительством. Живет он так же, как и другие остяки, и воспитание у него такое же. Несмотря на это, остяки относятся к нему с уважением, как к своему господину.

Знаки проявления уважения у здешних народов такие же, как у южных азиатских народов. Например, остяки и самоеды, как и киргизы, желая выразить высшее почтение кому-нибудь в соответствии со своими обычаями, не допустят, чтобы эта почитаемая особа отправляла еду в рот собственными руками: когда они подают еду, то сами ее нарезают и кладут в рот особе своими пальцами вареные кусочки мяса.

Если начальник плюнет, окружающие его опережают один другого, чтобы вытереть место, где упала слюна.

Сырая голова оленя — это величайшее лакомство как для остяков, так и для самоедов, следовательно, всегда самая уважаемая в обществе особа имеет на него право, а именно глава семьи, гость или начальник.

Несколько лет назад тобольский губернатор хотел взять сына обдорского князя и поместить его за счет казны в гимназию, чтобы через него заронить зерно просвещения в этот дикий народ.

Князю через переводчика перевели эту волю губернатора. Возмущенный князь ответил, что никогда добровольно не отдаст своего сына в чужие руки, а если его у него украдут, то он клянется, что из мести готов спалить Тобольск. По причине незнания как языка, так и местного права обдорские князья не пользуются теми исключительными правами, какие власти хотели бы им предоставить. Обдорский князь, несмотря на печатную привилегию, — это самый низший слуга обдорского *заседателя*, и не раз случались по отношению к нему нападки со-

вершенно неприятные, и он вынужден был сносить не только злоупотребления, но и произвол по отношению к себе, на которые был не в состоянии ответить по причине незнания языка.

Остяки и самоеды необычайно добросовестные, правдивые и поэтому доверчивые. Они не соврут ни из-за какой личной выгоды, расплатятся с долгами и обязательствами со скрупулезностью тем более достойной поклонения, что кочевая жизнь, которую они ведут, предоставляет им возможности избежать всех встреч с кредитором.

Исправник, приезжая на Обдорскую ярмарку, посылает вперед себя предписание к собравшимся старшинам, или начальникам, чтобы каждый из них вносил за свою *ватагу* положенный *ясак*, и одновременно посылает приказ, чтобы ни один не отваживался самостоятельно приступить к торговому обмену прежде, чем отдаст подати.

Остяки и самоеды, призванные через старшин, отдают дань, на какую смогли решиться, и лишь затем начинают обмен.

Только неудачная охота бывает иногда причиной недоимок. Самоеды и остяки не знают отговорок и рассчитываются насколько это возможно.

28 декабря 1839

Вот и закончились Рождественские праздники. Здесь нет на этот праздник никаких народных обрядов: ни Сочельника, ни облаток¹, ничего им подобного; закончился лишь шестинедельный пост и начались взаимные визиты и маскарады.

Туалеты березовских дам во время этих праздничных визитов самые роскошные. Не один наряд стоит нескольких тысяч рублей. Здесь можно налюбоваться дорогими китайскими тканями, соболями, золотом, жемчугами, драгоценными камнями, различными прекрасными шубами.

Забава, посвященная исключительно празднику Рождества, которую жители Березова любят страстно, — это передевания, или маскарад.

Начиная со второго дня праздника и до Трех Королей все по вечерам превращаются в маски: от исправника, купцов до са-

---

¹ Облатки. У католиков — круглый листок из пресного теста, образующий приношение, вид тела Христова, Св. Дары (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 2. И-О. — М., 1994. — С. 594).

мых беднейших, молодые и старые — все принимают участие в этой излюбленной потехе.

У богатых в домах есть маски и дорогие наряды, специально для этой цели приготовленные, у бедных тоже есть разная одежда, предназначенная единственно для маскарада; у кого не хватает средств на свой маскарадный наряд, те меняются костюмами, берут напрокат один у другого и, занавесив лица платками, развлекаются так же охотно, как и прочие.

Когда наступает вечер, Березов наполняется компаниями масок, которые пешком и на санях переходят из дома в дом независимо от того, знаком или незнаком им этот дом, и очень благодарны, если хозяин не закрывает перед ними двери. Чаще всего случается наоборот.

Большая часть масок входит в дом, ничего не говоря; проходит по комнатам и выходит, как и пришла. У них великолепная мимика, соответствующая роли.

Сегодняшняя самая знатная компания составила из чиновников и высшей аристократии Березова. Исправник был одет по-казацки, стряпчий — по-гусарски, казначей — по-улански, почтмейстер — в мундире, какие прежде носили канцелярские служители. Доктор был в женском костюме, исправница оделась по-краковски, сестра профессора — не знаю по-каковски, пани Х. с братом — по-турецки.

Эта компания приехала со скрипкой. Я приняла ее. Скрипка сыграла на слух мазурку С..., маски как бы танцевали (нужно иметь в виду, что жители Березова не имеют никакого представления о танцах) — во всяком случае, все очень хорошо развлекались и, проведя у меня часть вечера, поехали дальше.

В Березове существует один обычай, который мне нравится. В каждой семье хранится подвенечное платье как свое, так и своих предков. Это те памятные вещи, которые позволено сейчас надевать во время маскарада.

Эти вещи лучше, чем какие-нибудь рассказы, верно хранят воспоминания о прошлом. Я рассматривала их с нескрываемым любопытством.

29 декабря 1839

Жители Березова очень верят в пророчества, ворожбу и всякие чудеса. Они любят, чтобы им гадали, и выслушивают все

басни с пристрастием, верят в них, не допуская никакой критики, и сами рассказывают о случаях, выходящих за пределы обычного, с такой убежденностью, как если бы они не подвергались ни малейшему сомнению.

Учитель березовской школы рассказывал мне следующую историю, произошедшую с ним, ссылаясь на свидетельства товарища.

Прошлой зимой упомянутый учитель П. Калмыков проводил вечер в знакомом доме в многочисленной компании. Развлечения затянулись далеко за полночь. Была уже глухая ночь, когда П. Калмыков попрощался с компанией и пошел домой вместе с полицейским канцеляристом, чья дорога домой была в ту же сторону, что и дорога Калмыкова.

Когда они проходили мимо судебной светлицы полиции, он сказал, что передумал идти домой, чтобы не разбудить мать, которая уже давно должна была спать, и поэтому он пойдет в полицию и переночует там. После этого товарищ попрощался с учителем, который пошел своей дорогой.

Через несколько минут П. Калмыков вновь увидел прежнего своего попутчика рядом, и тот ему сказал, что не мог достучаться до полиции, чтобы ему отворили, и, не желая прерывать сон своей матери, он решил, не заходя домой, походить по улицам до тех пор, пока в домах не проснутся и не зажгут огни. По окончании своих объяснений он начал просить Калмыкова, чтобы тот, составляя ему компанию, прошелся с ним немного по улицам.

Калмыков отговаривался тем, что ему хочется спать, но в конце концов уступил настойчивости канцеляриста.

Спрятав лицо в воротник пальто, потому что ветер был очень холодный, Калмыков свернул вместе с канцеляристом в боковую улицу. Пройдя пару улиц, Калмыков вновь начал настаивать на том, чтобы вернуться домой.

«Мы уже недалеко», — ответил товарищ.

Калмыков ускорил шаг, чтобы побыстрее дойти до места. Дома мигали перед глазами, но через какое-то время, когда он не обнаружил, вопреки ожиданиям, своего дома, обратил внимание на окружающие его предметы и не увидел знакомой ему местности.

«Где мы?» — спросил он у товарища.

Никто не отвечал на вопрос. Калмыков оглянулся: около него никого нет. Его охватил страх, он перекрестился, посмотрел

рел вокруг и понял, что находится далеко за городом, на пустом берегу Вайгулки.

В эту секунду страх добавил ему сил, он быстро побежал к городку и запыхавшийся прибежал в свой дом.

До этого момента все можно было бы объяснить естественным порядком вещей, но все стало загадкой, когда на следующий день, встретив канцеляриста, Калмыков спросил, почему тот его вчера бросил, не сказав ни слова; канцелярист выслушал его слова с величайшим удивлением, уверил, что, как только расстался с Калмыковым у дверей полиции, вошел в помещение и там переночевал, не возвращаясь больше к своему товарищу.

Ночные сторожа и часть канцеляристов свидетельством своим подтвердили слова канцеляриста.

Калмыков же несомненно был уверен в истинности произошедшего с ним.

Увидев упомянутого канцеляриста, я спросила его об обстоятельствах этого происшествия. Он отвечал мне, что ничего не знает, кроме того, что дошел с Калмыковым в тот вечер до самых дверей полицейского дома, куда без труда вошел и где переночевал.

Это одна из тысяч распространенных историй, которые повторяются жителями Березова с объяснением, где и с кем что приключилось.

Кроме веры в эти исключительные события, они верят, что злой дух, принимая тот или иной обычный в этих местах вид, выкидывает коленца неосторожным. То в виде сороки без хвоста вынимает во время сна у беременной женщины плод, если та для осторожности не заслонится мужниной рукой или хотя бы его одеждой; то в виде зверя он показывается охотнику и, соблазняя его легкой добычей, заводит в глухие места, и во множестве других образов.

Все также уверены в том, что, начиная с Рождества и до Трех Королей, можно в определенным способом установленных зеркалах увидеть того, о ком думаешь, хотя бы он и находился за сотни миль. Вера в это сверхъестественное явление настолько сильна, так несомненна, подтверждена столькими живыми примерами, что только боязнь общения с нечистой силой и недоверие силам собственным в присутствии вызванного призрака сдерживают интересующихся.

Меня взяла охота испробовать, что же дало повод стольким сказкам. Я попросила, чтобы для меня установили известным способом зеркало.

Соблюдая всяческие условия, мне сказали ждать полуночи; когда полночь приблизилась, установили на столике зеркало, поставили перед ним две зажженные свечи и дали мне в руку еще одно зеркало, повернув его зеркальной поверхностью к первому. Мне сказали держать его так, чтобы мое лицо не отражалось в зеркале, только чтобы глаза через верх зеркала, которое я держу в руке, могли видеть предметы, показавшиеся в зеркале, стоящем на столике. После чего меня оставили одну и закрыли дверь, ибо таково было последнее условие.

Я сразу же увидела в упомянутом зеркале две шеренги зажженных свечей, теряющихся в далекой перспективе, а между ними длинный коридор, темный в своей бесконечной глубине. Вследствие того, что я напрягала глаза, иногда передо мной маячили какие-то фигуры, но четкой была только усталость глаз, ослепленных сиянием свечей, многократно отраженных в зеркалах, на фоне глубокой темноты.

После скучного получасового ожидания я встала, естественно, ничего не увидев. Эту неудачу все окружающие объяснили отсутствием веры.

Когда я вернулась домой (ибо описанное выше происшествие случилось в чужом доме) и рассказала о своей попытке, моя хозяйка и ее дочери стали меня уверять, что, видимо, зеркала были плохо установлены, и предложили повторить попытку. Я охотно согласилась, скорее с целью излечения моего окружения от суеверия, чем из любопытства.

Все сделали так же, как в первый раз, и оставили меня одну. Я снова долго сидела и ничего не видела, кроме двух рядов свечей и длинного коридора.

Я была утомлена скукой и сделала движение, чтобы встать от столика, когда вдруг небольшая фигурка как бы вскочила и вбежала между свечами на середину упомянутого коридора. Это появление миг пробудило все мое внимание, и я снова села и начала присматриваться. Это была настоящая человеческая фигурка, только очень маленькая. Кроме черт лица, которые были очень четкими, остальная часть фигурки так сливалась с черно-

той коридора, что ни одежды, ни очертаний тела различить было нельзя.

Эта фигурка, появившись ненадолго перед моими глазами, снова исчезла между свечами, а на ее месте через некоторое время оказалась другая, которая, позволив вволю налюбоваться собой, исчезла, как и первая, уступив место третьей, четвертой и т.д.

Все эти фигурки были на одно лицо, только у одних лицо было вытянутое, у других круглое, одно чуть побольше, другое чуть поменьше, но все они были на один лад и с одинаково уложенными волосами.

Хоть эти лица и были миниатюрными и, казалось, не имели ничего похожего на меня, все же однообразие манер и прически дало повод для мысли о том, что, несмотря на мои старания, моя собственная персона отразилась где-то в зеркале, а затем, посылая многократно отражения с одного зеркала на другое, оказалась в конце концов видоизмененной различными наклонами света.

Чтобы увериться в этом, я положила руку на голову — и все фигурки, показывающиеся позднее, имели на голове белые повязки. Продолжая эксперимент, я надела на голову чепец (сначала я была с непокрытой головой).

Изменив один раз положение, я потом долго сидела, так и сяк поворачивая зеркало, но мне ничего в нем не показывалось, и я хотела уже бросить все это, как, наконец, вновь попала в то же положение, что и сначала, и начали выбегать фигурки в шапочках.

Кроме этих движущихся фигурок, я увидела башню с галереями значительных размеров. Не видя вокруг себя никакого предмета, который дал бы основание для этого изображения, я додумалась, наконец, что уголок зеркала, разбитый и заклеенный узкими полосками белой бумаги в расколотых местах, многократно отраженный в зеркалах как в калейдоскопе, и сотворил правильную фигуру как бы многоэтажной башни.

Я думала, что эти мои объяснения уменьшат суеверную веру жителей Березова в сверхъестественное явление. Случилось обратное. Все хором закричали, что я видела своих собственных детей, только, будучи в ослеплении, не хотела верить очевидным вещам; а так мои опыты только увеличили массу сказок, бытующих среди населения, о видениях в зеркалах.

1 января 1840. Березов

Колокольный звон возвестил о наступлении нового года. Вслед за ним начались визиты знакомых мужчин с поздравлениями и пожеланиями на наступивший год. Я тихонько вздохнула и подумала: «Скорее бы он прошел!»

Несколько позднее начались церемониальные визиты наряженных дам; на вечер я была приглашена в дом исправника, где собралась березовская аристократия.

Компания была многочисленная, прием, как всегда, щедрый. После кофе, чая, варений, кедровых орешков и разных деликатесов вспомнили о развлечениях иного свойства.

В Березове, где подобного рода развлечений еще нет, как только соберется значительная компания, начинают играть в «малые игры». Исключительно на Новый год играют в игру, которая называется *подблюдные песни*. Проходит она следующим образом.

Каждая из особ, вступивших в игру, должна отдать какую-нибудь безделушку, сделанную из цветного металла, будь то сережка, колечко, пряжка, шпилька или что-либо в этом роде. Все эти вещички собирают и складывают в глубокую тарелку.

Когда все играющие рассядутся в кружок, одна из дам, знающая слова *подблюдных песен*, берет эту тарелку, накрывает ее салфеткой и, сжав снизу ее концы, начинает петь, помахивая в такт этой тарелкой, которую она держит в одной руке, как тамбурином, с той целью, чтобы сложенные в тарелку вещи перемешивались и меняли свое место. Каждый играющий, кто только умеет, присоединяет свой голос к голосу примадонны, и таким образом составляется очень громкий хор, и если не всегда стройный, то всегда веселый.

После каждого куплета, содержащего какое-нибудь предсказание, один из играющих приближается к упомянутой тарелке и через салфетку, наугад, берет колечко или сережку — что ему под руку попадет.

В этот момент все с любопытством подходят ближе и с увлечением пытаются отгадать, кому принадлежит этот фант, а его хозяин должен принять на себя услышанное предсказание — злое или доброе, лестное или насмешливое.

После каждого куплета начинаются смех, шутки, аллюзии, а чаще всего начинают разгадывать содержание предсказания, со-

относя его с известным всем положением той особы, для которой выпал этот куплет.

6 января 1840. Березов

Накануне Сочельника Трех Королей в Березове заканчиваются маскарады. Последний день проходит в самых роскошных нарядах.

Наутро, то есть в Сочельник Трех Королей, наша хозяйка вошла со святой водой и кропилом в руке. Я спросила ее, что это значит. Она ответила, что вместе с масками в дом нашло полно дьяволов, исключительно их силой маски крутились и скакали, что сейчас, когда кончилось их время, дьяволята имеют обыкновение прятаться по углам дома и оттуда отпускать разные шуточки людям.

Однако она уверила нас, что мы не должны волноваться, ибо она справится со всеми дьявольскими проказами. Говоря это, она начала кропить святой водой все углы, за печью, на печи и под кроватями с величайшей скрупулезностью, смеясь над тем, какой душ она устраивает этим проказникам.

Ночью была сильная буря, ветер тряс оконные ставни. Наутро хозяйка пришла ко мне с торжествующим видом, относя этот ветер на счет нечистых сил, которые, будучи выгнанными из дома святой водой, хотели вернуться назад через окно, но не смогли этого сделать по той причине, что в доме не осталось ни одного неосвященного угла, и гнев свой выместили на ставнях.

Жители Березова постоянно живут среди незримых сил, которыми их окружает воображение, полное глубокой веры в сверхъестественное. Тот, кто захотел бы силой разума разбить эти детские фантазии, мог бы уничтожить самую поэтическую составляющую часть их жизни.

Мне рассказывал молодой человек, учитель березовской школы, что в прошлом году, когда были исчерпаны все идеи маскарада, ему в голову пришла мысль вымазаться сажей, одеться во все черное и пришить хвостик.

В таком наряде он ждал в своем доме, а когда на нескольких санях к нему приехала компания масок, он спрятался в сенях; когда маски поехали назад, он незаметно смешался с ними и вскочил в сани вместе со всеми.

Можно себе представить всеобщий страх и все его последствия, когда эта компания, подъехав к другому дому, обнаружилась в своем обществе товарища с хвостиком.

В несколько минут сани опустели, а маски, разбегаясь в разные стороны, разнесли ужас по домам, в которых искали убежища.

Тот же самый школьный учитель объяснил мне секрет появления того медведя, о котором я вспоминала выше и который так всполошил трусливых березовских жителей, что в течение недели никто не смел войти в лес.

Говорил мне вышеупомянутый учитель, что однажды, возвращаясь с охоты, он наткнулся на место с таким обилием ягоды, что даже лег на землю отдохнуть от трудов и одновременно утолить жажду. Через несколько минут послышался треск веток, и, приподняв немного голову, чтобы выяснить, что произошло, он увидел хорошо ему знакомого березовского купца, который с дробовиком на плече тоже ходил на охоту.

Не имея никакого желания разделить с кем-нибудь свой банкет, он додумался изобразить рычание медведя, чтобы испугать купца. Мистификация удалась отменно. Купец не только принял голос учителя за рычание медведя, но и уверил всех, что собственными глазами видел, как медведь пожирал черную корову. Черный сюртук учителя определенно послужил основанием для подобного привидения.

В Березове от Рождества до Трех Королей постоянные праздники: их отмечают бездельем, пиршествами и развлечениями. Вместо танцев здесь в обиходе, как я уже говорила, «малые игры»; некоторые из них нам знакомы, например, «Дарованы»; некоторые народного происхождения: «Царь», «Хороводы», «Бояре». Опишу только некоторые из них, ибо все прочие — того же рода.

Игра «Хороводы» происходит таким образом. Играющие выстраиваются в круг как для мазурки и начинают игру, торжественно кружась и хором напевая специально для этой игры придуманные стихи. Продолжая петь, хор вызывает одного человека, который выходит в центр круга и торжественно прохаживается, высматривая себе пару, а хор тем временем поет соответствующую песню. По сигналу хора играющий, находящийся в центре круга, опускает платок перед тем, кого он выбрал. По этому знаку выбранная особа выходит в центр круга, поднимает платок, кладет его на плечо партнера, и они в паре медленно двигаются и поют подходящую случаю песню; пропев несколько куплетов и сделав несколько фигур, они нежно, вволю целуются,

после чего первая особа возвращается в общий круг, а та, которая вышла в центр круга позднее, остается и выбирает себе новую пару, вместе с ней делает такие же фигуры, как и с первой особой, и так далее, пока не пройдет очередь всех играющих.

Игра в «царя» так же, как и первая, начинается с того, что все, исполняя песни, встают в круг. Под соответствующие слова *царь* выбирает себе *царицу*, которая сначала убегает от него за круг и не дает себя поймать; однако *царь* должен проявить достаточно ловкости, чтобы поймать робкую *царицу*. Поймав, он ведет ее в центр круга, а хор поет им об их обязанностях. Первый куплет призывает *царицу* поклониться *царю*, что она и должна сделать, другой — чтобы она подпрыгнула перед *царем*, и это тоже выполняется. После этого хор поет об обязанностях *царя*: чтобы он любил свою *царицу*, не бил ее, не ругал, а только целовал. На этот призыв пара нежно целуется — и на этом конец фигуры. Вторая пара занимает место первой и слово в слово повторяет все ее действия.

Все березовские игры обычно заканчиваются поцелуями.

11 января 1840. Березов

К величайшей нашей радости наша компания увеличилась благодаря прибытию давно ожидаемого врача. Этот врач — поляк по фамилии Вакулиньски, студент Виленского университета; так как он учился за казенный счет, его направили отработать в Березов.

Здесь началась так называемая Березовская ярмарка. Я давно слышала о ней и вообразила себе нечто похожее на наши ярмарки: чуть больше движения, чуть больше людей и жизни, чем обычно. Но я очень обманулась. Несколько купцов из Тобольска и Сургута, возвращаясь с Обдорской ярмарки, задерживаются в Березове в знакомых им домах, загружают и высылают в Ирбит шкуры или меха, полученные на Обдорской ярмарке, сбывают также остатки оставшихся товаров жителям Березова либо остякам, собравшимся из окрестных мест. Однако эти торговые операции проходят так тихо и всего в нескольких домах, что ни малейшее движение не обнаруживает себя в городке.

Единственным украшением Березовской ярмарки являются разносчики, ежегодно приезжающие из Суздаля. Они привозят с собой разные мелочи, как-то: скверные иглы, тупые и толстые,

как свечки, шпильки, которые держат в коробках и продают поштучно, тесемки и другую мелочь, однако наибольший фурор среди березовского общества производят гравюры на меди суздальской школы, а также контурные рисунки, которые жительницы Березова покупают одни для того, чтобы украсить ими стены своих комнат, другие чтобы вышивать по ним бисером.

Видимо, купчики должны неплохо зарабатывать на этих плодах изящных искусств, если они ежегодно преодолевают такие значительные расстояния с названными выше товарами.

В то же время в Березове скупают меха, добытые всеми северными племенами от Уральских гор и до Енисея, за исключением небольшого количества, которое вывозится зырянами — народом, проживающим в Архангельской губернии, — прямо из Обдорска.

В большом количестве отсюда вывозят белых песцов, белок, горностаев, лисиц, неплюев, пешек, норников; здесь названные меха являются основой торговли и имеют почти нормальную цену. Цена других поднимается или снижается в зависимости от красоты меха — к ним относятся лисицы, называемые сиводушками, или по-нашему крыжаки, черные лисы, так называемые голубые песцы и соболя.

По мне, однако, ни один мех не может сравниться по красоте с черной лисой. Волос у этого меха мягкий, лоснящийся и черный, как уголь. Только узкая желтая полоска под брюхом и горлом как будто образует крестик. На тыльной части по черному полю проблескивает серебряный волос и подчеркивает великолепную черноту и лоск других частей. За такие лисы в самом Березове платят 400 рублей ассигнациями за штуку. За всю Обдорскую ярмарку в этом году привезли только 28 таких шкур.

Шкурки березовских лисиц имеют стоимость значительно более высокую, чем шкурки степных лисиц. Последние — бурые, типа волка, волос у них сухой и твердый, который лезет при носке, — у лисиц северных, напротив, волос густой, мягкий, они очень теплые и долговечные в носке.

Можно причислить к пушной торговле и шкурки шейки утки-гагарки, которые красивы и пользуются большим спросом, а также шкурки лебедей, которые здесь очень большие и тоже красивые.

Несмотря на то, что в Березове продаются невыделанными шкурки, пользующиеся наибольшим спросом, там трудно найти

хорошо выделанную шубу по причине отсутствия скорняков. Богатые купцы привыкли отсылать невыделанные шкуры на Ирбитскую или Нижегородскую ярмарки, сами же для собственных нужд привозят из Москвы готовые шубы, которые стоят дешевле и сшиты хорошо. Московские скорняки умеют использовать каждый кусочек, делая из них меховые пластины, в Березове же такие кусочки пропадают зря.

С той же Обдорской ярмарки привозят в Березовское казначейство пушнину, отобранную из *ясака*, или податей, предназначенных от остяков для казны; среди прочих шкурок здесь попадаются очень красивые. Самые ценные пересылаются в Петербург, а шкурки худшего качества продаются в Тобольске на публичных торгах.

Мороз усиливается. Термометр из живого серебра замерз. Спиртовый показывает, что температура опустилась до 50° R.

23 февраля 1840. Березов

Моя подруга получила сегодня предложение руки и сердца от врача Вакулинского, приняла его, и теперь необходимо только императорское соизволение. Меня чрезвычайно обрадовало это событие. Березов уже не будет для Юзи таким пустым, она не будет уже здесь так одинока, как до сих пор. Сдается, что если Бог позволит, чтобы это супружество состоялось, они оба будут счастливы. У Вакулинского доброе сердце, он еще не разочаровался в жизни, а у Юзефы характер мягкий, и она очень преданна.

Сегодня перед вечером, сидя у окна с пальцами, я слышала колокольчики и необыкновенный шум. Я взглянула сквозь щель, оставшуюся на замерзшем окне, и увидела толпу, обступившую повозку необычного вида, в которую запрягли множество лошадей, украшенных бубенцами.

Эта повозка была длинными нартами, или санями, на которых плоско лежало большое колесо. В дыру, предназначенную для оси, была вставлена мачта от лодки, а на вершине этой мачты было посажено другое колесо, меньше первого. Зацепленные у верхнего колеса тросы, протянутые концами к нижнему колесу и к саням, составляли нечто вроде пирамиды, которая, покрытая сверху парусами, была похожа на *чум*, или на шатер, самоедов. В этом движущемся шатре поместилось более 10 человек в масках. На верхнем колесе стоял человек, тоже в маске, что производило исключительное впечатление.

Этот диковинный экипаж, окруженный толпой людей, жадных до любой новости среди зажиточной, но однообразной жизни, остановился перед дверями нашего дома. Компания в масках просила разрешить ей позабавиться у нас. Я разрешила. Танцевали под балалайку в причудливых нарядах, на глазах довольных зрителей, а когда достаточно повеселились, и толпа, и актеры тронулись далее.

Эта забава называется *Маслянка*. Это как бы персонификация Мясопуста. Начинается она в четверг на Сырной неделе и длится до субботы, после чего очень торжественно, в сопровождении свиты вывозят повозку за городок, там ее разбирают, и так, говоря образно, хоронят Маслянку.

Главный смысл этих похорон заключается в том, чтобы выпить на собранные со щедрых зрителей деньги.

Пьянство словно растворено в воздухе этих северных мест. Исключения из общего заразительного правила редки. От остяков до чиновников — все за небольшим исключением имеют самую сильную склонность к крепким напиткам. Остяк отдаст последнюю лисицу за несколько рюмок водки, и есть такие, кто использует во зло эту слабость и обирает остяков, скрытно привозя им этот губительный напиток. Однако власти пытаются использовать сильные средства для предупреждения этих злоупотреблений. Отдельным лицам запрещено развозить этот спиртной напиток по округе, кроме как на личные нужды. Но куда же не проникнут злоупотребления?

6 марта 1840. Березов

День красивый, хотя и морозный. Лучи солнца, которое уже описывает большую дугу, отражаясь от снега, посылают глазам миллионы бриллиантов, рассыпанных по белому ковру, который не окинуть взором. День тихий, хотя и морозный, и я ходила на прогулку. Как чудесно вздохнуть вольной грудью в этой огромной пустыне! Какая величественная тишина вокруг! Я одна, совершенно одна. Ни один порыв ветра не потревожит ветки дерева, ни одно живое существо не зашуршит, ни одна птица не нарушит замерший воздух крыльями! Есть что-то такое торжественное в этой абсолютной, в этой глубокой тишине. Я была бы рада целые дни посвящать этим одиноким прогулкам, если бы моя европейская одежда и обувь могли лучше оказывать сопро-

тивление воздействию здешних морозов. Только остяцкие одежда и обувь хорошо приспособлены к местному климату, и все горожане надевают их, если им предстоит выйти из дому.

Есть еще одна неприятность в этих зимних прогулках. Глубина снега вынуждает держаться проторенного пути — единственной дороги, ведущей из Березова в Тобольск, и ее однообразие наводит скуку; к тому же всегда можно встретить людей: какого-нибудь остяка в позаимствованной у оленя шкуре, который с интересом заглядывает тебе в глаза и изучает тебя своими подслеповатыми глазами, или русского с топором за поясом и лукошком с рыбой, возвращающегося от своих вентерей.

Чтобы объяснить себе причину этой абсолютной тишины, этой мертвенности природы около Березова зимой, нужно припомнить, что все птицы улетают, потому что не могут вынести суровости морозов, в более теплые края, одни только сороки остаются на месте, но и они держатся поближе к городку; звери же, одетые в теплые шубы, избегая встреч с людьми, прячутся в глубоких лесах, которых здесь предостаточно и в которых их не так легко выследить.

Жителями березовских лесов являются лоси, медведи, росомахи, лисицы, песцы, белки, соболи, горностаи, белые зайцы. На этих последних никто не охотится, потому что мясом их русские брезгуют, а шкурки такие дешевые, что не окупается их перевоз в Тобольск, где их выделывают.

Волков в окрестностях Березова нет, как и кабанов. Недостаток дубов является, вероятно, причиной того, что этот последний упомянутый зверь не любит здесь гостить.

По причине отлета на зиму водоплавающей дичи, которая служит главным пропитанием для сибиряков, здешние жители вынуждены ее заготавливать на всю зиму заранее. Осенью охота на дичь приносит богатую добычу, и каждый житель заготавливает для себя необходимое на всю зиму количество — замороженная дичь без всяческих хлопот сохраняется очень хорошо. Только в конце зимы, для лучшего его сохранения, мясо засыпают снегом. Этот способ очень эффективен.

Остяки таким же образом делают запасы на зиму, надеясь, впрочем, больше на рыбный улов и мясо зверей, шкуры которых добывают для продажи; нередко все же случается, что скуд-

ный улов и заканчивающиеся раньше времени припасы грозят остяцким семьям ужасным голодом.

Для предупреждения подобных случаев власти держат в Березове склад муки, но не каждая семья может воспользоваться этим благодеянием.

Следующее происшествие дает представление о чудовищности положения, в котором нередко находятся остяки. Оно имело место за несколько лет до моего прибытия в Березов, и дело о нем находится среди березовских документов.

Одна остяцкая семья, состоявшая из престарелой матери и двоих сыновей, из которых один был женат и имел двоих детей, а другому было еще только 12 лет, испытывала жесточайший голод. Рыба еще не подошла, водоплавающая птица не прилетела, а все запасы, даже рыбные кости, из которых в голодное время варят бульон, были съедены; голод отнял уже силы у всей семьи, и оставалось одно — ждать смерти, медленной и страшной.

В такой ситуации семья собралась на совет, и было решено, что лучше пожертвовать одним человеком, чтобы поддержать других, чем всем погибать неминуемой и тягостной смертью. Приближающаяся весна несла надежду на то, что со дня на день птица должна вернуться из своих зимних странствий и тем самым принести обильную еду.

Вследствие принятого решения договорились тянуть жребий, кому быть жертвой для спасения прочих. Жребий выпал на женатого сына. Мать, поразмыслив, сказала, что, если убить старшего ее сына, их положение за счет этой жертвы не улучшится, потому что, даже если бы появилась рыба или зверь, их некому было бы добыть, и все равно всем бы пришлось умирать с голоду. Это замечание было принято всей семьей, а мать добавила: «Съешьте лучше меня вместо сына — я старая, ни на что больше не пригожусь, и мне уже не очень жалко расставаться с жизнью».

Семья признала справедливость речи матери и исполнила ее совет. Мать была убита и съедена, и, по крайней мере, принесенная ею жертва не была напрасной, потому что через несколько дней появилась рыба, и все были спасены.

Остяцкие юрты, разбросанные в лесу поодиночке, скрывают своих обитателей от каких бы то ни было преследований, и этот случай мог бы остаться покрытым тайной, как и глубина леса, в

которой он произошел, если бы сами участники этого убийства не рассказали о нем добровольно.

Наступившей весной один житель Березова, имеющий отношения с этой остяцкой семьей, о которой шла речь, приехал к ним в юрту, а увидев, что семья уменьшилась на одного человека, спросил о старой матери.

«Мы съели ее с голоду», — хладнокровно ответили ему.

Таким образом об этом происшествии стало известно властям. «Матерееды» были осуждены и наказаны в соответствии с законом. Старший сын приговорен к каторжным работам, а младший — к ссылке в Сургут.

26 февраля 1840. Березов

Сегодня масленичный понедельник по нашему обряду, первый день поста у русских.

У здешних русских есть такая традиция, что все в этот день посещают друг друга и просят друг у друга прощения. Младшие по возрасту или степени родства обязаны воздать почести старшим.

Не зная об этом обычае, я случайно оказалась в этот день у пани Нижегородцевой, которая, будучи старшей по возрасту, по положению, при этом имея много детей, внуков и других членов семьи, принимала в этот день множество визитов и прощений. Дочери, сыновья, зятья, а также прочие члены семьи падали к ее ногам, чужие целовали ее, потом все целовали друг друга или же падали к ногам — кому что выходило.

Этот обычай включает в себе что-то трогательное, что-то старозаветное. Он не превратился еще в Березове в пустой церемониал, религиозное чувство остается его сутью и часто приносит благие плоды. Меня уверяли, что злейшие враги считают своей обязанностью попросить прощения друг у друга в этот день и простить взаимную вину.

Ссоры, неприязнь, несогласия имеют здесь совершенно иной характер, чем в нашем обществе; гнев, месть расцениваются как страсти, но не возводятся в систему, как это делается у нас. В этот далекий уголок мира еще не проник дикий предрассудок дуэлей, которому должна следовать, хоть это и противоречит разуму, наша цивилизованная Европа. Когда страсти возбуждены, здесь следуют их влечению сильнее, чем у нас, дерутся, отгрыза-

ют друг другу носы и совершают другие неожиданные действия, но когда страсть утихнет, каждый смотрит на то же самое свое дело с другой точки зрения. Умеренность и прощение считаются за добродетель людьми, не ослепленными страстью.

Сегодня один из состоятельных жителей Березова спросил меня, видела ли я вчера под своими окнами, как сын одного купца напал на него на улице и немилосердно бил?

Заканчивая свой рассказ об этом, он добавил: «Я бы ему ответил в 10 раз сильнее, ведь я сильнее его и к тому же был трезвый, а он пьяный и хромой, но, так как это случилось под вашими окнами, я постыдился. Что бы вы подумали, если бы я не сдержался и тоже стал бы его бить?»

Прошу поверить, что эта сдержанность не была следствием трусости, — он был уверен в превосходстве своей силы.

Пост сибиряки русского происхождения держат очень строго, большая их часть не ест даже рыбы, а так как здесь нет овощей, ягод, грибов и так далее, они вынуждены довольствоваться очень скромной едой. Вместо растительного масла используют рыбий жир, который противно воняет, — все дома во время поста пропахли им, однако привыкшие к нему сибиряки употребляют его с удовольствием.

Этот жир получают, перетапливая в печи внутренности жирных рыб. Когда жир отделится, оставшиеся шкварки собирают (их называют *варки*) — это любимое лакомство сибиряков. Сдается, что запах этой *варки* еще более противный, чем запах жира.

Во время народных гуляний, приходящихся на постные дни, у зажиточных сибиряков вместо рыбьего жира употребляют масло кедровых орешков. Растительным маслом сибиряки брезгуют, однако используют его для лампадок, зажигаемых перед иконами.

Жители Березова страстно любят сырую рыбу, зимой ее едят мороженой, нарезав на тонкие дольки. Некоторые посыпают их перцем, но никогда не солят. Едят ее с величайшей прожорливостью.

Летом любимейшим деликатесом является только что выловленная рыба.

Пристрастие к этой сырой рыбе настолько огромно, что любой плывущий водой, знакомый или незнакомый, увидев заброшенную сеть, тотчас же причаливает к берегу и разделяет трапезу. Как

только сеть вытянут из воды, все присутствующие при этом сразу же бросаются на добычу, достают ножи, которыми здесь все вооружены, и, почистив немного от чешуи еще живую рыбу, жуют эти теплые и еще трепещущие члены без соли и хлеба.

Жители Березова, которые ежегодно выезжают на рыбный промысел на все лето к Ледовитому океану, утверждают, что это единственная здоровая еда, которая не приедается на протяжении нескольких месяцев, потому что ничем иным, кроме сырой рыбы и чая, они не питаются. Вареная рыба надоедает очень быстро и становится настолько противной, что не может уже служить пищей.

В то же время жители Березова уверены, что сырая рыба лечит от множества болезней, и как только больной обнаруживает у себя хроническую болезнь, которая не поддается лекарствам и времени, его увозят с собой на рыбный промысел, кормят исключительно свежей рыбой, и часто он возвращается совершенно здоровым.

Я видела сама, как один человек, совсем изнуренный и ослабленный, не имеющий уже никакой надежды на жизнь, которого увезли с собой рыбаки, вернулся через несколько месяцев в полном здравии.

Видя, что все вокруг обожают это лакомство, мне было легко увериться в том, что отвращение, которое я испытывала, было только следствием предрассудков воспитания, и потому я решила победить его. Я храбро дотронулась до трепещущей рыбы, но уввы! Воля отступила перед кротостью привычки — рыба никоим образом не позволяла себя проглотить и все время возвращалась обратно, хотя я не могла бы сказать, что вкус рыбы был противным, — напротив, скорее приятным. Мне больше повезло с мороженой рыбой: удалось проглотить несколько ее кусочков, и если бы не отсутствие соли, если бы не кровь, капающая с кусочков по мере того, как они оттаивали, если бы не постоянно присутствующая в сознании мысль о том, что у тебя во рту сырое мясо, кажется, я могла бы приписать этой пище нежный вкус.

Климат ли, или же общение с остяками сблизил привычки приехавших сюда русских и туземцев. Много тех, кто ест сырое мясо, но только мерзлым, другие же с удовольствием пьют теплую кровь убитого северного оленя, почти все любят есть без соли и без отвращения едят припахивающие мясные блюда.

14 апреля 1840. Березов

Вот и Пасха! Раньше я этот праздник любила больше всех других. Он связан для меня с самыми приятными воспоминаниями. Начало весны приятно само по себе, а что же говорить в том случае, если начало весны совпадает с концом поста и, следовательно, с бабами, шинками, мазурками, испещренными и зеленью, и сладостями, и миндалем. К этому празднику съезжаются все члены семьи, чтобы всем вместе вкусить эти божественные дары, и весело следить за распускающимся цветком, за щебечущим птенцом, за грушей, яблоней, обещающими обильный цвет. Здесь ничего этого нет. Снег, лед покрыли все кругом, заморозили оконные ставни, при этом ни бабы, ни оладушка, ни поросенка, ни даже крашеного яйца, только *щи* с мясом вместо постного супа, мясной паштет вместо пирогов с рыбой, политых рыбьим жиром. Плюс ко всему необходимо запереться и заложить двери засовом, потому что потоком следуют визиты, и нужно было бы с каждым трижды поцеловаться во славу восставшего из мертвых Спасителя. Слишком поздно, имея за спиной 47 лет, перенимать новые обычаи.

Почта отправилась еще по воле. Хоть солнце и обегает по небу большую дугу, но кажется, что еще достаточно не греет. Отражаясь от снега, оно слепит только глаза; войдя с улицы в комнату, долго не можешь усмирить желтые пятна, кружащиеся перед глазами. Может быть, именно этот снежный блеск является причиной того, что очень многие остяки слепнут; может быть тоже, что блеск и дым неустанного костра портят их глаза.

Каждый день происходят какие-нибудь метеорологические явления: то пламенные столбы, то сразу три солнца. Эти явления, однако, стали настолько привычными, что никто даже не обращает на них внимания.

1 мая 1840. Березов

Первое мая! Это горькое издевательство. Здесь не только нет никакого намека на весну, но и стоит крепкий мороз. Окна сплошь замерзли, огурцы, посеянные в горшочке, прилипли листьями к оконным рамам. Лед на реке вздулся, но от берегов даже не отстал. Когда же, когда будет весна?

Придет ли почта по льду? В случае опасности, может, ее привезут на собачьих упряжках?

Езда на собаках вышла уже из обихода в Березове, вместо собак в домах держат лошадей. Путешествия же далекие, особенно в северном направлении, совершают на оленях. Только в бедных домах, где нет средств, чтобы купить оленя, используют собак, чтобы возить воду и иногда для переправы через реку, когда лед очень тонкий, но все же к этому средству прибегают очень редко.

Березовские псы больше наших домашних дворняг, у них длинная густая шерсть, чаще всего масти черной с пятнами. Характера очень покладистого, не кусаются, даже не лают на прохожих, разве что ночью.

3 мая 1840. Березов

Ворона! Ворона прилетела! Кто первым ее увидит, бежит поделиться этой милой вестью с другим, и все выбегают, чтобы удостовериться собственными глазами в истинности страстно ожидаемого события. Протиснул голову в мою комнату 14-летний парнишка: «Ворона прилетела!» — крикнул он и побежал дальше.

Бог с ними! Что с ними приключилось? Или они все разом сошли с ума? Однако я тоже бросаю палочки и выхожу вслед за другими.

Мне показывают пальцем: «Ворона! Ворона!».

— Ну и что в ней забавного? — спрашиваю я.

— Будет весна, — отвечают.

Ворона — это березовский жаворонок. Она первая после зимы возвращается в Березов, и ее возвращение является надежным предвестником весны.

Вслед за воронами появились *снегурки*. Это небольшие птички с бело-пестрыми перышками. Они прилетают большими стаями, и это первая весенняя дичь. Мальчишки бросают зерна на снег и раскладывают волосяные силки, в этих силках запутываются ножки неосторожных птах, и таким способом в день их ловится до нескольких сотен. Другие рассыпают зерно и натягивают над ним сетку, которую опускают на птичек, соблазненных приманкой.

У этих птичек очень вкусное и нежное мясо, а так как они жирные, то, когда их запекают в печи, из них вытапливается столько жира, что его нужно сливать.

Земля везде еще покрыта глубоким снегом, но солнце начинает уже вести с ним войну и выцеживать его: днем вода уже

появляется в ложбинах, снег оседает, но выставляет на своей поверхности защитную твердую скорлупу.

10 мая 1840. Березов

Пышно наступает весна со всеми присущими ей свойствами. Снега, прогретые солнцем, тают и шумно вливают в реки свои обильные воды. Лед на реке, оторванный от берегов, поднялся на водяном хребте на несколько сажен выше по сравнению с его зимним лежищем, но стоит еще крепко, несмотря на разбушевавшиеся у берегов волны, которые бьются о его края.

Местные жители, не обращая внимания на грозный вид разбушевавшейся воды, и сегодня умеют воспользоваться предоставляемыми ею возможностями. Мало думая о безопасности, молодые и старые, с ружьями или сетями в руках, садятся в небольшие челноки, преодолевают в них наполненные водой прибрежные пространства, а добравшись до основного русла, которое лежит еще закованным во льды, вытаскивают свои легкие суденышки на лед и или тянут их по льду, или же переносят на себе до противоположной кромки льда, где снова спускают челноки на воду, и на них добираются наконец до другого берега, чтобы начать охоту, по времени вступившую уже в свои права.

Теперь уже больше охотятся на лебедей, гусей и уток. Чтобы подстрелить лебеда, сооружают шалаш у кромки воды, в котором прячется охотник, а на прибрежную воду выпускают чучела для приманки, набитые внутри сеном, с натянутой сверху кожей, снятой с лебеда. Летящие лебеди, заметив плавающих товарищей, садятся между ними и позволяют себя убить.

Мясо лебеда жесткое и невкусное; охотятся на лебедей исключительно из-за их шкурки, идущей на продажу. Жители Березова используют их только на одеяла: в Березове вообще принято пользоваться шкурами вместо одеял.

Мясо диких гусей постное и невкусное.

Охота на уток происходит следующим образом.

Так как правый берег Сосьвы — это низкая равнина, залитая весною на несколько десятков верст водою, которая в это время года образует тысячи озер, заросших вербами, жители Березова высматривают узкий клин земли, стиснутый между двумя водами, поросший вербой, и просекают между стволами деревьев коридоры шириной шагов на 50, чтобы открыть вид с одной воды

на другую. По обеим сторонам упомянутого коридора уставляют крепкие шесты высотой локтей на 15 с разветвлением наверху. С помощью простого механизма колечек растягивают между этими жердями сеть, вязанную из нити, которой покрывают все пространство полученной таким образом улицы. Охотник, установивший свою сеть, собирает в руку шнуры, держащие всю конструкцию, и, прикрепив ее к кольцу так, чтобы с его поворотом вся сеть в мгновение ока упала бы на землю, садится рядом, спрятавшись за какой-нибудь пень дерева, рукой контролирует узел шнуров и внимательно следит за пролетающими стаями.

В это время года в Березове нет ночи, но есть несколько часов серости, как бы сумерек. Это время самое подходящее для охоты.

Вечером, когда наступают сумерки, о которых я уже говорила, бесчисленные стаи уток, лебедей, гусей покрывают воздух и воду, и стоит гомон, ничего не говорящий тем, кто не был свидетелем этой сцены. Каждый род птиц издает свой крик, призывая к себе своих собратьев. Это дивная, торжественная песнь, которую поет хор, состоящий из стольких небесных созданий, по нотам, которым их научил сам Творец. Что по сравнению с этим великим гимном, который поется миллионами голосов на этом просторе, наши органы, наши хоры!

Как только птичья стая, плавающая на одной воде, заметит, благодаря устроенному коридору, ту, что плавает по другой воде, и услышит голоса собратьев, она поднимается, да не одна, и перелетает на соседнюю воду. Этот перелет и является самым важным для охотника. Много стай пролетает выше сети или же над лесом, но если какая-то из них направит свой полет над протянутым коридором не очень высоко и неосторожно грудками ударится о сеть, охотник должен улучить эту минуту, выпустить из руки шнуры, и опавшая сеть накроет стаю уток.

Таким способом один охотник может накрыть несколько сотен, а то и больше, уток.

Эта разновидность охоты хорошо удается только до половины мая, а потом ночи становятся такими светлыми, что утки минуют сети.

Трудно себе даже вообразить, какое количество дикой водоплавающей птицы прилетает на лето гостить в Березове. Когда я впервые вышла по весне на берег реки, чтобы увидеть первых прилета-

ющих птиц, я не могла выразить изумления, в которое меня поверг этот необычайный вид. На сколько видит глаз, все небо было покрыто стаями уток, гусей, журавлей, лебедей, которые плыли по воздуху, как потоки воды, непрерывно, не оставляя нигде чистого неба; водный простор, который не охватить взглядом, тоже весь был укрыт гуще, чем звездами небосвод, неисчислимым количеством разного рода птиц. Я стояла остолбенев, лишь поражаясь Всевидящей Мудрости, которая и для Березова, этого, как казалось, обездоленного дитя природы, посылала такие богатые дары.

Через минуту я вернулась домой поделиться своим изумлением с моими товарищами. Вакулиньски взял ружье, а мы с Юзей пошли смотреть на эту особенную охоту. Казалось, что достаточно просто стрелять и протягивать руку за добычей, чтобы собрать обильный урожай — так много дичи было всюду. Однако, к величайшему нашему удивлению, оказалось, что эта охота не была таким легким делом, как мы думали; при приближении охотника птицы сердито отплывали от берега, не дальше, но и не ближе расстояния выстрела, а когда стрелок уходил, вновь возвращались на место, как бы играя с жадностью охотника, то и дело обещая ему богатые трофеи, которые растворялись по мере того, как он протягивал за ними руки.

Охота совершенно не удалась.

У пани Х. наоборот: она поймала этой ночью на *перевесы* 37 уток.

В Березове множество мелкой водоплавающей птицы: вальдшнепы, бекасы, кулики и т.д., и т.д., но на них никто не охотится; видимо, считают их мелочью, не достойной хлопот охотника при таком изобилии более крупной дичи.

У жителей Березова много способов поймать зверя, но они плохие стрелки. Не понимают, каким образом можно убить на лету птицу, на бегу — зверя, не умеют даже стрелять с руки, не установив ствол на какой-нибудь неподвижной подставке. Если поблизости нет пня или толстой ветви, чтобы на нее стрелок мог опереться, или развилины, которой часто бывает снабжен дробовик, устанавливают его на колене.

Остяки хорошо стреляют из луков, которые у большей части этого народа еще в обиходе, и даже лучше, чем русские, стреляют из огнестрельного оружия. Выживание первых зависит от их

ловкости, вторые же только перекупщики и получают чаще всего предметы, необходимые для пропитания, из рук остяков; эти же последние больше упражняются в торговом деле, чем в собственноручной ловкости, остяки — наоборот.

Луки остяков больше, и чтобы их хорошенько натянуть, нужно много силы.

13 мая 1840. Березов

Лед на Сосьве лопнул в верховьях, и всей своей массой двинулся вниз, унося с собой дорогу, обозначенную кедровыми тычками, натопанные зимой тропинки, проруби для вентерей и для водопоя, окруженные ветками пихты, которые выглядят как беседки в саду, и все прочие предметы, к которым глаз привык за долгую зиму.

Эта миграция в дальнюю сторону предметов знакомых, которые мы уже никогда больше не увидим, настраивает на меланхолический лад; кажется, что и они отдаляются торжественно, медленно, бормоча что-то о прощании навеки. Их место занял уже новый переход, новая дорога, новые тропинки, новые веточки пихты — но уже не те, к которым мы привыкли, с которыми подружились.

Словно для последнего привета все знакомые прежде предметы верстой ниже приостановились на своем пути, найдя себе опору в крутом повороте Сосьвы, который затруднил их движение; но через несколько часов лед двинулся в дальнейшее путешествие; синяя вода Сосьвы очистилась от своей твердой скорлупы и снова вольная, свободная вздымает свою спину и выбрасывает волны высоко, как бы тешась этим; словно глумясь над побежденным врагом, она гонит перед собой до самого океана глыбы льда, которые, оторвавшись от основной массы, тают сами по себе, как растворяются иногда остатки разгромленного войска в стране, освобожденной от насилия чужестранцев.

20 мая 1840. Березов

В обществе Вакулинского, Юзи и еще нескольких человек мы поехали ловить уток сетями. Холодный ветер, казалось, гарантировал нам отсутствие дождя.

Мы запаслись провизией на один вечер и должны были высадиться на берег верстах в 15 от Березова.

Мы едва проплыли несколько верст, как началась сильнейшая буря; волны бросали стремительно нашу раскачивающуюся

лодку, грозя нам опасностью, брызги волн, разбивавшихся о борта лодки, осыпали нас дождем. Посовещавшись, мы решили не плыть к назначенному месту, а, высадившись на ближайшем берегу, ждать благоприятной погоды.

Подвергая себя опасности, мы переплыли реку поперек, заплыли в затоку, которая вилась между ивами и где вода была более спокойная, и высадились со всем своим багажом.

Разложив костер, мы поставили самовар, а Вакулиньски и пани Х. тем временем пошли стрелять уток.

Ветер не переставал, чай был готов, стреляющая компания, расстреляв все патроны, вернулась хоть и без трофеев, но, как всегда, с целым арсеналом причин, по которым охота была невозможна. Мы пьем чай, уже съели приготовленные зразы, а ветер как выл, так и воет.

Наступил вечер, о дальнейшем плавании не было даже мысли, и было решено развесить сети на том самом месте, где мы остановились.

Мы сделали это, хоть и с трудом, по причине сильного ветра. Уток было очень много, но ночь была светлая, как день, а ветер, сильно надувая перевесы, делал их тем самым настолько видимыми, что утки лететь на них не хотели. И поэтому мы были уверены, что охота совершенно не удастся.

Утратив надежду на удачную охоту, околевав от холода, мы грелись у костра, когда небо порозовело на востоке, что означало близкий восход солнца.

Ветер тем временем не переставал выть, и все сильнее, над нашими головами, и мы всерьез задумались, что будем делать дальше.

Берег, на который мы высадились, был совершенно пустой, на протяжении более чем десяти верст мы не нашли человеческого жилья, еды у нас уже не было, порох, который помог бы нам добыть хоть какое-нибудь пропитание, уже весь расстрелян; добраться до дому в такую бурю, не подвергая себя опасности, было невозможно — что делать?

Солнце наконец взошло, но ветер не переставал. От нечего делать я пошла по краю затоки к берегу Сосьвы, чтобы посмотреть на пенящиеся валы. Мы были на расстоянии версты от этой реки. Подхожу — о чудо! Несмотря на сильный ветер, река была покрыта лишь легкими морщинками.

Я глазам своим не поверила, думая, что, может, я вышла на другую затоку, но заметила следы нашего вчерашнего костра и другие признаки нашего недолгого пребывания на этом берегу.

Лечу что есть духу объявить об этом чуде нашей компании, мы собираем перевесы и быстро отправляемся домой.

В довершение удачи за время моего путешествия Вакулинскому удалось накрыть 4 утки.

Причиной того, что волны на реке утихомирились, было следующее: ветер, который вчера, дует с севера, препятствовал течению реки и вызывал высокие волны, сегодня, изменив свое направление на южное, оказался в согласии с движением воды, которая, не испытывая сопротивления со стороны сильного ветра, потекла спокойно.

Мы вернулись домой в полнейшем удовлетворении и, напившись с не меньшим удовольствием чаю, залегли в теплые постели.

Никакой зелени еще нет, воздух холодный, как у нас в марте, почки на деревьях только еще начинают набухать.

29 мая 1840. Березов

Постоянно тоскливо и холодно, трава еще не пробилась, деревья не распустились, хоть почки уже набухли, вода на дворе замерзла, и мы вынуждены топить печь: ну куда же эта весна подевалась, почему она не желает приветствовать нас? Ведь мы-то ее ждем с нетерпением, как толпа придворных, приглашенных на прием к своей королеве, возвращающейся из дальнего путешествия.

Суда, отправленные на рыбный промысел из Тобольска и других мест, уже пришли в Березов. На берегу непривычное оживление. Одни причаливают на своих судах, на тех самых, на которых им предстоит отплыть в море. Те, кто приплыл из Тобольска, выгружают привезенные товары. На реке, на судах торговля проходит очень чинно. Каждый житель в меру своих возможностей делает запасы на целый год. Этот покупает муку, тот крупу, прочие — горшки, яйца, гвозди, свечи, мыло, смолу. Одни встречают приехавших, другие провожают отъезжающих; жены, дети провожают мужей, отцов, отплывающих на несколько месяцев.

Среди прочих пришло и судно тобольского купца Брахина, на котором в прошлом году мы приплыли в Березов. *Приказчик*, наш

товарищ по тому путешествию, пришел проведать нас как знакомых и сам пригласил нас навестить его на корабле. Мы поплыли лодкой с нашим хозяином на судно, которое стояло на якоре; гостеприимный хозяин угощал нас чаем и вареньями, не жалея, впрочем, и арака, которым он обязательно хотел нас попотчевать.

Я с удовольствием поднялась на судно, каждый уголок которого был мне так хорошо знаком. Те же самые полаты, на которых мы спали, тот же столик, шкафчик, те же самые надписи на стенах. Почему возвращение к прошлому, хотя бы и не очень счастливому, рождает в душе какое-то приятное чувство?

Меня сегодня совершенно неожиданно посетил один француз. Француз в Березове! Это настоящая сенсация! Надо было видеть толпу любопытных, которые набились в прихожую и даже в спальню, чтобы увидеть *француза*. Рассказы о войне 1812 года так или иначе коснулись ушей некоторых местных жителей и перемешались в их головах со сказками, с какими-то поэтическими творениями. Можно, следовательно, предположить, какое впечатление произвело прибытие воплощенного француза.

Меня саму поразили противоречия между, с одной стороны, его личностью, воспитанием и свободой мысли, а с другой — его одеждой и теперешним положением.

Этот француз по фамилии le Brun говорил, что ему 32 года, его французский язык был достоин самого высшего общества, лицо его было благородное и фигура ладная. Но эти достоинства не подчеркивал его костюм, который состоял из *армяка* верблюжьей шерсти и высоких, до пояса, сапог из очень грубой кожи, промазанных дегтем, в которых обычно ходят все сплавщики, будучи вынужденными много ходить по воде и грязи, почему на местном языке эти сапоги называются *бродни*.

Его история, как он мне ее сам рассказывал, достаточно романтична.

Отец моего собеседника le Brun, по рассказам его самого, был членом великой армии Наполеона 1812 г. В походе против России он был взят в плен, а его маленький сын разделил с ним его судьбу. Оба были высланы в Сибирь, где через какое-то время отец умер.

Молодой le Brun не имел возможности ходатайствовать об освобождении, а достигнув соответствующего возраста, он женился в Ишиме на сибирячке.

Когда он уже был женат, случилось, что один из российских сановников, кажется, граф Толстой, в связи с порученной ему какой-то миссией, посетил Сибирь. Le Brun воспользовался этим случаем, чтобы рассказать о своем положении графу и попросить того помочь ему оставить Сибирь. Граф взял себе на заметку это дело и, когда вернулся в Петербург, способствовал тому, чтобы французский посол побеспокоился о подданном своей страны.

Le Brun получил паспорт для возвращения на родину и вместе с ним, благодаря стараниям графа, деньги на дорогу.

Le Brun, раздираемый желанием вернуться на родину и привязанностью к жене и детям, решил поехать один и, присмотрев себе место, вернуться за женой.

Он поехал и добрался до Петербурга, и там покровитель его, граф, уговорил, чтобы вместо поездки во Францию он поселился бы в Петербурге, и по протекции графа княгиня Голицына (кажется, так) дала ему место при своих детях для обучения их французской речи.

Таким образом le Brun оказался вдруг окруженным достатком, удобствами и даже роскошью, но через 10 месяцев, когда притупилась манящая новизна положения, французу захотелось-таки посетить свою родину.

Богатые покровители, уверившись, что это путешествие было горячим его желанием, обеспечили ему паспорт и деньги, и вскоре он отправился на землю своих предков.

Однако эта земля, представления о которой у него были только по рассказам отца, полностью изменила свой облик. Нет ни родных, ни друзей. Двадцать лет, чреватых такими огромными изменениями, прошли по этим краям, унося с собой отдельных людей и целые семьи и состояния. Во Франции, своей детской колыбели, он оказался гораздо более чужим, чем в Сибири. Но все же некоторые незнакомые ему прежде, но влиятельные особы, к которым он обратился, выхлопотали ему должность с умеренным вознаграждением. Le Brun довольствовался ею, однако тоска по жене и детям, от которых не было никакого известия, донимала его все больше и больше.

Четыре года прошло, как он выехал из Сибири, и le Brun, направляемый не то тоской, не то любовью к семье, решил проделать обратный путь в Сибирь, чтобы забрать к себе жену и

детей. Он бросил свое место, продал все, что имел, и, имея на руках сумму, собранную благодаря друзьям, и паспорт, отправился обратно в Сибирь.

Добирался он малым коштом, то пешком, то, пользуясь проворством, забирался к какому-нибудь путешественнику, и таким образом он приехал в Тюмень, уездный городок Тобольской губернии.

По мере приближения к концу его путешествия, как обычно, нетерпение возрастало. И судьба ниспослала ему возможность как можно скорее добраться до Ишима, где его жена жила у отца, который имел в этом городке свой дом, но у него уже не хватало средств. Рассчитывая, однако, на помощь тестя и привязанность жены, он заключает договор с возницей, обещая ему остаток, недостающую сумму, выплатить на месте, и отдает ему в залог свой паспорт.

Наконец он приезжает в Ишим... — но какое его ждет разочарование! Тесть умер, дом продан, а жена? Жена... выехала с новым мужем и детьми в Иркутск.

Жалкое его имущество не могло удовлетворить возницу, который пенял ему и не отдавал паспорт; и после безрезультатных попыток достать деньги ему посоветовали, чтобы он нанялся на купеческое судно сплавщиком леса на Обское море, за что получает в задаток несколько десятков рублей. При отсутствии лучшего способа выйти из этого затруднительного положения он принял данный ему совет, надеясь, по крайней мере, на путешествие если не выгодное, то, во всяком случае, манящее новизной мест таких мало знакомых, так отличающихся от прочих стран.

Воображение обычно представляет нам только поэтическую сторону далеких от нас предметов, реальность же волочится по нашим следам и разбивает самые прекрасные представления, когда мы к ним приближаемся, — это узнал и наш француз.

Докучающий холод, плохая еда, недостаточно теплая одежда, тяжелая работа, комары — и исчезла поэтичность приполярного пейзажа. Оставалось только вздыхать о скорейшем окончании столь неожиданного путешествия.

1 июня 1840. Березов

Какой же резкий скачок от холода к жаре! Вчера было холодно, топили печи — сегодня с утра жара.

Самая легкая одежда заняла место ватной, и на окне появился бочонок воды со льдом для того, чтобы можно было освежиться и поддержать силы холодным питьем. Окна пооткрывали — все радостно приветствуют возвращение лета.

Под вечер, захваченная красотой этого времени года, я пошла с Юзей к жене стряпчего. Мы и там увидели так же открытые окна, и там так же весело отмечали возвращение лета, сетуя только на излишнюю жару.

Прошло всего часа два нашего там пребывания, мы хотели уже уходить, как заметили через окно тучку. Вдруг обрушился ветер — так внезапно — и начал сбрасывать вещи со столиков на пол. Мы все бросились закрывать окна, но ветер был сильнее нас: он вырвал ставень из рук хозяйки и швырнул его на землю. Проливной дождь завершил эту сцену.

Мы вынуждены были оставаться в доме стряпчего, пока не кончился дождь и вода ручейками не сбежала в реку.

После этого урагана солнце, как бы искупавшись, засветило еще ярче. Воздух и земля, должно быть, пили воду с необыкновенной жадностью, потому что через несколько часов стало сухо, и мы пошли обратно домой.

О чудо! Трава зазеленела, кажется, что она выросла в мгновение ока; расцвела черемуха, лопнули почки на лиственницах, придав им великолепный зеленый цвет и наполнив воздух самым чудесным запахом. Одним словом: все кругом изменилось в мгновение ока, как по волшебству.

29 июня 1840. Березов

Этот день ознаменован для жителей Березова двойным торжеством. Прежде всего, в березовской школе проходит публичный экзамен. Собравшиеся в один коллектив все чиновники и вся местная аристократия слушают сквозь дрему вопросы учителя и ответы учеников, которые им абсолютно непонятны, после чего, как пройдет их очередь ставить свою подпись, они смачно съедают приготовленный завтрак, запивая его вином и наливками. Это торжество заканчивается обычно к удовольствию обеих сторон, и особенно учеников, освобождаемых на пару месяцев от всех обязанностей.

Один достаточно забавный случай дает представление о науках в Березове.

Вакулински, приглашенный вместе со всеми чиновниками на экзамен, осмелился задать одному ученику вопрос о дробях.

Приглашенные гости, протрезвев от такой новости, вытаращили глаза на Вакулинского, не понимая, как этот профан посмел проникнуть в тайну, доступную только самым посвященным.

Прежде чем Вакулински вышел из школы, по Березову разнеслась стоустая слава, что Вакулински знает дроби.

Когда он возвращался в свою квартиру, дорогу ему перебежал один купец, спрашивая, правда ли то, что говорят, — что Вакулински знает дроби. На утвердительный ответ купец бросил ему вопрос, сколько дробинок в «четверти»? Другие, окружившие его на улице, забрасывали подобными же вопросами.

После обеда все население Березова в день святого Петра по обыкновению собирается в одном месте, называемом Вайгулка, над рекой с тем же именем, где построены казенные склады для муки и соли.

Сухой берег, часть луга, окруженная складами, лесом и водой, делают это место достаточно привлекательным.

Все слои общества в праздничных нарядах направляются к этому месту, освященному ежегодно повторяющимся ритуалом, рассаживаются там группами, приглашая к себе в компанию, грызут кедровые орешки, что является чуть ли не ритуальным, и возвращаются домой.

Это единственный день в году, когда совершается нечто вроде публичного гулянья; в другие дни прогулки вовсе не в привычке, и ничего в этом странного нет: комары не позволяют получить никакого удовольствия. Здесь, желая подышать свежим воздухом за городом, нужно выплыть на середину реки и не приближаться к берегам. На середине реки комаров меньше всего.

8 июля 1840. Березов

В Березове большой праздник — сегодня отмечают день покровителя здешнего города святого Прокопия.

После службы из церкви выходит процессия с крестом, иконой, хоругвями и обходит город. Все городское население принимает участие в торжестве. Разве что в доме останется следить за очагом какая пожилая женщина или немощный старец. Чиновники, купцы, красиво одетые женщины, старики, согнувшиеся под тяжестью лет, дряхлые старушки, молодежь, веселая

детвора теряют на какое-то время свои индивидуальные черты, чтобы в молчании и сосредоточении духа составлять торжественную процессию.

Зрелище поистине трогательное, когда видишь эту массу столь разных людей, собравшихся под знаком креста, составляющих в этот момент как бы единую семью, живущих одной верой, общими надеждами, складывающих на несколько минут из своих душ, из своих мыслей, частных интересов, мелких страстишек — все сообща — одну мысль, оживляющую всех.

Через час, как только каждый переступит порог дома, мелочные интересики, личные мнения, мелкие страстишки — вся эта свита повседневной жизни человека нападет на него со всех сторон, и единение распадется на тысячу частичек, действующих только в собственных интересах, для себя и через себя, — но мысль великая, святая, которая освободила человека на какое-то время от пут обыденности, останется в его памяти как свидетельство его благородства.

Те, кому домашние заботы не позволяют принять участие в этой торжественной процессии, выходят на порог дома или взбираются на возвышенное место, чтобы следить за движением процессии, и как только их взору откроется плывущая по воздуху хоругвь, как бы это ни было далеко, начинают креститься и бить поклоны, чтобы хоть таким образом почтить того, кто их защищает.

24 июля 1840. Березов

Вакулиньски хотел испробовать еще один вид охоты, который до этого не знал, — достаточно распространенный в этих местах. Называется этот вид охотой на уток *линных* (тех, которые вылиняли).

В это время года они тяжелые, без перьев, и летать не могут; прячутся пешие утки в зарослях ивы и в высокой траве. Чтобы их добыть, окружают сетями определенное водное пространство, а люди с собаками, заходя с противоположной стороны, выгоняют уток из зарослей на чистую воду, потом на лодках или пешком направляют их к сетям, которыми и накрывают на берегу, — ведь утки не могут улететь.

Вакулиньски мечтал, чтобы мы с Юзей стали свидетелями этой охоты. Не имея никаких обязательств и даже никаких дел, мы щедро распорядились нашим временем, как мот, не знаю-

ший, что сделать со своим богатством. Мы с удовольствием приняли участие в этой затее, которая обещала быть великолепной.

У нас с собой было 100 сажень сетей, собака и две лодки. На одной, большой, разместились мы втроем и сети, собака и четверо лекарьских помощников, которые составляли свиту Вакулинского; на меньшей — остяк, две остячки и невод для рыбы.

Наше отплытие было веселым, с приключениями. Ни Вакулински, начальник экспедиции, ни его помощники не знали хорошо ни местности, ни особенностей охоты. Мы выплыли на великий водный простор, образовавший своими протоками множество островов, похожих друг на друга как две капли воды. У нас не было никакого определенного маршрута, и нам было все равно, где мы высадимся на берег. Мы высматривали уток, но, так как их нигде не было видно, мы плыли все дальше и дальше.

Передвигаясь без определенной цели по этому лабиринту воды и островов, мы отплыли от Березова верст, может, на 7 или 8. В открывающихся нам разветвлениях водного пути мы плыли наугад и заплыли в узкий клин воды, стесненный с обеих сторон берегами. Дальше дороги не было, и нужно было плыть обратно. Стоял полдень, жара была мучительна, уток мы нигде не видели. Будь что будет — мы решили высадиться здесь же, в надежде, что собака найдет и выгонит из укрытий уток.

Лодка наша из-за мелкой воды не могла доплыть до берега, и нужно было высаживаться по колено в воде. Комары с берега докучали ужасно. Но сеть была растянута.

Прибрежная трава была высокая и густая; выпустили собаку, но в траве она сразу же скрылась с глаз. Люди тоже могли спрятаться в траве и не увидеть друг друга — и как же тут можно найти утку, если бы она и была, — в чем, однако, было большое сомнение.

После напрасных поисков охотники вернулись к берегу.

— Что будем делать дальше? — задавались мы вопросом.

Одни чесали затылки, другие отирали пот со лба, все молчали и собирались с мыслями, не зная, на что решиться.

— Съесть шуку, — отозвалась я, прерывая молчание.

Обычно говорят, что женщины не годятся на то, чтобы давать советы, но на это мое предложение все улыбнулись, облизнулись, никто не произнес ни слова упрека, и предложение

было принято единогласно. Пусть говорят, что разум не помещается в женской голове, что это нечто такое, к чему надо добавить еще на четверть фунта мозга больше, чем Бог положил в женский череп. Мне же кажется, что это чистая сказка, зависть мужчин и ничего более.

У нас была с собой щука, фаршированная по-еврейски холодным способом, и миска пельменей со сметаной; отложив все важные вопросы на потом, мы принялись за еду.

Говорят, что желудок имеет тесное родство с мозгом, что, может быть, и правда, ибо, наполнив свой желудок щукой, каждый из нас увидел ясно, как день, что невозможно поймать уток, если их нет. Не помню, довелось ли мне где-нибудь, даже в Книге Мудрости Соломона, прочитать что-либо более мудрое.

После этого мы собрали сети и решили вместо охоты на утку объявить войну рыбе, но так как место, где мы находились, было негодным для рыбалки, мы поплыли на Саровый Мыс — мыс, известный в березовской топографии.

Без каких бы то ни было трудностей мы забросили сети и в скором времени вытащили их из воды с приличным уловом; рыбаки набросились на свежую рыбу, чтобы есть ее живой, — комары набросились на нас с таким же точно намерением.

Несмотря на наше самое упорное сопротивление, мы не могли справиться с комарами: их количество превосходило наше мужество. Напрасно мы зажигали костер, чтобы прятаться от комаров под прикрытием дыма, напрасно усаживались на земле, закутываясь полностью платками — комары проникали везде и не давали покоя.

Нам с Юзей пришла в голову идея: чтобы избавиться от комаров, нужно нырнуть в воду. Мы обошли мыс, чтобы спрятаться от зрителей, и зашли в воду. Что за прелесть! С тех пор, как мы уехали из родного дома, мы еще ни разу не купались. Открытый берег Сосьвы у городка, наполненный постоянно людьми, не позволял нам нигде даже предпринять попытку. Сейчас же удовольствие полное: вода теплая и чистая, песчаное дно просвечивает в глубине, легкая покатость дна у берега позволяет отойти от него так далеко, что комары уже не долетают до нас; мы утопили в этой чистой воде все волдыри от укусов, которыми была усеяна кожа, а также саму память о них. Захва-

ченные прелестью этого купания, перед выездом, или отплыви-ем, мы искупались и во второй раз.

Вакулиньски подстрелил огромную белую птицу, которую здесь называют *холовой*. Эти птицы в огромном количестве живут в окрестностях Березова, питаются рыбой, они значительно больше так называемых *марлышек*. Заметив сеть, они слетаются в большом количестве и кружат над сетью, не боясь ни людей, ни выстрелов. Правду говоря, никто их здесь не только не стреляет — наоборот, рыбаки привыкли выбрасывать им мелкую рыбешку. Все же Вакулиньски выстрелил в них более десятка раз с очень близкого расстояния — даже перо иногда летело, но птицы, словно не обращая на эту атаку на них никакого внимания, не переставали спокойно кружить над головой, что раздражало Вакулиньского.

В конце концов выстрел угодил в голую, без оперения кость крыла, птица упала искалеченная, и мы с триумфом взяли ее в плен. Но до дому не довезли — она сдохла в дороге.

12 августа 1840. Березов

Было уже несколько заморозков. Сейчас ветрено, дождливо, холодно, пасмурно. Берега, с которых ушла вода, светят своими грязными боками, трава пожухла, опавшие листья блуждают там и сям, подгоняемые ветром, все возвещает о приближающейся зиме. Воздух уже так пропитался влажными испарениями, что днем во дворе словно сумерки. Я вынуждена была перед обедом отставить пяльцы и для отдыха уставшим глазам взяться за вязание чулок и за чтение.

Вакулиньски по долгу службы поплыл в Обдорск: он должен дважды в год совершать подобное путешествие. Грустная поэтому Юзя внимает каждому порыву ветра, но, наперекор ее мольбам, вторые сутки под окнами воеет буря, волны бьются с шумом о высокие берега Сосьвы, осеняя свои гребни клубами белой пены; трясутся оконные ставни, а Юзя то охает, то вздыхает, то плачет. Все мысли, хочешь не хочешь, должны стать под стать окружающей обстановке.

Холод в комнате докучает, и мы вынуждены топить печь.

21 августа 1840. Березов

Ну вот и распогодилось: день хоть и холодный, но сухой, улицы высохли от грязи, и по ним можно ходить. Нужно успеть воспользоваться минутными подаяниями, брошенными ску-

пой рукой, и погулять. Осенняя пора располагает к этому лучше всего, если под ногами нет грязи.

Вечером я надеваю меховую кацавейку, обвязываю голову платком и иду гулять. Юзя захотела составить мне компанию. Я угадала причину этого желания. Мы пошли на берег реки.

Солнце уже зашло, на улице было темновато. Мы смотрели на воду: ясное лоно заката отражалось в ее глубине. Мы устремили взгляд вдаль — и он терялся в этой дали, в водной пустыне, но лодки Вакулинского, которую пытались поймать глаза Юзи, не было видно. Он не возвращался. Юзя вздохнула и пошла домой, я же вернулась в город, чтобы прогуляться по нему.

Пошла по улице мало посещаемой, менее застроенной. Кое-где узкие, черные, с высокими крышами дома как бы тычками обозначают линию, по которой, в соответствии с планом архитектора, должна пройти когда-нибудь улица, которая пока еще поросла травой. Тишина, холод, желтизна травы, вечер, одиночество побуждали к тому, чтобы думать. Почему осень, даже в самые прекрасные свои дни, оставляет тоскливые впечатления? Ведь и весной нередко бывают дни хмурые, холодные, дождливые, но тем не менее — более веселые. Я думаю, что отсутствие в осени надежды окрашивает в тоскливые краски всю природу и омрачает настоящее.

Желая придать хоть какую-нибудь цель моей прогулке, я ищу шампиньоны или опенки, которые я иногда здесь находила. Однако сумрачность вечера не способствует исполнению моего намерения, и я вынуждена от него отказаться.

Иду дальше. Везде глухо, пусто, только множество псов снует туда-сюда в молчании либо лежит на кучах мусора, и все такие рослые. Я хотела убежать, потому что боюсь собак; между тем несколько собак, словно прочитав мои мысли, подняли головы и, бросив на меня спокойный взгляд, снова улеглись на мусоре.

Этот жест должен был мне ясно говорить: «Можешь идти спокойно, мы о тебе не думаем».

Я осмелела, пошла дальше. Подумала только, почему здешние собаки, такие рослые, такие полные силы, так спокойны, менее агрессивны, не такие злобные, как наши. Происходила эта разница от устройства, от воспитания или же по другой причине? Я перебрала целый ряд предположений: они покорив-

шиеся — подумалось мне. В их спокойном взгляде, понуром, равнодушном, отражается печать неволи. Человек их здесь покорил, запряг в повозку, заставил их загривки привыкнуть к перевозке тяжестей, превосходящих их силы, а в неволе добродетелями становятся спокойствие, покорность, отрешенность, а философией — равнодушие.

Вот что-то маячит вдальке. Человек. Он приближается. Это остяк. В вытертой *малице*, с бледным закопченным лицом, косы расплелись, и всклокоченные волосы в беспорядке распущены по плечам; он быстро идет, переваливаясь с ноги на ногу, несет в руке лукошко, полное свежесвыловленной рыбы. За ним спешит мальчик, такой же бледный, такой же закопченный, но резвый. Спеша, он подпрыгивает на ходу, чтобы поспеть за первым. Оба оживленно разговаривают наречием, мне непонятным, однако по лицам, по жестам можно понять, что разговаривают весело.

Видимо, это отец с сыном. Оба, должно быть, возвращаются с рыбалки. Несут еду на вечер, может, и на завтра, для семьи, оставшейся дома; и через минуту вся семья, усевшись вокруг очага и готовя эту рыбу, не чищенную от чешуи, без соли, в грязном котле, подвешенном над огнем, хлебная варевка без хлеба, будет веселее, чем я, когда вернусь в свою квартиру; меня же, однако, ждет на ужин жаркое и грибы, и к тому же серебряная ложка, белая скатерть и чистая комната. Но их ждут жена, мать, дети, братья и сестры — меня же обслуживание, за которое заплачены деньги. А ведь деньги — это в цивилизованном мире мера всех благ, и у меня их, по крайней мере, столько, сколько нужно, чтобы удовлетворить все мои скромные потребности. Почему же у меня в душе нет чувства удовлетворенности?

Почему я почти завидую этому бедному остяку?

Мои удовольствия — это только заслуги цивилизации, его — дары природы.

О люди! Вы, смотрящие с жалостью, почти с презрением на бедного остяка, сравнивающие ваши удобства, образование, просвещение с его одеждой, слернутой со зверя, холодным и дымным шалашом, грубой пищей, неграмотностью, дикими предрассудками, — вы стоите ближе, чем он, к разгадке великих тайн жизни?

Не правда же, что счастье есть цель всех творений на свете, пружина всех действий, обретение дороги к нему возможно един-

ственно усилием умов, а приближение к нему или отдаление от него служит мерой тех же умов! Философы! Изобретатели! Гении, перед могуществом которых изумленный мир покорно склоняет головы! Счастливики этого мира! Просчитали ли вы когда-нибудь сумму ваших удовольствий и страданий на светлом пути, засыпанном цветами усилий вашего ума? Широкий ряд; воображение поражается тем количеством оттенков, которое образование внедрило в чувства. Мысль путается и падает перед намерением распутать этот подсчет. Но вы, математики, переступившие границы обычного посредством вашего ума и подсчитавшие расстояние до солнца, высчитавшие скорость планет, не можете же вы применить возможности вашей науки к предметам, непосредственно вас касающимся. Для чего же ваша алгебра? Возьмите перо и пишите. Отнимите от суммы удовольствий, полученных благодаря вашему гению, сумму горьких чувств, засеявших ту же дорогу, и покажите мне остаток. Не пренебрегите списать также ряд насилий над бедным остяком и его огорчений — этот подсчет не займет у вас ни много времени, ни много бумаги. Сравните остатки. Если результат перетянет в пользу вашего счастья, я становлюсь на колени перед величием вашего образования, если же наоборот — давайте будем скромнее в оценке собственных дел.

9 сентября 1840. Березов

Северное сияние — достаточно обычное явление в Березове. Лоно света, большего или меньшего, можно увидеть на горизонте — оно занимает большее или меньшее пространство. Стоит неподвижно или же движется, на глазах меняя свои очертания — иногда очень быстро, иногда медленно, но такого прекрасного, как сегодня, сияния я ни разу еще не видела.

Сегодня вечером часов около 10 послышался сильный шум в воздухе. Какой-то отдаленный взрыв, какой-то странный гром, казалось, был прологом проступающего действия и обещал нашим глазам дивное зрелище.

Жители Березова поняли, что означает этот гром; мой хозяин Козлов позвал меня во двор.

Жаль, что никакому перу не дано описать возвышенной сцены, которая развернулась перед нашими глазами.

Воздух был морозный, чистый. Снег покрыл землю, побелил все предметы. Бросив взгляд вокруг себя, я пришла в восторг.

Березов уже не казался мне малым городишком, как обычно, — это было какое-то огромное святилище, какой-то огромный волшебный дворец, светящийся неземным светом, в котором духи таинственной природы праздновали свой праздник.

Все предметы на земле были освещены ясным светом, необыкновенно нежным, присущим только северным сияниям, который невозможно сравнить ни с каким известным земным природным светом. Это был отблеск от легких, подвижных светлосеребристых облачков, которые, словно завиваясь в клубы легкого дыма, освещали весь горизонт.

Небесный свод кажется глазу не обычным куполом, но совершенной пирамидой, вершина которой теряется в такой бездонной вышине, что, кажется, Творец приоткрыл в привычном небесном своде тайное окно и позволил в этот час необычайного торжества населению земной долины хоть разок устремить свой взгляд в таинственную страну, доступную только игре воображения.

Не было видно бледноватого небосвода, усеянного звездами, — только блестящие серебристые облачка, легкие, как невесомый пар, зарождались у основания пирамиды и с неизъяснимой скоростью, торопясь одно за другим, в самых фантастических формах, скользя к одной и той же точке наверху по всем сторонам пирамиды, таяли у ее вершины... но другие уже занимали место первых, так же мчались вверх и со скоростью, почти недоступной глазу, исчезали, освобождая место следующим...

Этот дивный танец сопровождался словно мощными звуками музыки, зарождающейся где-то там, наверху.

Этот треск и гром в небесах, чудный свет, не имеющий себе подобного, необычный вид горизонта, дивная игра живых, то и дело меняющих свою форму облачков, которые, мчась, притираясь друг к другу и исчезая, всегда достигают одной и той же точки, общей для всех вершины пирамиды, — все это настраивало воображение на мистический лад и обращало душу к Создателю этих дивных красот.

Человек хочет изучить правила природы, выкрасть тайну у сил, приводящих в движение миры, знанием, если не могуществом, помериться со своим Создателем. Дерзкий! На каждом шагу он встречает новые чудеса, новые, до тех пор неведомые, силы. Во сто крат более счастлив тот, кто, упав на колени, умест

чувствовать сердцем таинства природы и в немом преклонении воздавать почести непостижимому Всемогушеству!

Это торжественное сияние длилось до часу ночи. Потом движение начало замедляться, огни постепенно меркнуть, и к двум часам ночи все исчезло.

24 сентября 1840. Березов

Сегодня в Березов приехали несколько остяков, которые остановились на постоялом дворе у моего хозяина.

Ни один остяк, приехавший в Березов, не откажется воспользоваться случаем и упиться водкой, если только в этом городке продается упомянутый спиртной напиток.

Наши гости, верные этому обычаю, разгорячившись, как и подобает, почувствовали желание танцевать. Они хотели танцевать, но невежливый хозяин не позволил этого в доме и выставил их за двери.

Имея с давних пор желание увидеть танец остяков, я пригласила этих диких людей в свою квартиру и просила их танцевать так, как они того хотели.

Они с благодарностью приняли мое приглашение.

Танец остяков являет собой скорее всего нечто вроде сценического представления, которое, однако, требует толкования. Обычно остяки изображают охоту или же игру зверей между собой. Но главное действие в танце — прыжки и резкие движения, необычайно сильные, внезапные.

Мои гости озаботили меня, спросив, не могу ли я им сыграть. Имея под рукой только гитару, я начала брать аккорды, выбивая такт казачка. Эта музыка понравилась моим танцорам, и под ее звуки они начали свой танец.

На сцену вышли двое танцоров. Они начали прыгать, приседать, кружась, как в вальсе, по кругу в комнате, внезапно вытягивая, по очереди, обе руки со сжатыми кулаками, как бы атакуя кого-то, то падали на землю и снова резко поднимались! И все время так резво, с такими внезапными движениями, что даже неприятно было смотреть. Они танцевали так без остановки, без отдыха, в полнейшем напряжении более получаса; наконец один из танцоров упал на землю недвижно, но другой несмотря ни на что не переставал танцевать. Я испугалась, подумала, что первый потерял сознание или получил апоп-

лексический удар. Я с негодованием видела, что ни один из его товарищей и не думал его спасти, — но вдруг этот лишившийся чувств вскакивает резко с земли и вновь, с несдерживаемой силой, вступает в новый танец.

Зрители все это время сидели на земле, поджав под себя по-восточному ноги.

Когда танцоры наконец-то натанцевались и собрались было уходить, я, в соответствии с нашими обычаями, насыпала одному из них в руки несколько монет. Остяк принял их, показал другим, и все начали говорить по-своему.

По окончании достаточно долгих разговоров один, умеющий немного говорить по-русски, взял голос и спросил, зачем я дала эти деньги.

— Вам на водку, — ответила я.

— Если у тебя есть водка, то дай нам водки, будет хорошо, мы ее любим, но брать деньги — это очень плохо.

Мне стало стыдно. Но я ответила, что, не имея водки у себя в доме и видя, как они устали от танца, я хотела, чтобы они подкрепились.

— Мы танцевали не для тебя, — ответили они, — но по собственному желанию, тебя же мы благодарим за то, что ты позволила у себя потанцевать. Деньги не нужны. Мы, как приедем следующий раз, привезем тебе уток.

Меня удивило это природное благородство народа дикого и бедного, по сравнению с нами. Эта черта их характера дала много пищи моему уму. Но я не придумала ничего нового, когда сказала себе, что ограничение желаний порождает независимость, а независимость — это мать всяческого благородства.

Говорили, что, когда несколько лет назад тобольский губернатор приехал на Обдорскую ярмарку, остяки приходили из любопытства посмотреть на такое редкое явление. Когда у некоторых из них заболели ноги, они, не принуждая себя терпеть неудобство, просто-напросто сели на землю.

Присутствующие при этом чиновники начали их прогонять, объясняя, что они не имеют права сидеть в присутствии губернатора.

— Чем ему это повредит, — спросили удивленно остяки, — мы ведь не забираем у него все место: если у него заболят ноги, есть же еще место, где ему сесть.

Сиятельныйший губернатор, узнав через переводчика, о чем идет речь, приказал не беспокоить не имеющих представления об этикете остяков.

1 декабря 1840. Березов

В Березове великий переполох и замешательство. Один самод по имени Вауль, начальник ватаги, за вооруженные нападения на другие ватаги, заканчивающиеся для них контрибуцией, и другие насильства, а также грабежи был в прошлом году схвачен, осужден уездным березовским судом и приговорен к высылке в Сургут, небольшое поселение, принадлежащее к здешнему уезду, верстах в 800 отсюда.

Вауль, человек ловкий, отважный и предприимчивый, смог сбежать из мест своего изгнания и, пользуясь любовью и доверием своей ватаги, прибавив к этому немного вранья и отговорок, рассказывая, что виделся с «белым ларен» (как в Сибири простой народ называет русского царя), что получил от него отпущение грехов и возвращение своих прав, вновь собрал под свое предводительство многие семьи самоедов.

Отношения начальников и подвластных им ватаг такие. Подначальные обязаны оказывать покорность, уважение и повиноваться всем приказам начальника. Начальник же должен их охранять от нападений чужаков, обеспечивать им всем пропитание в голодное время, улаживать отношения с властями.

Смелый, энергичный, авантюристичный характер Вауля, имеющего к тому же черты шамана, владеющего всеми секретами, свойственными этому положению, сделал из него в глазах самоедов какое-то высшее существо. Не только боязнь возможных обид, но и доверие собрали под его начало несколько сотен семейств.

Когда Вауль почувствовал себя уже достаточно могущественным, он обратил все свои действия против обдорского *заседателя*, чтобы сместить его; Вауль приказал своей ватаге не платить *ясак* (подати мехами), прежде чем заседатель не будет заменен. Он распространил свою неприязнь и на обдорского князя, который в прошлом году принял участие в его поимке, и решил отомстить последнему.

С приближением Обдорской ярмарки Вауль стянул свою ватагу поближе к Обдорску и на расстоянии от него всего в один день пути встал лагерем в несколько сотен чумов.

Великий страх распространился по Обдорску, как и по Березову: местные жители, убаюканные всегдашней безопасностью, думающие только о торговле, опомнились, разбуженные опасностью, которую сами же преувеличили. Говорят, что Вауль угрожает войти в город, угрожает грабежами, угрожает поджогами, грозит вырезать всех жителей.

Воображение здешних обывателей всегда склонно к преувеличениям, любит нагнетать опасность. Одни насчитывают в лагере Вауля 300, другие 500, третьи 1000 вооруженных чумов, готовых ко всему; а тут ярмарка притягивает всех к Обдорску, и сами вынуждены идти прямо в пасть страшного Вауля. Жены, дети купцов, оставшиеся дома, как это всегда бывает в подобных случаях, рассказывают друг другу сказки, пугая одни других.

1841 год. 4 января. Березов

Глаза всех постоянно обращены к Обдорску. Опасаясь внезапного нападения, полиция распорядилась, чтобы каждый дом был снабжен каким-нибудь оборонительным оружием, чтобы двери в домах на ночь были заложены. Тем временем ночные сторожа ходят по улицам, обеспечивая всеобщее соблюдение осторожности. Одним словом, жизнь, движение в Березове проснулись. Таких воинствующих лиц не было видно в здешних местах со времен Ермака.

Одно происшествие чуть было не получило трагического завершения. Один местный казак, пользуясь всеобщим настроением умов, решил позабавиться за счет своей семьи.

Возвращаясь поздно домой, он подкрался тихонечко под двери и, изменив свой голос, громко закричал по-самоедски, чтобы ему отворили.

13-летний сын этого казака подскочил к дверям с обнаженной шпагой и хотел уже рубить неприятеля. На счастье, отец, услышав звук оружия, успел дать себя признать. Хороший паренек! Мало таких в Березове.

16 января 1841

Победа! Победа! Величайшая новость! Великая радость! Самоед, гроза всей округи от Березова до Ледовитого океана, был схвачен и закованным привезен в Березов.

История его поимки такова.

Самоед Вауль стоял со своей ватагой, как я уже говорила, на расстоянии в день дороги от Обдорска, уверенный в своей силе

и думая, что может диктовать условия. Он разослал своих посланцев по другим ватагам, запрещая всем платить ясак, прежде чем не будет сменен заседатель, а обдорский князь отстранен от своей должности. В противном случае он угрожал своей мстостью.

С одной стороны, боязнь мести Вауля, с другой — всеобщая неприязнь, какую возбуждал заседатель, вечно пьяный и несправедливый, привели к тому, что угроза возымела желаемые последствия. Хотя, как обычно, исправник и поехал в Обдорск для сбора ясака, однако собрана была только небольшая его часть.

Исправник послал рапорт о положении дел, а Вауль, не видя никаких ответных шагов со стороны властей, еще больше уверился в собственной безопасности.

Ярмарка, тем не менее, шла своим чередом. Несмотря на различные слухи о намерениях Вауля, этот последний ни к городу не приближался, ни делал никаких других наступательных шагов. В конце концов обдорский мещанин Нечаев решил положить конец беспокоящей всех обстановке.

Прежде всего распустили весть, что царь прислал помилование для Вауля и вместе с ним представление к должности старшины и богатый кафтан в подарок. Весть эта, кружа между остяками и самоедами, несколько раз достигала ушей Вауля, однако он не давал ей веры, боясь предательства.

В конце концов мещанин, о котором я упоминала, будучи издавна в торговых отношениях с Ваулем, и которого последний мог бы считать своим другом, сам поехал в ватагу Вауля, приветствовал его ласково, повторил все, о чем тому уже было донесено, и добавил, что исправник ждет только его прибытия, чтобы объявить ему прощение, а также передать назначение и подарки, но, однако, при условии, что Вауль прикажет сначала собрать ясак.

— Ты обманываешь, — сказал Вауль. — А знаешь ли ты, что твоя голова ответит за это предательство?

— Если бы я обманывал, — ответил Нечаев, — зачем бы я подвергал себя опасности и добровольно лез в твои руки?

Ответы Нечаева сделали свое дело, и Вауль ему полностью поверил. Речь шла только о выставлении условий. Вауль настаивал на том, что приедет с ясаком в Обдорск не раньше, чем уволят заседателя и лишат высокого сана нынешнего князя. Нечаев обещал ему все это, только бы склонить Вауля к приезду в Обдорск.

Пока Нечаев вел дипломатические переговоры, самоеды Вауля схватили обдорского князя и доставили его к своему начальнику. Вауль сгоряча приказал сначала его повесить. Сохраняющий трезвость мысли Нечаев, приостанавливая этот приказ, сдерживает порыв Вауля, убеждая его, как друг, отменить приказ, потому что этот необдуманный шаг вновь осложнит его отношения с властями в тот момент, когда власти относятся к нему так благосклонно.

Или это гнев Вауля начал остывать вследствие смирения князя, или же уговоры Нечаева подействовали, но Вауль начал успокаиваться и вместо смертной казни выставил условия для примирения.

Прежде всего, он требовал, чтобы обдорский князь отрекся от власти в пользу своего брата; во-вторых, чтобы отдал контрибуцию в несколько сотен оленей ватаге Вауля.

Князь добровольно принял все условия, потому что был напуган, потому что речь шла о его жизни. Вауль требовал, чтобы князь скрепил договор присягой, что тот и исполнил, вылизав слюну, которую сплюнул Вауль.

Когда договорились по всем пунктам, Вауль отпустил князя, а на третий день Вауль должен был приехать к князю в Обдорск, где князь должен был сделать расклад контрибуции на подчиненную ему ватагу.

Князь выполнял все условия договора. Он, как и прочие остяки и самоеды, верил распространяющейся молве о царских милостях Ваулю.

В назначенный день Вауль со 120 нартами вышел в направлении Обдорска. Он так мало ожидал какой-либо опасности, что, остановившись на реке Палыцу, послал к князю уведомить о своем прибытии, а также пригласить князя выехать встретить Вауля.

Князь исполнил желание Вауля. По прибытии князя Вауль, оставив свою свиту на вышеупомянутой реке, в сопровождении только 8 нарт поехал с князем в юрту этого последнего.

Застал там приготовленный банкет и собравшуюся ватагу обдорского князя. Вновь названный преемник тоже присутствовал. Одни хлопотали около угощения, другие разговаривали о делах. Вауль получил все знаки внимания: в рот ему подкладывали кусочки мяса, стирали слюну, как только она падала на землю.

Исправник, будучи уведомленным о прибытии князя, отдал следующий приказ. Все, как местные жители, так и приехавшие на ярмарку, вооружились бы, чем могли; а так как оружия было очень мало, то палки, моржовые клыки, кости мамонта, ваги, привязанные на концах веревок, заступили его место. Приехавшие на ярмарку зыряне проявили много храбрости и прозорливости в этой небольшой кампании.

Пятеро самоедов охраняли нарты, остальные вошли в юрту князя вслед за своим начальником.

Начали, прежде всего прочего, с того, чтобы не дать Ваулю сбежать, — для этого бросились к оленям, отпрягли их от нарт и отогнали подальше. Самоеды, которые стерегли нарты, вместо того, чтобы предупредить начальника об опасности, начали спешно отходить к товарищам, оставленным на реке, чтобы при их помощи как можно быстрее добраться до своих чумов и спасти жен и детей, рассеявшись по лесу.

Вауль ничего не знал о своем положении, когда заседатель вошел в юрту князя и с издевкой начал поздравлять его с полученными милостями.

Вауль вместо ответа плюнул ему в глаза и повернулся спиной.

В это время вошел посланец от исправника, приглашая Вауля закусить у пославшего его чиновника.

Насколько заседатель был ненавистен всем местным народам, настолько исправник, добрый и снисходительный, был ими любим.

Вауль ответил на приглашение, что в данный момент принять его не может, потому что у него с собой нет приготовленных для исправника подарков, но через несколько дней будет у него.

Подобный ответ не соответствовал намерениям исправника, и он сам пришел к Ваулю, повторяя свое приглашение.

Вауль еще раз отказался, но, не думая ни о какой опасности, как и первый раз, отговорился тем, что у него нет с собой приготовленных подарков.

Исправник, уверявший, что это никакая не причина, что подарки он примет в свое время, приглашал его хотя бы на рюмку водки и, взяв колебавшегося Вауля под руку, увел с собой.

Как только Вауль оказался за дверями, исправник сказал: «Вот и Вауль!» — и казаки, переодетые по-остяцки, стоявшие у дверей на страже, бросились на него.

Вауль, заметив засаду, сумел еще вырваться из рук противника и побежал к своим нартам, но, увидев, что оленей уже нет, отчаялся, потому что остяк или самоед без оленей как без собственных ног. Однако он все-таки бросился бежать в сторону нарт, оставленных на реке, но увяз в глубоком снегу, а догонявшие его казаки и кое-кто из простонародья нагнали его и связали.

Самоеды из партии Вауля, видя своего начальника попавшим в ловушку, будучи в малом количестве, больше думали о собственной безопасности; с этой целью они загасили огни в юрте, а в темноте им удалось смешаться с толпой и уйти вместе со зрителями этой сцены.

Но двоих все-таки схватили — тех, кто шел сразу же за Ваулем. Один был его брат, а второй — его друг.

Этих трех узников и привезли сегодня в березовскую тюрьму.

17 января 1841. Березов

Хоть и схвачен главный зачинщик замешательства, но страх еще не оставил город. Жители боятся, как бы сторонники Вауля не напали на Березов, чтобы отбить своего вождя. Тем временем дома главных купцов, которые больше всего боялись мнимого нападения Вауля в дни его успеха, частично из милосердия, частично из боязни доставляют в тюрьму еду, чтобы снискать себе благосклонность узников на случай их вызволения.

Говорят, что у некоторых народов злые духи требуют больше жертвоприношений, чем добрые, потому что последние любят делать добро по своей природе, а злых надо умолять жертвами. Этим инстинктом или же подобными рассуждениями руководствуются сегодня жители Березова.

При этом вера в сверхъестественную силу Вауля такова, что здешние жители рассматривают его пленение как дело временное.

Березовский кузнец, вызванный, чтобы заковать Вауля в тяжелые кандалы, улыбнулся снисходительно на это предложение.

— Вы думаете, — сказал он, — что это что-нибудь значит — то, что железо будет крепкое и толстое? Любое обычное железо лопнет под силой чар шамана.

— В Березове нет могущественных духов, — озадачились все.
— Что тут поделаешь? Что, если, избави Боже, Вауль убежит?!!
Как бороться с неведомой силой? Ответственность велика.

— Я подскажу, что делать, — произнес кузнец. — Нужно отвечать силой на силу. Я знаю кое-что получше, чем шаманы. Могущество шамана разобьется об эту штуку.

И кузнец велел принести ему гвоздик с лошадиной подковы, вправил его в железо кандалов и поручился, что сила шамана лопнет перед этим талисманом.

11 февраля 1841. Березов

Схвачены еще двое товарищей Вауля и привезены в Березов.

Из Тобольска приехали чиновники, которые должны составить следственную комиссию по делу Вауля. Ее члены: поручик Толстой, адъютант; генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков; советник Соколов и чиновник Козачинский.

Вауля и его товарищей увезли в Тобольск...

Перевод с польского О. Трофимовой

Утечка

Однажды появился вопрос: насколько доступно было среднее (общее и специальное) и высшее образование для способной молодежи Тобольского Севера, наших земляков, в XIX и начале XX века? Советской исторической наукой он разрешался совсем просто: это был край «полудикости и настоящей дикости», т.е. ничего не было. Однако рано или поздно столь безапелляционный ответ перестает удовлетворять, и появляется спрос на конкретику. В поисках ответа на поставленный вопрос и собрался публикуемый биографический словарь.

Образовательных учреждений на территории, которую ныне занимает наш округ, в то время было мало: Березовское уездное училище, основанное в 1818 году, единственное на весь Север, казачья школа в Сургуте, приходские училища в Березове и Сургуте, сельские школы в Самарово, Сухоруково, Малом Атлыме, других селах и деревнях, открывавшиеся как на счет казны, так и частных жертвователей. Постепенно их становилось больше. Всем этим училищам предшествовали школы на дому, учителями в которых чаще всего были доброхоты из местного духовенства.

Среди северян (чиновников, священников, купцов, состоятельных мещан и крестьян) неизменно находились люди, сознававшие потребность в распространении грамотности. Они обращались с ходатайствами, возбуждали общественное мнение, объявляли сбор средств на школьные нужды, строили помещения для школ, покупали учебники, платили учителям. Назовем для примера Г.А. Колпаковского, П.И. Гинца, В.В. Сургутскова, С.Т. Окунева, В.Т. Земцова, А.С. Протопопова, Г.С. Клепикова. Школы временами закрывались, снова открывались или вместо них где-то появлялись другие. Грамотность населения постепенно росла. В литературе этого периода можно встретить почти единодушные высказывания разных авторов о сравнительно высокой грамотности в Березове и Сургуте.

Школы с неизбежностью стали выявлять способных детей, для которых знание становилось одной из главных ценностей. Патриотически настроенная сибирская интеллигенция не уставала твердить о необходимости открывать новые учебные заведения для подготовки специалистов разных профессий, нужда в которых возрастала, из самих сибиряков.

На всю Тобольскую губернию в середине столетия имелось лишь два учебных заведения, которые давали среднее образование, — мужская гимназия и духовная семинария в губернском центре. Восточнее Урала не было ни единого высшего учебного заведения, ближайшие к Сибири университет и духовная академия находились в Казани. Из тех немногих сибиряков, кто получал возможность учиться дальше, большинство назад не возвращалось. Эта «утечка» лучших умов, в которых так нуждалась их родина, была одной из злободневнейших тем сибирской публицистики. Вот только один пример из тобольской прессы. Сотрудник «Сибирского листка» А.А. Зубковский в четырех номерах газеты исследовал важный вопрос: почему молодые сибиряки по окончании университетов предпочитают оставаться в европейских губерниях, что мешает им вернуться? Статья вызвала острую полемику с газетой «Восточное обозрение»¹.

Один из лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцев, обращаясь к петербургским студентам-сибирякам, писал: «Связь действительно между провинцией и столицей есть, но она состоит в том, чтобы как в столице кипела жизнь, как в столице были общественные деятели, так то же было бы и в провинции. Столица, сосредоточивая все силы провинции, высасывая все лучшие соки из нее, ничего не сделает без провинции. Умственный прогресс должен быть и в столице, и в провинции. Почему же столица должна кипеть жизнью, а провинция коснеть в невежестве? Вы скажете, что теперь в столице сосредоточивается дело всей империи. Хорошо-с. А если провинция станет тормозом прогрессивным действиям столицы? Наконец дело идет к тому, чтобы провинциям жить более самобытной жизнью, к децентрализации. Где те элементы, кто создаст их, чтобы управ-

¹ Зубковский А. Сибирские отголоски // Сибирский листок. — 1891. — 24 марта, 9 мая, 23 мая, 20 июня.

лять своей самобытной жизнью и выражать свои местные интересы, когда лучшие силы будут сосредоточены в столице?»².

Отсутствие местного образования, по мнению либеральной сибирской интеллигенции, привело к тому, что «в то время как Россия переживает реформы, изменяющие ее быт, сибирское общество остается в прежнем неподвижном положении»³. И действительно, коренного улучшения требовали рыбное хозяйство, транспорт, связь, оленеводство, животноводство, здравоохранение, школьное дело — все сферы жизни Тобольского Севера, а для этого нужны были свои специалисты. Ярким выражением этой потребности было открытие в 1897 г. крестьянином В.Т. Земцовым на собственные средства школы рыбообработки в селе Самарово.

В конце XIX — начале XX в. приток северян в учебные заведения заметно увеличился. Этому способствовало открытие первого сибирского университета в Томске в 1888 г., а также нескольких новых специальных учебных заведений (ветеринарно-фельдшерской и торговой школ, учительской семинарии и учительского института в Тобольске и др.) и высочайше разрешенный 14 декабря 1905 г. прием в университеты выпускников духовных семинарий.

Публикуемый биографический словарь можно рассматривать как иллюстрацию к истории образования на Тобольском Севере. При заведомой его неполноте (например, не даны сведения о выпускницах женских гимназий и епархиальных женских училищ) он все же дает некоторый материал для анализа. Так, может показаться удивительным, что из 57 человек, чьи краткие биографии представлены, половина вернулась в северные округа (уезды). Но эта половина складывается в основном из выпускников Тобольской духовной семинарии, которая собирала в своих стенах, главным образом, сыновей священно- и церковнослужителей Севера для того, чтобы, обучив их, отправить в родные места приобщать к христианской вере «инородцев». К ним присоединяется небольшое число выпускников Омской фельдшерской школы — как это ни удивительно, в основном из «инородцев». Учеба же в высших учебных заведениях, как правило, означала потерю для Севера его посланцев, и не только из-за профессиональной не востребова-

² Ядринцев Н.М. Письмо сибирскому студенческому землячеству в Петербурге // Земля Сибирь. — Новосибирск, 1991. — № 0. — С. 69.

³ Ядринцев Н.М. Соч.: Т. 1. Сибирь как колония. — Тюмень, 2000. — С. 402.

сти, но и в результате Октябрьской революции, Гражданской войны и последующих репрессий. Нити многих биографий выходцев из духовенства, чиновничества, купечества обрываются именно в это время. Так что «утечка» целой плеяды наших незаурядных земляков в иные российские края, а то и в небытие очевидна.

Аверкиева Вера Александровна. Род. в 1884 г. в Сургуте в семье политссыльных Е.И. и А.Н. Аверкиевых. Окончила гимназию в Саратове. С 1903 по 1910 г. состояла в партии эсеров, четырежды арестовывалась. Эмигрировала во Францию. В Россию вернулась за несколько дней до октябрьского переворота. В 1920 г. как бывшая эсерка была арестована. В 30-х годах работала в Москве в обществе политкаторжан. В 1936 г. выслана в Сургут. Здесь в том же году арестована и по сфабрикованному делу осуждена на 10 лет заключения. (*Патранова В.* Оппозиция // Читающая Югра. 1998. № 2).

Башмаков Иван Васильевич. Род. 24 янв. 1882 г. в с. Базьяновском Самаровской вол. Тобольского окр. в семье крестьянина. Учился в Тюменском Александровском реальном училище, выбыл 10 авг. 1900 г. из пятого класса. В начале 1903 г. окончил в С.-Петербурге частные счетоводческие курсы, находившиеся в ведении Министерства финансов, показал хорошее знание в бухгалтерии и коммерческой корреспонденции и удовлетворительные — в торговом законоведении и коммерческих вычислениях. После этого в мае того же года с хорошей оценкой окончил специальное отделение курсов по банковскому счетоводству. В начале 1908 г. определен в штат Тобольского управления государственных имуществ канцелярским служителем. В мае 1913 г. назначен счетным чиновником Тобольского отделения Государственного банка, в конце 1915-го — помощником бухгалтера. 21 ноября 1919 г. просил управляющего Тобольским отделением выдать ему месячный оклад содержания в связи с призывом на военную службу. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1233).

Вергунов Нестор Иванович. Род. в Сургуте, сын священника с. Верхне-Лумпокольского Сургутского округа Ивана Васильевича Вергунова. Прошел полный курс Тобольской духовной семинарии, из которой был выпущен в 1854 г. С 1856 г. до начала XX в., около полустолетия, бесменно служил священником Самаровской Покровской церкви.

Вергунов Платон Иванович. Уроженец Сургутского края, брат Н.И. Вергунова. Учился в Тобольской духовной семинарии. С 1865 г. служил священником в с. Гаринском Туринского округа Тобольской губ. Действительный член Тобольского губернско-го статистического комитета с 1886 г. Один из учредителей Тобольского губернского музея. (Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 15/16. С. 373—375).

Волков Владимир Македонович (1894—17 нояб. 1987). Род. в г. Березове в семье учителя истории и географии уездного училища М.И. Волкова, женатого на дочери местного купца П्लеханова. Окончил Тобольскую духовную семинарию (1915) и Московскую духовную академию (1919). С 1921 г. преподавал в школах г. Сергиева Посада, с 1924-го работал в системе профтехобразования, был ректором сельхозинститута в Сергиевом Посаде, в 1943 г. организовал в городе первую среднюю школу рабочей молодежи. В 1955 г. начал работать в Московской духовной академии помощником библиотекаря, в 1963—1970 гг. — зав. библиотекой, затем — ее научным консультантом. Много занимался церковной библиографией. За плодотворную деятельность на благо православной церкви награжден орденами Святого равноапостольного князя Владимира III степени и Преподобного Сергия Радонежского III степени. Погребен на кладбище в Сергиевом Посаде. (Журнал Московской патриархии. 1988. № 5. С. 32).

Вологодский Лука Петрович (около 1809 — не позднее 1848). Уроженец Нижнего Приобья, сын дьячка Чемашевской Николаевской церкви. Выпускник Тобольской духовной семинарии. С детства хорошо владея хантыйским языком, в 1832 г. вошел в состав Обдорской духовной миссии. После прекращения деятельности миссии служил в Обдорске священником. Затем тобольским архиепископом Афанасием был переведен в Тобольск для составления азбуки и словаря остяцкого языка, а затем «перевода, по крайней мере одного из Евангелий и краткого катехизиса на сей язык». В 1839 г. Синод передал его труды в Академию наук. Академик Шёгрэн дал им высокую оценку, но просил автора пересмотреть и пополнить словарь, дать более обширные переводы, написать грамматику языка и описать географическое распределение его наречий. Часть этих просьб Вологодский выполнил, но когда от Шёгрэна поступили новые замечания, просьбы и советы, от дальнейшей работы отказал-

ся, полагая, что не знавший остяцкого языка академик не мог правильно судить об его работе. Вскоре Вологодский умер. По сведениям М.А. Кастрена, это случилось в Петропавловске, где Вологодский был священником. (*Кастрен М.А.* Соч. в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845—1849). Тюмень, 1999. С. 307—308).

Григорьев Алексей Степанович. Род. ок. 1892 г. Происходит, по-видимому, из обских ханты. В 1912 г. окончил Омскую учительскую семинарию. Был учителем земской школы в с. Елизарово Березовского уезда.

Добровольский Константин Викторович (ок. 1850—1901). Сын березовского рыбопромышленника. Окончил пять классов Тобольской семинарии. В 1870 г. выдержал в педагогическом совете гимназии испытание на звание учителя чистописания, черчения и рисования в уездных училищах. Преподавал в Березовском уездном училище. Одновременно в 1878—1884 гг. состоял наблюдателем Березовской метеостанции, за что получил в награду от Главной физической обсерватории 200 руб. (*Белобородов В.* Добровольские // Югра. 2003. № 2. С. 40).

Евсеев Вениамин Иринархович. Род. 25 февр. 1905 г. в Березове в семье уездного исправника. Учился в Самарском сельскохозяйственном институте, в 1930 г. с четвертого курса перешел в Оренбургский институт крупного мясного скотоводства на факультет кормодобывания, который окончил в 1931 г. С этого года работал в Оренбургском НИИ молочного и мясного скотоводства. Доктор сельскохозяйственных наук. Награжден орденом «Знак Почета».

Замятин Николай Андреевич. Род. 6 мая 1889 г. Из крестьян Сургутского уезда. В 1908 г. окончил Омскую учительскую семинарию, был учителем в Тюкалинском уезде Тобольской губ., в школах Томской и Тульской губ. В 1917 г. сдал экстерном экзамен за полный курс Томского учительского института. Летом 1917 г. назначен сургутским уездным комиссаром, руководил уездом до 3 апреля 1918 г. и с 30 июля 1918 г. до установления советской власти в декабре 1919 г. (*Цысь В.В.* Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917—1921 гг.). Нижневартовск, 2005. С. 77—78; *Белобородов В.* Другая сторона // Подорожник. 2005. Вып. 1).

Игленкин Ипатий Созонович. Выходец из хантыйских юрт Малоатлымских Березовского округа. В 1858 г. окончил Омскую фельдшерскую школу. Службу начал в г. Березове, в 1863 г. был

переведен в Кондинскую дистанцию. Окружной березовский врач Крживицкий положительно оценивал фельдшерскую деятельность Игленкина, особенно отмечая одно бесспорное его преимущество перед русскими фельдшерами: он знал язык соплеменников, не нуждался в переводчике и поэтому мог точнее определить болезнь. («...судьбу этих людей можно устроить лучшим образом» // Подорожник. Вып. 3. Тюмень, 2003. С. 48–49).

Кайдалов Андрей Яковлевич. Род. ок. 1794 г. в Сургутском крае. В 1818 г. окончил богословский курс Тобольской духовной семинарии. Начиная церковную службу в с. Верхне-Лумпокольском на Оби. В 1829–1946 гг. служил в Сургуте. Энергичный деятель просвещения. Его стараниями в 1835 г. в городе вновь открылась казачья школа, и он был в ней не только законоучителем, но и преподавал другие предметы, за что получил благодарственный лист от губернатора. После Сургута служил священником в с. Мужы и одновременно помощником настоятеля духовной миссии. (*Белобородов В.* Кайдаловы // Югра. 2001. № 7. С. 50–51).

Кайдалов Василий Александрович. Сын священника. В 1842 г. окончил Тобольскую духовную семинарию. С 1849 г. — священник Сургутской Троицкой церкви. В собственном доме открыл школу, в которой обучалось до 30 девочек, преподавание вели сам священник и его сестра. Известен миссионерской деятельностью среди сургутских ханты. По-видимому, первым испытал в почвенно-климатических условиях Сургута возможность возделывания зерновых культур. В 1851–1853 гг. производил в небольших размерах опытные посевы ячменя, овса и конопли и за успешные опыты получил благодарность от Русского географического общества, а в 1861 г. награжден малой золотой медалью Вольного экономического общества. Умер в Сургуте в 1871 г. от холеры. (*Белобородов В.* Указ. соч. С. 51–52).

Кайдалов Николай Яковлевич (р. ок. 1796 г.) Брат А.Я. Кайдалова (см. выше). Окончил Тобольскую духовную семинарию, служил в Березове и Сургуте. В начале 1860-х годов — протоиерей Ишимского Богоявленского собора. Историк церкви А.И. Сулоцкий писал: «Из учившихся и кончивших курс семинарии при Амвросии Келембете... в 1820 г. были хорошие протоиереи (ишимские) Павел Седачев... и Николай Кайдалов...» (*Сулоцкий А.И.* Соч. в трех томах: Т. 2. О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. С. 576).

Карпов Петр Алексеевич. Сын дьячка Березовского Воскресенского собора. В 1850 г. — студент Казанской духовной академии (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 196).

Клепиков Алексей Галактионович. Род. ок. 1893 г. в Сургуте. Сын купца Галактиона Степановича Клепикова, почетного блюстителя Сургутского мужского училища, награжденного за полезную деятельность по ведомству Министерства народного просвещения золотой медалью «За усердие» и званием личного почетного гражданина. Образование получил в Тобольской гимназии, затем вместе с братьями занимался предпринимательством. В начале 1917 г. избирался председателем уездного исполкома. Во время восстания 1921 г. принял сторону повстанцев, в феврале 1924 г. выездная сессия Тюменского губернского суда приговорила его к лишению свободы. В конце 1925 г. постановлением Президиума ВЦИК освобожден. Позднее, видимо, репрессирован. (*Белобородов В.* Другая сторона // Подорожник. Вып. 1. Тюмень, 2005. С. 26–29).

Козлов Архип Георгиевич. Род. в 1868 г. в семье березовского казака. По окончании Березовского уездного училища в 1882 г. был принят на казенную стипендию в Омскую центральную фельдшерскую школу и через три года окончил ее. Отслужив фельдшером неполных пять лет, был определен в штат Тобольского губернского управления. На новом поприще сделал заметную карьеру: в 1908 г. занимал должность советника губернского управления. Вскоре после перевода губернатора Н.Л. Гондатти из Тобольска в Томск последовал за ним.

Коллегаев Андрей Лукич (8 окт. 1887–1937). Род. в Сургуте в семье ссыльного революционера-народника Луки Васильевича Коллегаева. Один из лидеров левых эсеров. В декабре 1917 — марте 1918 гг. — нарком земледелия. После левоэсеровского мятежа 1918 г. порвал с эсерами. В 1918–1920 гг. — начальник снабжения и член Реввоенсовета Южного фронта, в 1920–1921 гг. — член коллегии наркомата путей сообщения. (Метрическая книга Сургутской Троицкой церкви за 1884–1887 гг. Лл. 239 об.–240; Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 607).

Кондаков Андрей Иванович (25 нояб. 1888 — 15 сент. 1937 г.). Род. в Сургуте в семье отставного казачьего урядника. В 1916 г. окончил Томский учительский институт, с 1917 г. преподавал в Сургутском смешанном высшем начальном училище. Во время вос-

стания 1921 г. был избран гражданами Сургута председателем комитета общественной безопасности, затем — членом крестьянского совета. За участие в органах власти повстанцев в 1924 г. осужден. В ноябре 1927 г. работал в Тобольске бухгалтером местного отделения «Уралмедторга». 29 июля 1937 г., будучи главным бухгалтером Тобольской окртрюдсберкассы, арестован по сфабрикованному обвинению. Расстрелян в Тобольске. Реабилитирован. (*Белобородов В. Другая сторона // Подорожник. Вып. 1. Тюмень, 2002. С. 31–34.*)

Корепанов Иван Петрович. Род. в 1865 г. в Сухоруковском Березовского округа. В конце 1870-х годов общества крестьян двух соседних волостей — Елизаровской и Кондинской — и инородцев Котской управы пожертвовали деньги на стипендию для обучения в Омской фельдшерской школе местного грамотного мальчика. 19 мая 1872 г. на сходе крестьян Елизаровской волости было решено отправить на учебу Ивана Корепанова. По окончании фельдшерской школы в 1883 г. И.П. Корепанов служил фельдшером в Сургуте, в селах Елизаровском и Нахрачинском, в Березове и Самарово. В 1907 г. уволен в отставку, после чего вынужден в поисках заработка для содержания многодетной семьи и учебы детей переехать в Томскую губернию и поступить в один из врачебных пунктов для переселенцев. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 352. Оп. 1. Д. 578).

Кузнецов Иван Александрович. Уроженец села Самарово, сын торгующего крестьянина А.Г. Кузнецова. Окончил гимназию. Учился на медицинском факультете Томского университета.

Кушников Александр Николаевич. Сын помощника березовского уездного исправника Н.Т. Кушникова. Окончил Тобольскую гимназию. Во время Гражданской войны был поручиком 6-го Сибирского степного кадрового полка. Погиб в бою в 1919 г. на территории Березовского уезда.

Кушников Яков Абрамович. Сын сургутского мещанина. Окончил гимназию. В 1915–1916 гг. учился в Казанском университете, затем перешел на медицинский факультет Томского университета. По свидетельству его племянника Л.И. Кушникова, в Гражданскую войну был призван в армию Колчака, пропал без вести.

Ларионов Вячеслав Федорович (24 сент. 1903–1974). Сын инспектора и учителя Березовского городского трехклассного училища Ф.Ф. Ларионова. Окончил Тюменское Александровское реальное училище и Томский университет. Зоолог, доктор биологичес-

ких наук, профессор. Заведовал зоологической станцией при Московском университете и кафедрой зоологии Всесоюзного института сельского хозяйства. Мастер спорта по стендовой стрельбе. (*Ларионов Ф.Ф.* Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск, 1993).

Ларионов Леонид Федорович (20 июля 1902–1973). Брат В.Ф. Ларионова. Детские годы прошли в Березове, затем учился в Тюменском Александровском реальном училище и на медицинском факультете Томского университета. Онколог, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук. В 1951 г. получил Государственную премию за создание препарата эмбихин. В 1951 г. был назначен заместителем директора Института экспериментальной патологии и терапии рака в Москве.

Лопарев Хрисанф Мефодьевич (1862–1918). Род. в с. Самарово в бедной крестьянской семье. Учился в сельской школе. Возможность для продолжения образования получил благодаря посещению села великим князем Алексеем Александровичем в 1873 г. Местные крестьяне решили ознаменовать это событие учреждением стипендии для одного из односельчан в Тобольской гимназии. Выбор пал на Хрисанфа Лопарева. В 1882 г. он окончил гимназию с серебряной медалью, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и в 1886 г. окончил его. Десять лет служил в Петербурге в государственных учреждениях. В 1896 г. поступил в Публичную библиотеку и работал в ней до конца жизни. Византиновед, историк древнерусской литературы, архивист, библиограф. (*Белобородов В.К., Пуртова Т.В.* Ученые и краеведы Югры: Биобиблиограф. словарь. Тюмень, 1997. С. 170–172).

Лукин Иван Александрович. Род. ок. 1812 г. «Иван Александрович Лукин происходил из остяков Березовского края (ханты Лукины жили в бассейне р. Салым, ныне это территория Нефтеюганского района. — *Ред.*), получив каким-то редким в то время случаем образование в Тобольской гимназии...» (*Голодников К.* Декабристы в Тобольской губернии // Лукич. 1998. № 4. С. 71). В гимназии обучался с 1824 г. Служил в учебных заведениях Тобольской губернии, в частности, был смотрителем Ялуторовского уездного училища. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 53. Лл. 73–75).

Мотошин Михаил Петрович. Сын крестьянина с. Реполовского Тобольского уезда. В начале XX в. был студентом Казанского уни-

верситета и медицинского факультета Томского университета. Его братья Григорий и Ксенофонт учились в Тобольской гимназии.

Мурин Дмитрий. Сын самаровского крестьянина. Окончил Тобольскую гимназию и в 1886 г. поступил на юридический факультет Казанского университета.

Назин Иван Григорьевич. Уроженец хантыйских юрт Насиных Салтыковской волости Березовского округа. После окончания Омской фельдшерской школы приступил к исполнению обязанностей 15 марта 1858 г. в должности младшего лекарского ученика Березовской инородческой больницы, потом был переведен в обдорское отделение. В 1875 г. перемещен в Тобольск, в августе 1876 г. уволен в отставку («...судьбу этих людей можно устроить лучшим образом» // Подорожник. Вып. 3. Тюмень, 2003. С. 47–48).

Нижегородцев Александр Александрович (1 янв. 1890–1937). Сын обдорского рыбопромышленника. Окончил шесть классов Тобольской гимназии и юридический факультет Томского университета. Служил мировым судьей в г. Мариинске Томской губернии, следователем в гг. Боготоле и Томске, юрисконсульт. В 1937 г. репрессирован. Реабилитирован.

Нижегородцев Константин Александрович. Род. 25 мая 1883 г. Брат А.А. Нижегородцева. Окончил с серебряной медалью Тобольскую гимназию и поступил на медицинский факультет Томского университета, который окончил с отличием в 1912 г. Работал на кафедре судебной медицины Томского университета. Профессор. Преподавал в медицинских вузах страны.

Новицкий Аполлоний Павлович. Сын березовского купца. Учился в Тобольской духовной семинарии и Московском коммерческом институте. Оттуда перешел на юридический факультет Томского университета. В 1922 г. руководил Томским губернским отделом статистики. В сентябре 1922 г. арестовывался, но дело было прекращено за недоказанностью обвинения.

Новицкий Василий Михайлович (11 янв. 1890–1957). Сын березовского мещанина М.С. Новицкого. Окончил Тобольскую гимназию (1911) и естественный факультет Казанского университета. Один из немногих северян, получивших среднее и высшее образование в дореволюционные годы, кто плодотворно трудился на благо родного края. Длительное время работал в Тобольске: преподавателем учительского института (1917–1919), научным со-

трудником музея Тобольского Севера (20-е гг.), членом Тобольского комитета Севера (вторая половина 20-х годов), преподавателем рыбопромышленного техникума (30-е годы). Входил в состав Уральского комитета Севера. Проводил этнографические исследования в Березовском и Кондинском районах, многое сделал для разработки основ административного устройства, экономического и культурного развития малочисленных народов Тобольского Севера. См. материалы о нем в настоящем альманахе. (*Белобородов В.К., Пуртова Т.В.* Ученые и краеведы Югры: Библиограф. словарь. Тюмень, 1997. С. 199–201).

Новицкий Василий Павлович. Род. 26 апр. 1868 г. в с. Шеркальском Березовского округа. Брат А.П. Новицкого. После окончания в 1891 г. Тобольской духовной семинарии поступил канцелярским служителем в Тобольскую казенную палату. В 1913 г. переехал в г. Тару, где занял должность уездного казначея. В январе 1920 г. назначен заведующим уездным финотделом. (*Жиров А.* Новицкие в Таре // Югра. 2003. № 1. С. 33–35).

Новицкий Кузьма Павлович. Род. 1 июля 1887 г. в с. Полноватском Березовского округа. Брат А.П. и В.П. Новицких. По выходе в 1904 г. из третьего класса Тобольской духовной семинарии поступил в инженерную академию г. Фридрихсбурга (Германия), где получил специальность инженера-электротехника. В предреволюционные годы заведовал в Тобольске городской электростанцией и водопроводом. В местных газетах встречались упоминания об его принадлежности к группе социал-демократов. Его брат Константин Павлович, родившийся в Тобольске, в 1904 г. окончил Тобольскую духовную семинарию, а затем учился на медицинском факультете Томского университета. (*Белобородов В.* Новицкие // Югра. 2003. № 2. С. 54–56).

Папин Иван Иванович (1849–после 1906). Род. в Сургуте, где его отец Иван Алексеевич Папин в должности хорунжего управлял казачьей сотней. В 1869 г. окончил Тобольскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. В 1872 г. перевелся вольнослушателем в Петербургскую медико-хирургическую академию, но вскоре ушел и оттуда. С 1872 г. состоял в кружке «сибиряков-автономистов», которым руководил его товарищ по гимназии А.В. Долгушин. В 1873 г. был арестован и обвинен в печатании и распространении

воззваний с целью возбуждения к восстанию против верховной власти. Находился в заключении в каторжных тюрьмах. В 1880 г. отправлен на поселение в Якутскую область. В 1885 г. водворен на жительство в родном Сургуте, а в следующем году переведен в Тюмень. Служил в пароходной конторе Игнатова и Курбатова (В родных пенатах под колпаком полиции // Подорожник. Вып. 4. Тюмень, 2004. С. 81–90).

Пирожникова Пульхерия Григорьевна (1894–1989). Родилась в с. Кондинском Березовского округа в семье чиновника, впоследствии переведенного на должность сургутского уездного исправника. В 1911 г. окончила с золотой медалью Тобольскую Мариинскую женскую школу, в 1918 — медицинский факультет Томского университета (с отличием). Умерла в Ялте.

Пластинин Иван Ильич. Род. в 1886 г. в с. Реполовском Тобольского округа в семье торгующего крестьянина. В 1907 г. окончил Тобольскую духовную семинарию. Был священником церкви сел Романовского и Демьянского Тобольского уезда и Сухоруковско-го Березовского уезда. В предреволюционные годы влился в новое для Тобольского Севера кооперативное движение и стал, как писала газета «Тобольское народное слово», «известным на Севере кооперативным деятелем». В середине 1917 г. занимал должность комиссара Елизаровской волости Березовского уезда.

Плеханов Федор Александрович. Род. 22 сент. 1878 г. в семье березовского купца Александра Степановича Плеханова. В 1903 г. окончил Тобольскую духовную семинарию, после чего был священником в Березове, а с 1911 г. — в Обдорске.

Равский Петр Феликсович (1885–1921). Сын березовского купца. В 1906 г. окончил Тобольскую гимназию и поступил на юридический факультет Томского университета, но когда вслед за отцом умерла мать, пришлось оставить учебу и вернуться в Березов, чтобы вести хозяйство и дать возможность сестрам завершить образование. В 1914–1916 гг. преподавал в местном городском училище. В мае 1917 г. избран членом Березовского исполнительного комитета и комитета общественной безопасности, а в июле — городским головой. Все годы революции и Гражданской войны за вычетом времени, когда Березовским уездом управляла советская власть, был одним из руководителей города, за что и поплатился весной 1921 г., разделив судьбу

остальных расстрелянных заложников. (*Белобородов В.* Другая сторона. Подорожник. Вып. 1. Тюмень, 2002. С. 36–38).

Салмина Нина Георгиевна. Дочь капитана Березовской местной воинской команды. Окончила Тобольскую женскую гимназию. Поэтесса, ее стихотворения печатались в тобольской газете «Сибирский листок» в 1918–1919 гг.

Сатыгин Александр Иванович. Род. ок. 1817 г. Сын кондинского вогульского князя. Обучался в Тобольской гимназии на средства отца. С 1834 г. — учитель истории и географии Туринского приходского училища, в 1842 г. переведен в Тобольское уездное училище. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 53. Лл. 52–54).

Силин Андрей Васильевич. Род. в 1892 г. в семье сургутского мещанина. Окончил физико-математическое отделение Тобольского учительского института. С мая 1920 г. — сотрудник Сургутского уездного отдела народного образования. Активно участвовал в повстанческой деятельности в Сургутском уезде в 1921 г. В 1924 г. осужден. (*Петрушин А.А.* «Мы не знаем пощады...» Тюмень, 1999. С. 117–122).

Сотворов Федор Осипович. Уроженец хантыйских юрт Киняминых, расположенных на р. Малый Юган. По окончании Омской фельдшерской школы в 1858 г. получил направление в Сургут. Позднее служил в селах Елизаровском, Нижне-Лумпокольском и Ларьякском. («...судьбу этих людей можно устроить лучшим образом» // Подорожник. Вып. 3. Тюмень, 2003. С. 50–51).

Сыкалев (Ахматов) Петр. Уроженец Ваховской волости. Ханты. После окончания Омской фельдшерской школы служил в Сургуте. Умер 15 сентября 1862 г. от тифозной горячки. (Там же. С. 47).

Сургутсков Иван Иванович (1860—после 1914). Род. в Березове в семье мещанина. В 1882 г. окончил Тобольскую духовную семинарию. До начала 1890-х годов — священник Березовского Воскресенского собора. Из Березова переехал в Тобольск, оттуда — в Тюмень, продолжал священническую службу. Длительное время был членом губернского статистического комитета и Тобольского губернского музея.

Тверитин Александр Яковлевич. Сын причетника. В 1850 г. окончил Тобольскую духовную семинарию. Служил в Обдорске, Тобольске, Туринске. Много полезного сделал для народно-

го просвещения. Награжден орденом Святой Анны 3-й степени. (*Белобородов В.* Тверитины // Югра. 2001. № 5. С. 66).

Тверитин Макодоний Иванович. Сын известного своими земледельческими опытами священника Юганской Богоявленской церкви И.Я. Тверитина. Окончил в 1865 г. Тобольскую духовную семинарию, служил дьяконом Самаровской Покровской и священником Сургутской Троицкой церквей.

Тверитин Михаил Алексеевич (21 мая 1811 — 1889). Род. в с. Верхне-Лумпокольском на восточной окраине Сургутского округа в семье дьячка. В 1832 г. окончил Тобольскую духовную семинарию. Служил дьяконом в Тобольской Воскресенской церкви, священником в Тобольске и Кургане и в 1856—1863 гг. — в Тобольском кафедральном соборе. Неоднократно получал церковные награды. Награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней и Св. Владимира 4-й степени. (*Белобородов В.* Тверитины. Югра. 2001. № 5. С. 65—66).

Тверитин Степан Филиппович. Род. в Сургутском крае в семье священника. После окончания Тобольской духовной семинарии — священник Сургутской Троицкой церкви. Участвовал в работе губернского статистического комитета. (*Белобородов В.* Указ. соч. С. 66).

Трусов-Сургутсков Николай Степанович (19 дек. 1903—после 1949). Род. в с. Реполово в семье крестьянина. В 1916 г. окончил Самаровское двухклассное училище и как отличник был заведующим училищем С.М. Серковым увезен в Тобольск в учительскую семинарию на земскую стипендию. По окончании ее преподавал в школах Реполова и Самарова, работал в Тобольском окроно, в начале 30-х годов заведовал Ханты-Мансийским окроно. Позднее — в исполкомах Березовского и окружного Советов. Закончил трудовой путь в должности заместителя председателя Ханты-Мансийского окрисполкома.

Туполев Алексей Андреевич (ок. 1926—15 мая 1889). Выпускник Тобольской гимназии. В 1840-е годы вел в Сургутской казачьей школе обучение по всем предметам, кроме Закона Божьего. (*Киреев П.* Школы в Сургуте: Краткий исторический очерк развития грамотности в Сургуте и средства содержания школ. Тюмень, 1901. С. 8; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 71. Лл. 41—74).

Худяков Д. Сын самаровского крестьянина. В 1896 г. окончил Тобольскую гимназию и поступил в Московский университет. Упоминается в отчете распорядительного комитета общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии. (Тобольские губернские ведомости. 1896. № 47. С. 1115).

Шеймин Петр Николаевич. Сын самаровского торгующего крестьянина-рыбопромышленника. В 1870 г. первым из самаровцев поступил в Тобольскую гимназию и по окончании ее в 1879 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1883 г. с золотой медалью за конкурсное сочинение «Паспортная система в России». Преподавал на кафедре полицейского права Новороссийского университета в Одессе. (*Лопарев Х.М.* Самарово. СПб., 1892. С. 44–45).

Якушев Иван Александрович (24 июня 1884—11 нояб. 1935). Род. в Сургуте. Окончил Омскую гимназию. Участник революционного движения в России. После свержения советской власти в Сибири в 1918 г. возглавлял Сибирскую областную думу. После самороспуска Думы жил в Харбине и Владивостоке, работал во Всесибирском союзе земств и городов, в союзе сибиряков-автономистов. В 1920 г. выехал в Чехословакию. Организатор и руководитель Общества сибиряков в ЧССР (1926—1935). Редактор-издатель журналов «Вольная Сибирь» и «Сибирский архив». (Иван Александрович Якушев // Подорожник. Вып. 4. Тюмень, 2004. С. 89–90).

Ямзин Иван Львович (ок. 1882—после 1926). Уроженец Березовского округа, сын полицейского чиновника Льва Никифоровича Ямзина, происходившего из березовских казаков и в предреволюционные годы занимавшего должность березовского уездного исправника. После окончания Тобольской гимназии поступил в Казанский университет, но был исключен за революционную пропаганду среди рабочих. Образование заканчивал в Киевском университете, где за сочинение на тему о переселении крестьян из России в Сибирь удостоен золотой медали и премии им. Бунге. Впоследствии стал крупным специалистом по переселенческому вопросу, профессором Воронежского и Московского сельскохозяйственных институтов. (*Белобородов В. Ямзины.* // Югра. 2004. № 3. С. 67).

Собрал В. Белобородов

Николай Ядринцев

Соболь*

Как чуден соболь на твоих,
Красавица, плечах,
Как нежно оттеняет он
Огонь в твоих очах.

Как он блестит, когда его
Посеребрят мороз...
Скажи, дитя, однако, кто
Тебе тот дар принес?

Наверно, тая от любви,
В дань красоте твоей
Поклонник пылкий, молодой
Поднес тех соболей?

Твой рыцарь знатен и богат,
Красив и статен он,
И лаской за подарок свой
Он щедро награжден.

Но вот что мне скажи еще,
Кто рыцарь был другой,
Кто в глубине лесов добыл
Твой соболь дорогой?

Взгляни в далекую тайгу:
Уродливый на вид,
Там иноземец в шалаше
На голом мху лежит.

---

* Печатается по: Сибирские строки: Русские и советские поэты о Сибири.
— М., 1984.

Он безобразен, жалок, дик;
В руке убогий лук,
И взор слезящийся его
Исполнен горьких мук.

Богатства добывает он
По дебрям и лесам,
Но вечно голоден и нищ
Зато бывает сам.

Увы! неведомый тебе
Бедняк в глуши умрет,
А с сладких уст твой поцелуй
Иной герой сорвет...

1885

Ю.М. Козлова

Сенькин

(Страницы неоконченной повести)

Публикуемые материалы — неожиданное и, пожалуй, самое крупное открытие нашего альманаха 2004 года. Предыстория его такова. Во втором выпуске «Подорожника» был напечатан очерк «Козловы». В нем рассказывалось о старом березовском казачьем роде. Сборник издан небольшим тиражом и распространялся почти исключительно в пределах округа, но года через два каким-то образом добрался до Тюмени, там его увидела Галина Антоновна Попова, принадлежащая к известному в Ханты-Мансийске семейству потомственных связистов Козловых, выходцев из Березова. Прочитав очерк, она позвонила автору, а немного позднее состоялась встреча. Галина Антоновна оказалась словоохотливой собеседницей, сообщила много интересного. В разговоре она упомянула о том, что ее мать, Юлия Моисеевна Козлова, писала в 1950-е годы повесть. И в ответ на просьбу разрешить ее почитать привезла целую стопу рукописей.

Оказалось, что это наброски художественно-документального повествования о жизни Березовского края в начале XX столетия, главным героем которого был известный участник революционных событий Т.Д. Сенькин. Повесть во многом автобиографична, так как членов семьи автора и главного героя связывали отношения родства и совместное участие в целом ряде событий.

Собственные воспоминания автора о Сенькине (в год его гибели ей было 13 лет) и рассказы о нем близких, скорее всего, и были первоначальным стимулом к писательскому труду и документальной основой повести. Позднее, в процессе работы, Юлия Моисеевна искала новые источники информации. Ближайшим из них стала Домника Серапионовна Шилова (Ануфриева), старшая сестра жены Сенькина Агафьи Серапионовны, бывшая сельская учительница. В «Материалах к повести» публикуются два ее

письма — по ним читатель без труда разглядит, насколько широко полученные из них сведения легли в ткань повествования.

Продолжая исследовать биографию героя и историю революционных событий в Березовском уезде, Ю.М. Козлова обращалась с непрерывно возникавшими вопросами к их участникам и свидетелям. По сохранившейся части переписки видно, что сильное влияние на автора оказал живший в г. Бийске Алтайского края бывший член Березовского Совдепа Иван Филиппович Филиппов.

Противоречивые и подчас даже противоположные оценки одних и тех же фактов, поступавшие из разных источников, создавали автору немалые трудности. Возможно, именно из-за них не удалось довести повесть до конца.

Обремененная службой, большим семейством и домашним хозяйством, не имея писательского опыта, Ю.М. Козлова тем не менее сумела собрать богатый материал и часть его облечь в литературную форму. Ее текст, «населенный» живыми персонажами, насыщенный достоверными фактами местной жизни, деталями, точно характеризующими северный быт вековой давности, на наш взгляд, представляет и литературный, и, что несомненно, краеведческий интерес.

В настоящем выпуске «Подорожника» мы делаем попытку реконструировать основные линии произведения в отрывках и пересказе некоторых эпизодов и картин и в таком виде представляем его на суд читателя с прибавлением части документального материала из архива автора.

* * *

Надвигались сумерки. Слышался отдаленный лай собак. Этап политссыльных подходил к последнему стáнку, юртам Неремовым, от них до Березова всего 30 верст. Трактовая дорога от Тобольска идет по ледяному простору сибирских рек. С одной стороны — горы, по которым стеной простираются вечнозеленые хвойные и изредка лиственные леса, с другой — длинной вереницей по лугам чернеют таловые рощи, местами все это образует сказочно красивые виды. Селения по тракту редки и чем дальше к северу, тем реже.

Хмурившаяся в последние дни погода разразилась снегопадом, начиналась пурга. Шедшие пешком люди с трудом пробира-

лись по снегу. Путь подходил к концу, силы истощались. Новый конвоир, а сменялись они в каждой волостной управе, мужчина средних лет с увесистой бородой и выпуклыми глазами, сидел в саях с вещами ссыльных. Подъехав к юрте, конвоир сбросил с себя олений гусь, снегом очистил шубу, покрытую сукном, от оленьих шерстинок. Этот местный зажиточный мужичок, служа стражником, старался держать себя как высокопоставленное лицо. Сбрасывая сосульки с усов и бороды, он недовольно буркнул:

— Ну и дорожка, на ухабах все бока отбило.

Подойдя к остяку, хозяину юрты, прикрикнул:

— Живей, живей шевелись, Егорка! Пищу готовь, на рассвете дальше поедем.

Приезжие разместились на ночлег поперек нар. Хозяин не спал, подкладывал дрова в чувал, поддерживал огонь, чтобы людям было не холодно. Конвоир тоже не ложился, то и дело набивал трубку табаком и курил. Юрта наполнилась табачным дымом и чадом от теплившейся жировушки, освещавшей помещение.

Один из ссыльных был еще совсем молодой, лет 23, Сенькин Тихон Данилович. После смерти отца, подростком, из Успенской волости он поехал в город Орел. Поступил на хлебозавод, вступил в подпольную организацию большевиков. Выполнял разные поручения. И вот теперь ссылка в Березов Тобольской губернии. Второй, Давыдовский, пожилой на вид, ему можно было дать лет пятьдесят, но на самом деле было только сорок. Худощавый, открытые голубые глаза. Часто покашливал, особенно утрами. В сильные морозы и ветры путь пешком его затруднял. Сенькин с первой встречи понял, что человек этот страдает чахоткой.

Когда они подходили к селу или деревне, их толпами обступали взрослые и дети. Кто из любопытства, кто из сочувствия. Сенькин на ходу спрашивал, не продаст ли кто яиц или сала. Оказалось, что в этом крае свиней и кур не держат, и достать для Давыдовского удавалось только молоко. Сегодня Давыдовский от пищи отказался, выпил только кружку чаю. Впалые щеки пылали румянцем, кашель усилился. Такое его состояние угнетало Сенькина. Давыдовский бодрился. В разговорах, хотя и коротких, так как конвоир не разрешал много говорить, находил слова шутки. Он дружески поворошил кудрявые волосы Сенькина, как шапка облежавшие его голову, по-отечески ласково спросил:

— Уж не чувство ли уныния заселилось в эту богатырскую душу? Я всю дорогу любовался вашим бодрым видом, вашими глазами, полными жизненного задора, а сегодня, хотя и при тусклом свете, замечаю в них тревогу. Что с вами?

— Вы не ошиблись, — ответил Сенькин серьезным тоном, — немного взгрустнулось. Вы врач, Владислав Вениаминович, и у вас, наверное, имеется с собой термометр.

— Безусловно. Книжки и аптечка — это мой главный багаж. Я знаю: пока я лишен права быть врачом, мне не доверяют, но заниматься медициной я не перестану. Но вы спрашиваете о термометре — вам нездоровится?

Достав термометр, он подал его Сенькину.

— Благодарю вас, Владислав Вениаминович. А теперь попрошу, если хотите, чтобы меня покинуло тревожное состояние, измерьте температуру у себя.

Давыдовский отказывался, говорил, что это просто от ветра горит лицо. А кашель от духоты в юрте усилился. Сенькин все-таки настоял. Термометр показывал 39,2°. Сенькин твердо заявил:

— Дальше пешком вы не пойдете.

Рассчитывали, что буря к утру стихнет, но с рассветом разыгрался настоящий шторм. Сильный ветер поднимал с земли тучи снега и с ревом разносил по ледяным просторам. Конвоир выходил из терпения:

— Эка ведь падера, — ворчал он. — До места осталось рукой подать, а попасть нельзя, подхвати-тя нечистая сила. Сиди-ка вот в этой юрешке, задыхайся, да еще без сна.

Он то и дело выходил на улицу посмотреть, не утихает ли буря. Потом послал Егора на лыжах проверить дорогу, нельзя ли проехать. Коренному жителю Егору не раз приходилось встречаться в пути с пургой, но тут он с трудом прошел полверсты. Буря завывала. Впереди была сплошная снежная завеса, огромные бугры снега. Пришлось провести в юрте еще сутки.

Только к середине следующего дня ветер стал утихать. Готовились к отъезду. Стражник был окончательно обозлен таким длительным привалом, а тут еще Сенькин настаивал, чтоб запрягли другую лошадь.

— Товарищ мой болен, — говорил Сенькин, — и идти дальше пешком не сможет.

— Да ты бунтовщик! Каналья! — орал разъяренный стражник. — Да я о тебе, поймай-тя лукавый, жандарму доложу! Сошлют туда, где Макар телят не пасет, а то и тюрьмы не миновать тебе, бунтовщику.

Долго еще злословил стражник, но выхода не было, запрягли вторую лошадь. Ямщик Егор во время спора с состраданием поглядывал в сторону Давыдовского. Запрягая лошадь, он нарушил молчание, одобрительно произнес:

— Давно бы так надо было. По такому уброду как можно больному человеку пешком ходить.

— Ты еще чего разговоры разводишь, остяцкая образина, твое дело — запрягай да вези.

Глубина снежного покрова утомляла лошадей, они с трудом пробирались. Сенькин шел пешком. На душе у него было отрадно, хотя и знал, что полицейские не спустят ему этой затеи. Зато его большой товарищ едет на лошади. И это уже последние версты.

Для Сенькина эти версты оказались не последними. За спор с конвоиром и незаконное требование его отправили дальше — в заполярное село Обдорск. Урядник волостной управы внимательно осмотрел документы явившегося к месту ссылки Сенькина, устремил на него пристальный взгляд и с ехидной улыбкой промолвил:

— Вот ты каков, каторжанин Сенькин... Запомни: всю строгость закона ты должен соблюдать неуклонно, за малейшее нарушение понесешь кару.

В душе Сенькина кипели ненависть и отвращение к этому человеку с его омерзительно жирным лицом, но он спокойным тоном отвечал:

— Прошу вас, не запугивайте меня. Буду делать так, как подскажут мои убеждения.

— Ты еще грубишь! Предупреждаю, каторжанин Сенькин, с представителями власти нужно вести себя почтительно.

— Веду себя, как умею, иначе не научился, — сохраняя спокойный тон, отвечал Сенькин. — От меня вам больше ничего не требуется, могу пойти?

— Да, можешь пойти.

Сенькин пошел вдоль села, ему нужно было найти квартиру. Шел он не спеша, решив осмотреть село. На улице, расположенной вдоль яра, среди деревянных домов выделялся каменный одноэтаж-

ный дом с вывеской над крыльцом: «Магазин тобольского купца Тележкина». Пройдя немного, он поравнялся с большим трехэтажным домом, на котором висела вывеска: «Магазин тобольского купца Голева-Лебедева». Он обошел почти весь Обдорск, исколесив взад и вперед все улицы и заметив еще несколько вывесок тобольских и местных купцов. Очугившись на окраине, в центр села возвращаться не захотел. Зашел в один из домиков. Хозяйка с удивлением посмотрела на вошедшего, молча поставила небольшую скамеечку. Сенькин сел, огляделся. Перегородок в домике не было, была всего лишь одна комната. С одной стороны ее стояла сбитая из глины русская печь, рядом с ней — железная печурка, в которой потрескивали горевшие дрова, раскалив ее стенки до кумачового цвета. Дальше от печи вдоль той же стены стояла большая деревянная кровать, на ней горкой несколько подушек. Вдоль второй стены пристроена длинная скамья, возле нее — стол, ничем не покрытый, до желтизны проскобленный ножом. Дом был ветхий, пол покосился. По-видимому, от скобления ножом даже выставились сучки. На скамье возле стола сидело трое детей.

Сенькин понял, что жильцы этого дома нерусские, на мгновение почувствовал неловкость, но все же спросил:

— Хозяюшка, мне квартира нужна, может быть, вы меня устроите?

Хозяйка взглянула на мальчика и что-то сказала ему на своем языке. Мальчик перевел:

— Наш отец дома нету, мы зыряне, по-русски мама говорить не умеет.

Узнав, что отец скоро должен вернуться, Сенькин решил ждать. После долгого пути чувствовалась усталость. Очень хотелось отдохнуть, но мальчик оказался словоохотлив, хотя по-русски говорил ломано. В разговоре время прошло быстро.

Хозяин отгородил небольшую каморку, Сенькина эта квартира вполне устраивала. Давыдовскому Сенькин писал в Березов: «Вы спрашиваете, как я живу? Очень хорошо. Живу среди зырян и ненцев. Хорошие люди, трудолюбивые, честные, приветливые. Хозяева квартиры относятся ко мне, как к близкому. Особенно замечательны детишки. Старший, Васек, 12-летний мальчик, помог мне научиться ходьбе на лыжах. В свою очередь, я учу его грамоте. Семилетняя Феня и младшая Василиса с увлечением слушают сказ-

ки. Феня хорошо рисует. Владислав Вениаминович, этот рисунок с оленями она посылает вашей дочке, отошлите ей, пожалуйста. Девочка эта заинтересовалась вышивкой на моей косоворотке, и я пообещал научить ее (в детстве я вышивал с мамой), но нет цветных ниток. Будете посылать орехи, положите нитки, я уверен, что она научится вышивать. Хозяйка берет подряды от купцов и оленеводов, шьет разные изделия из оленьих шкур и лап (здешние женщины, ненки и зырянки, почти все занимаются этой работой) и приучает шить Феню. Шьют пимы, малицы, шапки и т.д. Приходится восхищаться их искусной работой и трудолюбием».

Таким способом Сенькин и Давыдовский обменивались письмами и посылками, умело маскируя секретные сообщения. В Березове Давыдовскому удалось связаться еще с несколькими политссыльными, посредством переписки с родными и товарищами они имели поддержку посылками и переводами, а главное — получали вести из центра и даже нелегальную литературу. Трубочкой для намотки ниток служила замаскированная бумага, содержащая секретные сведения. Больших трудов стоила Давыдовскому пересылка этих «цветных ниток». Полицейские без личного досмотра не пропускали ни одной посылки.

Работая вместе с мужчинами и подростками из зырянского и ненецкого населения на заготовке дров купцам, Сенькину не сразу удалось расположить их к себе. Молчаливые, кроткие, зная, что Сенькин ссыльный, они в разговоры с ним не вступали. Время от времени некоторые из рабочих вечерами заходили в избу Терентия Артеева, где жил Сенькин. Сами не замечали, как тянуло их туда. Он так умело, увлекательно рассказывал им о многом: о людях бесстрашных и сильных, идущих через тюрьмы и ссылку, сплачивая рабочих, организуя подпольные группы, на борьбу за лучшую жизнь народа. И сам многое узнавал от них о людях, населяющих заполярные тундры. В большинстве это были ненцы и зыряне. Часть из них оседлые, местные, заработки имеют только от купцов. Зимой нанимаются заготавливать дрова. Многие заняты охотой на пушных зверьков. «Хороши зверьки, красавцы, — говорят мужички. — Принесешь купцу, и размякнет его суровая душа, как завидит голубого песка, словно свят дух озарит его, добрый сделается и лишний шкалик подаст». Шкалик-то шкалик, а прокормить семью на эти заработки нельзя.

Большинство нанимается пастухами к богатым оленеводам. Целыми семьями кочуют по тундре с их стадами зиму и лето.

Постепенно Сенькину удалось собрать группу надежных людей, с которыми он часто проводил беседы. Случалось даже, некоторым он давал поручения, чаще всего — увязаться с пастухами богатых оленеводов, которые иногда по необходимости приезжали в Обдорск. Такое поручение получал ненец Прокопий Вылко, или, как его называли в селе, Пронька-сирота. Был он безродный. Как рассказывали жители, в тот год, когда у Проньки умерли родители, братья и сестры, ходила страшная болезнь. Остался Пронька один, скитался по чужим людям, так и вырос.

Весной, как только прошумит лед на Оби, откроются реки, за льдом тянутся караваны барж, зацепленные за небольшими купеческими пароходиками. Везут людей на промыслá, белую рыбку вылавливать. Беспокойное это время для купечества. Хорошо тем, кто свои пароходы имеет, — людей из Тобольска везут. У кого нет парохода — рабочих на месте набирают. Купцы посылают своих приказчиков по избам нанимать людей на промыслá. Сенькин пошел к уряднику просить разрешение наняться на промысел. Урядник протестовал. Люди, которые вместе с Сенькиным работали зиму, настаивали, чтоб Сенькина приняли. Пронька-сирота упрямо заявил: «Без Тихона не поедем. С Тихоном вместе зиму работали, удалый он, сильный, вместе и рыбу ловить поедем». Приказчик купца вынужден был пойти к уряднику просить, чтобы отпустили Сенькина.

— И чего вы держите этого битюга? Пусть-ка речной качки российский изведает.

Урядник всегда был благосклонен на просьбы купечества. Сенькин, его хозяин Артеев, пожилой мужчина Терентьев, Прокопий Вылко были определены на большой неводник: Терентьев кормщиком, остальные — гребцами. Перевозили они с промыслов рыбу к месту, где стояли баржи, которым осенью предстояло отправиться с грузом в Тобольск.

Близилась осень. Конец августа. Ночи длинные, холодные. Под утро землю покрывал иней. На одном из промыслов рыбаки, готовя ужин, расположились у большого костра. Кто подтаскивал дрова, кто чинил одежду, кто просто сидел, согревался. Сидели, толковали. Каждый по-своему высказывал недовольство условиями

жизни, обиду на хозяев. Худощавая пожилая женщина, разминая руки, которые ныли, не давая покоя, смотрела с состраданием на парня, расправлявшего мокрые штаны, закатанные выше колен.

— У меня руки ноют, это уж поневоле, целыми днями в холодной воде рыбу мыть приходится, а вот тебе, Митрий, с босыми ногами в студеной воде неводить неделю. Гляди, утренники какие холодные, пора и бродни требовать от приказчика. — Минуту помолчав, вздохнула: — Им что? Нашего брата за людей не считают. Одни простуды нахватаются, издохнут — на другой год новых наберут, нужды да нищеты хватит.

В это время с реки донеслась песня: «Ты подуй, подуй, мать-погодушка, со высоких гор...» Задушевная песня всколыхнула рыбаков, они, забыв усталость, оживились.

Пели четверо перевозчиков рыбы. Плавая в неводнике вместе с весны до осени, они не раз попадали в бури и ветры, не раз пережидали их. И стоило одному затянуть песню, как все подтягивали. И разносилась песня по пустынным колышущимся волнам, подхваченная ветром, гуляла и звенела по белому свету. Так и Сенькин, разъезжая с песка на песок, развозил слова правды и надежды на счастье и свободу. Подъехавшие вытащили неводник на берег, подошли к костру.

— Хлеб-соль, товарищи! — обратился Сенькин к сидящим у костра. Вид его был жизнерадостный, черные кудрявые волосы раздувал ветер.

— С нами хлеб-соль кушать, — отвечал старший из сидящих. — Только вот что я тебе скажу, молодец: гусь свинье не товарищ. Ты вот смотри, какой богатырь, тебе шутки да балагурки, видать, ни горя, ни нужды не видывал, а наш брат караванный от усталости глаз поднять не может, слово вымолвить в тяжесть, а ты — «товарищ». Мне уж за шестьдесят, а куда деваться? Хлеба кусок зарабливать надо, вот и тяну лямку.

— Да ты, дедусь, не обижайся, — ласково отозвался Сенькин. — Слово это не обидное. Недалеко время, как все будут товарищи, а господ и царя не будет.

— Господи, сохрани, — с испугом, перекрестившись, произнесла пожилая женщина, которая разминала руки от боли. — Несуразицу, парень, городишь, от таких разговоров и тюрьмы не миновать.

А Сенькин говорил, и люди, не замечая сами, собрались в кучу.

— Есть такая партия, она революцию готовит, власть в руки рабочих и крестьян перейдет. Сделать это нелегко, но можно, когда люди поймут и повернут свою силу против мироедов. А народ — сила великая!

Старичок, который во время разговора сидел молча, поколотив табакерку, в раздумье сказал:

— Да, народ — сила великая.

Начинался рассвет, а рыбаки все еще вели разговор, забыв про отдых.

Все три года Сенькин прожил у одних хозяев, исключая месяцы, проведенные на промыслах. Семья эта полюбила его за душевность, внимание и доброту. Всем, что имел он, делился с ними, несмотря на то, что из своих заработков посылал Давыдовскому, так как тот, страдая чахоткой, физически работать не мог. Любили его и за веселую натуру. Стоило только ему появиться, как люди в этой маленькой ветхой избушке забывали о нужде, недостатках. С детьми устраивал игры, делал им разные игрушки. Особенно к нему привязался Вася.

— Тоскливо нам будет без вас, дядя Тихон, — с грустью в голосе произнес Вася, когда Сенькин сообщил, что получил освобождение и на днях может ехать на родину.

Накануне отъезда Сенькин и Вася еще раз отправились на лыжах. Мартовское солнышко чуть пригревало, мороз все еще был крепкий. Шли они медленно, каждый был занят своими думами, как будто не находя слов для разговора. Шли по снежному простору, на котором лишь кое-где кочкообразно окутанные снегом торчали кустики вересника. На горизонте залитые лучами солнца вырисовывались нежно-голубые под вековыми снегами Уральские горы.

К концу ссылки Сенькин чаще стал задумываться о доме. Письма матери щемили его сердце. В последнем были такие строки: «Вот и третий год ссылки подходит к концу. Дорогой сынок Тиша, много слез пролила я за это времечко, много ночей не спала, о тебе думавши. Слава богу, настает конец моим страданиям, скоро увижу я соколика моего, порадуюсь».

Много ночей провел Сенькин не спавши. Ссылке конец, а работа не окончена, она в самом разгаре, и оставить ее невозможно. «Домой». Это слово волновало его, да и кому бы не хотелось

домой, на родину. Хата, в которой родился и вырос, родная деревня, поля и луга, близкие люди, мать, которая так ждет. Мама! Хорошая, ласковая, не порадует тебя соколик твой, не приедет. Но ты все поймешь своей материнской душой, поймешь и простишь...

Сенькин вспоминал, как на всем пути от Тобольска люди жаловались на свое горемычное житье. В одном селе, где их определили на ночевку, старичок, хозяин избушки, с горечью говорил:

— Несладко бедняку живется. На купца сколь ни работай, не насытная его душа, жадная. Хоша бы мужики дома были, а то старики, бабы да подростки. Летом в неводу рыбу купцам ловить, зиму-зимскую, от первых заморозков до притали, — в извозе, опять же купцам рыбу перевозить в Ирбит по Гаринскому тракту, а оттуда товару разного. Порожняком кони не ходят. Корму много надо, вот и бейся, все заработки на прокорм уходят. А какие богатства урман-батюшка в себе хранит! И ореха, и ягод, и зверя разного, а взять это некому. Эх, жизнь ты, жизнь! Зверю в лесах наших вольно живется, а людям воли нет, от нищеты гибнут.

Неизгладим в памяти и такой случай. При выходе из села Чемаша в сторону Березова за ними увязался мальчик лет десяти. Он решил пойти вместе с этапом в Березов, где бы мог учиться. Ни на какие уговоры мальчик не соглашался, твердя, что отец и думать не велит об учении и всех старших братьев отдает купцам рыбу ловить. Долго упирался мальчик, но все же удалось уговорить. Он вернулся.

Мальчик этот запал в душу Сенькину, как сейчас стоит перед глазами: небольшого роста, в старой стеганой женской кофте, сшитой в талию, со сборами на плечах, длинные рукава которой заодно служили и рукавицами. В больших подшитых валенках, на которых виднелись узоры ирбитских пимокатов. Из-под шапки, уродливо свисавшей на лоб, видны были нос и глаза.

«Какие глаза! — думал Сенькин. В них он уловил твердую решимость пойти хоть на край света, лишь бы учиться. — Эх, дорогой малыш! Ты рвешься к жизни, к знанию. Дорога эта загромождена, захламлена и очистить ее потребует много усилий».

Они ушли далеко и, наконец, остановились, взглядываясь в голубизну Уральских гор. После минутного молчания Вася сказал:

— Дядя Тихон, много вы рассказывали мне и вот об этих горах, и о городах, о которых я раньше не знал и не узнал бы,

если бы не вы. Сколько стихов мы вместе прочитали. Самые хорошие стихи Некрасова.

— Верно, Васек. Стихи Некрасова очень хорошие. Есть у него такие слова: «Иди к униженным, иди к обиженным, там нужен ты».

Вася, глядя тоскливо, продолжал:

— Теперь я буду приходить сюда один и думать: там, где-то далеко-далеко, живет дядя Тихон.

— А на следующий год, — ласково сказал Сенькин, — мы будем снова приходить сюда с тобой.

Вася оживился, не скрывая радости.

— Значит, вы к нам приедете?

— Обязательно приеду. Видишь ли, Вася, грамоты у меня недостаточно. Я поеду в Березов к товарищу, поучусь у него кое-чему. Грамоты себе прибавлю и к зиме вернусь сюда.

На обратном пути подул холодный встречный ветер, вихрем поднимая снег. Сенькин и Вася возвращались счастливые и довольные, весело разговаривая.

В Березове после долгих попыток найти работу Сенькину удалось устроиться крендельным мастером. Пекарня находилась в старом подвальном помещении. В ней выпекали хлеб для солдат местной команды. Там был всего один пекарь Карл Рунц — пожилой худощавый рыжеволосый мужчина с лицом, покрытым веснушками. За грубый хриплый голос его прозвали «Грамофонной трубой». И два мальчика-помощника. Рунц недружелюбно посмотрел на Сенькина, отер потный лоб, обвел взглядом помещение, как бы измеряя площадь, и проговорил:

— Тут и без тебя тесноты хватает. Да и на мастера ты мало похож, молод еще.

Однако, попробовав первую выпечку кренделей, Рунц одобрил работу Сенькина. Понравились крендели и купцам. Пошлют своих скупщиков пушнины в объезд, а для туземцев крендели — первое лакомство. Купцы то тот, то другой сдавали Сенькину муку на переработку.

Помощник Сенькина приходил утром к пяти часам, а к девяти уходил в школу.

— Ну, как учишься, Сережа? — интересовался Сенькин. — Успеваешь уроки учить?

Сергей охотно отвечал:

— Успеваю, Тихон Данилович. Я дома еще и папе помогаю поскоблить и постирать. (Мать у Сергея умерла, когда он был еще маленький, отец так и не женился, растил четверых детей, Сергей был старшим.)

С того дня Сенькин стал усаживать парня учить уроки, а сам справлялся один.

— Зачем болвана поважаешь, — хрипел Рунц, — работать ему надо.

— Учиться ему надо, — отвечал Сенькин.

Прошло несколько дней. Намесив теста, Сенькин вышел на улицу. На крыльце сидел солдат, ждал, пока остынет хлеб. Чувствовалось приближение весны, с крыш на солнечной стороне начиналась капель, на дорогах выступала чернота. Сенькин, подсев к солдату, спросил:

— Давно ли служишь, дядя?

Солдат поглядел на Сенькина, потом в голубизну неба и с тоской произнес:

— Весна, брат, подходит, все оживает. Дома-то жена, почитай, четвертую весну одна с малолетками живет. Нам-то что — нас хлебом кормят. А ей как удастся людям услужить, так и накормится. — Со вздохом добавил: — А службе и конца не видно.

— А ты не тоскуй, дядя. Человек у нас в России есть, Ленин, он людям свободу добывает, ну и солдатам, значит.

— Да ты, я смотрю, парень бесстрашный. Слышь-ка, я тебе расскажу, что большевики-то у нас устроили. В мае это было, в первый год, как я на службу пришел. Собралось их больше десятка ссыльных да пареньков местных столько же, флаг красный в руки взяли и пошли по главной улице с песнями. Забежали командиры наши, солдат выстроили, кричат: «Разойтись! Стрелять будем!» А они идут себе, не останавливаясь. Нам скомандовали: «В обход, под мост!» Мы пустились бегом с горы на гору, да тут на мосту путь им закрыли, жандарм прибежал, полицейские. Наши командиры вверх стреляли, а нам приказали штыки направить. Направил я штык, взглянул и обомлел: на меня смотрит племянник мой. Да так властно смотрит, аж жутко стало. Забрали, конечно, их. Ссыльных, говорят, арестовали и по волостям разослали. Пареньков розгами пороли, а того, который флаг красный нес, не отдавал, упирался, увезли куда-то, и род-

ные о нем ничего не знают. Вот оно дело-то какое. Ну а нам командиры так толковали, что, мол, антихристы это, большевики. А думы-то у нас, у солдат, все и не отвязываются, знать бы хотелось, кто они, большевики-то. Разговаривать об этом запрещают. Кому охота розги получать?

Солдат замолчал, достал кисет, завернул сигарку, закурил.

— Слышь-ка, — обратился солдат вполголоса к Сенькину. — Вот бы ты нам на бумажке написал, кто такой Ленин-то. Уж очень любопытно, как этот большевик свободу добывает.

— Напишу, — сказал Сенькин, отвернулся, достал из потайного кармана исписанный листок бумаги и незаметно передал солдату. — Помни, дядя, будь осторожен, обо мне никому ни слова.

Сенькин вернулся в пекарню. Тесто его уплывало, но он, воодушевленный удачным разговором, был в особом настроении. Схватил Рунца, несколько раз покружил, тот только рукой махнул: обезумел парень.

С тех пор солдат, приезжая за хлебом, увозил новые бумажки. В полицейской управе всполошились. Как-то ночью солдаты увлеклись чтением, передавая из рук в руки листок, и не заметили, как вошла ночная проверка. Быстро уничтожили листок, но все же подозрение пало, пошли дознания. Двое полицейских, обыскав все в квартире Давыдовского, перелистав каждую книгу и ничего не найдя, собрались уходить. В это время зашел Сенькин. Он мог бы жить в одной квартире с Давыдовским, и это было бы гораздо удобнее для обоих. Но здесь, в Березове, полицейские всюду преследовали ссыльных, поэтому даже встречаться нужно было осторожно. Один из полицейских уставил на Сенькина свой взгляд, что-то припоминая, и, чуть сощутив глаза, сказал:

— Насколько мне известно, срок вашей ссылки окончен. Что же удерживает вас здесь?

Сенькин непринужденно ответил:

— Денег на дорогу зарабатываю.

После этого допросили Рунца: каковы его взгляды на соседа по работе Сенькина? Рунц прокашлялся и пояснил: молод, слабохарактерен, помощника своего совсем избаловал, где бы пинков надавать, а он посадит его уроки учить, а сам за двоих управляется. На днях вот ему картуз подарил.

Потом просветлел и каким-то особым тоном добавил:

— Ох и силен же! Никакие тяжести не страшат его. Думаешь, троим не сделать — нет, он один успевает.

— Это нас не интересует, гражданин Рунц, — раздраженно выкрикнул жандарм. — Разговорчики с солдатами не заводит?

— Нет, об этом не слыхал. Я же вам говорю, ваше благородие: за троих работает, когда разговорами заниматься.

Так полицейские ничего и не дознались...

Весна по-настоящему вступила в свои права. Прошумел лед на реке, деревья, наполняя воздух ароматом, одевались в зеленый убор. Солнечные лучи оставляли загар на лицах людей. Река Сосьва в разливе была широкой, красивой. За ней виднелись зеленые рощи тальника, а между ними — покосные луга. Как только стаивал снег, луга эти выжигались для того, чтобы трава нарастала густая, сочная. Пламя красиво вырисовывалось в ночном сумраке, густой массой прыгали огненные языки, извиваясь, ползли змейки. Весенние ночи на Севере белые. Только чуть после заката солнца наступит ночной мрак, и уже начинается заря.

Сенькин любил в такие весенние ночи смотреть, как оживает природа. Он забирался в свое излюбленное место — на яр над самой рекой. Вдоль яра стояли огромные лиственницы. Между ними — сосенки, кедры. Он усаживался в эти заросли и, никем не замеченный, просиживал до восхода солнца, читал книги.

Весна надолго задержалась. Ей на смену подошли летние дни. Это лето выдалось на редкость жарким. Сразу из пекарни после работы Сенькин с Сергеем шли купаться. Уходили за город на Вогулку... Расстояние до Вогулки было порядочное. В разговорах время проходило быстро. Но только стоило им спуститься на берег, разговоры кончались, их занимало другое.

Берег Сосьвы песчаный, отмельный. По всему берегу звенели детские голоса купающихся и слышалось шуршание воды. Самые маленькие ютились у берега, изображая пловцов и изо всех сил разбрызгивая воду. Такое зрелище увлекало Сенькина. Он усаживался на бережок и подолгу наблюдал за детьми.

Однажды вдруг с воды послышался крик: «Спасите, тону!» Все обернулись. В том месте, откуда слышался крик, остались только круги на воде. Скинув одежду, Сенькин бросился в воду. Нырнул, схватил мальчика лет десяти и быстро загреб к берегу.

Навстречу плыла девушка. Глаза ее были широко открыты, взгляд напряжен. Она тоже спешила на помощь.

На месте происшествия собралось много народу. Каждый предлагал свое средство, чтобы привести в сознание мальчика. Сенькин велел Сереже сбежать за Владиславом Вениаминовичем. Еще до прихода Давыдовского мальчик пришел в сознание. Девушка, которая плыла его спасать, с беспокойством гладила длинные светлые волосы мальчика, потом посмотрела в глаза Сенькину и сказала:

— Спасибо вам. Вы спасли ему жизнь. Это мой двоюродный брат.

Сенькин чуть смутился, чего с ним раньше не случалось.

Как только мальчика увели домой, детишки на берегу, словно опомнившись от гнетущего состояния, переглядываясь, как-то невольно ухватились за свои крестики, висевшие на шее, — у кого на тоненькой цепочке, у кого на шелковом шнурке. Один из них подозвал Сергея, и все гурьбой обступили его. Самый бойкий мальчик, лет восьми, полусшепотом спросил:

— Серега, видал — у дяденьки на шее креста нет?

Один из мальчиков поспешно высказал догадку: ну потерял, значит. Сергей уверенно заявил:

— И вовсе не утерял, а сам снял. Большевик он.

В это время подошел Сенькин.

— Ну, хлопцы, видели, какой неприятный случай получился? Не советую далеко уплывать. Силенки у вас еще маловато, рисковать не следует.

Ребята слушали рассеянно. Их интересовало другое — услышанное от Сергея. Сенькин приветливо махнул рукой ребятам и сказал, что завтра будет учить их плавать <...>

С этого дня у Сенькина завязалась дружба с ребятами. Рассказать им что-нибудь, поучить их плавать стало любимым занятием. В один из таких жарких дней, когда Сенькин возился с детишками в воде, он заметил, что в глубь реки уплывала женская фигура. Он узнал ту самую девушку, которая одарила его благодарным взглядом, когда он спас тонувшего мальчика. Взгляд этот, такой душевный, искренний, запал в самое сердце, и образ девушки с тех пор не покидал его. Радостное волнение охватило Сенькина, ему невыносимо захотелось поговорить с ней. В той

стороне, куда плыла девушка, берег выдавался далеко вперед, за поворотом она исчезла. Он оделся и пошел в том направлении.

Агаша заплетала косы. Подойдя, Сенькин заговорил: «Вы очень хорошо плаваете, но разве можно так далеко уплыть? В глубине вода холодная, да и мало ли что может случиться».

Агаша не ожидала этой встречи, но быстро овладела собой и ответила:

— Я несколько раз видела, как вы еще дальше уплывали.

Так разговор их завязался.

Родители Агаши были зыряне¹. Отец, дядя и дедушка занимались плотницкими работами. Брали подряды строить дома. В тот год, как родилась Агаша, они подрядились строить церковь в селе Саранпауле. Спустя две недели после родов мать Агаши умерла, оставив двух девочек. Агашу бабушка увезла в Березов, отдала на воспитание тетке, сестре матери. Отец женился вторично. Маленькую Агашу мачеха не приняла, а старшая сестра Антонина жила с ними, нянчила детей. Скромная, тихая девочка неотступно просила отца отдать ее в школу. С большим трудом отцу удалось устроить Антонину в Тобольский приют. Там она воспитывалась и училась. Получив образование сельской учительницы, Антонина вернулась в Березов, где ее назначили на работу в Саранпауль. Агаша же осталась неграмотной. С детских лет жила в няньках. Уезжая на работу, Антонина взяла ее с собой. Каждое лето на каникулы они приезжали вместе в Березов к тете. Вот и теперь она тоже приехала с сестрой.

Приходя на берег за водой, Агаша давно заметила Сенькина, сама же старалась остаться незамеченной. Поставив ведра, подо-

¹ Среди черновиков повести есть листок со следующими строками, впоследствии зачеркнутыми:

«Серapiон Ануфриев, житель Няксимволя, переехал в Березов. Жена его рано умерла, оставив четырех девочек. Старшая, Анна, работала по дому. Вторую, Домнику, удалось пристроить в Тобольский приют при Ивановском монастыре. С ними жила бабушка, мать жены. В Березове жили также три сродных брата Серapiона: Филипп, Георгий и Григорий. Все знали плотницкое дело. Жили пока у своего дяди Петра Езекилева.

Братья приметили на берегу брошенную барку, лежавшую уже несколько лет. Приобрели ее за низкую плату как бесхозное имущество, построили из нее дом. Осенью 1908 г. Нюра вышла замуж и уехала в Няксимволь. Агаше было уже 17 лет, Доре — 15. Весной 1914 г. приехала Домника, получила назначение на работу учительницей в Няксимволь. Прожив в семье в Березове до августа, на лодке, взяв с собой бабушку, уехала в Няксимволь».

лгу наблюдала за ним. И пойти за водой стало для нее большим наслаждением. Агаша заплела косы, набрала в ведра воды. Как-кая-то непонятная сила удерживала ее на берегу, но, сама не понимая почему, она быстро пошла с водой в гору.

Возвращаясь домой, Сенькин чувствовал себя необычно, что-то новое, непонятное тронуло его душу. Перед глазами был образ девушки. Смуглая, открытые серые глаза ласково искрились. Он словно опомнился. «Что это я — обольстился счастьем? Можно ли мне, революционеру, думать о девушке? Нет-нет, — мысленно рассуждал он, — это значит погубить ее. Мне предстоит много работать, а это снова лишения — ссылка, тюрьма». Он решил: все это пройдет, ничего особенного не случилось, ходить больше сюда не следует, вот и все.

В квартире Сенькина был произведен обыск. Ничего не обнаружили. Полицейские приказали следовать в жандармское управление. Начался допрос. «Ты солдат бунтуешь?» — допрашивал Сенькина жандарм. Потом швырнул исписанный листок бумаги: «Твоя работа?». У Сенькина мелькнула мысль: обыскали солдата, что же с ним теперь? Но, сохраняя спокойствие, отвечал: «Не знаю, о чем вы спрашиваете». Жандарм приказал привести солдата. Солдат стоял навытяжку.

— Ваше благородие! Бумажку эту нашел на улице, положил в сапог. Она тонкая, для сигарок годна, а читать я не умею, так точно, грамоте не обучен.

Долго продолжался допрос, но так ничего и не установили. На следующий день крендельную закрыли, Сенькина оставили на свободе до первого замечания. Он шел лесом на Вогулку, когда его догнал Сергей.

— Тихон Данилович, неужели работать вместе больше не будем?

— Да, выходит, не придется нам больше работать. Учись, Сережа, мы еще встретимся с тобой.

В это время донеслись слова песни: «И с тех пор в том лесу уж никто не живет, лишь один соловей громко песни поет». Пел юношеский тенорок. Немного поодаль сидело несколько юношей. Сенькин с Сергеем подошли к ним. Оказалось, что это были ученики высшего начального училища. Юношу, державшего в руках гитару, звали Гришей. Сенькин попросил его что-нибудь сыграть...

[На этом текст в 21 печатную страницу обрывается. Сохранилась еще «Глава II» объемом в семь неполных страниц машинописи. В ней автор возвращается к нескольким дням, проведенным Сенькиным в Березове до отъезда к месту ссылки в Обдорск. Вместе с Давыдовским он остановился у местной жительницы Марии Ивановны Поленовой — хлопотливой, гостеприимной и словоохотливой хозяйки. Ее муж Алексей (в другом месте написано: Петр) Павлович держал пять лошадей, возил грузы в Ирбит, а сама зарабатывала стиркой и летом ездила за реку доить чужих коров.

На следующий после приезда день Сенькин знакомился с городом. Отыскивая дом, где можно было купить сливок для больного Давыдовского, он попутно узнал адрес еще одного ссыльного члена РСДРП. В тот же день состоялась встреча группы большевиков Березова. Сенькин и Давыдовский включились в работу марксистского кружка².

Кроме отпечатанных на машинке 28 страниц текста повести сохранилось еще несколько десятков тетрадей, исписанных крупным округлым почерком с сильным наклоном вправо, и стопа отдельных листков с набросками разных эпизодов повествования. Многие из них представляют значительный интерес, так как сообщают о действительно имевших место фактах и о людях, которых автор знала либо лично, либо по рассказам своих близких.]

...Певец и гитарист Гриша Ануфриев по прозвищу Гриша-Жар, чье пенье так понравилось Сенькину, вдруг запел «Смело, товарищи, в ногу...». «Ее пел дядя Ваня, когда мы сено косили», — смущенно пояснил он. Сенькин рассказал ребятам о значении слов песни и о том, кто такие революционеры. Уловив атмосферу доверия, он добавил, что хорошо бы собрать круг надежных ребят.

[Далее автор в нескольких местах описывает события и настроения в среде березовской учащейся молодежи, испытавшей на себе влияние Сенькина и Давыдовского. Ребята не любили учителя математики Евгения Марковича³, имевшего обыкновение то и дело раздавать на уроках щелчки по лбу и удары линейкой по голове. Вечера-

² Отдельные места рукописи этой главы подчеркнуты карандашом. Вероятно, ее читал кто-то из членов литературного объединения при редакции окружной газеты, отмечая неточности.

³ Во втором десятилетии XX в. преподавал математику в Березовском училище Евгений Маркович Попов.

ми они собирались у братьев Первых⁴ на репетиции струнного оркестра. Приходил Николай Михайлов⁵, сбежавший из Нарыкар от отца, работавшего мастером лова рыбы у купца Новицкого. Вместе с ним приходил Ксенофонт Добровольский, ушедший из дому к Николаю после того, как его дед выгнал ребят, собравшихся у Добровольских на «сыгровку» оркестра. Тут и придумали, как отомстить учителю. Евгений Маркович был человек суетливый, быстрый. Парни прибили его галоши к полу гвоздями, и, когда он, надев их, бросился к выходу, галоши с места не сдвинулись. Учитель упал. Начался поиск виноватых, всех, кроме сыновей купцов и начальства, ежедневно после уроков заставляли до вечера стоять на коленях, пока не будет найден злоумышленник. Ученики забастовали, перестали ходить в школу. Гриша Ануфриев за связь с Сенькиным был из школы исключен, но через неделю восстановлен. Конфликт встревожил семьи березовских школьников. Тем же летом, когда произошло нечаянное знакомство с Агашей, Сенькин объяснился с девушкой, и осенью 1909 года они поженились. В сентябре Тихон получил из Обдорска письмо от товарища по ссылке А. Дубова, который просил приехать для продолжения работы].

Глубокой осенью родные Агаши провожали с последним парходом Сенькина с женой. Пришли Гриша, Евграф и Коля. Давыдовский не пришел: болел. Болезнь его усиливалась. Сенькин наказал Грише приносить Давыдовскому сливки и проследить, чтобы он пил осину. После закрытия крендельной Сенькин работал печником и от одной хозяйки узнал, что осиновая кора помогает от чахотки. Собирать надо весной с молодых деревьев, заваривать, как чай, и пить три раза в день, запивая свежими сливками. На покупку их Сенькин дал Грише денег. Жаль было оставлять Давыдовского одного, но в Обдорске ждала работа.

Агаша, с детства приученная к труду, быстро освоилась в Обдорске и нашла себе занятие. Годы, прожитые с сестрой Антони-

⁴ Первы — одна из наиболее распространенных фамилий Березова. Среди набросков Ю.М. Козловой есть такая запись: «В свободное от уроков время ребята собирались у братьев Первых. Они славились игрой на музыкальных инструментах. Один из братьев, Петр Федорович, организовал оркестр. Среди многих исполнявшихся оркестром пьес были его собственные сочинения».

⁵ Николай Михайлов — один из первых комсомольцев Березова.

ной⁶, дали ей многое. Воспитанная в приюте, сестра научилась там рукодельничать. Это она научила Агашу шить, а нынче, уезжая в Няксимволь учительствовать, подарила ей швейную машинку.

— Ты теперь молодая женушка, будущая мать, машинка тебе очень пригодится.

В Обдорске, кроме богатых, никто не имел машинок, одежду шили ручным способом.

Соседка Марина Федоровна Терентьева попросила сшить брюки для мужа. Немного посидев, поежилась и сказала Агаше по-зырянски:

— Холодно у вас.

Агаша улыбнулась:

— Мы не мерзнем.

Квартира Сенькиных была хорошая, но действительно холодная. Дом стоял на бревенчатых столбиках, ни подпола, ни завалин. Между полом и землей было продуваемое всеми ветрами пространство, там хранились нарты и разная рухлядь.

— У нас ведь большой дом, — продолжала Марина Федоровна, — а жить некому, только мы с мужем. Переходите к нам.

Вечером того же дня собрались у Чупровых.

— Для пожарной мой дом подходящий, другого не найти. А мы с женой все равно в кухне живем, — предложил Терентьев.

Так и решили: вырубить дверь, выход в улицу, пристроить конюшню. Тут же все сложились на покупку пока трех лошадей для пожарной.

Проходя мимо дома Терентьева, местный купец Мотор-Ванька поинтересовался:

— Что это за строительство в твоём доме идет?

— Строим, — охотно отвечал Терентьев. — Добрые люди вразумили. Дом-то зря пустовал, а теперь вот пожарную откроем.

Мотор-Ванька разразился смехом:

— Ну, уморил ты меня, сосед. Твоего ли ума это дело? Другой работы, что ли, нет? Работы у богатых людей хватает. Брось-ка ты бездельничать. Какая тебе от этого выгода?

— Зачем мне выгода? Нас двое со старухой, нам и так хватает. А сколько людей нищенствует? Жалеть людей надо. Пожар-

---

⁶ Прототипом Антонины была учительница Домника Серапионовна Ануфриева. О ней будет сказано ниже.

ную откроем — лошадей бедным давать будем, пусть хоть дров привезут.

— Милости прошу пожаловать, милейший Иван Спиридонович! Какими ветрами вас завяло? Чем могу служить?

— А разве вы сами не знаете, что вынудило меня прийти?

— Никак нет, мне ничего не известно.

— Девичья память у вас, Сидор Петрович.

И Мотор-Ванька напомнил уряднику, как еще два месяца тому назад на вечере у доверенного купца Голева-Лебедева купечество вознамерилось учинить препятствие работе пожарной. Тогда урядник обещал все устроить.

— До каких пор будет существовать пожарная? — сердито говорил Мотор-Ванька. — Тут сходки голодранцы собирают, их лошадаками балуют. Нынче пожарную открыли, на другой год еще артель какую-нибудь придумают. А где же купечество людей будет брать?

— Не тревожьтесь, Иван Спиридонович, все уладим.

— «Уладим-уладим...» Надо этого каторжника Сенькина зажать, без него скорей все прекратится.

Этой весной у Сенькиных родился сын. Первые чувства теплоты этого существа, первые заботы и тревоги испытывали молодые родители, полные счастья. Вечерами они вместе купали ребенка.

Агаша ждала мужа, но его не было. Накинув платок, она пошла к Марине Федоровне. Терентьев забеспокоился:

— Что могло случиться? Тихона еще днем вызвали в волостное правление, больше он в пожарную не приходил.

Агаша дождалась утра и чуть свет пошла к Чупровым. Оказалось, что и им ничего не известно. Днем Агаша пошла к уряднику и узнала, что ее муж арестован за покушение на урядника, об этом ей сказал писарь.

Прошло восемь суток. Агашу вызвали. Урядник с забинтованной рукой объяснил, что ее муж не подписывает составленный протокол и объявил голодовку. Уже восемь суток не берет пищу.

Агаша побледнела, ноги ее подкосились. Но теряться было нельзя, надо владеть собой и суметь уговорить Тихона.

В назначенный час Агаша подходила к каталажке с месячным ребенком на руках. Перед тем как пойти, она посоветова-

лась с товарищами. К Чупровым пришли Терентьевы, и Прокопий Чупров так высказал свое мнение:

— Я знаю Тихона хорошо. Справедливый он человек, зря ни на кого не накинется. Если он объявил протест, значит, ему сделали какой-то подлог.

[За покушение на урядника суд приговорил Сенькина к трем годам тюрьмы. Когда его везли в Тобольск, березовцы толпами шли к пароходу. Вид Сенькина был бодрый, «как будто его везли не в тюрьму, а на большие дела».

Агаша переехала в Березов. Ее сестра Антонина получила предложение выйти замуж, но из-за горя Агаши и невозможности оставить учительскую работу решила отложить замужество. Ее жених Андрей раньше служил помощником приказчика у купца Плеханова, а теперь в почтовой конторе.

Во время школьных каникул Антонина приезжала в Березов, никогда не оставляя младшую сестру и во всем помогая ей. Она же отвечала и на приходившие из тюрьмы письма Тихона, так как Агаша была неграмотной.

Шел последний год заключения Сенькина. В это лето Агаша с Тоней договорились, что во время каникул Антонина поедет в Тобольск и постарается устроить передачу Сенькину, а Агаша вернется в Обдорск и там будет ждать возвращения мужа. Антонина приехала в Тобольск, пошла просить у тюремного начальства свидания и узнала, что неделей раньше Сенькин «пропилил брешь, выпустил двадцать политзаключенных и бежал сам». Стала ходить по городу в надежде встретиться случайно с ним. Сенькин действительно был в городе, занимался чистить печные трубы. Немного заработав, устроился на пароход кочегаром, доехал до Самарова. На следующий день купил маленькую лодку и на ней добрался до Березова. Агашу не застал. Вернувшись к тому времени из Березова Антонина проводила его в Обдорск. Приплыв туда на этой же лодке, он на следующий день явился в полицию. Тюремный срок ему оставался полтора месяца, вместо этого за побег он получил полтора года тюрьмы и был снова отправлен в Тобольск. После освобождения вернулся к семье в Березов. В 1916 году вместе с семьей снова уехал в Обдорск, где в январе 1917 года у Сенькиных родился третий сын. Осенью этого же года Сенькины переехали в Березов].

В Березове Сенькин пошел к человеку, который стоял во главе местной группы большевиков. Тот спросил Сенькина, как он устроился.

— Могу наняться готовить дрова зимой, а весной плотами приплавлять их в город. На Змиевом мысу, где перевесные просеки, хочу построить избушку и прожить там зиму. Жена будет со мной. Ребенка сестра жены возьмет с собой на место работы в Няксимволь. Там с ней живет бабушка, ребенку будет хорошо. Весной съедутся на весновку перевесники (и можно будет вести среди них работу).

— План хороший... В нашу организацию вступили еще несколько человек из местных жителей: Чугунов Лев, Пыльшиков Федор, Молодцов Михаил.

[Долгими зимними вечерами в одинокой лесной избушке Сенькин учил жену грамоте, читал, готовился к очередным сборам товарищей, которые проводились на той же квартире, где раньше жил покойный Давыдовский. Агаша шла на машинке.

Здесь в повествовании появилось мощное ответвление от основной линии — автобиографическое].

Антонина пятый год подавала прошение о переводе ее на учительскую работу из Няксимволя в Березов и каждый раз получала отказ: «Нет вакансий». И вот наконец они с Андреем смогли соединиться⁷.

Вскоре после свадьбы в семье случилось несчастье: отца Андрея, служившего в Полновате у рыбопромышленника Новицкого, разбил паралич. Хозяин его сразу уволил, взял за долги корову и попросил освободить дом. Единственной надеждой семьи теперь стал старший сын Андрей, совсем недавно породнившийся с Сенькиным (женами их были родные сестры). К нему в Березов и отправилась семья, наняв у остяков большую лодку-каюк.

В пути пришлось заночевать на берегу Оби. На мать, Анастасию Матвеевну Шилову, нахлынули воспоминания.

⁷ Под именем Андрей в повести представлен старший брат автора Евгений Моисеевич Шилов, служивший псаломщиком Березовской Богородице-Рождественской церкви. В метрической книге церкви есть запись о бракосочетании 6 сентября 1917 г. Е.М. Шилова и Домники Ссрапионовны Ануфриевой.

Ее отец юношей после восстания поляков в 1863 году был выслан в село Кондинское Березовского округа. Делал кирпичи для монастыря. Женился на местной крестьянской девушке, вместе занимались кирпичным производством. Рождались один за другим дети, жили бедно. Девочки из богатых семей насмешничали: «Кирпичники!». Кирпичный сарай Шмигельских находился в логу в конце села, возле реки.

Зимой отец нанимался возить бревна из лесу для монастыря. Однажды он послал 15-летнюю Настю в монастырь получить деньги. Насте очень хотелось стать грамотной, а в монастыре монахинь учила грамоте сестра Варвара, из учительниц, и она решила просить отца отпустить ее в монастырь.

К Шмигельским зашла посумерничать соседка тетя Марфа. Сын ее Прохор полгода как уехал в Иркутск наниматься на золотые прииски, и нет вестей. Другой сын уже второй десяток лет служит у Андрея Тимофеевича Новицкого⁸. Парню 28 лет, жениться пора. Хозяин обещал отпустить повидаться. «Приедет — будем Настеньку сватать».

Настя стала добиваться, чтобы отец отпустил ее в монастырь. После долгих раздумий отец согласился. Но сказал, что если посватается подходящий жених, отдаст замуж.

Прошел год. Настя полюбила настоятельницу: покорная, трудолюбивая, любую работу выполняет. В это лето подновляли церковь. Внутри и снаружи красили сами монахини. Дошло дело до купола, и настоятельница предложила эту опасную работу послушнице Анастасии. Настя согласилась. Когда работа была закончена, прибежала сестра Дуняша и сказала, что, из Нарыкар приехал сын тети Марфы Моисей Андреевич и прислал сватов.

Сыграли свадьбу. Прожив неделю дома, молодые уехали в Нарыкары к купцу Новицкому.

Началась новая жизнь. Конец августа, ход рыбы. Все женщины были заняты с утра до вечера: одни чистили и солили,

⁸ Новицкий Андрей Тимофеевич (1846–1919) — березовский торгующий мещанин. Вел рыбный промысел и торговал хлебом в бассейне Северной Сосьвы, имел склады в Саранпауле, Игриме, лавку в юртах Анеевых, скупал пушнину. Делал пожертвования на церковные нужды. В 1889 г. построил в с. Чемаши дом для школы грамоты. Помогал Тобольскому губернскому музею в собирании коллекций.

другие готовили варку⁹, третьи из муксунов и сырков вынимали кости, филе надрезали ножом поперек через каждый сантиметр, варили в рыбьем жире, потом подсушивали — получался позем. Готовый позем складывали в стопки.

Село было небольшое: двухэтажный дом купца и еще не более 15 домиков местных жителей. К дому примыкали амбары, скотный двор и людская — большая изба, посреди которой во всю ее длину стоял обеденный стол, а по бокам нары. Здесь жили работники. Через сени был выход к черной кухне, где кухарка готовила им обед.

После рождения у Шиловых первенца Новицкий отправил Моисея Андреяновича на жительство в Полноват — ездить по юртам продавать дешевые товары: медные кольца, бисер, пестрый ситец, платки, табак и другие безделушки, привлекавшие национальное население. Хозяин знал, что денег у этих покупателей мало, и завел толстую тетрадь для записи должников. Так и ездил Моисей Андреянович, мало имея наличными, а больше записывая в долговую тетрадь. Семье был выделен небольшой дом, тут же хранились товары. За долговую службу Андрей Тимофеевич дал Моисею корову.

Многие страницы черновиков описывают жизнь семьи в Полновате, среди ханты. На одном из листков рассказывается о том, как пятилетняя дочь Шиловых Аля¹⁰ училась ездить на маленькой берестяной лодочке, но сразу же перевернулась и чуть не утопила младшего брата Шурика. Описана картина шаманского камлания, которую Аля наблюдала вместе с подружкой Улей из соседской хантыйской семьи. От этого зрелища Аля заболела и поправилась только через три месяца.

Незадолго до упомянутого вынужденного переезда в Березов у Шиловых началась полоса несчастий. Заболела и на третий день умерла 12-летняя дочка. Следом — другая беда. Поехал Моисей по торговым делам и взял с собой семилетнего сына. В пути пришлось заночевать на лугу. Отец устроил балаганчик из сена, развел костер, уложил сына спать, а сам пошел к озеру поохотиться. Вернувшись через час, увидел сплошной огонь. К счас-

⁹ Варка — блюдо из отделенных от костей и проваренных на медленном огне брюшек и спинков рыб, пузырей, печени, икры. Относилась к числу деликатесов.

¹⁰ Рассказывая об Але, автор, по-видимому, вспоминает случаи из собственных детства и юности.

тью, мальчик, почувствовав во сне дым, проснулся и бросился через огонь к лодке. Спасся, но ноги до колен покрылись пузырями от ожогов. После этого случая Моисея Андреяновича парализовало. Мать с пятерыми детьми осталась без крова, без средств и вынуждена была перебраться в Березов к старшему сыну.

В Березове в это время большие работы развернул купец Гурьянов¹¹: коптил рыбу, выпекал белый хлеб для продажи — все это в собственном доме. Он был ссыльный. В Березове женился на местной крестьянке. Семья была большая, подростки сыновья во всем помогали отцу. От всех этих дел он имел прибыль и сумел разбогатеть, хотя и ненадолго. Тут же в своем доме он приспособил кинопроектор, устроил зрительный зал и буфет.

— Что же делать мне, Анна Ефимовна? — спросила Анастасия Матвеевна свою квартирную хозяйку Ануфриеву. — Как мы жить будем? Ведь где-то мне работать надо.

— Да вон, матушка, у Гурьянова всяких затей много. Сходи-ка к нему. Там что-нибудь для тебя подберется.

И действительно, получилось. Небольшой флигель Гурьянов приспособил под пивную. В этом флигеле поместилась семья Анастасии Матвеевны, а в комнате, которая выходила на улицу, она продавала пиво.

Так семья устроилась в Березове. Леню и Тасю мать отправила в школу, Аля и Шура остались дома. Старшая дочь еще в Полновате вышла замуж и там осталась. Сын Алексей¹² где-то ездил с экспедицией.

[В Березове семья Шиловых сблизилась с семьей Сенькиных, так как старший сын Андрей женился недавно на сестре Агаши Антонине, которая вскоре принялась учить детей Шиловых читать книги, вязать, шить].

¹¹ Гурьянов Филипп Артемьевич (ок. 1862–1921) — березовский торгующий мешанин из ссыльных. Был агентом тобольского рыбпромышленника Е.Т. Новицкого, скупал для него рыбу у северян. Поставлял дрова для пароходов. В начале 1921 г. по распоряжению Березовского Совдепа был взят в заложники и расстрелян. См. о нем: *Белобородов В.* Другая сторона // Подорожник. Вып. 1. Тюмень, 2002. С. 24–25.

¹² В работе И.Н. Шухова «Река Казым и ее обитатели» (Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1916. Вып. 26) читаем: «В качестве перевозчика был приглашен житель села Полноватского А.М. Шилов, хорошо знающий язык казымских остяков».

Шиловы ждали Сенькиных, живших в лесу, как самых близких, особенно шестилетняя Аля. Она ждала дядю Тихона, он обязательно будет играть с ней и Санчиком, возить на себе, изображая лошадь, носить на плечах. Правда, это бывало очень недолго, особенно в те дни, когда приходили еще и Андриюшины приятели.

Когда собирались эти веселые, как считала Аля, люди, Анастасия Матвеевна накрывала стол. Она подогревала заранее нажаренные мясные пирожки с бульоном, пресные шанежки, печенные на поду и помазанные маслом, ставила на стол маринованную морошку и варенье. Как только заканчивался ужин, она вместе с Агашей уходила в кухню, закрыв на крючок уличные двери. Если кто-то стучал в дверь, она говорила, что все уже спят, но если в ответ тихонько говорили: «Гарибальди жив», это значило, что пришел кто-то, не подоспевший вовремя. Детей охватывало любопытство. Когда мать замечала, что кто-нибудь из них пытался подслушать, строго говорила:

— То, о чем говорят старшие, слушать детям нельзя, и кто бы к нам ни приходил, об этом вы не должны никому говорить.

Однажды Аля уловила слова песни, которую они пели с чувством: «Свергнем могучей рукою гнет роковой навсегда и водрузим над землею красное знамя труда».

Аля часто оставалась дома с Саней одна. Санчик любил разбирать спичечные коробки, соединял их спичками — изображал лошадок в упряжке. Тем временем Аля забиралась в уголок между этажеркой и кроватью, пока не было мальчиков. Один из них учился в первом классе — Аля брала его тетрадку и списывала буквы. Однажды, когда она расположилась со своим занятием, вдруг вошли какие-то незнакомые мальчики и ввели тетю Агашу. С ними была Мария Ивановна. Мальчики подвели тетю Агашу к кровати, положили.

— Алевтинушка, — обратилась к ней Мария Ивановна, — надень вот мои катанцы и сходи к тетке Афанасее, пусть придет.

Аля была рада побывать на улице — ведь надевать было нечего, и она целые дни сидела дома. Мария Ивановна повязала ее своей шалью. Тетка Афанасея жила через дом.

Когда Аля вернулась домой, она увидела «фершала» Антона Ивановича¹³. Ее сердце охватила ноющая тоска. Она сразу вспомнила, как осенью этот же «фершал» приходил к папе, и после этого вскоре папа умер.

Агаша часто ходила в город одна: купить продуктов, отослать письма сестре и родным мужа. В таких случаях она оставалась переночевать в городе. Во второй половине дня, встав на лыжи и взяв нарточку, кликнула пса Верного и пошла в город. Не пройдя половины пути, почувствовала себя плохо. Она была седьмой месяц беременна. Немного не дойдя до города, Агаша возле буерака прилегла на нарту. Верный заливался лаем. В это время поодаль ехали верхом мальчишки на прорубь, погоняя табунок коней. Один из них, Федя, завернул коня домой, запряг в розвальни и приехал за Агашей.

Фельдшер Антон Иванович Локиц, человек высокий и полный, был осторожен. Он не прошел сразу к больной, а сперва расспросил, что болит, опасаясь инфекции. Но у Агаши серьезно разболелась печень.

Сенькину пришлось из лесу перебраться в Березов. Через полтора месяца родился сын Яков. Весной Сенькин приплавил в город свою лесную избушку, подрубил еще лесу, построил дом, сложил огромную печь и занялся выпечкой хлеба. Осенью 1916 года он с семьей снова уехал в Обдорск.

[В 1917 г. Сенькин вновь переехал в Березов. В городе происходило революционное брожение].

Теперь, когда Аля приходила домой по воскресеньям, она редко заставляла старшую сестру. Комсомольской нагрузки было много, а в комсомол еще немногие вступали.

Однажды, когда Аля пришла домой, у них была соседка — бабушка Парасковья Батманова. Она часто заходила к ним. Без дела ходить не любила, вязала чулок или рукавицу. На этот раз пришла без работы: была набожная и в праздничные дни не работала. Бабушка эта зырянка и по-русски плохо говорила.

---

¹³ Локиц Антон Иванович несколько десятков лет служил медицинским фельдшером в Березове. В 1922 г. был заведующим уездным здравотделом и членом уисполкома. В 20-е годы переехал в Тобольск.

Аля [сначала] не обращала внимания [на разговор], потом невольно прислушалась.

— Ой, дочь-то твоя, Матвеевна, Таисья, комсомолками записалась. Зачем ты пускала ее? В Бога-то там не верят, крест не носят. Еретики будут.

— Ничего, бабушка, — отвечала мама, — они грамотные, больше нас понимают. Веками верил народ, усердно молил Бога избавиться от нужды и страдания, прикладывая последние гроши в дар Господу, но Бог не услышал мольбы. Можно ли еще сидеть и ждать милости Божьей? Нет, бабушка, самим надо строить, своими головами думать. В комсомоле их много, что не додумает один — другой подскажет, и дело нужное будут делать, а не вольничать.

Бабушка искоса поглядела на маму и больше ничего не сказала.

— Да вы, бабушка, не обижайтесь, — направляя на стол, говорила мама, — садитесь, чайку попьем. — Она погладила по голове Алю: — Гостья сегодня у меня, Алевтина, любит она молоко топленое к чаю.

Комсомольцы решили устроить субботник. Прежде всего надо заготовить дров. Вопрос упирался в транспорт. Николай Михайлов пошел в Совет, чтобы разрешить вопрос и приступить к делу.

Помещение Совета находилось в доме Добровольского. Семья его уменьшилась. Старшие уехали учиться, двое сыновей вступили в ряды Красной гвардии (один из них, Константин, был убит белогвардейцами). Дом для оставшейся части семьи оказался велик, и Добровольский предложил одну половину властям для их целей. Сами же помещались в другой, вход в которую был со двора, а с улицы был вход в уездный Совет.

Николай вошел, огляделся. В помещении было людно. В нерешительности остановился, но Сенькин заметил его:

— Товарищ Михайлов, проходите, садитесь. Вот разрешим вопрос с людьми, потом выслушаю вас. — Сенькин снова обратился к присутствующим: — Так вот, топлива нет, и добыть его надо своими руками. Люди есть, но без лошадей не обойтись.

Разговор шел как раз о том, что тревожило Николая.

— Да о чем тут толковать-то, — заговорил пожилой мужчина, поглаживая рыжеватую бороду. — И лошадей дадим, и сами поможем вывезти.

Подергивая в руках шапку, сиплым голосом заговорил мужчина с худощавым лицом:

— Вывезти-то вывезем, слов нет. Но как же так получается, товарищ Сенькин? Опять мужичку покою нет, опять он робить должен.

Яким, всю жизнь занимаясь сапожным делом, любил выпить. Жена растила детей, зарабатывая стиркой. Потом сын подрос, работать стал. А Яким весь свой заработок пропивал. Мужики после его слов зашумели.

— Да ты что, Яким Иванович, думал, советская власть тебя водкой поить будет? Нет уж, голубчик, если мы получили власть, так сами и строить будем, — сердито бросил Акакий Павлович Падерин. — Да вот хоть Народный дом. Ково они, ребята, одни сделают? А среди нас и плотники найдутся. Мы готовы помочь, для нас же самих это.

— Безусловно, поможем, — высказался седовласый старичок Григорий Васильевич Кузьмин¹⁴. — Плотнички-то мы бывалые. И как только Народный дом готов будет, сами же и спектакль поставим.

— Спасибо вам, товарищи, за вашу отзывчивость, — сказал Сенькин. Потом, посмотрев в сторону деда Кузьмина, с улыбкой добавил: — А спектакль обязательно поставим. Так вот, товарищи, в следующее воскресенье к девяти утра приезжайте сюда с лошадьми. Поедем в лес.

Когда мужчины разошлись, Михайлов сказал:

— Я как раз по этому вопросу и зашел. Но вы уже побеспокоились, спасибо. Комсомольцам дано задание организовать молодежь.

...В этом огромном двухэтажном доме раньше размещался пансион учениц высшей начальной школы. Впоследствии в нем размещалась школа. Теперь в доме рушились печи, требовался ремонт.

Комсомольцы решили отремонтировать дом. На берегу Вогулки, где стояли кирпичные сараи местного жителя Коровьи-Нож-

---

¹⁴ Кузьмин Григорий Васильевич — березовский мешанин. Несколько лет подряд (примерно с 1908 по 1915) избирался городским старостой. Известна его переписка с членом Государственной Думы Н.Л. Скалозубовым по вопросу об улучшении финансового положения города.

ки¹⁵, под его же руководством наделали кирпичей, и ремонт был сделан. Устроили фойе, зрительный зал со сценой. Сделали гирлянды из хвойных веток, повесили портреты вождей, красные полотнища с надписями: «Долой попов-мироедов!», «Да здравствует кооперативная торговля! Конец купцу-шкуродеру!» Кто мог, принесли лампы. Собрали холщовые мешки, сшили занавес. Нашлись среди ребят художники, раскрасили декорации. Не было костюмов, но помогли многие родители: вытащили из сундуков старинные наряды.

Нашлись и руководители — Григорий Васильевич Кузьмин, местный крестьянин-бедняк, всю жизнь работавший на «черных» работах, чаще плотником, и Клавдия Яковлевна Железнова, сестра Льва Железнова, члена березовской подпольной организации, всю жизнь прожившая в одиночестве на заработок от машинной вязки чулок. И он, и она были одаренные любители сцены. Сами они пришли в уездный исполком и предложили свои услуги для занятий с молодежью. Так создавался комсомольский драмкружок.

[Сидя в зрительном зале, председатель уездного Совета Сенькин переживал особенный прилив чувства теплоты к этим людям, которые сами оборудовали Народный дом, наготовили дров и ставят спектакль. Зрительный зал полон, шла пьеса «Свои люди — сочтемся». В момент, когда на сцену вышел Г.В. Кузьмин, Сенькину передали сообщение о наступлении повстанцев. Ночью купечество города было арестовано в качестве заложников, в том числе и Равский¹⁶, у которого Алевтина служила нянь-

¹⁵ Коровьи-Ножки Кузьма Илларионович — березовский крестьянин, потомок ссыльного. Известен тем, что в 1907 г. содействовал побегу из Березова ссыльного Л.Д. Троцкого. См. о нем: *Созонов Ю.Г.* Еще раз о герое революции Троцком и гражданине из города Березова по фамилии Коровьи-Ножки // Югра. — 1994. — № 2. — С. 27–28; *Коняев Н.* Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Березова Коровьи-Ножки // Лукич. — 1999. — № 1. — С. 10–41.

¹⁶ Равский Петр Феликсович (1885–1921) — березовский городской голова в предреволюционное время. Сын березовского купца Ф.О. Равского, сосланного в Березов 16-летним юношей в 1864 г. после польского восстания. Выпускник Тобольской гимназии. Учился в университете, но курса не окончил. Служил учителем Березовского высшего начального училища, одновременно продолжая торговые дела покойного отца. Расстрелян весной 1921 г. вместе с другими заложниками.

кой. Таисья вступила в партизанский отряд Сенькина. Андрей по заданию партии уехал в Полноват по делам телефонной связи, Леонид — в подводы, увозить эвакуированных.

Отряд Сенькина, имея лишь несколько лошадей, увязал в глубокоом снегу. На шестые сутки боя пришло подкрепление из Обдорска — всего несколько человек. Погиб Миша Конев, которого Сенькин учил когда-то плавать, вместе они были в Иркутской тюрьме. На восьмые сутки боя кончились патроны. Сенькин приказал отступить на Кондинское, а сам с лесником, членом отряда, пошел в его избушку. Нужно было выспаться. Когда мужчины уснули, жена лесника выдала Сенькина повстанцам. Его взяли, а лесник ушел в Кондинское, предупредил отряд, и он отступил на Березов. Повстанцы издевались над Сенькиным, спрашивали, где спрятано золото, и, наконец, убили. Вскоре Север был освобожден от повстанцев].

Сидя у окна, Алевтина с тоской смотрела на реку: скоро ли приедет Тася? Многие уж приехали, а ее все еще нет. Мать горевала:

— Наверное, живой нет.

Вдруг Алевтина оживилась: из-за мыса показался пароход. Мать не успела слова выговорить, как девочка побежала на пристань. Много было народу на палубе, но сестры Алевтина не видела. Вот две женские фигуры, стриженные, тапки на босу ногу, ситцевые платица. В руках папиросы. Аля растерялась, ей показалось, что одна из них Тася. Нет, не она, у нее косы. Но девушка с палубы уже махнула ей рукой и скрылась в толпе. Сердце Алевтины больно зануло, она с ужасом думала: отрезала косы, курит... В это время девушки сошли с парохода, подхватили Алю и пошли домой. Аля, приостановив шаг, спросила:

— А чемодан где?

Тася усмехнулась, обняла сестренку и сказала:

— Ничего у нас нет.

— А что ты надевать будешь? Ведь твои и мои платишки бандиты забрали.

— Нашла о чем говорить. Мы живы и платишки себе сошьем.

Но Аля не унималась, ее ужасала папироса во рту сестры:

— Тася, зачем ты куришь?

— Трудности были. Цинга подхватила, пришлось курить.

Девушки всю дорогу до дому весело разговаривали, радуясь возвращению.

[В жаркие июльские дни прах Сенькина перевезли в Березов и похоронили на краю горы].

Люди расходились, уже никого не осталось. Двенадцатилетняя девочка Аля еще долго стояла. Ею овладело какое-то особое состояние. Солнце уже село, наступал вечер, кое-где щебетали птички. Аля, прижавшись к могильной оградке, старалась вспомнить, что говорил ей Тихон Данилович, когда она была еще совсем маленькой. В ее ушах, как и тогда, давно-давно, прозвучали его слова: «Когда человек людям делает хорошее, он становится счастливым». Ветер развеивает ее волосы, порывисто дует в лицо, а она стоит, как околдованная, смотрит вдаль, думая о значении его слов.

Материалы к повести

Д.С. Шилова¹ — Ю.М. Козловой

5 мая 1957 г.

Привет из Логиновки!
Здравствуй, дорогая Юлия!

Прими от меня сердечный привет и самые наилучшие пожелания! Сердечный привет ребятам: Валерию, Славе, Людочке, а также Борису и Севе с семьей, если меня помнят.

Извиняй, Юлия, что ничего не пишу тебе, все как-то у меня жизнь складывается не так, как нужно, и ничто не радует меня. Живу как ненужный человек, потому что не могу работать так, как прежде работала. Пишу это письмо из Логиновки, я опять приехала сюда к Юркиной жене, его нет дома, отрабатывает свою провинность, хотя эту провинность должны были нести все шесть человек, которые были с ним, но свалили на двоих, поехали пьяные, ну и заработали. Работает где-то на стройке завода. У него родилась дочь перед Новым годом, тогда я, было, поехала к ним, но не могла добраться, рука не совсем зажила. А сейчас Зина вызвала меня телеграммой и перевела деньги на дорогу — болела она. Выехала 23 апреля, а 26 апреля я уже здесь была. Проехала через Казань, Ульяновск и Саратов.

<...>

Юля, ты просишь написать о Сенькине. Это был мой зять Тихон Данилович Сенькин. Хорошо, я напишу, сколько знаю, а там сама разберешься.

Сенькин Тихон Данилович родом был курский, из России. В Березов он попал как политический ссыльный... Он деловой

¹ Шилова (Ануфриева, Онуфриева) Домника Серапионовна (ок. 1890–1984) — учительница, дочь крестьянина Мезенского уезда Архангельской губернии Серапиона Терентьевича Ануфриева. Прошла курс начального училища, преподавала в церковно-приходских школах сел Троица, Саранпауль, Няксимволь Березовского уезда. Сотрудничала с Тобольским губернским музеем.

*Д.С. Шилова.
Почтовая карточка.
Надпись на обороте:
«Евгению Моисеевичу
2-ну Шилову. На добрую
и долгую память Еночке.
Помни, не забывай!
Доня»*

мужик был, работы никакой не гнушался. Пекарем работал (особенно крендели хороши были). Нет работы — трубочистом пойдет. Много помог своим товарищам по ссылке в материальном и денежном [отношении]. В Березове он прожил с 1905 по 1909 год. Женился на моей сестре (ему уже

было за тридцать) и переехал в Салехард (Обдорск). Жену звали Агафья. Его все время преследовала полиция. Раз в него стреляли и повредили одно легкое. Впоследствии это легкое было убрано, но на здоровье ему не повлияло — был здоров.

В Обдорске он организовал пожарную, купил трех лошадей для пожарной и возки груза в компании с кем-то, настояще не знаю. Но и там ему не давали спокойно жить. Все время придирались к нему, особенно купечество. Во время одной придирки дело дошло до стрельбы. Он выстрелил во врага своего, но нечаянно попал в руку уряднику, за что его арестовали и составили протокол на него ложный, не по существу дела. Его посадили. В это время у него уже был первый сынишка Володя.

Когда его посадили несправедливо, он объявил голодовку, 8 дней ничего не брал в рот, жена его кое-как уговорила ради сына принять пищу (он очень любил детей, как своих, так и чужих). Потом его присудили на три года в тюремное заключение, сидел сначала в Березове, потом в Тобольске, а семья осталась в Обдор-

ске. На следующее лето жена с ребенком переехала в Березов. Переписывался с ней через меня (она неграмотная была). В письмах все время рвался к ребенку-сыну. Ради ребенка он не досидел полтора месяца заключения — сбежал из Тобольской тюрьмы и еще выпустил 20 заключенных. Про это я лично узнала, когда во время каникул приехала в Тобольск и пошла повидаться с ним. Сперва надзиратель сказал, что не знает такого, нет его. Я пошла обратно, но он вернул меня и расспросил, какой он из себя. Я объяснила ему. Тогда он сказал мне по секрету, что он с неделю тому назад сбежал, пропилил брешь в каменной стене. В это время Тихон ходил по городу трубочистом и говорил мне впоследствии, что видел меня два раза, но побоялся подойти ко мне, думал, обзнался, так как не ожидал [встретить] меня в Тобольске — я не писала ему долго. «Если б уверен был, что именно ты это была, я подошел, расспросил бы про свою семью тебя подробно и, пожалуй, вернулся обратно в тюрьму досиживать свой срок, но не уверен был и потому не подошел — мало ли схожих людей бывает». После этого он поехал в Обдорск: до Самарова доехал на пароходе кочегаром, а от Самарова — в лодочке один до Березова. Приехал... а ее нет... за три дня до его приезда она уехала в Обдорск. Пришлось ему путешествовать дальше. Приехал к семье ночью, повидался, убедился, что сын растет здоровый, и пошел в полицию объявляться — все равно ему бы не укрыться там было. Конечно, его снова забрали и увезли и вместо полутора месяцев еще дали полтора года, всего, значит, высидел четыре с половиной года. Освободился, приехал домой и снова стал жить в Березове, но полиция все время преследовала его. Он переехал в урман за Соровый мыс, и там жили в лесу один год вдвоем. Родился второй сын в лесу в конце 1915 года (старшего я увезла к себе на зиму, так как я все время помогала сестре, когда он сидел). После рождения второго сына по просьбе жены (ей много приходилось переносить в одиночестве) переехал в Березов, переплавил избушку, прибавил и выстроил дом (тот, который ты знаешь, мамаша жила в нем в 1919 году с его детьми старшими двумя, а третий, младший, был у меня, жил в нашей семье). Во время свержения царизма он с семьей опять уезжал в Обдорск, там родился третий сын в январе 1917 года, потом, в 17-м же году, переехал в Березов. Во время установления советской власти он активно участвовал. Совдеп был

им сколочен. Руководил убийством белого офицера в доме Гурьянова во время кино в 1918 г., это было, кажется, в феврале или в марте. Участников его — Сосунова, Котовщикова, Железнова и др. — арестовали, а он уехал по последнему пути в Обдорск для сколачивания партизанского отряда. По открытии реки на первом пароходе прибыл со своим отрядом в Березов, но ему не пришлось даже выйти на пристань, стоял чешский отряд белых. Его арестовали и увели в тюрьму, жену не допустили до него. Со следующим рейсом увезли в Иркутскую тюрьму, где и сидел до 1920 года.

Во время Гражданской войны Сенькин сидел в тюрьме, а жена его после тяжелой непродолжительной болезни умерла в 1919 г., 25 июля, оставив сиротами троих малолетних детей: девяти, четырех и двух лет. Пришлось нашей семье принять в них участие. У нас квартира не позволяла принять их к себе, я попросила мамашу перейти одной в их дом и ухаживать за старшими, а третьего, двухлетнего, я взяла к себе. Дом у них был свободный, пустили двух квартирантов-мужчин, чтобы легче было содержать ребят. Так вот их и хранили до его приезда. Он сидел и не знал до самого возвращения, что жена умерла и детишки остались одни.

Когда белых разогнали и стали красные освобождать тюрьмы, то Иркутская тюрьма накануне прихода красных для освобождения была уже почти пуста. Заключение опять же освободил Т.Д. Сенькин, он не знал, что на помощь ему идет Красная армия. Он, как и в первый раз в Тобольске, пропилил брешь над рекой и первый бросился в реку, а за ним и остальные. Переплыли реку. Охрана стреляла вдогонку, но его не задело, переплыл благополучно.

В апреле приехал в Березов к детям. Выбрали его председателем исполкома, где и работал. С первыми пароходами поехал в Обдорск и там женился второй раз ради детей, привез жену, звали Марфой, тогда взял и младшего сына к себе.

В 1921 году, когда колчаковские отряды подступили к Уралу, Сенькин организовал опять партизанский отряд, в котором участвовала и наша Т.М. Шилова². Пошли по Оби дальше Кондинска против белых. Сенькин Т.Д. сам руководил своим отрядом. С белыми они почти сошлись выше Малого и Большого Атлыма, в Воронах (после переименован в Красноленинск). Там

² Шилова Таисья Моисеевна — сестра Ю.М. Козловой.

должна была произойти схватка с белыми. Отряд Сенькина почти выбивался из сил, так как шли все время без отдыха и без сна. Стали отступать к Кондинску, там немного отдохнуть, а потом уже принять бой. Сенькин Т.Д. разрешил отступление, но сам кое-как держался на ногах — целую неделю был без сна (это по рассказу Таси). Сказал: «Отступайте, а я немного сосну у лесничего в избушке, а потом нагоню вас». И пошел вместе с лесником (фамилию его не помню), он тоже был в его отряде. Я думаю, он и предал Сенькина, с целью предложил отдых. Когда они легли спать, жена этого лесничего побежала к белым, они были за поворотом крутой горы. И сказала белым: «Командир красных спит у меня в избушке, а отряд его отступил». Вот они его и накрыли, но Сенькин все же успел выскочить в окно и кинулся в лес, на лыжи не успел встать. Снег был глубокий, проваливался. Белые настигли его и схватили. Вели его пешком и как могли издевались над ним. Одели в холщовую рубаху, тряпье, надели хомут. На одной ноге старый валенок, на другой — лапоть. Вот в таком состоянии его вели до Чемаш. Они бы раньше, наверное, его порешили, но он просил довести его до Березова и обещал им «золото» (которого не было у него). Он надеялся на березовский народ, что не отдадут его на поругание белым. Когда пришли в Чемаша, там кто-то сказал: «У Сенькина ничего нет, он последнюю рубаху отдаст бедному и надеется, что за него там заступятся, вот почему и говорит вести его до Березова». После этого они стали мучить его, издеваться, отрезали частями лицевые части, руки, ноги и так замучили его до смерти, и был схоронен в Чемашах, но в этом же году к концу лета тело его перевезли в Березов и схоронили на красной площади, у яра его первая могила, это братская могила. Вот так он и кончил свою жизнь.

Отряд его вернулся в Березов, кажется, в феврале. Семья его тоже была в Березове. В ожидании белых шла работа по линии: проводили телефон прямым путем от Березова и Перегребного на Полноват. Эту работу вел Евг. Моисеевич Шилов, и с ним был начальник почтовой связи Кузнецов Григорий Петрович, так что были в курсе, где идут белые. Е.М. Ш[илов] вернулся с работы больным с температурой 40° и пошел сразу в штаб для объяснения окончания работы, и хотели дать еще

зарядку, но он отказался ввиду болезни. Его положили в больницу, а ночью внезапно пришлось отступать красным на Обдорск. Никого не оставили, даже из больницы захватили больных участников против белых, в том числе и Е.М. Только несколько семей коммунистов с малыми детьми остались: Сенькины, Шмигельская А. и еще одна семья. Их утром эвакуировали на Сосьву к Уралу. Первые две подводы миновали Шайтанск и направились к Уралу, а подводу Сенькиной с детьми белые задержали в Шайтанске и хотели прикончить детей Сенькина, но жена его (уже мачеха для детей) отстояла их. При упорной борьбе с белым офицером, предводителем отряда, пришлось ей сойтись с этим офицером ради детей, которых было трое налицо, а четвертым ходила в положении. Дети остались живы и вернулись вместе с белыми в Березов. При приходе в Березов белая банда сразу кинулась в дом Сенькина в поисках золота. Растрясли все перины и подушки, искали в пере, но ничего не нашли. Весной, при вскрытии рек, жена Сенькина уехала в Обдорск, детей увезла с собой. Вернулся и отряд Сенькина через Урал. Колчака прогнали. Кто был в отряде Т.Д. Сенькина, я думаю, есть кто-нибудь в живых.

...Вот и кончила свою повесть, Юля, конечно, для тебя, может, нужны только некоторые виды, но я написала все, что знала про него. Сама выпишешь, что нужно. Напиши ответ на это письмо обязательно. Начала писать тебе 5 мая, а кончаю 9 мая и помню день кончины твоего мужа — уже ровно два года. С приветом к тебе ваша Домника. Привет от Зины и маленькой ее дочурки Лизы.

Д.С. Шилова — Ю.М. Козловой

24 декабря 1957 г.

Юля, буду писать относительно Тихона Даниловича Сенькина. На первый вопрос — кто были его родители? — я не могу ответить. Он вообще никогда не говорил про своих родителей. Но раз случайно, когда сидел в тюрьме в Тобольске, перепутал письма: должно, в одно время писал матери в Курск и мне. И вот материно письмо получила я. Особенного ничего не писал. Видимо, она его звала домой приехать, но он ей ответил, что «я не могу приехать, у меня семья, поеду на север к семье». Про-

сил передать привет братьям своим и дядям, а отца не упоминал: видимо, его в живых не было.

Он рабочий, и профессий у него много было: он и плотник хороший — дом в Березове сам лично один срубил и печь пекарскую сам в ней сложил. Он пекарь хороший был — особенно крендели хороши пек — рассыпчатые. Давали ему для выпечки муку березовские купцы. От него научилась печь и сестра моя Агаша — жена его. Образование имел он небольшое — сельская школа (три класса). Среднего роста, коренастый, здоровый. Круглолицый, недурной из себя, волосы черные курчавые (целая шапка на голове), брови черные, глаза темно-серые. Тип великоросса.

Где он жил на квартире, настояще не могу сказать. Все ссыльные большею частью жили на отведенных квартирах-флигелях, имевшихся при больших домах. Мне кажется, у него первая квартира была во дворе Равских, против гурьяновского дома (в этом доме еще жила Тася няней у Равских). В то время жили в большом доме квартиранты — казначей Ембаев³ с семьей. А у них жила нянькой моя 13-летняя сестра Агаша. Почему я знаю? Он рассказывал один случай про мою сестру, как над ней измывались хозяева, особенно их сын Володька обидел ее в отсутствие взрослых. Сенькин был возмущен этим поступком, но заступиться не в силах был, так как ссыльный. Вот тогда он и узнал Агашу — будущую жену свою. Это было в 1906 году.

Потом, когда работал пекарем, жил в старом большом доме у одного старика-еврея. Пек крендели. Этот дом знаешь, где стоял? Где сейчас ветеринарная по Садовой улице. Я помню этот дом — низкий, почти до половины ушел в землю. А потом, должно быть, жил у Ямзиных — Афанасеи Игнатъевны, сестры Еремея Игнатъевича, а мужа ее я не помню как звали. Тоже по Садовой улице, около больничного моста. Почему я предполагаю? Я тебе уже писала, что, когда он сбежал из Тобольской тюрьмы, скрывался у нее, Афанасеи Игнатъевны.

Агаша осталась после смерти матери двухнедельной в районе Березова — Саранпауле. Отец и дедушка с сыновьями строили там церковь и купеческий дом Новицкому (у которого работал

---

³ Ембаев Георгий Андреевич в конце XIX—начале XX в. служил в Березове в должности помощника надзирателя акцизных сборов. Позднее служил в Тюмени. — В письме Ембаев, по документам — Ембаев. *Прим. составителя.*

ваш отец). Бабушка (мамы мать) привезла ее в Березов, а взяла на воспитание тетка Матрена (мамы сестра), а я осталась у папы. А потом уже, когда в состоянии была водиться с ребенком, была нянькой у Ембаевых, а потом у Гурьяновых. Одну зиму жила со мной, где я учительствовала. После этого она вышла замуж за Т.Д. Сенькина в 1909 году. Была неграмотная, пришлось чуть не с пеленок зарабатывать кусок хлеба. Известна сиротская жизнь. Когда папа женился второй раз, мачеха Агашу не приняла (мала еще была). Меня приняла, я могла уже водиться — качать зыбку с ее ребятами.

Когда я вышла замуж в 1917 г., 10 сентября, за Евгения, Сенькины Т.Д. и А.С. с тремя сыновьями (Володя, Яша и Петя) приехали в Березов из Салехарда и поселились в своем доме, который строил он в 1915 г. (почему-то они уезжали из Березова ненадолго). Вот тогда семья Шиловых и познакомилась с Сенькиным, они часто ходили к нам. Я, кажется, уже писала, но еще напомним для ясности. В 1918 г. после убийства белого офицера в марте Тихон Данилович уехал в Салехард для добровольческого набора партизан. Вернулся с первым пароходом с добровольцами. Его арестовали чеки и увезли в Тобольск, а оттуда в Иркутск. В 1920 г. в январе или феврале он сбежал из тюрьмы накануне освобождения тюрем красными. Приехал в Березов, был выбран председателем исполкома. Опять набрал отряд добровольцев-партизан и пошел против Колчака.

Кто был сослан с ним, кроме Троцкого? Я не могу сказать, так как Т.Д. узнала в 1909 г. А что много их было, это я знаю. Новый год, 1910-й, я встретила на коллективном вечере их. Встреча Нового года была в доме Левчихи. Помнишь дом двухэтажный по ул. Республики, теперь стоит на этом месте прокуратура? У нее жили ссыльные, а по фамилиям я их не знаю. Был маскарад, и в этой партии была я. Тихона на этом вечере не было, они были в Салехарде. Вот только знаю одного его т. Парфенова, он жил и в Березове, и в Салехарде. Дубов тоже был в одно время сослан, но они были с Т.Д. разных партий. Как приехали в Березов — водным или зимним путем? — не могу сказать. Я в это время далеко была от Березова — училась еще, в разговоре как-то не приходилось слышать.

25 декабря

У Сенькина поговорка была: «Марья Ивановна померла». Как заходит, так и говорит, но, конечно, не у всех, только у близких знакомых. Да еще иногда можно было слышать: «Гарибальди сказал». Я думаю, это условные были пароли между своими товарищами. А потом так привык и в ссылке говорил уже по привычке.

Вот все, что я про него знала, написала, а больше не могу дать сведений.

На этом пока, кончаю.

25 декабря 1957 г.

Д. Шилова

И. Ф. Филиппов⁴ — Ю. М. Козловой

Здравствуйте, уважаемые Антон Борисович⁵ и Юлия Моисеевна!

Прошу простить за беспокойство. Случайно узнал от Михайлова Н.С. из Березово ваш адрес и решил вам черкнуть. Надеюсь, что сообщите на очень интересующий меня вопрос. Я у Н.С. Михайлова запросил адрес Таисии Моисеевны Шиловой, Вашей сестры, Юлия Моисеевна. Получил очень печальный ответ, что ее давно не существует в живых. Очень обидно. Такая молодая и так мало жила. Вообще в Березово вашего поколения молодежи почти нет никого. Надеюсь, что вы меня маленько знаете. Но я-то вас, молодежь, хорошо знаю, поэтому и решил к вам обратиться, зная, что вы некоторые события в Березове за период 1918, включая до 1922 года, знаете и многое слышали из рассказов взрослых. У меня к вам один существенный вопрос. Вы оба хорошо знаете Михаила Максимовича Первова, сына Максима Кузьмича Первова. Он работал на почте в Березове телеграфистом. Вот про него в березовской газете «Путь к коммунизму» Б. Маклаков написал за 1957 г., 28 апреля и 12 мая, статью «Дорогой борьбы». Считаю это досужим вымыслом и исключительно

---

⁴ Филиппов Иван Филиппович — член Березовского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов, образованного в начале 1918 г.

⁵ Козлов Антон Борисович (1905—1955) — муж Ю.М. Козловой, уроженец Березова. Трудовой путь начинал учеником в Березовской почтово-телеграфной конторе. В 1943—1955 гг. — начальник окружной конторы связи. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Ленина, медалями.

ложью, что он был очень бедным, жил с матерью и влачил жалкое свое существование, что он был первым революционером и состоял членом Березовского Совдепа в 1918 году. Когда они это писали, наверное, думали, что из активных участников-совдепщиков того времени нет никого в живых. Нет, я и Павел Ильич Сосунов⁶ из Березовского Совета раб., солд. и крест. депутатов еще и сегодня живем, поэтому мы очень оскорблены этой вымышленной ложью... Почему-то у березовцев не нашлось мужества сказать правду о погибших товарищах Березовского Совдепа 1918 г. Ф.Ф. Котовщикове, Л.Я. Железнове, М.П. Кузнецове, Т.Д. Сенькине (последний погиб в 1921 году), Ф.М. Защипове, Н.Л. Ильине, павших жертвой за советскую власть. Все они были членами Березовского уездного Совдепа. Сидели вместе с нами в тюрьмах и беззаветно отдали свою жизнь за власть Советов. Правда, о Березовском Совдепе на месте материалов никаких не осталось, все уничтожено врагами советской власти. Потом Дубасовым, Тарасовым, ветврачом Н.А. Поповым, С.П. Шаховым, Кушниковым, Нижегородцевым и пр. бандой. Но зато осталось в Тобольском архиве от тоб. след. комиссии про березовский состав Совета, который обвиняли в большевизме и захвате власти. Я имею два документа из архива и музея. Но это не все, что в заметке сказано о М. Первове, его сделали просто героем революции и по 1921 году во время бандитского мятежа. Что он бесстрашно и самоотверженно сражался с бандитами за Уралом. Здесь я считаю тоже преувеличением и вымыслом, так как я запрашивал Хорохорина М.В., который являлся заместителем Данилова, в данное время проживает в Москве, и был с отрядом за Уралом при отступлении, и Сосунов П.И. с другим отрядом отступал за Урал, фельдшер Доронина К.П. из Самарова отступала за Урал,

---

⁶ Сосунов Павел Ильич — участник становления советской власти в Березовском уезде. В 1921 г. возглавлял ревком в Обдорске. Странник идеи административно-хозяйственной и культурно-национальной автономии северных этносов. С 13 марта 1922 г. — заведующий подотделом по управлению и охране туземных племен Севера наркомата национальностей. Инициатор и организатор конференции представителей северных этносов в с. Самарово 24–29 июля 1922 г. В 1925–1929 гг. — заместитель председателя Тобольского комитета Севера и единственный его член, свободный от других занятий. См.: *Петрушин А.* Лицензия на убийство // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 5. — Тюмень, 2005. — С. 89–101.

*Д.С. Шилова
(в центре)*

Молокова П.И. и многие др. салехардские, и все как один заявляют, что М. Первова никто из них не видал и не знает такового, ведь

не был же он невидимкой... Вот поэтому-то я и решил обратиться к вам, уверен, что вы больше других знаете про Мих. Первова. Надеюсь получить от вас более точных сведений о деятельности Первова в 1921 году. Что же касается 1917–1919 годов, его не было в составе Березовского Совдепа, мы с П.И. Сосуновым, как члены бывшего Березовского Совдепа 1918 г., заявляем: Мих. Первов не был членом Совдепа и никакого участия в событиях того времени не принимал...

Пару слов о себе. Живу я в Бийске с 1953 г. В 1957 г. меня парализовало, отнялась вся левая половина тела, рука до сего времени без всякого движения. А ногу при помощи костыля передвигаю. Общее состояние здоровья очень поганое, словом, никудышное. Сосунов живет в Красноярске. Я его случайно разыскал, и вот мы уже с ним виделись в этом году два раза, гостили один у другого, вспоминали прошлое, 1918–1921 и последующие годы, ведь мы с ним не виделись с 1921 года, нам было о чем вспомнить, пережившим столько передраг и событий.

Юлия Моисеевна! Мне Михайлов сообщил, что Вы занимаетесь литературным трудом. Это очень неплохо быть на Севере писателем, ведь их-то у нас на Севере никогда не было. Это будут Ваши первые литературные шаги в вечной мерзлоте заброшенного края, но богатого природными своими богатствами и особенностями. Желаю Вам на этом поприще самых больших успехов. Я вот ни в какой высшей школе не учился, не окончил церковно-приходскую школу и тоже написал свои воспо-

минания о становлении советской власти на Крайнем Севере. Правда, очень коряво, неграмотно написано, с большими недостатками в стиле, но я не искушен этим трудом и понятия в этом не имею, поэтому и писал о себе, тогда как нужно было писать обо всех, где и как происходили события, что я сделать не мог в силу неграмотности. Можете моими воспоминаниями поинтересоваться в Ханты-Мансийском музее и посланными в окружном КПСС в 1957 г., а в музей посылал в 1958-м. Зато у меня на руках ничего не осталось. Вы там увидите фамилии состава Березовского уездного Совдепа. Самозванцев, конечно, там нет, все правдиво, без преувеличения и прикрасок, все так, как было в действительности. Это не со слов очевидцев или наблюдателей, а я сам принимал самое активное участие, что могу подтвердить документами товарищей, принимавших участие во всех этих событиях, и архивными документами. Жалею об одном, что не мог достать фотокарточки товарищей, убитых зверски и погибших в тюрьмах, имена коих у меня в воспоминании упоминаются, первых организаторов на Крайнем Севере советской власти. А теперь прошу вас обоих сообщить о ваших близких, родных, братьях, сестрах и родителях, кто есть в живых и кого нет, мне это будет очень интересно как коренному жителю Березова. Я ведь их всех хорошо знал и помню! Где семья Фины, моей снохи? Жива нет Ваша мамаша Настасия Матвеевна и сестра Антона Борисовича? Если это вас не затруднит.

Ну, пока, желаю вам всем с домочадцами хорошего здоровья и продолжительной жизни. Крепко, крепко, крепко жму всем вам лапки.

*Уважающий вас Иван Ф. Филиппов. Прошу не обижаться на меня. Жду ответа вашего. С приветом И. Филиппов.
29 ноября 1958 г.*

* * *

Здравствуйтесь, дорогая Юлия Моисеевна!

Приношу признательную свою благодарность за Вашу чуткую отзывчивость. Получил Ваше письмо и спешу на него ответить. Искренне соболезную утратой Вами близкого Вам друга Антона Борисовича, а равно и близких Вам людей — братьев,

сестер и мамы. Ведь все они молоды и нужно было бы жить да радоваться, но неизбежного не избежать. Мамаша, наверное, более 100 лет прожила, а потомство ее раньше оставило прекрасную жизнь, ушло в невозвратное. Конечно, это очень обидно и не верится, но факты — упрямая вещь, приходится считаться.

Мне очень нравится Ваш правильный взгляд на жизнь, целеустремленность, упорство и борьба, хныканьем и слезами можете себе навредить, а подорванное здоровье излечиванию, как знаете, плохо поддается. У Вас есть для кого и для чего жить, мужественно переносить все невзгоды, встречающиеся на пути в жизни, отбрасывать прочь все плохое, памятуя, что люди жили и, возможно, живут много хуже, слабые уступают место сильным, волевым.

<...>

Я очень рад, Юлия Моисеевна, что Вы посвятили себя благородному делу писателя! Уверен в том, что правдиво осветите историю становления советской власти на Крайнем Севере, в частности и события в Березове 1918 г. и 1921 г. Укажете действительных участников, но не самозванцев... В Ханты-Мансийский музей и окркомитет КПСС по их просьбе я послал свои воспоминания. Правда, я больше писал о себе, но не пропустил ни одного из активных участников. У меня там подробно записано, кто и кем был. Можете взять и прочитать, и есть фотокарточки, правда, не со всех. Писал я как умел и без преувеличения. Мое образование — церковно-приходская школа, II класс не окончил. Учился в тюрьме и при советской власти. Фамилию Сенькина не изменяйте, ведь о Семакове Ал. и др. изданы брошюры, а фамилии не изменены!

Убийство прапорщика Овчинникова⁷ в доме Гурьянова во время кино — это было в конце января 1918 г. при следующих обстоятельствах.

Во время антракта Ф.Ф. Котовщиков и М.П. Кузнецов в присутствии этого прапорщика и многих др. зрителей в кино разговаривали об октябрьских событиях в Петрограде. Что рабочий класс, мозолистые руки, руководимые В.И. Лениным, взяли власть в свои руки и устанавливают не буржуазные и царские порядки,

⁷ См.: *Петрушин А.* Лицензия на убийство // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 5. — Тюмень, 2005. — С. 89–101.

а создают советы — власть трудового народа. Это говорилось с целью, чтоб присутствующие знали, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являются действительно властью самого народа. Но в этот разговор прапорщик Овчинников ввязался и стал говорить, что «большевики — предатели родины немцам, и вы тоже являетесь предателями, нужно всех большевиков уничтожить». Правда, Овчинников был немного выпивший. Ф.Ф. Котовщиков ему стал говорить: «За что же вы оскорбляете, давайте объяснимся без оскорблений». Но Овчинников сжал кулаки и стал угрожать, что он разможжит голову, если они будут хвалить большевиков. Но тут П.И. Сосунов сказал Ф.Ф. Котовщикову и Кузнецову: «Стоит ли вам разговаривать с пьяным человеком». Овчинников сразу же ударил Сосунова по уху. Сосунов повалился от удара на прилавок буфета. Нужно сказать, Сосунов по происхождению черкес, кавказской крови и обиды публичной не вынес, выхватил свой кольт и вскричал: «Разойдись, граждане, в негодя буду стрелять». Народу было много, все бросились в разные стороны, а Овчинников остался стоять у круглой печи (контрамарки). Сосунов выстрелил, но не попал, выстрелил второй раз — тоже промазал. У двери стояли четыре солдата и два городских, они подскочили и поймали Сосунова за правую руку, желая отобрать кольт. Он переложил его в левую руку и выстрелил. Овчинникову пуля попала выше переносья в лоб навывлет, попала в железный обруч печи, а от обруча срекошетила углом и попала в лоб К. Осколкову, который стоял в дверях, и тоже был убит наповал, ни в чем не повинный. Последний был мне родственником. После трех выстрелов в кино никого не осталось. Убежали солдаты и городовые. А Сосунов свой кольт положил на прилавок буфета и сказал: «Власти, возьмите меня, я совершил убийство!» Но никого уже не было. Я стоял рядом с Сосуновым, взял его кольт с прилавка, положил себе в карман, а ему сказал: «Беги скорее домой, а то могут прибежать солдаты и устроят тебе самосуд». Вывел его в двери, и он ушел, а за ним и я ушел. Вот так было это дело, ничуть не преувеличивая и не уменьшая этого события.

На следующий день были арестованы Сосунов, Котовщиков и я. Кузнецов и др. остались на воле и вскоре освободили нас из тюрьмы. Кузнецов М.П. был председателем военно-револю-

ционного комитета большевиков. Солдаты эти были с фронта, Георгиевские кавалеры и часть раненых взамен кадровых, служивших в Березове в роте солдат. У меня в воспоминаниях сказано, посмотрите в музее. Здесь никакой цели или умысла не было, получилось все случайно, что задержало нас на некоторое время от захвата власти Времен. правительства.

Солдаты все были довольны и рады убийству Овчинникова. Говорили, что от него никому не было житья, заядлый монархист.

Где и что Вам будет непонятно, пишете — я объясню. Все эти события я хорошо помню и едва ли когда смогу забыть. Здоровье мое поганое. Иногда не могу ни писать, ни читать. На память не могу жаловаться. Меня парализовало в 1957 году, отняло всю левую половину, рука и пальцы совершенно не работают, хожу при помощи костыля с большим трудом, вот так коротаю свою жизнь.

Желаю вам всем хорошего здоровья, счастливой продолжительной жизни. Крепко-крепко жму всем лапки. И. Филиппов.

Если переписываетесь с Ларионом Моисеевичем, передайте ему мой большой привет и дайте его адрес. Пожалуйста, пишите, с благодарностью буду отвечать.

* * *

Здравствуйте, дорогая Юлия Моисеевна и все Ваши домочадцы!

Какое Ваше и Ваших детишек здоровье и какие успехи в Вашем произведении в воспоминаниях о Т.Д. Сенькине, а также в учебе детишек? Я два месяца провалялся в больнице, но от этого нет никакого улучшения, больным я был, больным остался. Вот таковы мои дела со здоровьем. В партии КПСС меня восстановили. Плохо то, что зрение крепко изменило.

Ю.М., прошу: не принимайте на свой счет мои следующие замечания. Что-то уж много писателей стало по нашему краю. Конечно, это неплохо, но ведь беда в том, [что] одни пишут о становлении советской власти на Севере 1918—1921 гг. из рассказов тех, которые в то время не участвовали в событиях, а только слышали от своих отцов или дядей, а некоторые приписывают себя к участникам событий того времени, тогда как их совершенно духу не было или были на стороне врагов советской власти... И вряд ли можно будет найти, где правда, где ложь, а

имена их войдут в историю, да при всем том получают гонорар и сделаются персональными пенсионерами. Крайне обидно, что многие пустились за легкой наживой. Конечно, никому из них неинтересно, а может быть, и невыгодно, запросить о действительных активных участниках того времени, пока они еще живы, о всех этих событиях. Ведь есть много документов, подтверждающих их действия, и можно при желании достать действительно исторические документы, но не липовые, вымышленные кем-то. Пока мы живы, согласиться с этим не можем, со всякого рода ложью будем бороться, хотя наши силы уже иссякли...

Хочу Вам сказать: я узнал от хорошего мне товарища, он разыскивал документы своей сестры, которая была арестована в начале 1917 года в Москве. Разбираясь в архивных документах в Москве, он случайно нашел в делах архива два письма: одно М.П. Кузнецова, а др. Т.Д. Сенькина, адресованные Пред. Совета нар. ком. В.И. Ленину с просьбой оказать содействие в борьбе с контрреволюцией. Вот видите, какие документы хранятся в архивах, а их можно найти значительно больше и восстановить действительность положения и обстановку того времени. Это действительно исторические документы, но не ложь и вымысел...

Юлия Моисеевна! Я и хотел помочь Вам в Вашем добром начинании. Я все же провел с Т.Д. Сенькиным два десятка лет в разных революционных и житейских передрягах, а также П.И. Сосунов. Разве лучше нас кто-нибудь сегодня может знать о его суровом жизненном пути и геройской его кончине? Мы даже могли дать Вам адреса, где и какие о нем нужны документы. И это были бы не бабушкины сказки, а исторические факты. Конечно, возможно, еще не поздно кое-что исправить и дополнить, если еще не закончено, а его письмо В.И. Ленину, этот большой исторический документ, мог большую роль сыграть его потомству. Правда, адреса их я не знаю, мог бы написать. Мне также хотелось знать, почему Вы не стали писать мне, как будто ничем я Вас не обидел. Вы не дали мне адреса Ваших братьев Иллариона Моисеевича и Александра Моисеевича...

Не знаю, как у Вас на Севере, а у нас здесь весна в полном разгаре. Начинаются полевые работы. Через Бию ни на машине, ни на лошадях ездить уже нельзя.

Желаю Вам хорошего здоровья с Вашими ребятами. Успеха в работе, а детям в учебе, будьте счастливы. Крепко-крепко жму всем лапки. Надеюсь, ответите.

*С уважением И. Филиппов.
5 апреля 1959 г.*

Ярков — Ю.М. Козловой

Уважаемая Юлия Моисеевна, шлем Вам искренний привет и всему Вашему семейству.

Отвечаю на Ваше письмо. Меня интересует, почему Вы выделяете сенькинский отряд, как будто бы весь 21-й год был исключительно играющей ролью в сенькинском отряде. Дело было так. Во время восстания Сенькин находился в Обдорске, откуда и был направлен с отрядом в количестве 20 чел. на помощь отряду Галишникова Ив., который отступал от Цынгалов и был в Карымкарах. Доезжая до Кондинска, Сенькину было в отряд добавлено 7 чел., с которыми он и выехал в Карымкары. Доезжая до островка, что ниже Карымкар 3 кил[ометра], попал на засаду бандитов, которые открыли огонь. Ружья у них были дробовые, то есть простые. В отряде началась паника. Отряд повернул обратно, а Сенькин растерялся, бросил отряд, стал на лыжи и ушел в гору, в лес, где и заблудился. Вместо того чтобы пойти на низ, то есть в нашу сторону, он прошел в верхнюю сторону, занятую бандитами, и вышел ночью в Сосновы на квартиру Рукиных, которые его спрятали в подполье, а ночью выдали бандитам. Последние и замучили его в Чемашах. Вот и вся история сенькинского отряда. Отряд вернулся в Кондинск и влился в общий отряд.

Если Вам нужны действительные подробности истории революционного движения на Обском Севере, особенно в Кондинской бывшей тогда волости и Березове, о котором вы сами знаете его прохождение, посмотрите в Ханты-Мансийском музее мои воспоминания. Они подкреплены в автобиографиях участников этих отрядов, как 19-й год, так же и 21-й. Там и упоминается о сенькинском отряде. Что касается Рукиных этих, что предали Сенькина, то я ничего не знаю. Я приехал позднее всех и не знаю, то ли рассчитались с ними или нет... Когда Вы познакомитесь с этими воспоминаниями, то на их основе мо-

жете написать действительную повесть с материала участника событий.

С почтением к вам Ярко.

7 апреля 1959 г.

[Письмо Яркова Ю.М. Козлова послала И.Ф. Филиппову, сопроводив его следующей припиской: «Иван Филиппович, будете писать мне, попрошу отправить это письмо Яркова мне обратно с Вашими замечаниями. А когда отпечатаю начисто свою работу, могу послать Вам экземпляр. Вот и спешу. И домашние дела, и дети, но теперь уже не брошу, буду кончать. В отношении Первова утверждают, что якобы он перехватил телеграмму белогвардейцев и передал членам Совдепа и это якобы документально доказано»].

И.Ф. Филиппов — Ю.М. Козловой

Здравствуйте, дорогая Юлия Моисеевна!

Ваше письмо получил. Я полностью разделяю Ваше мнение и соображения в отношении Т.Д. Сенькина. Письмо Яркова от начала до конца — сплошной вымысел. Я не знаю Яркова, кто он, также он совершенно не знает Т.Д. Сенькина. Откуда он может знать и что про него? Если он что и написал в музей с бабушкиных рассказов, это будет его вымышленное произведение желающего пролезть в историю Гражданской войны на далеком Севере и становление советской власти. Не думаю, что у него эта ложь восторгается.

Я очень извиняюсь перед Вами. Письмо Ваше послал П.И. Сосунову и просил его, как участника того времени на фронте, дать хорошую отповедь Яркову. Письмо Ваше просил не задерживать, вернуть мне, а я перешлю Вам немедленно.

Пару слов о Т.Д. Сенькине.

Сенькина Т.Д. я знаю со дня его прибытия в ссылку, т.е. с 1906 года, и по день злополучной гибели в 1921 году. В 1906–1907 гг. я с Т.Д. Сенькиным работал у березовских купцов братьев Блохиных на рыбных промыслах в качестве рабочих. В 1907 г., осенью, Т.Д. Сенькин уехал в Обдорск, ныне Салехард, там ему оказали мест. полит. ссыльные некоторую материальную поддержку. Он был трудолюбив и предприимчив, никакой работы не гнушался и не боялся. Здесь (в Обдорске) он организовал дружи-

ну пожарной охраны по всем правилам и закону того времени. Местное население и купечество в этом начинании его поддержали, так как летом все население выезжало на рыбные промыслы. Пожохра́на была платная, и были кони, дежурившие день и ночь. Всем этим руководил Т.Д. Сенькин. В 1909—1910 гг. Т.Д. Сенькина судили за дебош и отправили в Тобольскую каторжную тюрьму. Дебош был следующего порядка. Ему, Сенькину, полицейский пристав Тарасов⁸ категорически запретил продавать из магазинов И.В. Чечурова, Голева-Лебедева и И.И. Карпова вино. Нужно сказать, Т.Д. Сенькин частенько ссорился с приставом Тарасовым. Последний, чтоб доказать свое могущество и власть, и наложил запрет на вино. Т.Д. водку не пил тогда. Когда он пришел к Чечурову, этот в угоду приставу отказался продать, тогда Т.Д. Сенькин пошел в магазин Голева-Лебедева, там ему тоже отказали. Он вышел на двор Голева-Лебедева, взял оглоблю от саней, снова заходит в магазин и спрашивает: «Ну, а сейчас как, тоже не отпустите?» И просил, чтоб скандала не заводили, но, однако, продавцы ему снова отказали. Тогда он спрашивает: «Что стоит нижняя полка с вином?». Они ответа ему не дали. Тогда он оглоблей ударил по стоящим там бутылкам с содержимым, бутылки все вдребезги разбились. Т.Д. Сенькин вынимает из бумажника пятисотрублевую бумажку, бросает продавцам на прилавок и спрашивает: «Что стоит вторая полка с вином?» Тут же ее разбивает и вновь достает деньги, бросает продавцам, после чего, обижен и оскорблен действиями пристава Тарасова, идет на квартиру в пожарную, где он жил, берет ружье-дробовик и патронташ с патронами — убить своего оскорбителя. Пока он был у себя на квартире, из магазина было заявлено приставу Тарасову. Последний берет с собой двух урядников (Тим. Конева, Ев. Батманова), желая арестовать Т.Д. Сенькина. Увидали, что Сенькин вышел с ружьем из квартиры. Сенькин их тоже увидел и бросился прямо на пристава. Пристав выстрелил в Сенькина из нагана и промазал, а Сенькин в него из двустволки два раза выстрелил, но разве дробью на расстоянии выстрела можно убить человека? Это же не куропатка! Пристав повернулся и бежать, тогда Сенькин за приставом, но урядники ему не стали давать пристава догонять.

⁸ Тарасов Василий Никифорович (1877— осле 1917) — пристав второго стана Березовского уезда в с. Обдорском в 1908—1913 гг.

Во время барахтанья случайно, видимо, прострелил руку одному из урядников, как показал последний на суде. Пристав был большой негодяй, его из населения никто не любил. Сенькину за это было дано пять лет тюремного заключения и отправлен в Тобольск. Он пробыл зиму в Тоб. тюрьме, а на следующее лето сбежал. С лесопильного завода К.И. Печегуса взял маленькую лодку-калданку и в ней приехал в Обдорск. Проезжая по Малой Оби мимо юрт Ванди-Азы, где я работал на рыбопромысле у т[оргового] дома «Плотников и сыновья», он подъехал к берегу. Мы один другого узнали. Я его пригласил закусить и поесть ухи. Здесь мы много кое о чем говорили, а он мне рассказал об инциденте с Тарасовым и своем бегстве из Тоб. тюрьмы. Я ему на дорогу дал хлеба, рыбы, предупредил, что он до зимы должен скрываться, жить инкогнито, иначе его могут снова отправить в Тобольск. Впоследствии, видимо, с приставом нашли общий язык. Пристав Сенькина очень боялся, Сенькин его предупредил, если его выдаст и сделает какую-нибудь гадость, пусть не ждет себе пощады. Так Т.Д. Сенькин и остался жить в Обдорске, работать в пожарной, а после женился на Агафье Серапионовне Ануфриевой. Позднее приехала ее сестра Домника, которая была замужем за Вашим братом Е.М. Шиловым. Кроме того, я и П.И. Сосунов знаем Т.Д. Сенькина по Березовскому Совдепу как боевого, преданного, смелого товарища, он был правдив и настойчив. Характерный пример приведу. Во второй половине апреля 1918 года, после уездного съезда Советов, обдорская буржуазия наотрез отказалась власть земства, т.е. Врем. правительства, передавать Советам раб., солд. и кр. депутатов. Не признавая Советы законной властью, делегат уездного съезда Советов, быв. политссылный эсер Краев перешел на сторону местной буржуазии, и они совместно саботировали работу Совета. Мы вынуждены были туда послать Т.Д. Сенькина с двумя красногвардейцами — Дем. Ильиным и Конст. Ануфриевым. И сразу же он восстановил порядок в Обдорске. Обдорская буржуазия Т.Д. Сенькина знала хорошо как смелого и решительного человека, боясь его крутого и справедливого характера, не стала сопротивляться.

Смотрите в моих воспоминаниях в музее у вас о Березовском Совдепе этот случай описан. Мы его хорошо знали, пребывание его с нами в ряде тюрем и 1921 год. Он же был на совещании

военно-революционного комитета в Обдорске. Поэтому, во всяком случае, мы Т.Д. Сенькина знаем больше и лучше с любой стороны, чем какой-то Ярков...

Спасибо за Ваше письмо. Письмо же Яркова как получу, так сразу же пошлю. Надеюсь, Вы не обижаетесь за мой поступок, что я послал П.И. Сосунову.

У нас снега нет, река неделю тому назад прошла, погода стоит очень теплая, идут часто дожди.

Желаю Вам хорошего здоровья, продолжительной счастливой жизни, большой привет детишкам. Крепко Вам всем жму лапки.

С ком. приветом уважающий Вас И. Филиппов. Не удивляйтесь: я в партии восстановлен в Бийске.

26 апреля 1959 г.

* * *

Здравствуйте, дорогая Юлия Моисеевна и все Ваши домочадцы!

Очень прошу Вас простить мне, что я так долго задержал письмо борзописца Яркова. Кто он — я совершенно не знаю. Это письмо я послал П.И. Сосунову, чтоб он написал опровержение на его доводы о Т.Д. Сенькине, он письмо вернул мне обратно и, видимо, Вам ничего не написал в силу состояния его здоровья, поэтому я возвращаю и еще раз прошу Вас простить меня за это.

Кроме того, сообщаю Вам для сведения: в Москве хороший мой товарищ И.П. Доронин, уроженец с. Демьянска быв. Тобольской губ., в Московском государственном архиве им. Ленина разыскивал документы своей сестры, которая была арестована за революционную деятельность в Москве, и случайно наткнулся на письмо Т.Д. Сенькина, адресованное в Петроград, Смольный,

*Е.М. Шилов,
брат автора повести*

на имя В.И. Ленина и правительству [с просьбой] защитить революционеров, т.е. нас, когда мы были арестованы, от монархистов... Содержание письма связано с событиями после митинга в первых числах февраля 1918 года в Березове... Письмо было написано 27 марта 1918 года. Это письмо находится в фондах архива: № 393, опись № 2, дело № 22... Я писал, но мне почему-то не выслали. Если пошлют Вам, я попрошу Вас выслать мне копию этой справки. Надеюсь, не откажете. В.И. Ленин на письма М.П. Кузнецова и Т.Д. Сенькина нам в Березов прислал радиоприемник и двух радистов-моряков Балтфлота из Кронштадта. Радио в Березове было поставлено примерно в половине апреля 1918 года... <...>

Также надеюсь на получение твоего произведения о Т.Д. Сенькине, буду благодарен.

Какое Ваше и детей Ваших здоровье, как живете? Что нового, не знаете ли Вы, жив нет Григорий Петрович Кузнецов, брат М. Петровича Кузнецова, и дети М.П.К.? У него было два мальчика в Кондинске. Жив нет Ваш дядя Никита Матвеевич Шмигельский? Мне их очень нужно. Мое здоровье все такое же, не улучшается. Будьте крепко все здоровы. Жму вам лапки.

С прив. уважающий Вас И. Филиппов.

21 июля 1959 г.

* * *

Здравствуйтесь, дорогая Юлия Моисеевна!

На свое письмо я хотя от Вас ответа не получил, но на днях я получил из Москов. государ. архива выдержки из письма Т.Д. Сенькина на имя В.И. Ленина, писанного в 1918 году 27 марта в связи с нашим арестом в Березове по делу об убийстве контррев[олюционера] Овчинникова П.И. Сосуновым, о чем я Вам коротенько уже сообщал. Конечно, писать я много не могу, а с моих воспоминаний и рассказов о прошлых событиях писать некому. Так вот оно и идет. Я просил Москов. госархив послать мне копию письма Т.Д. Сенькина, а они мне послали выдержки из содержания его письма. Я посылаю Вам копию этой справки. Этот документ был бы очень ценным потомству Т.Д. Сенькина, но я ни с одним из них не переписываюсь и не знаю, кто из них жив сегодня, а для Вас он тем ценный, что Вы пишете о Т.Д. Сенькине повесть, а это будет опровержением всем ново-

испеченным писакам, которые создают о нем мнение сомнительного порядка в его действиях и принадлежности его. Все эти Ярковы и Первовы — я их считаю самозванцами, выставляющими себя героями того далекого времени, а в действительности ничего они о прошлом не знают, так как никакого участия в революцион. событиях сами не принимали, а пользуются рассказами каких-то неизвестных бабушек.

У меня есть еще ряд архивных документов того времени, но я положительно бессилён описать их, послать кому-нибудь для обработки и описания боюсь: могут исказить все факты и даже поставить подставных людей... Чего я совершенно не желаю, это было бы с моей стороны преступлением. <...>. А было бы очень хорошо, если бы кто смог приехать к нам. Это бы не так уж дорого стоило, зато мы могли быть твердо уверены: никаких не было искажений и подмены людей, которые отдали свои жизни за счастье трудового народа. Подменять их кем-то считаю преступлением перед историей.

Писать больше нет сил, на этом заканчиваю. Ну, какое Ваше здоровье, как подлечились, отдохнули, какое здоровье Ваших детей? Что нового? Если закончили свою работу, пошлите мне брошюрку, если это не составит большого труда.

Желаю Вам хорошего здоровья, равно и детишкам Вашим. Привет всем. Уважающий Вас И. Филиппов.

Я указываю «мы»: имею в виду П.И. Сосунова. Мы активно участвовали в 1917—1918 гг. в революционных событиях в Березове, поэтому более правдиво можем рассказать о том далеком прошлом и участии в подавлении бандитского мятежа 1921 года. У нас есть архивные документы тех времен... Конечно, хорошо, если бы Ханты-Мансийский музей занялся сбором этих исторических материалов и документов, так как все это происходило в их округе, но там, видимо, люди сидят, ничего не хотят сделать для своего округа, а собирают всякую галиматью...

Ну, пока. Жму всем вам лапки.

И. Филиппов.

9 сентября 1959 г.

Публикация Г.А. Поповой и В.А. Козлова

Тихон Сенькин: герой или авантюрист

Во французском языке авантюрист — это «лицо, склонное к риску и опасным приключениям». В русском лексиконе — это, скорее, человек, не считающийся не только с закономерностями и реалиями обстановки, но и игнорирующий интересы других людей, способный на забвение своих идеалов во имя власти, славы, денег, идущий по трупам эгоист. У нас меньше романтики и больше крови...

Михаил Булгаков, переживший Гражданскую войну, писал: «Была бы кутерьма, а люди найдутся». И в 1918-м на Тобольском Севере они нашлись: алчущие и жаждущие, готовые на подвиг и на преступление. В истории нашего края Тихон Данилович Сенькин был представлен как политический ссыльный, профессиональный революционер-большевик, герой революции и Гражданской войны, организатор и руководитель Березовского и Обдорского Советов. Но скрывалось, что крестьянин Орловской губернии Малокрасноярского уезда Успенской волости села Каменки 40-летний Сенькин, судимый в 1903 году за кражу Орловским окружным судом к одному году арестантских работ, в 1905 году по постановлению Министерства внутренних дел был сослан в Березовский уезд Тобольской губернии под надзор полиции и определен на жительство в селе Обдорском. Только не за революционную деятельность, а «за подстрекательство крестьян к аграрным беспорядкам: погромам, поджогам и др.».

В 1911 году «за буйство и пьяный дебош в ренковом погребе Голева-Лебедева в селе Обдорском по постановлению тобольского губернатора Сенькин отбыл трехмесячное заключение при полиции». В том же 1911 году «за открытое при народе покушение на убийство полицейского станового пристава Тарасова Сенькин по приговору Тобольского окружного суда провел полтора года в тобольских исправительных арестантских отделениях».

После этих случаев политические ссыльные, жившие в Обдорске, потребовали «удаления Сенькина в Березов под более

строгий надзор полиции как уголовного преступника». Там он узнал о февральских событиях 1917 года в Петрограде, об отречении царя от престола и об Октябрьском перевороте. Сенькину и примкнувшим к нему местным романтикам терять было нечего.

В историко-документальной литературе, изданной в советские времена, считалось: «...В Березове в конце января 1918 года на общем собрании городской бедноты и демобилизованных солдат под председательством талантливого организатора политического ссыльного большевика Т.Д. Сенькина было принято решение образовать революционный комитет. Вслед за этим большевики организовали из бедноты Березова «Рабочий союз», в который вошло около 500 человек. В марте власть в Березове полностью перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Земская, волостные и «иногородческие» управы были упразднены. Организована Красная гвардия под командованием Сенькина. Беднота начала отбирать у рыбопромышленников снасти и невода и делить их между собой».

Но один из членов первого Березовского ревкома Иван Филиппович Филиппов вспоминал другое.

«...В январе 1918 года в Березов из Кондинска приехал Михаил Петрович Кузнецов, председатель потребительской кооперации и кредитного товарищества, со своим бухгалтером Павлом Ильичом Сосуновым. Образовалась группа в составе:

1. Федор Федорович Котовшиков, работал бухгалтером, потом председателем кредитного товарищества, очень способный кооператор, окончил городское училище, после смерти родителей имел на своем иждивении двух братьев, четырех сестер и престарелую тетку, прекрасный оратор.

2. Тихон Данилович Сенькин, политический ссыльный с 1905 года, социал-демократ, большевик, малограмотный.

3. Филипп Мелентьевич Защипов, политический ссыльный, большевик, мастер на все руки: часовщик, фотограф, химик, художник.

4. Лев Яковлевич Железнов, рыбак, кооператор, хорошо владел языками ханты и манси, трудолюбивый мужик, шестеро ребятишек, мал мала меньше.

5. Иван Филиппович Филиппов.

6. Николай Львович Ильин, старый кооператор, хорошо грамотный, бухгалтер, председатель кооператива.

7. Ал. Георгиевич Нижегородцев, сын чиновника, телеграфист.

8. Константин Георгиевич Шмуклер, окончил городское училище, телеграфист.

9. Дем. Николаевич Ильин.

10. Константин Георгиевич Нижегородцев.

11. Николай Иванович (фамилию не помню), политссыльный.

12. Михаил Петрович Кузнецов, окончил городское училище, до революции работал помощником писаря.

13. Павел Ильич Сосунов, сын ссыльного черкеса, батрак, хорошо грамотный, после военной службы телеграфист, исключительно честный и смелый человек».

По свидетельству Филиппова, «в начале марта наша группа решила захватить власть в свои руки революционным путем и создать уездный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Вооруженная сила в Березове была представлена штабс-капитаном Салминым, командиром роты солдат в количестве 72 человек. Это Георгиевские кавалеры из различных частей действующей армии, имевшие ранения на фронте и считавшиеся выздоравливающими.

Был намечен такой план действий: арестовать уездного исправника Л.Н. Ямзина, его помощника Н.Т. Кушников, купца С.П. Шахова. Это задание было дано Сенькину и К.Г. Нижегородцеву...

В ночь на 9 марта каждый отправился выполнять свое задание. Все получилось как нельзя лучше...»¹.

Вместе с тем Филиппов признал: «...На призыв Березовского ВРК желающих добровольно вступить в Красную гвардию оказалось очень мало. Записались только Сенькин, который стал начальником, Филиппов, Д.Н. Ильин, К.Г. Нижегородцев, К.И. Ануфриев, С.Е. Попов и И.И. Конкуров».

Сенькин вызвался установить революционный порядок в Обдорске: сначала дал туда телеграмму о командировании вооруженного отряда в количестве 35 красногвардейцев. На самом деле его сопровождали лишь Д.Н. Ильин, К.Г. Нижегородцев и К.И. Ануфриев.

В Обдорске они созвали собрание, на котором заявили, что «большая часть отряда задержалась на станке Шурышкары за отсутствием подвод и придет позже, после чего пообещали за невыполнение распоряжений [Березовского] уездного совета арестовать...

¹ Подробно о захвате власти в Березове в марте 1918 г. см.: *Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. Книга первая.* — Тюмень: Мандр и К^а, 2003.

ствовать весь состав земства и отправить в березовскую тюрьму к заключенным в ней бывшим руководителям уезда».

Так Сенькин захватил власть в Обдорске. По мнению Филиппова, «...члены Обдорского земства хорошо знали характер Сенькина еще со времени его здешней ссылки... поэтому они без всякого сопротивления сдали свои полномочия. А сам Сенькин со своими ребятами завесновал (остался до первого парохода) в Обдорске».

Но, когда «хозяин Севера» в июне 1918 года на пароходе «Народник» возвратился из Обдорска в Березов, на пристани его обезоружили и арестовали восставшие белогвардейцы во главе с поручиком Лагуновским.

По утверждению Филиппова, «25–27 июня 1918 года всех членов Березовского Совдепа отправили на этом же пароходе «Народник» в Тобольск... Там под охраной нас доставили в тюрьму».

Потом Сенькина перевели в Иркутск в Александровский казначейский централ, где он сошелся с еще одним «героем революции и Гражданской войны» Протасовым-Жизневым².

После изгнания колчаковцев из Березовского уезда чекистским отрядом Лепехина Сенькин с началом навигации в мае 1920 года появился в Березове и объявил себя председателем уездного ревкома и «красным наместником Севера». Ему достались оставшиеся от белогвардейцев в Саранпауле хлебные запасы — более трехсот тысяч пудов.

Списанные по колчаковским документам для снабжения войск Восточного фронта 18 тысяч пудов муки и зерна Сенькин обменял сургутскому военкому Антониному Петровичу Зырянову на «золотые и серебряные вещи», захваченные им у белых, отступивших из Сургута в Томск. Но распорядиться этими сокровищами Сенькин не успел: в феврале 1921 года в Тобольской (Тюменской) губернии вспыхнуло крестьянское восстание (сейчас это событие в истории нашего края рассматривается как «защитная реакция крестьянства на государственный произвол и насилие»).

О восстании на юге губернии коммунисты Березовского уезда узнали 18 февраля из радиоперехвата телеграмм радиостанций Сибири и Урала. Были созданы революционные комитеты в Бе-

² Александр Васильевич Протасов-Жизнев род. в 1891 г. Окончил в 1914 г. медицинский факультет Казанского университета, участвовал врачом в Первой мировой войне. О его деятельности на Обском Севере см.: Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. Книга вторая. — Тюмень: Мандр и К^а, 2004.

резове (Пензин, Данилов, Попов), в Сургуте (Хорохорин, Зырянов, Зорин), в Обдорске (Протасов-Жизнев, Сосунов, Волков).

Воспользовавшись отсутствием в Березове Сенькина («говорили, что он сейчас в разъездах по уезду и место его нахождения никому неизвестно»), Обдорский ревком 20 февраля объявил себя военно-революционным комитетом всего Тобольского Севера (Тобсеввоенревком), подчинил себе Березовский и Сургутский ревкомы и приказал взять заложников из зажиточных граждан.

Возвратившийся из Самарово в Березов после секретного обмена саранпаульского хлеба на ценности Сибирского белого движения Сенькин потребовал объяснений у членов самозванного Тобсеввоенревкома. Участник этих переговоров начальник Обдорской радиостанции Волков³ вспоминал: «...В разгар нашей борьбы за мобилизацию тыла в Обдорске неожиданно появился мужчина могучего телосложения, рябой, мрачный, с огромной шапкой спутанных волос и бородой, разбросанной клочками по широкому скуластому лицу. Это было товарищ Тихон Данилович Сенькин — председатель Березовского уездного исполкома. Он шумно протестовал против узурпации власти во вверенном ему уезде: «Как же это так, товарищи? Неправильно! А советскую власть вы спросили? Меня народ выбирал по конституции. А вас кто выбирал?».

Двое суток Протасов, знавший Сенькина по заключению в Александровском центре, разводил дипломатию с оскорбленным председателем». Между тем повстанцы из села Демьянского разгромили у села Цингалы объединенные отряды березовских и сургутских коммунистов под руководством «главнокомандующего революционными войсками» Тобольского Севера Данилова (березовский уездный военком) и его заместителя Хорохина (сургутский уездный военком). Началась паника...

По словам Волкова, «...Сенькина удалось утихомирить. Мы назначили его командующим первым Северным революционным отрядом. Вместе с этим отрядом в Березов выехал сам Протасов. Он опасался, что Сенькин в Березове опять что-нибудь наколбасит».

Несмотря на радиотелеграмму председателю Тюменского губчека, запрещающую расстреливать повстанцев и заложников, буйный Сенькин и полусумасшедший алкоголик Протасов-Жизнев

³ Иосиф Петрович Волков род. в 1895 г., б. левый эсер, с 1920 г. — в РКП(б), член Тобсеввоенревкома, с ноября 1922 г. — начальник радиостанции на о. Диксон. Воспоминания о событиях в Обдорске он написал в 1956 г.

сочли ее «горькой иронией» и, ссылаясь на «специфические условия Севера», стали расстреливать мирных жителей Березова. Среди жертв массового красного террора оказались Иван Добровольский, Дмитрий Суровцев, Михаил Карсканов, Филипп Гурьянов, Алексей Охранов, Алексей Григорьев, Тарас Оводов, Семен Шахов, Николай Попов, Петр Равский, Михаил Первов, Николай Кушников, Григорий Кузьмин, Ларион Кузьмин, Александр Поленов... Их тела сбросили под лед Сосьвы, тогда реки в Сибири заменяли кладбища. Но эти убийства лишь расширяли масштабы и ярость восстания. Коммунистические отряды без сопротивления оставили Самарово и Сургут и откатились к Кондинску.

Решающее сражение произошло у д. Карымкары. Как свидетельствовал Волков, «...много позднее через уцелевших участников боя удалось установить более или менее правдоподобную картину тех событий. Прибывший с отрядом в Кондинск, в ставку командующего Данилова, Сенькин проявил присущую ему партизанскую самостоятельность. Он собрал митинг, ругал на чем свет стоит бездельного Данилова и требовал немедленного наступления на врага. Трусливый и безынициативный Данилов не выдержал напора Сенькина и фактически передал ему командование фронтом. Сенькин объединил под своим командованием все отступавшие к Кондинску отряды и приказал занять позиции в узком рукаве Оби с высокими берегами. Но когда показался противник, началась неразбериха. Сенькин командовал: «К бою!», другие кричали: «Надо отступить!». Под обстрелом противника начался митинг. Часть дружинников и красноармейцев залегла и отстреливалась, другие метались с места на место. Команды Сенькина никто не слушал — обнаружили необученность наших отрядов и отсутствие у них воинской дисциплины... Все бросились кто к подводам, кто в окружающий берега лес. Сенькин в тулупе, вооруженный кроме винтовки и нагана двумя гранатами, упорно отстреливался, но, оставшись с ничтожной кучкой сопротивляющихся, встал на лыжи и скрылся в лесу, бросив остатки отряда на произвол судьбы. Наши «вооруженные силы» побросали оружие, лыжи, теплую одежду и превратились в бегущую дезорганизованную толпу, не способную к сколько-нибудь серьезному сопротивлению...».

Что же такого героического совершил на Тобольском Севере Тихон Сенькин? За какие подвиги ему памятники и улицы с его

именем? Неужели за насильственную узурпацию власти в Березове и Обдорске и за расстрел безоружных березовских обывателей?

Существует несколько версий гибели председателя Березовского исполкома. По свидетельству Волкова, «...спасшийся от бандитов Сенькин пробрался в дальние выловки на реке Казыме, но был выдан бандитам и доставлен в Березов. По рассказам очевидцев, его десять дней водили, как медведя, на цепи напоказ всему населению. Избивали шомполами и плетью, подкалывали, прижигали раскаленными железом. Наконец, истерзанного, окровавленного и распухшего изрубили на площади на глазах толпы».

В книге очерков о героях революции в нашем крае «Сквозь грозы» утверждается, что Сенькина расстреляли в селе Чемаши, а после подавления восстания его тело, на котором насчитали свыше тридцати огнестрельных ранений, доставили в Березов и похоронили под гудки пароходов с красноармейцами (т.е. в мае 1921 года).

Но официального расследования обстоятельств гибели Сенькина не проводилось, хотя, если верить приведенным версиям, свидетелей расправы с «красным наместником Севера» предостаточно. Можно было бы установить непосредственных убийц и привлечь их к ответственности. Почему же не установили и не привлекли? Да потому, что расправа в мученическо-героических тонах была придумана в политико-воспитательных целях. В действительности Сенькина убили в неразберихе столкновения у Карымкар.

Неизвестно, чья пуля нашла бывшего политкаторжанина. Есть показания Варлаама Сосунова: «Наша рота участвовала в бою против красных под дер. Карымкары. С нашей стороны был убит один. Со стороны красных я лично видел у дороги два трупа. Слышал, будто бы убито и взято в плен много красных. Но сам не видел, а с Сенькина золотые кольца и часы снял Евсеев...».

Кто такой Евсеев? С пленного, но еще живого или уже с мертвого командира красных отрядов досталась повстанцу золотая добыча? Нет ответов на эти важные вопросы. Как нет в чекистских документах 1921–1922 годов внимания и сострадания к трагической по-своему судьбе председателя Березовского исполкома. И остается только гадать: состоялись ли в Березове торжественные похороны, и кто в таком случае был там похоронен.

Александр Петрушин

Юганский культурно-санитарный отряд

В 20-е годы двадцатого века в стране шел поиск новых форм влияния государства на население национальных окраин, с помощью которых можно было бы интенсифицировать его культурный рост и обеспечить переход «от патриархальщины к социализму». Важную часть работы должны были выполнить созданные на местах комитеты Севера. Обь-Иртышский Север входил тогда в состав Тобольского округа Уральской области, и комитеты организовались как в Тобольске, так и в Свердловске. Председателем Тобольского комитета Севера был заместитель председателя окрисполкома К.Г. Желтовский, а его заместителем — П.И. Сосунов, уже имевший к тому времени опыт работы в области государственного устройства северных окраин России в Наркомате национальностей, а до этого участвовавший в установлении советской власти в Березове и Обдорске. Большую полезную работу в Тобольском комитете выполнял В.М. Новицкий — этнограф, педагог, уроженец Березова, окончивший Казанский университет. Тоболяки с самого начала энергично взялись за работу.

13 июля 1925 г. на заседании специальной комиссии по составлению плана и сметы по обслуживанию туземных племен с докладом выступил В.М. Новицкий. Он предложил культурное обслуживание туземцев вести посредством специально организованных передвижных групп. Заседание этот способ признало единственно возможным. И уже 3 августа комитет выработывал план организации передвижного культурного отряда для района рек Большой Юган, Аган и Тром-Юган (Сургутский район), население которого находилось в бедственном положении и особенно нуждалось в медицинской помощи. Отряд предполагалось послать на 6 месяцев.

В президиум Тобольского окрисполкома комитет срочно отправил письмо за подписью Сосунова, в котором обосновыва-

лось предложение о передвижном отряде и испрашивалась на его содержание сумма в 7045 р. 70 к. А вскоре был определен и состав отряда. На должность руководителя решили пригласить северного инспектора окроно Михаила Андреевича Протопопова. Ему предстояла командировка в Москву для приобретения самого необходимого для культурно-просветительной и медицинской работы и подыскания для отряда врача¹.

В этот же день П.И. Сосунов обратился с письмом к профессору-североведу В.Г. Богораз-Тану, в котором просил оказать всяческое содействие М.А. Протопопову. Организуемый отряд, писал он, будет первым опытом, который должен «создать почву, благоприятствующую начинаниям Комитета Севера по данной линии». «На т. Протопопова, — продолжал Сосунов, — будет возложено всестороннее научное обследование данного района в хозяйственно-экономическом, этнографическом и бытовом отношениях, каковую задачу, по моему мнению, т. Протопопов, безусловно, выполнит, а этим выполнением установит, насколько целесообразна система данной организации»².

Предложив М.А. Протопопову руководство этим ответственным экспериментом, который неизбежно должен был столкнуться с огромными трудностями, комитет сделал во всех отношениях правильный выбор. Уроженец Обдорска Михаил Андреевич любил Север и уже имел опыт учительской и краеведческой работы в родном селе в 1919—1923 гг. Этот опыт серьезно обогатился после того, как Протопопова пригласили на должность школьного инспектора Тобольского окроно по Северу. Проработав около года, он, по его собственным словам, «почти все время провел в непрерывных разъездах по школам огромного северного инспекторского района». Для предстоящей работы будущий начальник отряда был и неплохо по тому времени образован: в 1919 г. окончил Тобольскую гимназию с отличными и хорошими оценками в аттестате зрелости. И, наконец, имел вполне определившиеся исследовательские наклонности и стремился к продолжению образования.

¹ Протоколы заседаний Тобольского комитета Севера. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 64. Лл. 5, 10, 11; Переписка с Юганским культурно-санитарным отрядом Комитета Севера и материалы по формированию отряда. Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 2. Д. 8. Л. 14.

В конце лета и начале осени 1925 г. Тобольский комитет Севера вел оживленную почтовую и телеграфную переписку со многими столичными учреждениями, целью которой было возможно лучшее оснащение отряда и подготовка его к предстоящим работам, неисчислимые сложности которых в комитете хорошо себе представляли. Сосунов обращался в Российское общество Красного Креста и военно-хозяйственное управление Красной армии с просьбами поделиться медицинским снаряжением, зимними офицерскими кроватями, походными палатками, столами и стульями, обмундированием, спальными мешками, в научных учреждениях просил фотоаппарат, фонограф, барометр, термометры, учетный и обследовательский бланковый материал.

Что-то удалось достать, чего-то нет. Главное — не удалось привлечь в отряд никого из московских врачей. Времени до намеченного срока выезда отряда оставалось в обрез. Протопопов выехал из Москвы в Тобольск, а туда срочно отправился Сосунов — разрешать оставшиеся проблемы. К тому времени выяснилось, что первоначальная смета не учла всех предстоящих расходов и после пересчета составила 7551 р. 67 к., а Тобольский окрисполком мог дать только 5335 р. 20 к. Недостающие две с лишним тысячи Сосунов просил у председателя Комитета Севера при Президиуме ВЦИК П.К. Смидовича (а заодно и ежегодную субсидию в 1800 р. на издание краеведческого журнала «Наш край»).

Во второй половине сентября Протопопов отправил телеграмму в Москву Сосунову: «28 сентября идет Сургут последний парход... Если нет врача, телеграфируй Калашникову...». 22 сентября в Тобольск пришел ответ от Сосунова: «Условия московских врачей для Юганского отряда неприемлемы. Считаю целесообразным на медицинскую работу в отряд срочно пригласить работающего второй тобольской амбулатории Калашникова, гарантирую ему устройство в будущем году вуз том случае, если он проработает отряде год»³.

24 октября отряд в составе Михаила Андреевича Протопопова и фельдшера Ефима Алексеевича Калашникова прибыл в Сургут, а 31 октября — в село Юган, где и приступил к работе.

Руководствуясь, видимо, мыслью, что в этом новом деле важен оперативный анализ, обо всем сделанном и наблюденном

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 1. Д. 35. Лл. 44, 48.

Протопопов регулярно и подробно сообщал в Тобольск комитету и редакции газеты «Северянин». Например, в обзоре Юганского сельсовета, составленном на начальном этапе работы, 19 декабря 1925 г., он обстоятельно рассказывает об отношении туземцев к партийным работникам. Порядок отчетности отряда был специально рассмотрен Тобольским комитетом Севера еще до выезда в Сургут, но Михаил Андреевич к отсылаемой в Тобольск информации относился, видимо, не как служащий, а скорее как исследователь и просто неравнодушный человек, находившийся «внутри» туземного быта. Любопытна реакция П.И. Сосунова на такой характер донесений Протопопова в февральском письме: «Обращаясь к поступающей от Вас информации, Комитет Севера не может не отметить, что непрекращающийся до самого последнего времени поток этого рода материала — безусловно, обильного и интересного по своему содержанию для какого-нибудь будущего историка и бытописателя — для Комитета Севера, с чисто деловой точки зрения, поскольку в этом материале преобладают зачастую личные впечатления, личные переживания и т.п., существенного значения иметь не может»⁴.

Сосунув настаивал на предоставлении информации в соответствии с установленными формами отчетности, но при этом комитет очень внимательно рассматривал то, что поступало, и не раз донесения отряда становились предметом обсуждения на очередных заседаниях. 19 ноября 1925 г. на повестку дня встала задача приобретения очень желательного для отряда кинематографа, В.М. Новицкому было поручено составить предварительный расчет. 19 марта 1926 г. решалась задача пополнения запаса медикаментов, 22 апреля рассмотрена смета окроно на содержание отряда в 1926—1927 годах.

Анализ итогов первых четырех месяцев работы Протопопова и Калашникова дал, основываясь на их информационных письмах, секретарь Тобольского комитета Севера М.П. Копотилев. По его мнению, за это время был уже собран ценный материал о быте туземцев и выработалось представление о методах возможной среди них культурной работы. Чтобы достичь этого, пришлось прежде всего преодолеть недоверие остяков, стоически и безоговорочно приняв все условия их быта, отбросив «даже

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 1. Д. 35. Л. 89.

элементарные культурные привычки, забыв про брезгливость, прямую возможность заразы и т.д.». В ответ остяки стали охотно обращаться за медицинской помощью, с октября по февраль Калашников принял 304 больных. Проявили они интерес и к беседам о кооперации, государственном страховании и др., которые сопровождалась демонстрацией изображений с помощью «волшебного фонаря», задавали много вопросов. Даже стали обращаться в отряд для разбора своих внутренних конфликтов. В конце января Протопопов сделал подробный доклад на расширенном собрании представителей окрисполкома и райисполкома и делегатов районного съезда советов. Работа отряда была признана вполне удовлетворительной⁵.

Архивные документы свидетельствуют о том, что Сургутский райисполком (РИК) вслед за Тобольским комитетом Севера придавал важное значение работе отряда. 16 марта и 9 апреля 1926 г. президиум РИКа на внеочередных заседаниях принял постановления по сообщениям Протопопова и Калашникова. В частности, он поддержал их попытки создать туземный актив и пункты ликвидации неграмотности, опыт устройства передвижных выставок культурно-санитарной и промышленной тематики, одобрил намерение перенести действия отряда в районы концентрации остяцкого населения Агана, Тром-Агана и других притоков Оби в летний период.

К началу 1926 г. в отряде, по-видимому, уже созрела мысль о том, что постоянная, длительная работа среди туземного населения не может базироваться на самоотверженности врачей и учителей, и непрерывные разъезды по юртам и стойбищам не только во всех отношениях чрезмерно тяжелы, но и малоэффективны, нужно создавать на этой обширной территории небольшие центры концентрации культурной работы. На это обратил внимание и президиум Сургутского РИКа, особенно ориентируя отряд на оказание экономической и медицинской помощи и усиление стационарного характера работы. В частности, Протопопову он поручил его идею о создании «примитивных культцентров в бассейнах рек с туземным населением» проработать совместно с Сургутским краеведческим обществом и

⁵ *Коптилов М.* Сургутский район: (Работа культурно-санитарного отряда Комитета Севера) // Тобольский край. — 1926. — № 1. — С. 67–69.

представить в РИК «для скорейшего возбуждения вопроса перед окружным центром»⁶.

Так совместными усилиями отряда, райисполкома и Тобольского комитета Севера постепенно прояснялась перспектива дальнейшей организации политического и культурного влияния на туземное население.

В июле 1926 г. работа Юганского культурно-санитарного отряда была закончена. 2 августа М.А. Протопопов сделал доклад на заседании Тобольского комитета Севера о деятельности за период с 1 октября 1925 г. по 1 августа 1926 г. Некоторые фрагменты этого итогового доклада заслуживают воспроизведения. С описанными в нем фактами, явлениями и тенденциями работники местных советов, хозяйственники, учителя и другие специалисты сталкивались впоследствии не один десяток лет. Вот три небольших отрывка — информация «из первых рук».

«До сих пор работа, например, Юганского райтузсовета... существующего формально для обслуживания туземных нужд, на самом деле туземцев вполне не удовлетворяет, [так] как носит преобладающий русский уклон. Сложность некоторых вопросов, входящих в компетенцию сельсовета, значительно превышает понимание туземцев, выходит за пределы их умственного кругозора. Сознание ответственности за свои возможные ошибки еще более отпугивает туземцев от участия в работах по советскому строительству. Поэтому необходимо построить туземные советы исключительно по национальному признаку, преимущественно по местностям компактного обитания туземцев, и тогда есть основание рассчитывать на жизненность существования этих райтузсоветов».

«...Туземцы крайне неохотно отдают своих детей в русские школы. К тому же сам учительский персонал иногда оказывается не в состоянии умело устранить рознь между учащимися русскими и остяками. <...>. Непременным условием продуктивной школьной работы должна быть предварительная разъездная работа учителя среди туземцев».

⁶ Сургутский городской архив. Ф. 1. Оп. 4. Д. 324. Лл. 5, 52, 64. В состав Сургутского краеведческого общества входили земляки Протопопова: выпускник Тобольской гимназии учитель А.С. Знаменский и учившийся в Тобольской учительской семинарии директор местной школы С.Ф. Пестов. Вероятно, с ними обсуждалась эта тема.

«...Как на средство реальной пропаганды среди туземцев следует указать на (точный, но не карикатурный) плакат. Подверженные чрезвычайной впечатлительности остяки с особенной непосредственностью воспринимают плакат. Отряду приходилось даже самому прибегать к созданию плаката путем известного комбинирования вырезанных из газет и книжек картин. Были даже попытки издавать остяцкий бюллетень...»⁷.

Интерес к выполненному опыту был самый пристальный. В сентябре 1926 г. М.А. Протопопов получил командировку в Москву, где должен был обстоятельно, с использованием всего собранного материала сообщить в Комитете Севера о положении туземного населения и своих соображениях о направлении дальнейшей просветительской работы в их среде. На состоявшейся в декабре 1926 г. в Свердловске третьей Уральской областной краеведческой конференции Михаил Андреевич сделал сообщение «Опыт низовой краеведческой работы в Сургутском районе Тобольского округа» и был избран членом Уральского областного бюро краеведения.

Этот добросовестнейшим образом проведенный девятимесячный опыт внимательно изучался специалистами в области межнациональных отношений, и на рубеже 20-х и 30-х годов стали организовываться красные чумы — учреждения для культурно-политической работы среди коренных малочисленных народов, обслуживавшие население бассейнов крупных притоков Оби⁸.

В заключение — о судьбе сотрудников Юганского культурно-санитарного отряда.

Набирая отряд, Тобольский комитет Севера обещал обоим его участникам в случае выполнения ими всех условий договора предоставить возможность для поступления в высшие учебные заведения. Для того и другого это было весьма привлекательное условие. В отношении Е.А. Калашникова Сосунов быстро исполнил данное ему обязательство: уже осенью Ефим Алексеевич прямо из таежной глуши перенесся в прекрасный город науки

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 64. Л. 74–76; Протопопов А. Проблема туземного плаката // Советская Азия. — 1931. — № 9–10.

⁸ Среди тех, кто участвовал в выработке концепции Красного чума, был коллега Протопопова по Тобольскому окроно Г.Г. Кусенко. См.: Кусенко Г.Г. Красный чум: (В порядке обоснования) // Просвещение на Урале. — Свердловск, 1930. — № 5. — С. 74–77.

Томск, «Сибирские Афины», и стал студентом медицинского факультета университета. С Протопоповым дело оказалось сложнее.

Председатель комитета К.Г. Желтовский писал 11 августа 1926 г. в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, что стремление Протопопова к получению высшего образования с широким общественно-политическим уклоном остается твердым, и просил помочь в устройстве его в Московскую академию социального воспитания, хотя бы вольнослушателем, и посодействовать в предоставлении ему работы по туземным вопросам, чтобы обеспечить его существование во время учебы. Одновременно делались попытки поступления на педагогический факультет Московского университета и в Ленинградский этнографический институт. Но было уже поздно, набор в вузах закончился, и Михаилу Андреевичу опять пришлось отложить осуществление мечты о высшем образовании до лучших времен.

Тем временем обнаружилось сразу несколько новых работодателей. Протопопов переехал в Свердловск и с 9 октября 1926 г. стал сотрудником Уральского областного комитета Севера, одновременно участвуя в работах облплана, облоно и областной краеведческой организации. Кроме того, продолжал писать в газеты и журналы. По его инициативе был открыт «Северный отдел» в журнале «Просвещение на Урале», и Михаил Андреевич стал самым активным его сотрудником. В конце лета 1927 г. по настоятельной просьбе Тобольского окрисполкома он был послан в Тобольск на должность разъездного инспектора окроно по просвещению национальных меньшинств. Отработав год, вернулся в Свердловск к своим обязанностям в Уральском комитете Севера и следующие два года занимался вопросами культурного строительства в северной части области. В это же время как член бюро областной краеведческой организации он руководил секцией Севера и много содействовал привлечению к участию в ее делах сотрудников северных учреждений.

В июне 1930 г. Протопопов был командирован в Москву в Центральное бюро краеведения для доклада и выяснения ряда вопросов текущей работы. Одновременно несколько дел поручил ему Уральский комитет Севера. Но самое главное — с этой поездкой было связано исполнение давнего желания Михаила

Андреевича о продолжении образования — областной комитет Севера командировал его на первый курс северного отделения Ленинградского педагогического института имени Герцена. С 16 июля 1930 г. он числился в длительной командировке без сохранения содержания.

В Ленинграде Протопопов проучился всего два года и при этом наряду с учебной заведовал кооперативно-промысловым кабинетом института и преподавал политпросветработу и культурное строительство, а в январе 1931 г. был назначен заведующим подготовительным сектором и кабинетом педагогики и политпросветработы.

10 июля 1932 г. полустудент-полупреподаватель М.А. Протопопов был отчислен из института народов Севера, так как возвращался в Свердловск, где его ждали, как всегда, сразу несколько обязанностей: сотрудника Уральского научно-исследовательского института педагогики, инспектора облоно по Крайнему Северу, ответственного секретаря северного совета в Урал-плане и члена бюро Уральского комитета Севера. Поле деятельности, как и прежде, было необъятным, а поручения подчас чрезвычайно ответственными. Так, в конце августа 1933 г. из-за задержки поставки на Крайний Север грузов с учебниками, учебными пособиями и стройматериалами возникла угроза срыва своевременного начала учебного года в северных школах, и Урал-оно срочно командировало его в Тюмень, Тобольск и на станцию Куломзино для разрешения проблемы, наделив правом получить груз на железнодорожной станции и переотправить его пароходами. Дочь Протопопова Маргарита Михайловна рассказывала, что только ее болезнь послужила уважительной причиной для освобождения Михаила Андреевича от отправки в Березовский район в составе бригады по урегулированию возникшего на Казыме конфликта, известного как Казымское восстание, вскоре погибшей.

Из всего сказанного у читателя, полагаю, уже составилась образ человека, самозабвенно работавшего на пользу общества и родного северного края, энтузиаста народного просвещения и культурного строительства и вполне законопослушного гражданина. В дореволюционное время чиновники такого типа непременно были на хорошем счету, награждались за свое усердие к

службе чинами и орденами и жили вполне обеспеченно. Но новое государство за безупречной службой Протопопова разглядело некие скрытые негативные стороны, которые в ноябре 1937 года дали мнимые основания тройке при УНКВД Свердловской области обвинить его в контрреволюционной деятельности и осудить на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Отбыв 10 лет в лагерях в Бурят-Монголии и Омске, Михаил Андреевич в 1947–48 гг. работал в Омске старшим научным сотрудником областной станции юных натуралистов. Только в 1953 г. судимость вместе со связанными с ней ограничениями была снята, и он получил возможность вернуться в Свердловск к семье. В своем ходатайстве о реабилитации Протопопов, не зная за собой никакой вины, писал: «За время пребывания в лагере я не имел никаких взысканий. Пройдя все виды работ, от землекопа и лесоповальщика до контрольного десятника, уполномоченного по технике безопасности и, наконец, экономиста-плановика плановой части колонии, я, кроме благодарностей, премий и поощрений, ничего не имел в личном деле». 14 января 1958 г. дело М.А. Протопопова было пересмотрено и производством прекращено за отсутствием состава преступления, постановление тройки при УНКВД Свердловской области отменено.

Приехав в Свердловск уже в предпенсионном возрасте и с подорванным здоровьем, Михаил Андреевич смог после большого вынужденного перерыва возвратиться к делам, которым с энтузиазмом отдавался в довоенные годы, и остаток жизни прожил, продолжая дела своей молодости. До выхода на пенсию в 1959 г. он работал инструктором областной детской экскурсионно-туристической станции облоно, а после этого еще десяток лет, уже безвозмездно, — ученым секретарем областного совета краеведения. В 60-е годы Михаил Андреевич получил почетные грамоты за многолетнюю активную организаторскую работу по развитию краеведения и за большой вклад в проведение Всероссийского смотра музеев; в 1963 г. ученый совет Свердловского областного краеведческого музея наградил его значком «Уральский краевед».

19 января 1969 г. М.А. Протопопов умер в Свердловске, оставшись до конца истовым тружеником, полным неистощимого желания служить общественному благу.

В. Белобородов

Северное брожение

Вопросы хозяйственного и культурного строительства нашего Севера, вопросы улучшения жизни забытых и обнищавших туземцев северных окраин Уралобласти, бывших мучительно долгие годы царского строя под тяжким запретом для реального осуществления их в жизни, сейчас находят самый живой и горячий отклик в атмосфере новой раскрепощенной жизни Советского Союза. «Северное брожение» начинает резко давать себя чувствовать в работе целого ряда учреждений, тесно соприкасающихся с работой на дальнем севере Урала.

Это «брожение» ни в каком случае не приходится рассматривать только лишь с точки зрения филантропической болтовни людей мало знакомых с Севером и взявшихся сейчас за разрешение северных проблем только лишь благодаря модности национальной северной политики.

Это неверно и неправильно.

Вся северная работа протекает под настоятельным напором назревшей потребности мест.

Северные вопросы всюду стоят в программе работ по Северу и занимают в ней далеко не последнее место.

Все эти вопросы, быть может, и медленно, но все же разрешаются и, переставая в некоторой части быть уже вопросами, превращаются в живую творческую работу на местах.

«Северную дань» здесь по мере сил и знаний платит каждое учреждение, так или иначе связанное с северной работой.

Слабее всего как-то обстоит дело с северной работой у нас, просвещенцев.

Здесь работа только что начинает принимать массовый характер.

Почти до последнего времени под маркой просвещения Северу предлагались неудобоваримые суррогаты, порой одинаково, быть может, бесполезные, а то и еще хуже, не безвредные как для русского населения, так тем более и для туземного.

Вся беда здесь в том, что в просвещенческом деле мы не имеем северной, достаточно подготовленной трудовой интеллигенции, которая сама смогла бы самостоятельно разрешить свои северные просвещенческие вопросы.

На местах мы имеем часто сменяющуюся, часто не местную и к тому же недостаточно квалифицированную (для туземной работы) педагогическую силу, крайне нуждающуюся в постоянной методической опеке из руководящих работой центров.

Запросы мест требуют от просвещенцев Севера настоящей работы и стихийно толкают их на путь различных, быть может, неумелых и неудачных опытов в поисках более нового и жизненного.

Этот толчок жизни на месте гораздо чувствительнее и больше, чем в руководящих работой центрах.

В интересах общего оживления северной просветработы и организации планового руководства ею при журнале «Просвещение на Урале» с настоящего номера необходимо более четко оформить специальный «Северный отдел», который ставит своей целью:

1) Сконцентрировать вокруг себя разрозненный, немногочисленный просвещенческий актив по н.-м. работе Севера.

2) Организация руководства работой мест через:

а) дачу директивных указаний по н.-м. работе,

б) использование в печати опыта работы мест.

Кроме того, «Северный отдел» должен быть поставщиком бодрящих мыслей на глухой Север, где одинокие культурники, находясь очень часто в невероятно тяжелых материальных и культурных условиях жизни среди некультурного населения далеких уголков Севера, бывают часто вынуждены переживать культурный застой, падение вниз и не только в педагогическом отношении, но и еще хуже... в общественном.

Повторяю, бодрящие слова на места нужны, так как без них не только «не раскачать» просвещенца к журнальной работе, но и вообще не сдвинуть его в сторону оживленной творческой работы.

Я также твердо уверен, что затронутый вопрос о специальном «Северном отделе» журнала будет быстро подхвачен местами и у областного педагогического журнала будет завязана живая связь с далеким северным активом просвещенцев.

Содержание «Северного отдела» мне рисуется в следующем виде:

1. Методические указания на места по всем видам работы ОНО на туземном Севере.
2. Статьи, рисующие состояние туземного просвещения по данным с мест.
3. Северная просветхроника по тузвopосам.
4. Отдел переписки работников на тyзсевере.
5. Северная библиография.

М. Протопопов

Березовские курсы туземного актива

В 20-е годы прошлого столетия, еще до образования национальных округов, началось воплощение в жизнь широкого плана подготовки советских кадров из коренных малочисленных народов Севера — руководителей туземных советов, производственных ячеек, специалистов охотничьего и рыбного промыслов, счетных работников, фельдшеров, учителей.

Одним из первых таких начинаний на территории Югры были туземные курсы в селе Березово Тобольского округа. Организация их началась 10 октября 1929 г., а открытие состоялось 16 декабря в народном доме, с приглашением представителей общестественности. Для участников торжества был прочитан доклад «Пути просвещения туземных масс в разрезе пятилетнего плана» и поставлен концерт.

О том, как строились занятия и каким был их результат, мы имеем возможность рассказать, используя сведения из итогового отчета, который хранится в Государственном архиве г. Тобольска¹.

Для руководства курсами был командирован из Обдорска член ВКП(б) Федор Маркович Ануфриев. За два месяца удалось собрать педагогический коллектив. В него вошли завуч Александр Алексеевич Гирев, заведовавший одновременно Березовской школой-семилеткой, учителя Вера Викторовна Петрякова, Тамара Николаевна Хорос, Мария Ивановна Тимохина, Гладких, рыбовед Деабро, занимавшийся в Березовском районе по заданию Наркомзема изучением рыбного хозяйства, заместитель заведующего Березовским отделением Госторга Шилов (преподавал охотничье хозяйство), помощник прокурора П.М. Шабуров (вел курс «Судоустройство»), ветфельдшер Н.М. Желтовский и секретарь райкома ВКП(б) Самсон Легких (преподавал предмет «История партии, вожди революции и пятилетний план индустриализации»).

¹ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 690. Оп. 1. Д. 139.

К концу 1929 г. в Березово съехались 25 курсантов из Обдорского, Березовского, Сургутского и Самаровского районов, отобранные ячейками и райкомами ВКП(б).

Вряд ли преподаватели могли иметь ясное представление о том, каким будет результат шестимесячного труда, ведь их воспитанники плохо говорили по-русски, лишь немногие из них знали грамоту. А предстояло не только дать слушателям обширные знания в совершенно новых для них областях, но и привить донныне чуждые им навыки. Словом, людям, жившим еще вчера по законам тайги и тундры, предстояло на время переменить образ жизни, цивилизоваться.

Не все могли выдержать такое испытание. В начале учебы к 25 курсантам добавились еще 9, но потом начался отсев: исключали «за тупость и нежелание учиться», «за половую распущенность и втягивание курсантов в пьянство», по болезни, и один был исключен как «активный участник бандитизма в 1921 г.».

Учитывая специфику состава курсов, руководство требовало от преподавателей доходчивого объяснения программного материала, простого и ласкового обращения, без этого невозможно было поддерживать дисциплину. По этим критериям оценивалась работа педагогов. Так, о В.В. Петряковой, имевшей 20-летний стаж и занимавшейся на курсах с неграмотными, в итоговом отчете сказано, что она «внимательно относилась к запросам курсантов», а об учителе Гладких — что на занятиях «был слишком строг и официален». Наибольшим уважением курсантов пользовались те, кто преподавал рыбное и охотничье хозяйство.

Работа затруднялась еще, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, не хватало учебников и наглядных пособий (курсы располагали всего шестью букварями, а неграмотных было 20 человек). И, во-вторых, наряду с учебной выполнялась и широкая культурная и политико-воспитательная программа. Разъяснялись задачи сплошной коллективизации, назначение прессы и необходимость выписки газет, роль Осоавиахима в жизни советского общества, прорабатывались устав Международной организации помощи борцам революции (МОПРа), письмо Сталина «Головокружение от успехов»... Прибавьте к этому ежедневную гимнастику, выработку навыков чистить зубы, умываться с мылом, вытирать лицо не деревянной стружкой, а

полотенцем, ходить в баню, регулярно менять белье, носить галстуки...

В свободное от учебных занятий время курсанты 10 раз выезжали в юрты, где должны были агитировать в пользу коллективизации и ликвидации неграмотности, за сдачу рыбы в помощь рабочим Урала и предоставление лошадей для ее вывоза, прослушивали радиопередачи, 10 раз побывали на театральных спектаклях, 12 — на киносеансах, провели антипасхальный карнавал и субботник по рубке дров, 11 партийных собраний и 5 заседаний бюро (большинство курсантов было принято в ВКП(б) во время учебы), устроили четыре вечера самодеятельности, поставили три танца с игрой на национальных инструментах, пьесы «Танец над медведем», «Лечение шаманом больной женщины», «Сватовство», «Калым и продажа женщины».

Все вступили в члены сберкассы, МОПРа, Осоавиахима, Союза воинствующих безбожников. День был очень уплотнен и непривычно для этой аудитории упорядочен, разнообразные дела следовали одно за другим, и учителя требовали исполнения. Учитывая тяжесть такой нагрузки, начальство весной стало разрешать курсантам выходить по вечерам на охоту, где они могли отвести душу.

1 июня 1930 г. занятия закончились. Позади остались 555 часов теоретических занятий и 35 практических. Заведовавший курсами Ф.М. Ануфриев с удовлетворением констатировал в отчете, что воспитанники «усвоили общие понятия о совласти, задачах партии, вреде шаманства, кулачества и эксплуататоров», и выражал уверенность, что «...разъехавшись на места, они будут проводниками культуры в гуще туземной массы».

Каждому из 34-х обучавшихся дана краткая характеристика. Вот как, к примеру, аттестовался 23-летний остяк из Сургутского района, член ВКП(б) Илья Яковлевич Каюков: «...Самонравный, с твердым характером, недисциплинированный, но общественный и активный. В силу желания учиться пишет, читает хорошо, излагает свои мысли на бумаге правильно, но с грамматическими ошибками по акценту туземца. Общеобразовательные темы усвоил удовлетворительно. Возможно использовать самостоятельно на хозяйственно-кооперативной работе, председателем кооператива, заведующим отделением, приемщиком, приказчиком и имеет стремление к этому. Возможно использовать по ликвидации неграмотности туземцев».

Приводим список обучавшихся на курсах (в него не вошли 11 представителей Обдорского района): Семен Константинович Афанасьев, Евдокия Семеновна Валея, Спиридон Евгеньевич Доровин, Иван Григорьевич Сумкин, Иван Федорович Савин, Иван Степанович Морозов, Даниил Васильевич Ендырев, Алексей Николаевич Кутыпатов, Анна Семеновна Тальмо, Иван Ефимович Шульгин, Ульяна Лазаревна Михина, Ефим Васильевич Ендырев, Афимия Николаевна Архиреева, Тит Филиппович Хатанзеев, Даниил Иванович Адин, Пелагея Михайловна Хатанзеева, Максим Прокопьевич Сандо, Ефросинья Григорьевна Лыкосова, Илья Яковлевич Каюков, Ефрем Васильевич Кайнов, Иван Николаевич Очимкин, Михаил Гаврилович Киселев, Марина Ильинична Нахтымова.

Апофеозом курсов была экскурсия в центр Уральской области — г. Свердловск, куда весь их состав вызывался ко дню открытия областной партийной конференции — 5 июня. К этому сроку выпускники не успели, так как из-за плохой связи вызов был получен с опозданием и из Березова смогли выехать только 1 июня. 10-го прибыли в Тобольск. Посетили музей, электростанцию, водокачку и консервный завод рыбтреста. В Тюмени впервые подивились на железную дорогу и поезда. В Свердловске побывали на нескольких заводах, в театре, выступали на радиостудии на родных языках, видели полет самолета. Были приняты секретарем обкома Кабаковым и председателем облисполкома Ошвинцевым. Фотографировались. От поездки остались незабываемые впечатления.

Березовский райком ВКП(б) был удовлетворен итогами курсов и настаивал на их продолжении и увеличении состава слушателей до 60 человек и срока обучения до одного года.

Интересно было бы проследить, какое развитие получила эта форма общеобразовательной, культурной, политической и профессиональной подготовки национальных советских кадров в последующие годы. Пока что нам известно только то, что о березовских курсах были следующие публикации в прессе: Березовские курсы туземного актива // Уральский охотник. 1931. № 11–12. С. 8–10. — Подпись: В.П.; *Кадесников А.* Новые люди в тайге: [Об окружной школе национального актива, существовавшей в Березово с 1932 г., о подготовке национальных кадров] // Омская правда. — 1935. — 4 янв. Особенно интересно было бы узнать о судьбах выпускников.

В. Константинов

Исследователь Тобольского Севера Василий Михайлович Новицкий

Материалы к биографии (К 115-летию со дня рождения)

Пик деятельности В.М. Новицкого (1890–1957) как этнографа, краеведа и педагога приходится на 20-е и 30-е годы прошлого столетия. Живя в Тобольске, он был одновременно и тоболяком, и северянином. На Оби прошло его детство. Став казанским студентом, он в каникулярное время, как и в годы учебы в гимназии, ехал на родину помогать отцу на рыбном промысле, попутно выполняя поручения университета и приобщаясь к деятельности исследователя. И позднее, когда стал сотрудником музея, Тобольского комитета Севера и преподавателем рыбопромышленного техникума, вектор его привязанности оставался неизменным. Даже в отпуск он ездил в родные места — рыбачил, охотился.

Прошло более полустолетия, как В.М. Новицкий покинул родину, и имя его уже не «на слуху», хотя и не забыто. Сказалось его педагогическое прошлое. Василия Михайловича добрым словом поминал мой дядя А.В. Кузнецов, студент рыбтехникума довоенных лет. Отзывы о нем встречал и в дядиной переписке с однокашниками. Например, В.М. Филатов писал: «Новицкий Василий Михайлович был прекрасный преподаватель химии и как человек прекрасный. Знал свой предмет отлично, имел подход к каждому студенту...».

Летом 2000 г. выпускник рыбтехникума конца 40-х годов А.В. Пан-

В.М. Новицкий. Фрагмент фотографии выпускников и преподавателей Тобольского рыбопромышленного техникума. Середина 1930-х гг.

кин, тоболяк, рассказывал, что устройство химической лаборатории, занявшей при Новицком почти весь третий этаж здания техникума, было исключительно его заслугой, здесь делались сложнейшие анализы. Два года спустя посчастливилось встретиться с еще одной ученицей Новицкого — Г.П. Шишкиной. После окончания в 1935 г. техникума она до 1940 г. работала у Василия Михайловича лаборантом. Наговорила много хороших слов, в частности об его замечательной умелости. Так, однажды он, чтобы студенты в лаборатории могли пользоваться газовыми горелками, собственноручно соорудил газогенератор.

К сожалению, об исследовательской деятельности Новицкого могли рассказать только документы, сохранившиеся в фондах музея и архива, тех, с кем он сотрудничал, в живых уже не осталось.

Надеясь получить новые подробности, обратился к выпускнику рыбтехникума Б.А. Знаменскому¹ и получил не только подробные воспоминания, но и важную нить для продолжения поиска: Борис Анатольевич, будучи ровесником младшего сына Новицких Валентина, часто бывал в их доме, схему расположения которого вложил в конверт. С помощью тобольского писателя и историка-краеведа В.Ю. Софронова и упоминавшейся уже Г.П. Шишкиной удалось этот дом отыскать (см. фотографию).

Материалы накапливались, и появилась надежда написать когда-нибудь большой биографический очерк. Но не хватало сведений о послетобольском периоде жизни Василия Михайловича — пенсионном, в стороне от родного края. Говорили, будто он переехал к одному из сыновей. Два года назад удалось узнать адрес². Послал письмо, и вскоре пришел ответ от Валентина Васильевича Новицкого с кратким описанием жизненного пути отца. Чрезвычайно интересным и неожиданным в нем было упоминание о том, что в конце 20-х годов Василий Михайлович участвовал в проектировании железнодорожной линии из европейской части России на Обь (воплощением идеи стала железная дорога Ивдель—Обь, построенная примерно 40 годами позднее).

¹ Знаменский Борис Анатольевич родился в Тобольск в 1929 г. После окончания рыбтехникума был направлен в артиллерийское училище в Томск. Позднее окончил в Ленинграде военную академию. Полковник, кандидат военных наук. В настоящее время ведущий научный сотрудник ЦНИИ Вооруженных Сил Украины.

² Помог петербургский ученый О.Р. Николаев.

Дом по ул. Большая Сибирская, в котором в 1930-е гг. жила семья Новицких.

И, наконец, пришел черед еще одной находки. Совсем рядом, в фонде Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, обнаружилась под-

робная автобиография В.М. Новицкого, написанная для общества изучения края при музее Тобольского Севера и охватывающая период по 1926 год. После этого намерение писать очерк угасло: зачем как-то интерпретировать эти увлекательные повествования, встраивать их в некий сюжет? Пусть они предстанут в неискаженном виде, во всем своем богатстве и вступят с будущими исследователями (сомнений нет в том, что они будут) в прямой диалог.

В.Б.

Василий Михайлович Новицкий
(Автобиография)

Давая обзор моей общественной, научной и служебной деятельности, прежде всего спешу оговориться, что я не высококвалифицированный общественный деятель или научный работник, а только провинциальный (Тобольского Севера, Тобольского округа) общественный работник и краевед. Только в последнем разрезе я и могу дать сведения о моей деятельности и этим объясняются подчас, может быть, излишние детали из моей жизни и работы.

Родился я 24 августа (н. ст.) 1890 г. в Березове того же уезда бывшей Тобольской губернии в семье мелкого рыбопромышленника, мещанина г. Березова³. Детство до десяти лет провел в

³ В метрической книге Березовского Воскресенского собора есть запись о рождении 11 августа 1890 г. у купеческого сына Михаила Степановича Новицкого и его жены Александры Николаевны сына Василия. Позднее сделана приписка: «Свидетельство о рождении выслано в Тобольский городской ЗАГС 18.I.1950 г.».

с. Шеркалы (Березовского уезда Тобольской губернии) в окружении быта тобольских северных рыбопромышленников, купцов, быта и хозяйства рыбаков и охотников (русских и туземцев).

1901—1911 гг. Обострившееся к десятому году моей жизни материальное положение моей семьи (отец вконец разорился), а также стремление моей матери во что бы то ни стало дать мне образование и тем, насколько возможно, оторвать меня от тяжелых материальных условий существования тобольского северного жителя-промышленника, обусловили переезд моих родителей в г. Тобольск. С этого времени подчас бывает трудно сказать, какой пункт следует считать местом моего постоянного жительства.

В 1901 г. я поступаю в Тобольскую губернскую гимназию и в 1911 г. оканчиваю ее. За это десятилетие, живя зимою в Тобольске на скудный заработок отца и матери (как кустарки-швеи), на лето ежегодно скорее на «прокорм», чем для заработка, обеспечивающего на зиму (остаток от лета был ничтожен), моя семья выезжала на Тобольский Север, где и занималась рыбным промыслом. Последнее обстоятельство, поскольку отцом места рыбной ловли почти ежегодно менялись, позволило мне исколесить б. Березовский уезд Тобольской губернии и ознакомиться с его природными условиями, с бытом и хозяйством русского, зырянского и туземного населения его. Кроме того, поскольку рыбный промысел производился собственными силами моей семьи, мне пришлось в течение десяти лет лично на практике в качестве простой рабочей силы ознакомиться со всеми приемами и орудиями рыболовства (неводить, колданишь, сетовать, участвовать в запорно-соровом лове и т.д.). Страсть же к охоте сблизила меня с тоб. северной природой. Эти ежегодные выезды были для меня лучшей школой краепознания, ибо они не только заставляли меня непосредственно участвовать в промыслах края, знакомиться при передвижении со многими из его бесчисленных речек, проток, соров и рек, но и вынуждали подчас жить тою же жизнью, конечно, в смысле материальной обстановки, какую живет тоб. северный туземец (остяки, вогулы, самоеды).

По окончании гимназии я поступаю в Казанский университет (1911 г.) на естественное отделение физико-математического факультета. Существовая на скудный личный заработок, а также при материальной посильной поддержке со стороны моей матери, поскольку, конечно, труд кустарки-швеи позволял ей

эту поддержку оказывать (материальной же помощи со стороны отца ожидать было трудно, так как в 1912 г. у него резко выявился туберкулез наряду с запущенным плевритом).

За все время пребывания моего в университете я не прерывал связи с Тобольским Севером. Только путь теперь был несколько иной. В первую же зиму в Казани на меня обратил внимание профессор Казанского университета Б.Ф. Адлер и при его дальнейшем постоянном руководстве и содействии я занялся научным изучением Тобольского Севера, главным образом в области вопросов физической географии его, антропологии и этнографии туземцев.

1912 год.

Летом 1912 г. я еду в Миштем-Мунгистерский район (Б. Обь) б. Березовского уезда, где наряду с участие в рыбном промысле моей семьи занимаюсь изучением быта и хозяйства туземцев (остяков и вогул) этого района, собираю небольшую этнографическую коллекцию для Казанского университета, работаю над уточнением карты этого района (оригинал в кабинете географии и этнографии Казанского университета).

1913 г.

Летом 1913 г. на средства Гамбургского музея народоведения я изучаю быт и хозяйство остяков-казымцев в местах их летнего рыбного промысла (от рыбугодий Шижим-лор до с. Полновата по Б. Оби Березовского уезда), затем поднимаюсь вверх по реке Сосьве до юрт Руссуйских с целью изучения быта и хозяйства вогул реки Сосьвы, выяснения причин переселения вогул с Сосьвы в Мунгутлор и др. пункты на реке Оби, а также для изучения территориального распространения некоторых особенностей культа медведя у туземцев, не отмеченных до сих пор в литературе. Попутно собираю для Казанского университета коллекцию вогульских черепов и вывожу большую этнографическую коллекцию по остякам-казымцам и частью вогулам Березовского уезда для Гамбургского Музея народоведения (отзыв *см.*: Годичный отчет Казан. универ. 1913. С. 107).

Из материалов, относящихся к этой поездке, до сих пор мне удалось опубликовать только «К культу медведя у вогул реки Сосьвы» (Наш край. 1925. № 7).

1914 г.

Летом 1914 г. на средства Общества естествоиспытателей при Казанском университете я произвожу антропометрические и эт-

нографические исследования над остяко-самоедами дельты р. Оби и вывожу коллекцию самоедских черепов и небольшую, но интересную этнографическую коллекцию по остяко-самоедам дельты (детские игрушки, домашние пенаты хранятся в Казанском университете).

Примечание. Рукопись, представляющая предварительную систематизацию моих работ 1914 г. в дельте (сюда же вошел частично проработанный антропометрический материал), сдана мною для печати Обществу естествоиспытателей при Казанском университете еще в конце 1916 года, но гражданская война отсрочила опубликование ее до настоящего времени. (Между прочим, рукопись является моей дипломной работой при окончании университета).

Антропометрический материал к весне 1917 г. был мною обработан на $\frac{2}{3}$, но тяжелые материальные условия моего существования в Казани к весне 1917 г., а равно туберкулез моей матери побудили меня прервать дальнейшую обработку, выехать в Тобольск, а затем вспыхнувшая гражданская война и последующие годы не позволили мне довести работу до конца. Единственно, что до сих пор удалось опубликовать из материалов поездки 1914 г.: «Дюнные стоянки в дельте Оби» (См.: Тр. Общ. естествоисп. при Казан. унив. Т. XLIX. Вып. 1. 1916, г. Казань).

1915–1916 гг.

Летом 1915 и 1916 гг., учитывая, что казанские научные библиотеки и учреждения не позволяют мне со всей полнотой ознакомиться с литературным, картографическим и другими материалами по Тобольскому Северу, я живу в г. Тобольске, где и пополняю свое знакомство с имеющейся богатейшей литературой по Тобольскому Северу в Тобольском губернском музее, а также изучаю богатейшие этнографические коллекции музея по туземцам Тобольского Севера.

1917 г. — по июль 1919 г.

Окончив осенью 1916 г. Казанский университет (диплом первой степени), весной 1917 года выезжаю в г. Тобольск по причинам, выше указанным, и зачисляюсь (июль 1917 г.) преподавателем естествознания, химии, географии и сибиреведения Тобольского учительского института. Зиму 1917 г., 1918 год и первую половину 1919 г. (колчаковщина) работа моя в области познания Тобольского Севера сводится к изучению краевой ли-

тературы и экспонатов Тобольского губернского музея, к реконсцировочным исследованиям в области геологического прошлого окрестностей г. Тобольска. Кроме того, в эти годы в связи с введением в программу Тобольского учительского института курса «Общего землеведения» (который читал я), мною подготавливается к печати «Курс общего землеведения» для средних школ (закончен, но не опубликован).

Эвакуация летом 1919 года колчаковцами учительского института в Бийск, нежелание мое эвакуироваться с институтом, а равно угроза мобилизации в ряды колчаковской армии, если я останусь в Тобольске после эвакуации института, вынуждают меня выехать в июле 1919 г. временно в с. Обдорск Березовского уезда Тобольской губернии.

Июль 1919—1921 г.

Здесь мною совместно с другим преподавателем Тобольского учительского института при содействии местного населения открывается высшее начальное училище⁴, заведование которым поручается мне. С приходом красных партизан в ноябре 1919 г. высшее начальное училище реорганизуется в школу II степени с оставлением меня заведующим последней, и одновременно я назначаюсь зав. волнаробразом.

Внося краеведческий элемент в программы обдорских школ, с другой стороны, желая сохранить от окончательной гибели частью уже расхищенный весьма ценный обдорский музей и библиотеку (главным образом научную) при нем, я возбуждаю вопрос пред Обдорским волревкомом о переводе музея и библиотеки из неотапливаемого, требующего полного ремонта здания музея в школу II ступени и о создании краеведческого музея при последней. Ходатайство было удовлетворено, я назначаюсь (январь 1920 г.) заведующим краеведческим обдорским музеем с оставлением в должностях, выше указанных.

Примечание. От должности зав. волнаробразом я был освобожден к осени 1920 г.

При дружной помощи со стороны некоторых товарищей, учителей Обдорска, музей был мною переведен в школу, приведен в порядок, реорганизован и стал пополняться. Между прочим,

---

⁴ В Обдорском высшем начальном училище в то же время преподавала и жена В.М. Новицкого Екатерина Аркадьевна, в девичестве Нелюбина.

мною была оборудована при музее, достаточно хорошо по Обдорску, мастерская для изготовления картограмм, диаграмм, рельефных карт, манекенов, препаратов, чучел, пособий для школ и т.д. В музейное же помещение мною был перевезен ценнейший архив бывшей Обдорской инородной управы с целью сохранения и разработки (к сожалению, спустя два года после моего отъезда из Обдорска архив расхищен до основания).

Осенью 1920 года около музея мне удастся создать краеведческий кружок из местных работников и части населения, ставящего целью изучение Обдорского края, пополнение музея и популяризацию знаний о крае. Из коллективной работы кружка, руководителем которого был избран я, считаю необходимым отметить консультацию чрез Обдорский волревком Тобольского уисполкома по вопросам внутреннего районирования Березовского уезда. Между прочим, эти материалы были использованы при районировании Тобольского округа в части установления пограничной линии между Обдорским и Березовским районами Тобольского округа в 1924 г.

Своеобразие хозяйства Обдорского края (рыболовство, охота, оленеводство), наличие малых национальностей (зырян, остяков, самоедов), в большинстве говорящих и понимающих только свой язык, и отсутствие печатных азбук, а равно начальных статей для чтения применительно к указанным выше особенностям края побуждают меня чрез мастерскую обдорского музея (осень 1920 г.) изготовить шрифт (из тройного дерева) и оборудовать примитивную типографию, в которой довольно сносно были отпечатаны при участии обдорских учителей подвижные алфавиты в массовом количестве и начальные статьи для чтения на русском, зырянском и остяцком языках (некоторые образцы имеются в Тобольском гос. музее).

Моя общественная деятельность за время пребывания в Обдорске была весьма разнообразна и проявлялась как в области хозяйственного устройства края, так и в области дошкольного, школьного и внешкольного строительства среди русско-зырянского населения, а также и среди культурно отсталых туземцев. Это соприкосновение с народной массой и хозяйством края на практике дало мне богатый материал для познания Обдорского края — его природы, хозяйства и быта населения. Из чисто исследовательских

работ этого времени считаю необходимым отметить: 1) наблюдение над замором (загаром) р. Полуя с постановкою опыта содержания рыбной молоди в заморной воде; 2) изучение подледного промысла рыбы в окрестностях Обдорска; 3) наблюдение над бытом и хозяйством кочевника-оленевода (зырянина и самоеда); 4) рекогносцировочные изыскания в окрестностях г. Обдорска, подбор материала по вопросу «Обдорск (его окрестности) как будущий речной порт Северного морского пути»; 5) собирание данных путем опроса кочевников и обдорских жителей о природных условиях, лесных, пушных и рыбных ресурсах рр. Полуя и Надыма и о возможностях колонизации их. Результаты и выводы из этих работ большей частью рассеяны в серии моих докладов тем или иным учреждениям в последующие годы, но в отдельности ни одна из них не опубликована. Зимой 1920–21 г. я организую экспедицию из с. Обдорска на р. Надым для рекогносцировочного обследования его природных условий, лесных богатств и т.д. с целью выяснения колонизационных возможностей его, условий сплава надымского леса (кедр, лиственница) к устью р. Надыма для снабжения безлесной Обской дельты и губы, а равно к Новому порту Обской губы (Сев. мор. путь), поскольку от последнего устья р. Надыма лежит всего километрах в 150.

Вспыхнувшее бандитское восстание к весне 1921 г. вынуждает меня отложить экспедицию до более благоприятного момента. Осенью 1921 г. после двухлетней жизни в Обдорске я по состоянию здоровья, а равно по вызову Тюмгубисполкома выезжаю в г. Тобольск в распоряжение Тобольского отдела народного образования.

1922 г.

По приезде в Тобольск назначаюсь преподавателем географии и краеведения в Тобольский педагогический техникум, на каковой должности и состоял до ноября 1926 года. С апреля 1922 г. зачисляюсь (по совместительству) в штат научно-статистического отдела Обь-Иртышского управления государственной рыбной промышленности («Область-Рыба», позднее «Облгосрыбпром», в настоящее время «Обьрест»). Здесь помимо текущей работы и работы по корректированию сведений о рыбугодьях Обь-Иртышского района, консультации по вопросам Тобольского Севера и т.д., между прочим, мною возбуждается вопрос (в плоскости конкретного предложения с представлением соответствующего материала) об организации в

Тобольске рыбохозяйственной станции как учреждения научно-прикладного характера; кроме того, мною были разработаны детализированные бланки по сезонному учету рыбной промышленности Тобольского Севера и деятельности Облгосрыбпрома. Затем чрез научно-статистический отдел возбуждаю вопрос и организую отряд по обследованию бассейна р. Надьма, усматривая в благоприятных для колонизации его климатических условиях и лесных ресурсах (если бы опросные данные подтвердились), один из существенных факторов к развитию рыбной промышленности в безлесной дельте Оби и Обской губе, а равно для развития зверобойного морского промысла. Хотя опросно-статистические бланки были опечатаны уже (и часть даже удалось разослать по рыбрайонам), что должно было дать богатый материал для выявления плюсов и минусов и дальнейших перспектив рыбной промышленности Тобольского Севера, сотрудники для надымского отряда подобраны и т.д. (вообще работа всего штата научно-статистического отдела начинала принимать научно-деловой характер), но определенное, сознательное резко тормозящее действие всем начинаниям научно-статистического отдела со стороны «спеца» З. (фактически державшего в своих руках все административно-хозяйственные нити учреждения, спустя несколько месяцев после нашего ухода ушел под суд и осужден к десяти годам изоляции) вынудило работников научно-статистического отдела подать (июль 1922 г.) коллективное заявление об уходе из Облгосрыбпрома (в том числе и я, конечно), и все начинания приостановились. В июле же 1922 г. я приглашаюсь на должность заведующего рыбным отделом Тобольского райсоюза потребобществ (Тобсеверосоюз, объединяющий низовые потребобщества Тобсевера), в какой должности и работаю до слияния рыбного отдела с торговым (сентябрь 1922 г.), а затем перехожу на должность статистико-экономиста в инструкторский отдел Тобсеверосоюза.

Невозможность совмещения (по чисто техническим соображениям) одновременно должностей статистико-экономиста в Северосоюзе и преподавателя педтехникума, нежелание мое оторваться от педагогической деятельности вынуждают меня (октябрь 1922 г.) отказаться от работы в Северосоюзе. Работа моя, хотя и кратковременная, как в Облгосрыбпроме, так и кооперации, для меня, как краеведа, имела немаловажное значение: она ознакомила меня со многими деталями деятельности (того времени) этих двух хо-

зрганизаций и углубила мои знания о крае вообще. В ноябре 1922 г. я утверждаюсь научным сотрудником Тобгосмузея, и мне поручается организация промышленно-экономического отдела и реорганизация туземного (остяки, вогулы, самоеды) отдела его, заведующим которых я состою до настоящего времени.

Из работ 1922 г. считаю необходимым отметить рукопись-доклад Тобузекосо о необходимости объединения Березовского, Сургутского, Тобольского и Верхне-Кондинской части Туринского уезда Тюменской губернии в единый административно-хозяйственный Тобольский округ (рукопись — 160 печатных на машинке страниц — находится в портфеле Тоб. общества изучения края).

Материал этот лег в основу при районировании Уралобласти в части выделения Тобольского округа (1924 г.), и границы последнего, намеченные мною, приняты почти без изменения.

1923 г.

В течение 1923 г. на средства и по поручению Наркомнаца выезжаю к осяткам Казымского с/Совета Березовского района Тобольского округа с целью вывезти семью осятков с соответствующей обстановкой их быта и промыслов на Всесоюзную с/х выставку в Москву. Задание мною было выполнено: две семьи осятков (один из мужчин шаман), берестяной чум, собака, рыболовные и охотничьи орудия лова, лодка-душегубка и многое другое из домашней обстановки и т.д. были доставлены мною в августе 1923 г. в Москву на Всесоюзную с/х выставку. К сожалению, по обстоятельствам, совершенно от меня не зависящим, со всей детальностью развернуть на выставке быт и хозяйство осятков мне не удалось, хотя вывезенные этнографические коллекции, трудовые навыки бывших на выставке туземцев, а равно конкретно разработанный мною план гарантировали полную возможность такой детализации⁵.

Мои наблюдения над туземцами от юрт Русь-хаут-нэль и Сумут-нэль Казымского с/Совета Березовского района (местожительство туземцев) до Москвы, в Москве и в обратном пути до Тобольска, к сожалению, до сих пор мне не удалось опубли-

⁵ Тобольский журнал «Наш край» в № 2 за 1924 г. на стр. 42 сообщал, что за проведение в 1923 г. этнографической экспедиции на Тобольский Север для собирания экспонатов для Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве, характеризующей хозяйство и быт туземцев, В.М. Новицкий получил от Главного выставочного комитета диплом признательности.

ковать. За произведенную работу мною получен диплом признательности от глав. выстав. ком-а.

1924 г.

В середине 1924 г. я утверждаюсь членом Окружной комиссии по районированию (впоследствии административной), в которой и состоял до роспуска ее (ноябрь 1926 г.).

Примечание. Работа моя здесь слагалась помимо всего другого в консультации по вопросам Тоб. Севера и в составлении ряда докладов. Из последних считаю необходимым отметить:

1) административно-хозяйственная граница Тоб. округа Урал-области с Томской и Енисейской губерниями в связи с отшнурованием от Тоб. округа Александровского района;

2) Об экономическом тяготении и связи Ваховского района б. Сургутского уезда Тоб. губернии с северными оленеводческими и туземными районами Тоб. округа. (Рукопись — 29 печатных на машинке страниц — в библиотеке Тоб. гос. музея).

Из других работ 1924 г. отмечу: «Проработка вопроса о тоб. окружной сети научно-популярных музеев краеведения». В основу мною был положен принцип — окружной музей краеведения, отражая, как в зеркале, природу, труд и общество края, являясь школой краеведения для масс, будучи одновременно научно-исследовательским учреждением и ведя край по пути поднятия производительных сил, строится при содействии масс и низовых работников-краеведов по типу районных музеев краеведения только в окружном масштабе, обобщая явления однотипные для разных районов и выпячивая характерные отличительные особенности их.

В осуществление выдвинутого положения и для вовлечения районов округа в краеведческо-музейное движение и строительство мною был разработан план организации научно-популярного районного музея краеведения применительно к условиям Тобольского Севера. Результаты моей работы частично напечатаны в журнале «Наш край» (Изд-во Об-ва изучения края при музее Тоб. Севера г. Тобольска) — см. статьи:

1. Первые работы начинающего краеведа (Наш край. 1924. № 1).
2. Организация научно-популярного районного музея краеведения: а) отдела природы, б) подотдел рыболовства пром.-эконом. отдела — (Наш край. 1924. № 2).

3. Организация научно-популярного районного музея краеведения — отдел охоты (Наш край. 1924. № 4).

Прекращение издания журнала «Наш край» (1925 г.) приостановило дальнейшее печатание статей по затронутому вопросу.

Выдвинутый мною принцип и разработанный план организации естественно-географического и промышленно-экономического отделов (а равно туземного отдела) районного краеведческого музея положены в основу плана реорганизации (уже проводимой с зимы 1924 г.) соответствующих отделов Тобольского государственного музея, как окружного, долженствующего своими экспонатами и расположением их быть показательным учреждением для районных музеев.

Из других печатных работ к 1924 г. относятся:

1) *В.Н.* Охотничий промысел на Тобольском Севере // Уральский охотник. 1924. № 1; 2) *В.Н.* Рыболовство на Тобольском Севере // Уральский охотник. 1924. № 4.

1925 г.

В июне 1925 г. утверждаюсь членом Тобольского комитета содействия малым народностям северных окраин, в каковой должности состою и до настоящего времени.

В конце 1925 г. по предложению Тобольского окр. стат. бюро разрабатываю конкретный план переписи Тобольского Севера в 1926 г. и даю заключение о переписных бланках, разработанных Тоб. окт. стат. бюро.

Примечание. В мае 1926 г. участвую на совещании Уралстатуправления (в г. Тобольске) по вопросам переписи Тобольского Севера в 1926 г. Принять непосредственное участие в переписи 1926 г. не удалось ввиду участия моего летом 1926 же года в научно-исследовательских работах отряда об-ва изучения края по обследованию Казымского тузовета, но поскольку работа отряда предшествовала переписи, я ставлю одной из задач отряда опытные работы в районе его действия с переписными бланками. Всего было заполнено 31 похозяйствен. карточка и 8 поселенных, и обнаруженные на практике работы недочеты и дефекты переписных бланков были мною по приезде в Тобольск (сентябрь 1926 г.) отгнаны пред руководителем Тобсеверной переписи.

Из моих работ за период 1925 г. в различных комиссиях различных учреждений и организаций считаю необходимым

отметить: 1) участие в выработке положения об административно-судебном устройстве культурно отсталых племен Тобсевера; 2) то же — методов налогового обложения промыслового населения Тоб. Севера; 3) то же — сроков рыбной ловли и охоты применительно к Тоб. округу; 4) участие в подкомиссии кооперативной комиссии Тобокружкама ВКП(б) в разработке основных положений о туземной кооперации на Тоб. Севере; 5) разработка для АПО Тобокружкама ВКП(б) детализированной программы по страноведению и промышленно-экономической жизни Тобсевера для работников «Дома туземцев» с учетом психологических и других особенностей культурно отсталых туземцев и многое другое.

Из научно-исследовательских работ 1925 г. отмечаю:

Во время моей поездки в Уватский и Кондинский районы Тобокруга зимою 1925 г. собрана небольшая коллекция предметов культа туземцев и данные о Карымском туземном Совете Кондинского района, характеризующие его в административно-хозяйственном и культурно-санитарном отношении. Кроме того, собран картографический материал для составления схемы рыболовных и охотничьих поселенных «вотчин» (владений) Карымского тузсовета (картасхема тузсовета уже составлена), проводилось изучение быта и выяснение степени обрусения туземцев Уватского и Кондинского районов и собран цифровой материал для характеристики значения тех или иных занятий в бюджете населения Уватского района.

Из печатных работ, относящихся к 1925 г., отмечу «Тобольский округ». Мною написаны главы: Географическое положение и границы. Площадь. Устройство поверхности. Геологическое прошлое. Полезные ископаемые. Орошение. Климат. Растительный мир. Почвы. (Издан. Тоб. окрплана и об-ва изучения края. Вып. 1. Тобольск, 1925).

1926 г.

Еще зимою 1925 г. мною пред Тобольским обществом изучения края ставится вопрос об организации экспедиции по обследованию бассейна р. Казыма в отношении его природных, рыбных, лесных и т.д. богатств, оленеводства, быта и экономики остяков-казымцев как наиболее жизнеспособной с колонизаторскими наклонностями, не денационализированной туземной группы с последующим передвижением экспедиции на р. Надым для

изучения колонизационных возможностей (в первую очередь чрез казымцев) лесных богатств и сплава леса к устью Надыма.

Средства были отпущены Тобольскому обществу изучения края Центральным комитетом Севера, но с запозданием, а потому формирование научно-исследовательского и санитарного отряда общества мною, как руководителем его, было произведено и выезд состоялся только в июне 1926 г. С другой стороны, поскольку было отпущено всего 50% требуемой суммы, то задачей отряда мною было выдвинуто обследование в административном, хозяйственном и культурно-санитарном отношении Казымского туземного Совета (Березовского района) как района, выдвигаемого мною для создания основной, так называемой северной культбазы для туземцев Тоб. Севера; обследование же бассейна р. Надыма и на этот раз пришлось отложить.

Результат двухмесячной напряженной работы отряда, несмотря на ряд внешних тормозов, считаю более чем удовлетворительным.

В частности, мною только вывезен:

1) картографический материал для составления схемы рыболовных и охотничьих угодий;

2) цифровой и другой материал, характеризующий: а) рыболовство, охоту, оленеводство и общую экономику района; б) количественный учет населения, скота (в том числе собаки, олени), промыслового инвентаря; в) административное и культурно-санитарное состояние района; г) деятельность кооперации и госзаготовителей; д) по вопросу о закредитованности населения; е) по вопросу об угасании туземцев; ж) по вопросу о туземных заказниках на пушного зверя и другое.

Кроме того, мною: а) собраны данные этнографического характера, б) вывезен летний чум (жилище) рыбака-туземца с обстановкой для Тобгосмузея.

Кроме меня в отряде работали ихтиолог, студент-этнограф, фельдшер и переводчик.

Результаты работы отряда готовятся к печати.

В декабре 1926 г. на 3-й Уральской краеведческо-музейной конференции я избираюсь членом Уральского областного бюро краеведения.

Из работ, приготовленных уже к печати в 1926 г., укажу «Туземные силы Тоб. Севера и задачи по пути их культурно-производ-

ственного развития» (доклад, читанный мною на 1-й конференции по изучению производительных сил Уралобласти — январь 1927 г.).

В заключение дополню:

1. В январе 1922 г. я избираюсь членом правления Об-ва изучения Тоб. края, а в 1925 г. — председателем промышленно-экономической секции об-ва, на каковых выборных должностях состою до настоящего времени. Кроме того, моя работа по обществу изучения края за период с 1922 г. и по настоящее время в основных штрихах выражалась: член редакционной комиссии по изданиям общества; в участии в работах естественно-географической и педагогической секций как рядового работника, так и в качестве краеведа-консультанта; в популяризации знаний о крае чрез публичные лекции, печатание популярных статей о крае в местной газете; в организации кружка юных краеведов, в участии как лектора по краеведению на педагогических курсах в г. Тобольске; в участии в печатных изданиях общества, в участии на 3-й краеведческо-музейной областной конференции (1926 г.), в участии на 1-й конференции по изучению производительных сил Уралобласти (1926 г.), в консультации по запросам в Общество различных учреждений и организаций округа, Уралобласти и т.д. по вопросам Тоб. Севера, в участии как представителя общества изучения края в даче отзывов по некоторым изданиям Уралобласти, касающихся Тоб. округа как литературного характера, так и картографического; и многое другое.

2. Поскольку я пишу характеристику не только моей научной деятельности, но и общественной, то считаю необходимым не умолчать о том, что начиная с 1922 г. и по настоящее время мне приходилось, как краеведу Тоб. Севера, принимать активное участие эпизодического, а подчас и более продолжительного характера в работах по вопросам Тоб. Севера — орготдела, ОНО, здравотдела, Окргу, статбюро, окрвнторга, плановой комиссии Тобокрика, давать консультации тобпрокуратуре, тобвоенкомату и т.д. Эта постоянная деловая связь с отделами Тобокрика много, конечно, содействовала и содействует углублению моего познания о Тобокруге в его современном административно-хозяйственно-культурном состоянии.

3. Помимо общественной и научно-исследовательской деятельности я, насколько позволяло мне время, делаю попытку

заниматься и литературной деятельностью, правда, результаты в этом отношении крайне малы, но все же укажу:

а) «Давно ли это было» (поэтический этюд из природы Тоб. Севера, напечат. в журнале «Охотничий вестник». — Москва, 1914. №№ 46 и 47. Псевдоним — В. Цивонский); б) «Погибшее богатство» (рассказ из жизни обдорских промышленников Тобсевера. — Уральский охотник. 1924. № 1. Псевдоним — В. Цивонский.

в) Горе Кутупа (рассказ из жизни туземцев Тоб. Севера. — «Уральский охотник» за 1924 г., № 6. Псевдоним — В. Цивонский).

4. Основным тормозом к подготовке материалов о Тобокруге и Тобсевере для печати и вообще незначительное число моих печатных работ обусловлено: 1) мировая и Гражданская войны, 2) моя перегруженность текущей служебной и общественной работой, 3) ничтожная оплата труда по Тоб. гос. музею, побуждающая меня (имею семью) искать заработок (постоянный) на стороне и отрываться от научно-краеведческой работы.

Заканчивая обзор моей деятельности как провинциального общественного работника и краеведа Тобсевера, я должен отметить, что одна из первоочередных задач, которую я хотел бы поставить для себя в дальнейшей моей работе, если позволят обстоятельства, — систематизация (для печати) всего того краеведческого материала, который накоплен мною в практике жизни, службы и исследовательской работы и который в значительной части до сих пор в должной мере не обобщен по причинам, выше указанным.

Для частичного проведения в жизнь высказанного пожелания я по согласованности с правлением общества изучения края и Тобольским Комсевером с 1 декабря 1926 г. перешел на постоянную работу в Тоб. гос. музей как заведующий промышленно-экономическим и туземным отделами с оставлением меня членом Тобольского комитета Севера по совместительству (консультация по вопросам Севера, выполнение по плану Тобольского комитета Севера работ культурно-санитарного и исследовательского характера).

Примечание. Заметки и статьи в газетах и журналах, помимо полной фамилии, мною подписывались: «В.Н.», «Березовец», «Березянин»⁶, а рассказы, как уже отмечалось, — «В. Цивонский».

В. Новицкий

⁶ За подписью «Березянин» в газете «Тобольский Север» в 1922 г. опубликованы статьи «Будем изучать наш край» (5 августа) и «Дайте средства обществу изучения края» (1 августа).

Уважаемый Валерий Константинович!

На вашу просьбу сообщаю Вам известные мне автобиографические данные о моем отце — Василии Михайловиче Новицком.

Он родился 24 августа 1890 г. в г. Березове Березовского уезда Тобольской губернии. Его отец Михаил Степанович Новицкий был мещанин г. Березова и работал рыбаком и приказчиком промысла. Умер в 1914 г.

До восьми лет отец с родителями жил в с. Шеркалы Березовского уезда, а в 1898 г. со своей матерью Александрой Николаевной Новицкой переехал в г. Тобольск. Цель у матери была дать сыну образование. Зарабатывая полтинник в день как швея, она устроила отца в Тобольскую мужскую гимназию, которую он окончил в 1911 году. Его отец, живя на севере в с. Шеркалы, занимался рыбной ловлей и сколько мог помогал матери учить сына в гимназии. Кроме того, ему оказывало материальную помощь Тобольское общество вспомоществования бедным учащимся Тобольской гимназии (25 руб. в год).

После окончания гимназии в 1911 г. он поступил в Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета, которое окончил в 1917 г. За время учебы он получал от матери 10 руб. в месяц, общество вспомоществования Тобольской гимназии вносило плату за обучение — 40 руб. в год, и от общества вспомоществования бедным студентам университета получал ежедневный бесплатный обед на 4 руб. в месяц.

Кроме того, за участие в ежегодных научных экспедициях на Тобольский Север от общества естествоиспытателей при Казанском университете он получал 100 руб. в год. Эта помощь позволила ему окончить университет с дипломом 1-й степени.

На третьем курсе университета его облюбовали на кафедре антропологии как живого представителя родины малых народностей Севера — ненцев, ханты и манси. В итоге этого на практику после 3-го и 4-го курсов ему давали задание привезти с захоронений на Оби черепа этих народностей для пополнения экспонатов университетского музея антропологии. Эти материалы составили его дипломную работу и [послужили основанием для предложения] остаться в аспирантуре.

*Приемная комиссия
Тобольского
рыбопромышленного
техникума (слева
направо — Коробова,
Е.А. Новицкая,
В.М. Новицкий,
завуч Дмитрий
Кузьмич Шумилов,
А.М. Коробов,
М.П. Тарунин,
Е.М. Попов). 1933 г.*

Но это был 1917 год, и после защиты ему пришлось возвратиться в Тобольск и устроиться преподавателем, хотя мечтой его было краеведение и возрождение его любимого северного края. Повезло в 1923 г. В Москве была организована выставка народов к созданию СССР. Он взялся привезти на эту выставку семью остяков с их скарбом — чумом, оленями, нартами, сетями и т.д. Для этого в Тюмени ему был дан вагон, и все это хозяйство вместе с семьей остяков он привез в Москву. За это получил похвальную грамоту от М.И. Калинина, которую с гордостью хранил всю свою жизнь.

Но главной мечтой его жизни было провести до его родной Оби железную дорогу. В 1929 году была создана комиссия для составления проекта такой железной дороги. Ради участия в работе этой комиссии он бросил свою работу в Тобольске и два года провел на трассе этой железной дороги по маршруту Ивдель—Обь. Зимовка комиссии была в г. Перми, поэтому наша мама с двумя детьми (мне был один год, а старшему брату — 8 лет) поехала искать квартиру в Перми, где мы и жили следующие два года.

Но через два года выяснилось, что параллельно проектировалась железная дорога Котлас-Воркута, и перевозка леса по ней оказалась на 0,5 коп. дешевле. Проект Ивдель—Обь был отложен⁷, и наша семья вернулась в Тобольск. Отец очень пережи-

⁷ В государственном архиве г. Тобольск есть дело «Материалы по организации почтовой и воздушной связи на Севере, о постройке дороги Ивдель—Березов» (Ф. 695. Оп. 1. Д. 191) за 1931—1932 гг., содержащее сведения о том, что изыскание дороги Ивдель—Березов исключено из плана ввиду выяснившейся невозможности вести дорогу по болотистой местности летом.

вал эту неудачу, особенно когда в 1953 году в его родном Березове было открыто теперь известное на весь мир уникальное месторождение природного газа. Очень жаль, что он не дожид до открытия нефти в Сургуте и прокладки железной дороги его мечты — Тюмень—Тобольск—Сургут.

С января 1933 г. отец перешел работать преподавателем химии в Тобольский рыбопромышленный техникум. А в начале 1942 года по личной просьбе был переведен в школу с. Леуши Кондинского района Ханты-Мансийского округа, где работал до июля 1945 года. В апреле 1945 г. умерла жена Екатерина Аркадьевна Новицкая. В августе 1945 г. вернулся в г. Тобольск и стал работать преподавателем химии в Тобольском рыбопромышленном техникуме.

В 1952 г. переехал на постоянное жительство к младшему сыну Валентину Васильевичу в г. Свердловск, а в 1957 г. умер.

Новицкий Валентин Васильевич.

19.03.2003.

Б.А. Знаменский — В.К. Белобородову

Вчера получил Ваше письмо, и оно всколыхнуло мою душу, унесло меня в далекое прошлое босоногое детство. Спешу сразу написать Вам обо всем, что я знаю об этой прекрасной семье Новицких! Да, мое детство связано с этой семьей. А моя жена имела счастье еще и учиться у Василия Михайловича (где-то в 46—47 годах), он в рыбтехникуме преподавал химию технологам.

Итак, все, что я помню, по порядку.

Где-то в 36—37 годах Новицкие купили большой рубленый (но старый, вернее, старинный) полутораэтажный дом. Нижний полуэтаж был не жилой, его Василий Михайлович использовал как подсобный под свои мастерские. Он был чрезвычайно мастеровой и творческий человек. При доме был большой участок, сарай двухэтажный с большим балконом, сад и огород. Где мы жили, почти рядом (метров 20), наш М[ало]-Октябрьский переулок упирался в их калитку, а въездные ворота к ним были с ул. Б[ольшая] Сибирская (номер не помню). Практически тем входом они не пользовались. Семья В.М. состояла из четырех человек, жена Екатерина Аркадьевна, звал я ее просто тетя Катя, в моем представлении того времени и на нынешнем уровне —

чудесная культурнейшая женщина, я ни разу не слышал ее повышенного тона, очень обаятельная и, видимо, любящая жена, старший сын Петр где-то 24–25 г[ода] р[ождения], младший сын Валентин 29 г.р., друг моего детства, до его уезда из Тобольска после окончания 10 класса школы № 1 (базовой) мы практически были вместе.

Но главная речь — о Василии Михайловиче с колокольни моего 70-летия с воспоминанием и представлением о нем с детского уровня.

Запомнился он мне таким высоким, стройным (сухощавым), очень подвижным и совершеннейше культурным, грамотным, чутким, в моем понятии всемогущим, постоянно занятым какими-то делами. Во-первых, он благоустроил этот чуть покосившийся дом. В нем у него был кабинет — предмет нашего с Валею любопытства, поскольку в нем было все интересно для нас. Я помню, там у него было много книг, различных предметов, огромных раковин, фотографий его поездок по изучению севера, с осязками на фоне чумов и добычи (рыба, дичь) в малицах и т.д. Но самым интересным было рассматривать большой атлас, который мы с Валею вдвоем еле-еле снимали с полки книжного стеллажа, такой он был тяжелый для нас тогда. А запах в кабинете напоминал почему-то музей, там так же таинственно чем-то неизведанным благоухало. В тамбуре, из которого шла лестница вниз, он оборудовал фотолабораторию. В то время фото вообще было чудо какое-то. Всю квартиру не буду описывать. Для детей он сделал исполин — так мы называли высокий столб, на вершине которого вертушка с четырьмя опущенными канатами с петлями для сиденья в них (еще называли его «гигантские шаги»).

В.М. много времени отдавал краеведческой работе, охоте, рыбному промыслу. Его друг и соратник, как я понимаю, был Тарунин⁸, старший научный сотрудник музея (может, не совсем точно). Он завел себе большую лодку, которую переоборудовал под подвесной мотор (тоже редкость того времени), а сам мотор собирал буквально по винтику и испытывал у себя в чане, который установил прямо в огороде. Два, это был прекрасный человек, интеллигент-«чернорабочий», изобретатель, постоянно ищущий

⁸ Тарунин Михаил Петрович — орнитолог, краевед, музейный работник. Многие годы отдал Тобольскому музею.

человек. На этой лодке он уезжал куда-то на промысел и изучение тобольских округ и возвращался полностью загруженный рыбой и дичью. Мы помогали таскать добычу от Иртыша, за бойней, спуск с горы был около тюрьмы, там был «причал» лодки, где в горе жил татарин, охранник лодок. В общем, тема очень будоражит воспоминаниями, и им нет конца, а остановиться надо.

Мне очень запомнился В.М. в день 22 июня 1941 года, когда мы с Валеи... ковырялись во дворе в куче песка. На лестнице в белой рубашке и белых брюках появился Василий Михайлович, в руках газета и очки, и говорит: «Ребята, началась война...». Тогда нам было по 12 лет. С войной пришли и беда, и голод, и холод. Петя в то время закончил 10 классов школы № 1, и весь класс, в том числе и многие девчата, ушли на фронт. К счастью, Петя в 46-м вернулся (лейтенант) и привез подарки, в том числе аккордеон, который подарил Вале, и он впоследствии закончил музшколу (учили его Екатерина Степановна⁹ и известный Бердов).

В 42-м году, пережив голодную зиму, Новицкие уехали на Север, если мне память не изменяет, в Нахрачи. После войны они возвратились где-то в 46-м году. В.М. тогда работал в рыбтехникуме. Петя уже не жил тогда в Тобольске, не помню, где он тогда жил, вроде в Свердловске закончил политех. Валя закончил 10 классов и тоже уехал, видимо, туда же... В.М. похоронил тетю Катю, очень переживал, совсем похудел, согнулся и уехал, по-моему, к Пете... <...>

...Конечно, В.М. был прекрасный человек, ученый, семья была в нашем окружении идеальная — это был маленький центр культуры. Своим детям они уделяли большое внимание, развивали их кругозор и интеллект, по отношению к окружающей детворе они были более развиты...

<...>

13 июля 2000.

г. Киев

---

⁹ Екатерина Степановна Пухова (урожд. д. Знаменская) — учитель музыки, тетя Б.А. Знаменского.

Воспоминания об отце

Мой отец Борис Филиппович Зобнин¹ родился в г. Барнауле в семье акцизного чиновника Филиппа Кузьмича Зобнина².

Дед, будучи еще молодым человеком и работая учителем Сургутского приходского училища, начал заниматься научной деятельностью, направленной на систематизацию географии растений и почв Тобольской губернии, этнографические наблюдения, сбор и обобщение краеведческой информации.

В 1900 году он был избран действительным членом Императорского русского географического общества.

«Родился я 5 октября 1868 года в слободе Усть-Ницинской Тюменского округа Тобольской губернии. Это старинное крестьянское селение находится в Сибири, в семи верстах от «России», границы Пермской губернии, и лежит при слиянии реки Ницы с Турой. Родители мои, как и вообще жители Усть-Ницы, старожилы-крестьяне, ведут свой род от предков, поселенных здесь еще в первой половине XVII века в качестве монастырских крестьян архиепископом Тобольским и Сибирским Киприаном.

Фамилия моя связана в моей памяти с зобней, плетеной из лыка мягкой продолговатой сумкой, которую обыкновенно таскали за плечом, на спине, употребляя ее, главным образом, для переноски наловленной рыбы. «Маленькая зобнюшка» — так иногда шутливо обзывали меня ласковые деревенские старички, занятые неводьбой на заречном берегу Ницы, где я в ребячестве

---

¹ Зобнин Борис Филиппович род. 8.05.1910 г. в Барнауле. Ум. 9 ноября 2000 г. в Екатеринбурге. Окончил Сибирский технологический институт (г. Томск) в 1931 г., инженер-технолог. В 1932 г. — инженер Первоуральского динасового завода, в 1932–1953 гг. — на Уралмашзаводе. В 1953–1984 гг. — доцент Уральского политехнического института. Автор более 150 печатных работ. (Инженеры Урала: Энциклопедия. — Екатеринбург, 2001. — С. 210).

² См. приложение к «Воспоминаниям об отце» — «Филипп Козьмич Зобнин» и послесловие.

голыми ногами месил тину, пока рыболовы вытаскивали свои тони с язями, щуками, нельмами, налимами, ершами, чебаками, раками.

Мои родители имели свою постоянную долю в большом артельном неводе. Отец мой слыл за заправского рыболова, уставщика, а иногда и за набольшого по неводу, называвшегося обыкновенно «башлыком». Для того чтобы сподобиться этой чести, надо было импонировать артели не только деловитостью и практической сметкой, но и быть в известной мере причастным к кудесничеству, к заговорам-словинкам, к чему мой родитель действительно был причастен.

Я благословляю свою судьбу за то, что родители в деревне от самых обыкновенных, неграмотных и бедных крестьян. Благоговляю не потому, что мое плебейское происхождение доставляло мне в жизни какие-нибудь выгоды и преимущество — наоборот! Но я все-таки благословляю, потому что благодаря своему плебейскому происхождению я, во-первых, провел все свое детство и начальную ступень своей юности в деревне в ближайшем общении с природой-матерью, и, во-вторых, бедность и заурядность моих родителей дает мне опору для обоснования утешительного, если не горделивого, самосознания моей полной независимости и дееспособности в жизни. За все то, что я за собой имею, я обязан только самому себе и никому более, только своим силам, как бы они ни были слабы и ничтожны».

Мать отца, моя бабушка Алевтина Ниловна, родилась

*Студенты Омской учительской
семинарии Зобнин и Ильгонов.
21 марта 1887 г.*

в г. Изюме 11 июля 1882 года. Она начала свою трудовую деятельность в 1898 г. учительницей Гришинского женского начального училища Бахмутского уезда Екатеринославской губернии.

Бабушка умерла в 1966 году. Отец до конца жизни сохранил к ней нежные сыновние чувства. В течение многих лет, пока хватало сил, он каждую неделю ходил на кладбище и носил цветы на ее могилу.

Природа наделила отца прекрасной памятью и художественными талантами. По рассказу одного из выпускников физико-технического факультета, который слушал лекции отца по металлургической теплотехнике, свою первую лекцию он начал словами: «Я надеюсь, вы можете запомнить числа с четырьмя знаками после запятой».

Он хорошо рисовал, отличался тонким музыкальным слухом. Сохранился рисунок отца, представленный на конкурс, посвященный десятилетию Октябрьской революции.

Не помню, чтобы он когда-нибудь пел, но слушать арии из опер очень любил. Эстрадных исполнителей совершенно не воспринимал, и убеждать его в том, что этот жанр тоже имеет право на существование, было бесполезно.

На протяжении всей своей жизни отец ставил перед собой далекие и близкие цели. Такая самодисциплина породила сильный и нелегкий характер, чрезвычайную требовательность к себе и другим.

С мамой Софьей Марковной отец познакомился в Крыму в 1938 году. Мама закончила Харьковский медицинский институт по специальности «санитарный врач». В 1939 г. она приехала в Свердловск, и началась их совместная жизнь в течение почти шестидесяти лет.

Наиболее ранние воспоминания отца относятся к поездкам на Алтай, чудесную горную страну, «сибирскую Швейцарию». Семья из Барнаула в летнее время в 1911, 1912 и 1914 годах выезжала в горы, останавливаясь в Чемале, Элекмонаре и Башелаке. Сохранились фотографии, сделанные там дедом. Постоянным напоминанием об этих поездках служит картина Григория Ивановича Гуркина, висевшая над письменным столом отца. На картине — алтайский пейзаж: двуглавая снежная гора, озаренная розовым утренним светом. Под нею река Катунь и стоящая на горном склоне алтайская хижина, топящаяся по-черному. На фоне свежего снежного покрова лиловый от цветов куст маральника. Под картиной подпись: Г. Гуркин и дата — 1909, 25 апреля.

Осенью 1915 года семья переехала в Томск.

Воспоминания, относящиеся к 1915 году.

*Я время заставляю прошествовать вспять.
Мне только недавно исполнилось пять.
Иду по Иркутской апрельским деньком.
На улице этой тот дом, где живем.
У нас белый песик по кличке Гарсон,
Имеет пятно от купания он.
Я в грязную лужу Гарсона толкнул,
Обиделся песик и, может, всплакнул.
Я взрослый уж мальчик, и мне потому
Позволили к Зое идти одному.
Она на углу против церкви стоит,
И кружка у Зои на шее висит.
Та кружка для сбора монет-медяков
Для наших героев сибирских стрелков.
Я к Зое, сестре, наконец подхожу
И там на асфальт непривычный гляжу:
От талого снега обсохла панель —
Ну, значит, в сам деле весна и апрель!
Я вспомнил о давней весенней поре
И о Воскресенской, что в Томске, горе.*

В доме деда была великолепная библиотека. Иллюстрированные словами: знаменитый Larousse, изданный в Париже, англо-русский словарь, изданный в Нью-Йорке, энциклопедия Брокгауза и Эфрона, альманахи, художественная литература.

О литературных интересах в семье свидетельствует запись отца:

*Брат Женя в пушкинских стихах
Одним двустишием восхитился:
«У Войнаровского в руках
Мушкетный ствол еще дымился».*

Примерно к 1918 году относятся воспоминания о Манке, их кормилице:

*Таял выпавший ночью снежок,
Хоть уж май и зима позабыта.
За калиткой в настил из досок
Застучали вдруг чьи-то копыта...
Открывая, еще я не знал,
Кто же к нам так упорно стучится?
Манка? Путь из деревни не мал,
Как сумела с дороги не сбиться?!
Не смогли мы ее прокормить.
Месяц минул, как продали Манку.
От хозяев не мысля то скрыть,
На день мы приютили беглянку.
Гостье хлеб, пособив, поднесли
И согретой водой напоили.
В тот же вечер за нею пришли
И, отъехав, наверно, побили.
...обсосали до блеска мослы
Возвращенной в хозяйство скотинки
И уже на паскуду не злы,
Водкой справили Манке поминки.
Нас кормила она как могла:
Вымя было мало, не удобно,
Мамы дойка буренке мила,
А отцовской — она беспокойна.
Ломтик хлеба я тот не забыл
В школу в день первый мой самый,
Ах, как сытен и вкусен он был,
Чуть-чуть сливками смазанный мамой!
С братом Женей, где шагом, где вскок,
Шли к пригону вечернему стада.
Нас, босых, пробирал холодок,*

Ну, подумаешь! Нюнить не надо!
Мы все общего дети Отца.
Манка впрямь нам своей доводилась.
Возле черного стоя крыльца.
При безрогой родне отелилась.
Привалило ей счастье тогда:
Все красавицей дочку признали —
Украшала ей лобик звезда,
Тут же Звездочкой телку назвали.
Манка счастлива: ей повезло
И на дочь, и на легкие роды.
Но скотинке и людям назло
Наступили голодные годы.
...К Евдокии иссякли корма,
Манке с дочкой пришлось побираться.
До главы, до еды задарма
Не смогли бы они продержаться.
По базару понуро идут,
Забредают в дворы, на задворки,
Сено с возу, воруя, урвут
Иль зацветишие выпросят корки.
Заманили ржаным сухарем
Злые люди телушку-красотку,
Оглуша топора тупеем,
Перерезали бедненькой глотку.
Что ж, и с Манкой проститься пора!
Вовсе нечем наполнить кормушку...
Так прости ж нас, тебя со двора
Чужаки уведут в деревушку.

К 1918 году относятся и детские воспоминания о событиях, происходивших в Томске.

Я помню, штурмовали
Чекисты монастырь.
Тот, женский, на Елани.
Цель — ценности изъять.
Сбежались прихожане,
Пришлось в них пострелять.
Восстанья белых ждали.

*Чтоб вызнать все о нем,
Поручика пытали
Штыками и огнем.
Он Прохоровым звался.
На берегу Томи
Вопль муки раздавался,
Услышанный людьми.
Его умолки стоны,
Как занялась заря.
Ход помню похоронный
В стенах монастыря...*

Еще одно воспоминание записано в 1994 г.

*Уж три четверти века прошло
С тех морозных, безжалостных дней...
Снег под полозом взвизгивал зло
Проползающих мимо саней.*

*Истекал девятнадцатый год.
В стылой мгле занималась заря.
То семей офицерских исход
Был, на бегство решившихся зря.*

*Как ни кутайся, стужа проймет!
Не уйти и от пуль партизан!
Неужели приют не найдет
Мать с ребенком в домах горожан?*

*Иль для страхом гонимых мужей
На попрание чести погон
Обрекать на погибель детей,
На мужичье насилие жен?*

*Но весь город обоз миновал,
На Иркутский торопится тракт.
Где-то там неизбежно их ждал,
Всех! — последний трагедии акт.*

Борис Филиппович вспоминает, что еще раз он с братом Евгением побывали с отцом на Алтае в 1925 году. Ехали из Томска на пароходе на жестких скамьях третьего класса, а из Бийска до Улалы (теперешнего Горно-Алтайска) — в тряском коробке мест-

*Ф.К. Зобнин на Алтае
(1912 (?) г.)*

ного ямщика. В пути было одна ночевка под открытым небом. И вот они в бывшем Улалинском женском монастыре, где живет и работает в земельном управлении старшая сестра Иллочка (Леонилла Филипповна). Это ей принадлежит заслуга систематизации и сохранения газетных заметок отца. До своего отъезда из родительского дома в Томске в село Колпашево на Оби для работы там учительницей она подбирала и наклеивала на листах бумаги эти заметки вплоть до 1915 года... Более поздние публикации не сохранились.

В тот приезд на Алтай они под руководством отца совершали недалекие пешие экскурсии по окрестностям Улалы, иногда с ночевкой в заимке (хуторе), где заставляла ночь. Еще раз одаривала их живописная алтайская природа картинами, впервые увиденными 10–15 лет тому назад!

...Осенью 1930 года дед отправился из Томска в последнюю, роковую для него, поездку на Алтай к той же дочери Иллочке. Возвращался он оттуда в конце октября, когда наступили уже настоящие зимние холода. Дорога была тяжелой: много дней тащился товарно-пассажирский «Максим». Из-за переполненных людьми вагонов деду пришлось ехать стоя в тамбуре, на нем не было теплой одежды и обуви, он жестоко простудился и, вернувшись домой, слег с воспалением легких. Действенных лекарств против этой болезни тогда не было. 8 ноября 1930 года деда не стало...

В 1927 году отец поступил в Сибирский химико-технологический институт. В силу молодости он был зачислен вольнослушателем.

После окончания института в 1931 году отец недолго работал на Первоуральском динасовом заводе. С 1 августа 1932 года он

начал работать на Уралмашзаводе в отделе капитального строительства в должности инженера-теплотехника. Анализируя позже свой переход на Уралмаш, отец говорил, что если бы он остался работать на динасовом заводе, то за несколько лет попал бы в руководители и почти наверняка был бы арестован. 31 декабря 1932 г. он был назначен заведующим теплотехнической лабораторией. С той поры началось его служение металлургической теплотехнике, которое стало для него главным делом жизни.

С огромным уважением отец в своих рассказах отзывался о многих работниках теплотехнической лаборатории и о бригадах, занимавшихся ремонтом металлургических печей. В частности, о бригаде вятичей, для которой халтурное отношение к работе было немыслимо.

Когда я родился, наша семья жила в коммунальной квартире в пятиэтажном кирпичном доме по ул. Стахановской. Дом находился примерно в десяти минутах ходьбы от проходной Уралмашзавода.

Уже значительно позже я узнал, что за работу в годы войны отец был награжден знаком «Отличник социалистического соревнования Наркомата танковой промышленности СССР», медалями «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Во время войны отец познакомился с приехавшим в Свердловск в эвакуацию из Ленинграда Леонидом Николаевичем Муромским, который на долгие годы (до его смерти в 1996 г.) стал для него одним из самых близких людей. После войны Леонид Николаевич вернулся в Ленинград. Они регулярно переписывались и изредка встречались.

После войны, году в 1946-м, мы получили отдельную двухкомнатную квартиру в стоквартирном доме на ул. Сталина, 3 (самом большом в то время на Уралмаше). В доме на кухне была печь. Дрова для нее мы хранили в сарайчике, находившемся в подвале нашего дома. Отец брал меня с собой, и я помогла ему пилить дрова. Обычно еду готовили на керосинке. Позже, будучи уже школьником, я ходил зимой с большим бидоном, установленным на санях, в керосиновую лавку. Надо было выстоять большую очередь на улице, после чего уже можно было попасть внутрь лавки, где и продавали керосин.

Еще я сопровождал отца, когда он ездил на велосипеде окучивать картошку. Участков, где мы садили картошку, было несколько. Один за танковой дорогой, на которой во время войны проходили испытания танки. Другой участок находился ближе к озеру Чувакиш. За огородом начиналась изгородь из колючей проволоки, преграждавшая доступ к скважинам питьевого водозабора. Был еще заболоченный участок в районе нынешней улицы Победы, на котором мы выращивали капусту.

Весной на кухне мы сооружали полати для яровизации картошки. Урожай по нынешним меркам был огромный. Так что шутка клоуна Карандаша, который уселся на арене цирка на мешок с картошкой и на вопрос, зачем он это делает, сказал, что вся страна сидит на картошке, была вполне справедливой. За это его, как говорят, и посадили.

Отец старался, чтобы я не рос бездельником, и составил для меня художественно оформленное расписание занятий на каждый день недели: рисует, лепит, столярничает, слесарит... С инструментами была проблема, но кое-какие инструменты, привезенные еще из Томска, в доме были.

Очень яркие воспоминания связаны с подготовкой к новогоднему празднику. Из подручных материалов отец сотворил фигурку Чарли Чаплина в цилиндре и с тросточкой. Я под руководством бабушки тоже делал различные елочные игрушки. Моей гордостью был собственноручно сооруженный эпидаскоп для показа диафильмов. Один из диафильмов, посвященный басне И.А. Крылова «Лиса и журавель», отец нарисовал сам.

Когда мне исполнилось семь лет, родители купили пианино, и я начал обучаться музыка. Как я сейчас понимаю, в доме многого не хватало, и этот выбор говорил о желании отца приобщить меня к прекрасному миру музыки.

В основном я запомнил отца, поглощенного работой. С 1953 г., после защиты кандидатской диссертации, когда я начал преподавать в УПИ³, очень много времени уходило у него на подготовку к лекциям. Накопленный к тому времени большой практический опыт должен был превратиться в лекционные курсы и методические пособия.

Любимыми видами отдыха отца были лыжные и пешие прогулки.

---

³ Уральский политехнический институт.

Запись из дневника от 12 декабря 1938 г.

«День с морозцем за двадцать и с сильным ветром. Прошелся на лыжах, почти не чувствуя холода. Потом читал «Испанский дневник» Кольцова, в котором прекрасно сочетались хроника драматических событий 1936 г., яркая публицистика, острота политических характеристик и оценок и вместе с тем любовное проникновение в душу испанского народа». Помню, как зимним утром к нам заходил Александр Васильевич Копысов, и они шли кататься на лыжах. Летом совершали с ним дальние прогулки на велосипедах.

Уже в пожилом возрасте, примерно до середины 90-х годов отец ходил пешком в Шарташский лесопарк. Иногда с внуками Олей и Димой.

Запомнились наши с отцом воскресные походы по книжным магазинам. По-моему, мы никогда не возвращались из этих походов с пустыми руками, и наша домашняя библиотека продолжала расти.

Отец очень любил искусство: симфоническую музыку, театр, литературу, живопись.

Ему нравились строки В.В. Маяковского из поэмы «Во весь голос»:

*Мне и рубля не накопили строчки,
Краснодеревщики не слали мебель на дом,
И кроме свежeweымытой сорочки,
Скажу по совести, мне ничего не надо!*

Бывая в командировках в Москве, он стремился вечером попасть в театр. Одно из стихотворений отца посвящено МХАТу:

*Я в здание старого МХАТа
Входил, как молящийся в храм.*

Многие десятки программ спектаклей, на которых он бывал, хранились в нашем семейном архиве. Не упускал возможности посетить картинную галерею, сходить на концерт.

Мы всегда выписывали много газет и журналов, полнота информации в которых, как я сейчас понимаю, не удовлетворяла отца. В анекдоте, появившемся, конечно, позже, Наполеон говорит: «Если бы у меня была такая газета, как «Правда», то никто бы не узнал о моем поражении под Ватерлоо»!

Какое-то время после войны к нам приходила газета «Бригантинский союзник». В доме был радиоприемник. Поздно вечером

*Супруги
Н.А. и Б.Б. Зобнины,
апрель 2005 г.*

отец его включал. Сквозь шум и треск слышалось: «Говорит Лондон». («Есть обычай на Руси ночью слушать Би-би-си».) Еще отец выписывал журнал «В защиту мира», редактором которого был Пьер Кюри.

Пережив в детстве трагедию революции и Гражданской войны, террор тридцатых годов, он всю жизнь пытался осмыслить движущие силы этой трагедии и роль личности в истории. Понять, существуют ли объективные законы в социально-экономических системах.

В поэме «Иосиф Джугашвили», написанной им в августе 1987 — сентябре 1989 гг., он писал о тезисе, выдвинутом в 30-е годы, об обострении борьбы с врагами революции по мере приближения к победе социализма:

*Чем плод победы зрелей,
Тем яростнее враг
(И больше нужд в расстреле,
И надобней ГУЛАГ).
Возник режим жестокий,
Людей губивший зря,
Но где его исток?
Не в днях ли Октября?*

Поэма заканчивается на горькой ноте:

*Что мы за демократы?
Воспитаны дубьем,
Ленивы, вороваты
И инородцев бьем!*

Отец был человеком, который чувствовал ответственность за все, что происходило в стране и в мире; был готов прийти на помощь даже малознакомым людям.

Он был внутренне свободным человеком. После того как я закончил школу и мы обсуждали выбор будущей профессии, отец говорил, что в отличие от общественных наук, где человек не может говорить о том, о чем в действительности думает, в технических науках нет таких идеологических шор, и советовал мне идти в политехнический институт.

Говорят, что человек жив, пока о нем помнят. Встречаясь с учениками отца и его коллегами, я чувствую их уважение к отцу, которое они пронесли через долгие годы. Последним по времени знаком такого уважения была медаль им. В.Е. Грум-Гржимайло, которой академия инженерных наук посмертно наградила отца в 2004 году.

Б.Б. Зобнин⁴

---

⁴ Автор воспоминаний Борис Борисович Зобнин род. 25.08.1941 г. в Свердловске. Окончил Уральский политехнический институт (1963), инженер-электрик. Доктор технических наук, профессор, изобретатель СССР. В 1963–1966 гг. — инженер на Уралмашзаводе, в 1966–1969 гг. — в Институте горного дела Уральского научного центра АН СССР, с 1969 г. — в Свердловском горном институте. Имеет 20 авторских свидетельств на изобретения. Автор печатных работ, в том числе одной монографии (Инженеры Урала: Энциклопедия. — Екатеринбург, 2001. — С. 210).

Филипп Козьмич Зобнин

1. Родился в 1868 г. в октябре м-це 5-го дня (ст.ст.). Происходит из крестьян Тобольской губернии Тюменского округа Усть-Ницинской волости и села.

2. Окончил Омскую учительскую семинарию в июне 1888 г.

3. 14 июля 1888 г. назначен учителем в Сургутское городское училище.

4. С 12 июля 1891 г. переведен в Курганское училище учителем старшего отделения (пробыл до 1895 г.).

5. С 16 января 1895 г. по 13 октября 1918 г. служил по Управлению акцизными сборами, до августа 1900 г. — в Западной Сибири и с 1 августа 1900 г. по октябрь 1919 г. — в Томской губернии и Семипалатинской области, проходя должности надсмотрщика, младшего и старшего контролера, делопроизводителя, младшего и старшего помощника надзирателя и бухгалтера Томско-Семипалатинского губернского акцизного управления.

6. С 6 ноября 1919 г. по 1 июля 1920 г. служил в Институте исследования Сибири в г. Томске в должности младшего помощника заведующего библиографическим бюро.

7. С 12 декабря 1920 г. занимал должность конторщика отдела счетоводства службы эксплуатации Томской ж.д. Был в этой должности до 1 февраля 1922 г.

8. С 24 апреля 1922 г. по 1 октября 1925 г. состоял на службе в Томгубстатбюро и с 1 октября по 1 декабря 1925 г. — в Томокстатбюро. Занимал должность статистика 1-го разряда и статистика-инструктора секции земельной статистики и исполнял поручения, связанные с поездкой по районам.

9. С 1 сентября 1922 г. по 1 сентября 1923 г. учительствовал в школах г. Томска.

10. С 15 января 1926 г. по 22 сентября 1927 г. состоял на службе в Томском ОкрФО в должности бухгалтера налогового подотдела.

11. С конца 1927 г. до момента смерти был пенсионером.
12. Скончался 8 ноября 1930 года.

Научная и общественная деятельность

1. С 1888 г. работал по заданиям РГО, собирая в Западной Сибири (Тоб. и Том. губерниях) материалы краеведческого характера (историко-этнографические) и помещая их в журнале о-ва «Живая старина» и в местной периодической печати. Был одним из основателей Семипалатинск. п/отд. РГО.

2. 15 декабря 1897 г. избран в число членов-сотрудников РГО.

3. 8 ноября 1900 г. избран действительным членом РГО.

4. Награжден от РГО двумя серебряными медалями «За полезные труды».

5. Помещал статьи в журналах и газетах: «Родник», «Живая старина», «Сибирский листок» (Тобольск), «Тобольские губ. ведомости», «Сибирская газета» (Томск), «Восточное обозрение» (Иркутск), «Степной листок», «Степной край» (Омск), «Памятная книжка Семипалатинской области», «Записки Семипалатинского подотдела РГО», «Алтайская жизнь», «Голос Алтая» (Барнаул), «Сибирский вестник», «Сибирские отголоски», «Сибирский наблюдатель», «Сибирская жизнь» (Томск), «Народная летопись», «Обская жизнь» (Ново-Николаевск), «Сибирские записки» (Петербург).

Сотрудничал в газетах исключительно прогрессивного направления, где помещал материалы, освещающие крестьянскую жизнь, явления природы и быта, почерпавшиеся автором из соприкосновения с народной жизнью Сибири.

6. В конце 1925-го и начале 1926 г. состоял сотрудником газеты «Сов. Сибирь».

7. С 1926 г. состоял на учете Томской секции научных работников как научный работник.

8. Зарегистрирован редакцией «Советской Сибирской энциклопедии» в качестве сибирского деятеля, достойного быть отмеченным в названной энциклопедии.

Б.Ф. Зобнин

Берегите семейные архивы

К публикации, надеюсь, небезыntenесных для читателя «Воспоминаний об отце» Бориса Борисовича Зобнина и приложения к ним привело обыкновенное любопытство.

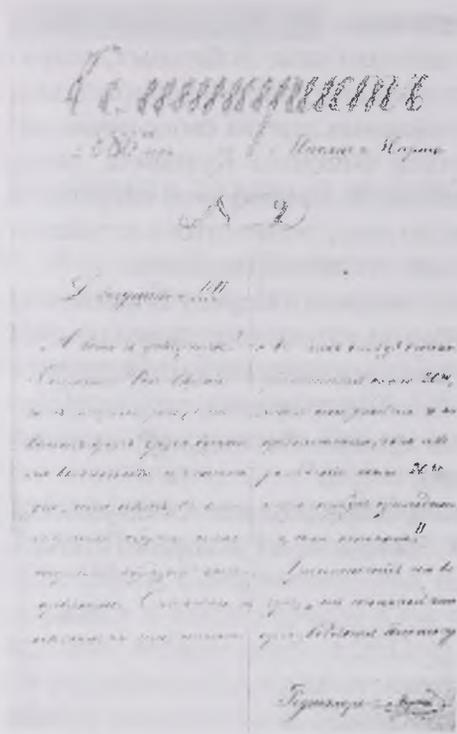
Вот как это было. В 1990-е годы, годы возрождения интереса к местной (локальной) истории, не могло не всплыть из омута забвения, наряду со многими другими, и имя уроженца Тюменского округа Усть-Ницинской слободы Филиппа Кузьмича Зобнина. В журнале «Лукич» были вновь напечатаны его полузабытые этнографические труды¹, напомнившие тюменцам о деревенском быте дедов и прадедов — той почве, духовный состав которой они при желании могут ощутить и в себе.

Немного позднее открылось, что свой путь педагога Зобнин начинал в Сургуте, три года преподавал в мужском приходском училище. Затем прибавилось еще знание о том, что он был одним из близких сотрудников тобольского «Сибирского листка», из педагога со временем переквалифицировался в акцизного чиновника, служил в нескольких западносибирских городах и закончил свой путь в Томске. Ясного видения личности при таком скупом наборе сведений, конечно, не было, и редактор-издатель «Лукича» Юрий Мандрика, публикуя исследование «Из года в год», сделал такую сноску: «Помещая статью под рубрикой “Текст-раритет”, редакция надеется найти краеведа, который бы смог рассказать биографию Ф. Зобнина».

Никто на его просьбу не ответил.

И вот совсем недавно, весной этого года, на глаза попалась энциклопедия «Инженеры Урала». По укоренившейся привычке заглядывать во все издания, содержащие биографическую информацию, в особенности новые, стал перелистывать. На странице 210-й внимание остановила фамилия «Зобнин» и следом — отчество «Филиппович» и указание на учебу в Томском техно-

¹ См.: Лукич. 1999. — № 4. — С. 86–124; 2000. — № 3. — С. 59–85.

Рукописный журнал,
издававшийся в Омской
учительской семинарии
Ф. Зобниным

логическом институте. Да неужели это потомки Филиппа Кузьмича?

О представленном в энциклопедии Б.Б. Зобнине (внуке?) сказано, что он профессор горного института в Екатеринбурге. Этот факт сразу актуализировал старую истину: мир тесен. В этом же вузе есть другой профессор — Ю.И. Туринцев, в давно минувшие годы мой земляк-сургутянин. Послал ему письмо с просьбой проверить предпо-

ложение. И совсем скоро получил ответ от самого Б.Б. Зобнина, подтверждающий догадку.

Далее все потекло удивительно складно: позвонил Борису Борисовичу, узнал, что сохранился архив его деда и мне разрешают с ним ознакомиться, попросил командировку, приехал, пережил волнующие часы погружения в историю замечательной семьи — скопировал несколько документов и фотографий. За один вечер был с лихвой, просто сказочно награжден за несколько лет поиска. Просмотрев сбереженные вырезки из газет с публикациями Ф.К. Зобнина, впервые понял, что тяготение к публицистике было сильной чертой его натуры. Попутно отгадалась и давно занимавшая загадка псевдонима «К. Минович». Оказалось, это самый ранний из многих литературных псевдонимов Зобнина, так он подписывался в рукописном журнале «Семинарист», который редактировал в годы учебы в Омской учительской семинарии.

Целый каскад фактов свалился на мою счастливую голову в тот вечер: Филипп Кузьмич был дружен со знаменитым сибир-

ским ученым и общественным деятелем Г.Н. Потаниным, некоторое время последний жил в томском доме Зобниных, сохранилась его фотография; самостоятельно овладев французским языком, он печатал в дореволюционных газетах свои переводы; дошла до наших дней библиотека Филиппа Кузьмича, часть книг собственноручно переплетена их владельцем; сберегли в семье и картину, принадлежавшую деду, знаменитого алтайского художника-самородка Гуркина, ученика Шишкина...

«Подорожник» приносит благодарность Борису Борисовичу и Нине Александровне Зобниным за то, что они своим примером бережного отношения к духовному наследству старших поколений возвышают значение семейного архива, сильно упавшее за двадцатое столетие, когда многие частные собрания документов оказались утраченными.

В следующем выпуске альманаха предполагается опубликовать воспоминания Ф.К. и Б.Ф. Зобниных о Григории Николаевиче Потанине.

В.Б.

В поисках золота и кварца

В начале 30-х годов началось систематическое геологическое изучение Остяко-Вогульского (ныне Ханты-Мансийского) округа, а точнее сказать, его западной части, которая в литературе именуется то Ляпинским, то Северо-Сосьвинским краем.

При «нарезке» округов в 1930 году территория Остяко-Вогульского округа вошла в состав Уральской области, поэтому неудивительно, что в первые годы, а именно с 1932 по 1936, работы велись на средства Уральского геологического треста. Это видно из отчета, который составил начальник экспедиции Н.А. Сирин. Сегодня этот отчет под инвентарным номером 18941 хранится в Росгеолфонде России. Н.А. Сирин пишет, что «в течение четырех лет — с 1932 по 1936 год — автор вел геолого-петрографическое изучение северо-сосьвинского края. Геологической съемкой была охвачена площадь в ... пределах верхней части бассейна реки Северная Сосьва».

Как была организована работа? Из отчета видно, что «в конце мая экспедиция выехала из Свердловска в Тюмень, там пересаживались на пароход до Тобольска. Другая пересадка на пароход до Березова (райцентр). От Березова путь к месту работ по Северной Сосьве на небольшом катере, который обычно с трудом довозит до поселка Няксимволь — базы экспедиции».

Здесь находился склад со снаряжением, и здесь же нанимали рабочих, лошадей, готовили лодки, запасались продовольствием для полевых работ. По словам Н.А. Сирина, «за период этих работ были созданы кадры рабочих, которые каждый год принимали участие в работе экспедиции, большинство которых работало и позже (1936–1937 г.) в составе Полярноуральской экспедиции Всесоюзного Арктического института. В период полевых работ экспедиция пользовалась конным и лодочным транспортом. Лошадей использовали для перевозки выюков в горной части... Лодки приходилось делать маленькие (20–25 пудов гру-

зоподъемность), мелкосидящие благодаря мелководности и исключительной быстроте течения... Лодочники должны были быть высокой квалификации, в противном случае аварии неминуемы. В практике за четыре года таких случаев было немало, некоторые сопровождались потоплениями снаряжения и продовольствия», — писал в отчете Н.А. Сирин.

В 1933 году в Березовском районе работали две экспедиции. Одна из них называлась Северо-Вогульская, ее организовали в тресте «Уралзолото» в ответ на обращение председателя Остяко-Вогульского окрисполкома Якова Матвеевича Рознина и секретаря окружкома партии Артура Яновича Сирсона. Трест отправил экспедицию в округ «для производства рекогносцировочных и поисково-разведочных работ на золото». Руководил ею Б.П. Кулеш.

Вторая экспедиция под руководством Н.А. Сирина получила название Северо-Сосьвинской. Она использовала маршрут из Свердловска в Няксимволь через Тюмень—Тобольск—Березово, но существовал еще один — через Уральские горы в Ивдель, далее в Свердловск. Зимой для перехода через горы использовали оленей, летом — лошадей.

Осенью 1933 года начальник экспедиции Сирин выехал из Няксимволя в Ивдель через Уральские горы, а его заместитель Г.В. Шмакова отправилась в обратный путь по реке. Она должна была сделать остановку в окружном центре и доложить о предварительных итогах работы. Десять дней добиралась геолог Шмакова из Няксимволя в Березово. Уже наступил октябрь, заканчивалась навигация, и нужно было торопиться, поэтому вместо Остяко-Вогульска она выступила с отчетом на заседании президиума Березовского райисполкома, а в окружной центр Г.В. Шмакова отправила тезисы своего выступления.

В этот сезон Северо-Сосьвинской экспедиции удалось охватить топографической съемкой площадь 2000 кв. км, геологической съемкой — 1000 кв. км. Это был район реки Северной Сосвы с ее притоками. Также производились шурфовочные работы по поиску россыпного золота, угля, была собрана коллекция образцов пород.

Обе экспедиции — Северо-Вогульская и Северо-Сосьвинская — в 1933 году использовали в качестве рабочих две бригады,

сформированные в окружном центре по заданию председателя окрисполкома Я.М. Рознина. Их формировали как старательские артели по поиску золота. Бригаду Михаила Бахтиярова включили в состав Северо-Вогульской экспедиции треста «Уралзолото». Она работала с 12 июля по 15 сентября 1933 года, полевой сезон пришлось завершить досрочно, так как рано выпал снег.

Так получилось, что в состав экспедиции Н.А. Сирина была включена бригада Федора Дмитриева, как он сам ее называл — «артель старателей-любителей по изысканию полезных ископаемых в Остяко-Вогульском округе».

В фонде №1 Государственного архива автономного округа хранятся письма, адресованные Я.М. Рознину М. Бахтияровым и Ф. Дмитриевым, в которых они делятся своими впечатлениями о прошедшем полевом сезоне. Строки писем, подчас проникнутые настоящим трагизмом, повествуют о наших земляках, настоящих подвижниках, людях, бескорыстно служивших своей родине. Вчитаемся в эти строки.

Из письма М. Бахтиярова:

Уважаемый тов. Рознин!

Случайно узнал, что Вы возвратились в Остяко-Вогульск, не вполне поправивши свое здоровье... Я лично со своими ребятами предполагал, что Вы не возвратитесь, т.е. не пожелаете продолжить свою работу здесь на Севере, а остановитесь где-либо в центральной полосе, промышленных центрах. Извините, я Вас затрудняю своими письмами, возможно, раздражаю, что беспокою Вас не вполне оправившегося от болезни. Но я не могу утерпеть, не могу скрыть того, что видел, что испытал на дальнем Севере.

Здесь, приехавши, я не встретил ничего. Отношения сухие. Передал экспонаты кварца и только. И этим самым считал и считаю, что моя миссия закончена... В отсутствие Вас я уже обращался за помощью продвинуть вопрос дальше к редактору нашей газеты «Ханты-Манчи шоп». С приездом Вашим по выздоровлению, думаю, что приступлю к работе. Вы вспомните о нас, т.е. я этим хочу сказать... в развитии промышленности отделе и нам небольшой участок в этой работе. Ребята мои, хотя они не здесь, но они ждут от меня, как будет дальше. Они надеются, что Вы, тов. Рознин, не будете от них в стороне как

рабочих... я в отсутствии Вас затруднялся и затрудняюсь что-либо написать определенно. С приездом Вашим, возможно, вопрос разрешится.

Для нас непонятно осталось такое явление, что заслушан был доклад начальника нашей разведочной геологической партии тов. Кулеша, а работавших вместе рабочих никто не был заинтересован заслушать. Возможно, небольшую толику могли бы внести мы в виде предложений...

Уверен в надежде, что вы нашу группу рабочих не оставите без внимания и ...сообщите мне в Самарово в контору связи, где я в данное время служу.

Попутно скажу, что, познакомившись с инженером Лапкиным, бывшим в экспедиции профессора тов. Алешкова, я завязал дружескую связь. Послал письмо ему в Ленинград... Жду ответа.

Завязать письменную связь со своим начальником инженером-геологом пока не могу, потому что должен 20 рублей, какие вперед должен выслать и только тогда могу связаться. Небольшая сумма, а ее нет, является тормозом в ценной работе.

Надеюсь, что ответите мне что-либо коротенько, чтобы как лично я, а также мои ребята смогли бы успокоиться. Простите еще раз за то, что затрудняю вас, навязчив, нескромен, все же уверен, что Вы не оставите без внимания.

*С товарищеским приветом бывший бригадир Бахтияров
Михаил.*

20/X11-33 г.

* * *

*Остяко-Возульский окрисполком, тов. Рознину
от бригадира артели старателей Ф. Дмитриева*

Докладное письмо

В Березово приехали 22/6-33 г. 26 получил наряд райснаба и райинтеграла на снабжение с нашими семьями в Няксимволе в верховьях Сосьвы, № документа 200/б на четыре месяца, а дальше велено телеграфировать о результатах, вышлют второй наряд снабжения. 6 июля приехали в Сартыню, дальше с семьями ехать по Сосьве нельзя, вода совсем обмелела, пришлось семьи оставлять в Сартынь. Тут же приехала партия Северо-Сосьвинской горной экспедиции под руководством инженера Сирина,

который нас взял из Сартыньи рабочими и выдал нашим семьям документ на снабжение. Мы вынуждены были поступить в экспедицию и поэтому, чтобы ознакомиться с местностью и техническими знаниями и для пополнения наших скудных ресурсов.

15 июля приехали в Няксимволь, откуда 17-го я написал вам доклад, получили ли вы его? По окончании работ экспедиции мы должны были начать старательскую работу по договоренности с Сириным, после работ он должен нам указать те места, в которых более надежна старательская работа. Что им и было сделано, показал нам две речки, в которых золото есть, но сколько его, на какую глубину и какой толщины пласт песков, не известно. На будущую весну в обязательном порядке нужно провести тщательную разведку, если это будет проделано, говорит, вами, то будет плюсом для правительства, тогда лишние средства на разведку 2 речек не затратятся... Но говорил, что вряд ли пойдет к вам навстречу местное начальство, даст ли снабжение. Я говорю, что у меня есть наряд на 4 месяца, но Сирин все же посылал в Ивдель, в «Союззолото» зарегистрировать выданный Вами нам документ, тогда получите, говорит, полное снабжение горняков. Но это нужно сделать только санным путем, и эти 4 месяца наряда мы намерены бы использовать на старательской работе и приехать в Ивдель уже с разведочным результатом.

Сам Сирин до конца работ не дожил, уехал 20 сентября в Ивдель и оттуда в Свердловск, что очень жаль, что не дожил до окончания работ. 16-го октября мы выехали из тайги в Няксимволь по окончании работ экспедиции... Я пошел в местный интеграл за получением продуктов для поездки. Интеграл нам категорически отказал на основании приказа № 33, согласно которому все старые наряды отменяются. Вот тут-то и сбылись слова Сирина... 20-го нас уговорил начальник нашего Лопсинского отряда т. Логачев поехать туда, где им 14 октября обнаружен уголь и где нужно пробить один или два шурфа, на что мы согласились. Я составил 2 телеграммы: одну Вам и одну в РИК.

Пока ходят телеграммы, мы поработаем с Логачевым. 20-го в 10 часов вечера я получил телеграмму из Сартыньи, вот ее точная копия:

«Если можно, передайте Дмитриеву результат срочно. Паяк здесь совсем не дают, лежим почти при смерти. Кукарский нам

дал бумажку на снабжение, постарайтесь увидеть Кукарского и ему сказать. Если можно, то передай Дмитриеву: немедленно пусть захватывает живых. Дмитриева».

Кукарский — это заместитель Сирина, который ездил в Березово и ему Сирин наказал устроить наши семьи в Сартынье. Телеграмма была писана на Екатерину Баннову, которая находится в Няксимволе, про нас думали, что все мы в тайге. Кукарский в Няксимволь еще не вернулся, и неизвестно, когда приедет, его ждать нам не было возможности ввиду надвигавшегося рекостава. От Няксимволя до Сартыньи более 500 км, нужно было торопиться. 21-го мы выехали на лодке, двое суток проплыли и застыли между Тапсуй и Ханглас, где пришлось нам 4 суток проламывать лед и добираться до Ханглас. В Хангласах бросили свой багаж и лодку, пошли пешком по болотам...

Болота были непромерзшие, и мы тонули на каждом шагу до пахов, все простыли. В Сартынью пришли уже 6 ноября. Оказалось: за первую половину нас снабдили, а за вторую отказали, и до прихода нашего семьи не получили ни одного грамма. Пришлось питаться где нищенски, где за работу, мену кой-чего. Стали брать грибы, за них давали пряники, а муки ни грамма. Стали брать бруснику, за нее совсем ничего не дали. И вот подумайте, как они прожили 4 месяца, какими я их застал. Благодаря таким местным работникам получился срыв шурфовки на угле Логачева и наша старательская работа.

За это время столько пришлось перенести, что за несколько лет вперед пришлось состариться. Я чуть с ума не сошел. Когда я обратился в Интеграл к зав. Буракову, так он и говорить не хочет, то же самое и туз. совет. Документов окрисполкома, района, экспедиции и признавать не хотят.

В день Октябрьских торжеств пришлось сидеть голодными, хорошо, что у меня был привезен из Самарова литр вина, пол-литра я выпил на работе в экспедиции, как лекарство, каплями. С пол-литра принес обратно в Сартынью и с великим трудом на него нашел килограммов 8 муки, и то через людей. В то же время зав. Интеграла Бураков уговорил туземца-пушняка получить под пушнину литр спирта и чтобы половину тот принес ему, за который, наверно, дал кое-какой дефицитный товар. Туземец зря тоже не даст, он сам выпить умеет... У них есть

установка на 100 р. сданной пушнины продать 1 литр спирта, но у туземца сдано было к 8-му октября на 40 р. Раньше авансом ему было дано пол-литра, и еще дал к празднику справку на получение литра. В праздник не один был Бураков пьян, а все служащие, находящиеся в Сартынье, исключая одну избачиху Албычеву. Все устраивали семейные вечера и пьянку, а мы...

Первое дело пришлось искать работу, и с великим трудом добились в том же Интеграле по договору щепную работу. И только 11-го получили авансом муки по 20 кг на семью. И что получается на такую голодовку? Однако муки больше нет, есть нечего. Мне по целевому снабжению изделий нужно выработать на 200 р. в месяц, только тогда кое-как прокормлю свою семью, но в... короткие дни и холода с великим трудом можно заработать 80–100 р.

И вот наступила чистка партии, уверен, что я с первого вопроса буду исключен, потому что у меня в голове вся политика — хлеб и хлеб. Отдаюсь весь на благо сов. власти, если не знаньем, так сердцем. Облигации второй пятилетки выкупил на 100 р., еще лотерейных билетов на 12 р. И сюда ехал с надеждой найти, достать и дать сов. власти чистым золотом всё. Почти полностью две семьи на своем иждивении, ребята труженики и всякие трудности переносят безропотно. Они преданы пролетарскому государству, за некоторыми и сейчас имеются задолженности, когда они мне их возвратят, неизвестно. Через это сам терплю большую нужду, но с них не прошу. Прошу Вас, тов. Рознин, сделать вывод. Я Вам вылил всю душу и надеюсь, не оставите без наказания меня за то, что не сумел иначе повернуть дело, или того, по чьей вине все это получилось.

Также прошу вас вывести из тупика, дать установку дальнейших действий. Но беда в том, что за время нашего мытарства мы стали бессильны в финансовом положении, и очень жаль того, что очень много сделали затрат по нашему рабочему карману, и на сооружения, которые пропадают без дела, и в передвижениях с семьями.

Богатства на Северном Урале есть, уголь, золото, известняков скалы, горный хрусталь, изумруд и многое другое. Думаю, чем скорее то или другое вырабатывать, тем легче будет пролетарскому государству. С нами согласен был поехать местный

няксимвольский житель, некто Пьянников, который уже 3 года, вернее, три сезона, работал у Сирина исключительно на пробах золота и очень хорошо знает те места. Но без вмешательства соввласти у тузсовета его не вырвешь.

Прошу Вас также, тов. Рознин, уведомить Свердловскую контору УГР, чтобы больше таких прорабов, как Стуков Вадим Иванович, не посылали. Он едет сюда только лишь за тем, чтобы съесть рабочий паек да попить из рабочих крови. Ни одного взгляда, ни одного слова рабочий не слышал от него ласкового, все время ходит тучей грозной. От нечего делать пожирает паек рабочего... Нам няксимвольцы сказали, что Вам со Стуковым не вытерпеть, сбегайте, это, говорят, такая сволочь, что и пайки съест, и обсчитает...

Говорят, без скандала ни один год с ним не обходится. И правда, я раз ему прямо сказал: от такого прораба, наверно, не одна сотня рабочих плачет, на что, кроме матерка, он ничего не мог ответить.

*Бывший бригадир Дмитриев.
Ноябрь 1933 года*

* * *

Так начинался геологический поиск в Западной Сибири в 30-х годах.

Валентина Патранова

«Цеппелин» над Югрой

Особенности деятельности органов государственной безопасности в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны

22 июня 1941 года в Ханты-Мансийском национальном округе, который до 14 августа 1944 года входил в состав Омской области, о нападении Германии на Советский Союз услышали по радио в 14 часов по местному времени. Тогда же был объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных, родившихся с 1905 по 1918 год включительно». Окружная газета «Сталинская трибуна» опубликовала этот указ на следующий день.

Шифротелеграмма начальника УНКВД Омской области майора госбезопасности Захарова о проведении оперативно-мобилизационных мероприятий поступила в окружной отдел УНКВД в ночь с 22 на 23 июня¹.

«Каждый чекист, — говорилось в этой телеграмме, — должен мобилизовать все силы, все умение на решительную борьбу с происками враждебных элементов с тем, чтобы обеспечить нормальную работу организаций, предприятий и учреждений округа».

¹ Захаров Михаил Егорович род. в 1908 г. в Москве, член ВКП(б) с 1928 г., партийный работник, в 1938–1939 гг. — слушатель Центральной школы НКВД, в 1939–1946 гг. — начальник УНКВД Омской области, с 1946 по 1952 г. — начальник управления борьбы с бандитизмом МВД Литовской ССР, начальник УМГБ Вильнюсской и Курской областей. Умер 19 октября 1952 г. Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета», Отечественной войны.

Ханты-Мансийской окружной отдел НКВД с 10.08.1939 г. по 1.09.1942 г. возглавлял старший лейтенант госбезопасности Михаил Павлович Феллов, род. в 1905 г. в с. Петрово Туринского района Свердловской области, затем начальник Тюменского горотдела НКВД, начальник 2-го отдела УНКГБ Тюменской области, начальник Ямало-Ненецкого окротдела НКГБ, с 10.12.1945 г. откомандирован в НКГБ Киргизской ССР.

Мобилизационные ресурсы Югры были относительно мизерны: здесь в 1939 году проживало 93274 человека. Треть населения — высланные в Среднее Приобье крестьяне — считалась «политически неблагонадежными». В Красную армию их не призывали, на учет в военкоматы не ставили².

Мобилизуя усилия советского народа на разгром врага, сталинское руководство одновременно продолжало преследовать сотни тысяч людей за политическое прошлое, по социальному и национальному признакам, а также за «пораженческие настроения». Репрессии в годы Великой Отечественной войны не прекращались. Судя по тональности директив НКВД НКГБ СССР, документов партийных и советских органов, политический режим во время войны чувствовал себя в условиях постоянного внутреннего враждебного окружения.

Война оказала влияние на увеличение числа заключенных в тюрьмах, лагерях, колониях и спецпоселениях НКВД (Ирбитская, Камышловская, Тобольская тюрьмы, Севураллаг, Ивдельлаг, Востокураллаг, Тагиллаг, Тавдалаг, Богословлаг, Усолялаг, Сиблаг, Краслаг, Печоржелдорлаг, Инталаг, Воркуталаг и другие).

В феврале 1943 года в г. Асбесте появился первый лагерь № 84 для военнопленных немцев. В мае того же года первых военнопленных, в основном румын, венгров, итальянцев, принял лагерь № 93 в г. Тюмени. В дальнейшем только на территории Среднего Урала разместили свыше 80 тысяч военнопленных.

² Постановлением ГКО СССР от 11.04.1945 № 1575 предписывалось НКВД «призвать в армию 500 тысяч человек, годных к строевой службе из трудпоселенцев». 12 июля 1942 г. Омский обком ВКП(б) принял постановление № 223 «О формировании Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков». При этом «секретари окружкомов, горкомов, райкомов ВКП(б) и председатели исполкомов окргоррайсоветов должны были организовать проведение широкой массово-политической разъяснительной работы среди военнообязанных, состоящих как на общем, так и на специальном учете (в спецкомендатурах НКВД), о подаче ими заявлений для зачисления добровольцами в Красную армию». 12 июля 1200 спецпоселенцев после явки в спецкомендатуры НКВД были направлены в Ханты-Мансийский окружной военкомат и пароходом вывезены в Омск. По статотчетности этого военкомата, созданного 30 августа 1938 г., до 12 июля 1942 г. с территории округа в Красную армию было призвано 320 человек, а до конца 1945 года по «спецмобилизациям» отправлено 17000 человек. Из них погибли 9286 человек.

Через Урало-Сибирское спецпоселение в течение 1930–1945 годов прошло более полутора миллиона человек. К «кулакам» с 1940 года добавилось свыше 700 тысяч человек польских «осадников», спецпоселенцев из Прибалтики и Молдавии, немцев, финнов, калмыков, оуновцев, членов сект «Истинно-православных христиан» и «Свидетелей Иеговы».

На эту «контрреволюционную базу» рассчитывало руководство гитлеровских спецслужб после разгрома вермахта под Москвой и Сталинградом и окончательного провала «блиц-крига». Больше внимания противник стал уделять разведке глубокого советского тыла, в том числе Среднего Приобья и Приполярного Урала путем опросов военнопленных, проживавших до мобилизации в этих местах³.

В марте 1942 года в составе Главного имперского управления госбезопасности Третьего Рейха был организован специальный разведывательно-диверсионный орган «Цеппелин». В своей работе он руководствовался так называемым «планом действий для политического разложения Советского Союза». Тактические задачи «Цеппелина» таковы:

«...Должны быть образованы специальные группы действия, а именно:

1) разведывательные группы — для сбора и передачи политических сведений из Советского Союза;

2) пропагандистские группы — для распространения национальной, социальной и религиозной пропаганды;

3) повстанческие группы — для организации и проведения восстаний;

4) диверсионные группы — для проведения политических диверсий и террора...».

В плане подчеркивалось, что на «Цеппелин» возлагается ведение политической разведки и диверсионной деятельности в глубоком советском тылу. Особое внимание при этом уделялось регионам, в которых располагались исправительно-трудовые лагеря и спецпоселения НКВД, в том числе Среднего Приобья и Приполярного Урала.

---

³ В немецком, финском и румынском плену оказалось 5754000 советских военнослужащих, в том числе не менее 350 жителей Ханты-Мансийского автономного округа.

В эти места «Цеппелин» решил забросить специальные вооруженные группы. План высадки воздушного десанта из советских военнопленных предложил противнику находившийся в немецком плену генерал-майор Бессонов⁴.

В начале войны, будучи командиром 102-й стрелковой дивизии 21-й армии, Бессонов сдался в плен охране немецкого медсанбата в селе Раги Старосельского района Гомельской области. На первом же допросе он предложил свои услуги по борьбе с советским режимом.

Знавший места расположения лагерей ГУЛАГа и спецпоселений НКВД, Бессонов хотел захватить лагерь и спецпоселки НКВД и, вооружив заключенных и спецпоселенцев, развить повстанческую деятельность в южном направлении по Оби, Иртышу, Тоболу, Туре.

О том, насколько далеко заходил в свих планах генерал-предатель, свидетельствуют материалы его послевоенных допросов в советской контрразведке.

Вопрос: «Как протекала ваша деятельность в германском разведоргане «Цеппелин»?

Ответ: «...Выполняя задание немцев, я разработал предварительный план повстанческой деятельности в тылу Советского Союза, по которому предполагалось создание из числа военнопленных, бывших военнослужащих Красной армии, несколько десантных групп для выброски их с самолетов на парашютах в северные районы СССР. Предполагалось высадить воздушный десант численностью в 50000 человек. В соответствии с этим моим штабом был тщательно разработан план десантирования и боевых действий, составлены всякие схемы, на карты нанесены маршруты, основные направления ударов».

⁴ Бессонов Иван Георгиевич, род в 1904 г. в Перми, окончил в 1916 г. реальное училище, работал на лесопилке, с 1920 г. в Красной армии: делопроизводитель 133-го батальона связи и артдивизиона 57-й стрелковой дивизии. Окончил в г. Твери кавалерийскую школу. С 1930 г. — в войсках ОГПУ: помощник начальника штаба 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ, участник захвата китайского городка Кульджи и уничтожения там сибирских казаков, отступивших туда с атаманом Анненковым в 1920 г. В 1936 г. откомандирован в г. Ленинград, после окончания академии им. Фрунзе назначен командиром 3-го Ленинградского полка ОГПУ. При покровительстве замнаркома НКВД Фриновского возглавил отдел боевой подготовки Главного управления погранвойск НКВД. В 1939 г. после расстрела своего покровителя Бессонова перевели в армию.

Вопрос: «Какие именно районы СССР предусматривались вашим планом для высадки десанта и начала повстанческой деятельности?».

Ответ: «Планом предусматривалось, что высадившиеся на Севере СССР крупные десантные отряды захватят расположенные там лагеря заключенных и поселения ссыльных, вооружат их после привлечения на свою сторону и, пользуясь отдаленностью этих районов от фронта и жизненных центров страны, а также отсутствием крупных воинских гарнизонов, разовьют повстанческую деятельность в тылу Красной армии.

При этом ставилась цель — достигнуть и овладеть промышленными центрами Урала, отрезать Сибирь от центральной части Советского Союза и лишить его важнейшей стратегической базы на востоке...

В качестве районов высадки десанта и исходной территории для развертывания повстанческой деятельности планом предусматривались такие места:

- 1) район Нарьян-Мара, Усть-Цильма и Усть-Ухат;
- 2) район дельты реки Северная Двина;
- 3) район Сыктывкара (быв. Усть-Сысольск);
- 4) район Мезени;
- 5) в пунктах на реке Оби: а) Обдорск, б) Березов, в) Самарово;
- б) район дельты реки Енисей;
- 7) Северный Урал — район Чердын-Саран-пауль...».

В 1942 году Бессонову был отведен особый лагерь в бывшем монастыре Лейбус под городом Бресслау (Вроцлав), где началось формирование из советских военнопленных диверсионной бригады в составе трех батальонов. К тому времени немецкие войска заняли Петрозаводск, где было много аэродромов советской дальней авиации. Они могли стать удобной базой для готовящейся десантной операции.

Ставка Бессонова на заключенных ГУЛАГа и спецпоселенцев кажется, на первый взгляд, фантастической. Однако архивные документы и воспоминания узников воркутинских лагерей свидетельствуют: «...освободительное движение могло быть успешно начато при координации небольших сил вторжения с многомиллионной массой заключенных и спецпоселенцев».

В этих целях 2 июня 1943 года в районе сельхозлагеря «Кедровый Шор» Кожевинского района Коми АССР был выброшен десант из 12 человек, одетых в форму НКВД. В ночь с 5 на 6 июня девять десантников, застрелив руководителей группы, сдались охране близлежащих лагерей НКВД.

В июне 1943 года начальник УНКГБ Омской области полковник госбезопасности Д.Р. Быков приказал начальнику Ханты-Мансийского окружного отдела НКГБ майору госбезопасности Куликову «освободиться от всякого рода других заданий, не связанных с агентурной работой, а сосредоточиться на выявлении и пресечении враждебной повстанческой деятельности...»⁵.

Заслуги Куликова изложены в наградном листе: «...Вследствие умелого руководства аппаратом окротдела и районными отделениями, входящими в обслуживание окротдела, добился положительных результатов по вскрытию и пресечению контрреволюционной деятельности враждебных элементов в округе. За время Отечественной войны вскрыто и ликвидировано 6 повстанческих групповых дел на 16 человек, кроме этого, арестовано и привлечено к ответственности за профашистскую деятельность 117 человек...».

Приказом наркома Госбезопасности СССР комиссара Госбезопасности 3-го ранга В.Н. Меркулова от 8 февраля 1944 г. Куликов был награжден знаком «Заслуженный работник НКВД» «за успешную работу по выполнению заданий НКГБ СССР в условиях военного времени». Но о награждении Куликов не узнал: 21 января 1944 г. он умер от разрыва сердца и похоронен в центре Ханты-Мансийска рядом с бывшим председателем окр-исполкома Розниным.

Чекисты Югры в отличие от своих коллег с Ямала не встали на путь фальсификации повстанческой деятельности в округе, несмотря на прямые указания руководства областного управления НКВД—НКГБ, и внесли свой определенный вклад в достижение победы над немецко-фашистскими захватчиками, сохранив при этом свое профессиональное достоинство. В этом, на

⁵ Куликов Василий Федорович род. в 1904 г. в с. Орловка Катав-Ивановского района Челябинской области, в органах госбезопасности с 1931 г., возглавлял Ханты-Мансийский окротдел НКВД—НКГБ с 1 сентября 1942 г.

мой взгляд, заключается деятельность органов госбезопасности в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны⁶

Александр Петрушин

Список использованных источников и литературы

1. Архивные фонды документов:

Государственного архива общественно-политических объединений Тюменской области;

Группы регистрации и архивных фондов РУФСБ по Тюменской области.

2. Библиография:

Александров К. Комбриг Бессонов и десанты в ГУЛАГ // *Посев*. — 1999. — № 5.

Служили Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми. Документы, материалы, воспоминания. — Сыктывкар, 1998.

Петрова В., Харючи Г. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа.

Петрушин А. «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события истории Тюменского края по материала ВЧК—ГПУ—НКВД—ГКБ. Тюмень, 1999.

Телицын В. «СМЕРШ»: операции и исполнители. Смоленск, 2000.

Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

---

⁶ В декабре 1943 г. начальник УНКГБ Омской области Быков, его заместитель Гаранин, начальник Ямальского райотдела НКГБ Медведев через председателя колхоза «Красный Октябрь» Езанчи Манса спровоцировали выступление ненцев-оленьеводов против советской власти. На подавление мифического восстания «мандалы» из Омска в Ямальскую тундру самолетами была отправлена рота автоматчиков, которые расстреляли мирное собрание ненцев: семь человек убито, 51 арестован, 41 умер во время следствия. Организаторов этой провокации наградили орденами, но в 1947 году, после смены руководства МГБ СССР, обвинили в фальсификации оперативных и следственных материалов и осудили.

Владея штыком и пером

1. Встреча трех поэтов

Я приехал из Ленинграда в Ханты-Мансийск в октябре, в листопад, в дождь и ветер. В вечерних сумерках мне казалось, что ветер специально бросает в меня целыми охапками мокрых листьев, издеваясь за мои красивые слова об осенней поре. И думалось мне еще о том, что только поэт может сейчас понять мое настроение, мою печаль, мой уют. Живи в городе родня — я бы не пошел к ней в гости, сначала я навесил бы поэта. Таким поэтом в Ханты-Мансийске был Вячеслав Попов, по слухам, лихой фронтовик, радушный человек, у которого всегда найдется стакан вина и долька вкусной рыбы.

На мою радость, огонек в его комнате светился — это было желтое, дробящееся свечение от беспрестанных ударов в окно сильных дождевых струй и голых веток двух берез, качающихся под окнами. Дом этот по улице Ленина я видел, еще обучаясь в Ханты-Мансийском педучилище. Но лично Вячеслава Вонифатьевича не знал и сейчас немного волновался.

За порогом меня встретил широкоплечий коренастый человек. Широкое простецкое лицо в морщинках, желтоватая плешь, уходящая к затылку, говорили о солидных годах. Руку он пожал крепко. Слабо-синие цепкие глаза смотрели с интересом. Я назвал себя и поежился, сетуя на осеннюю непогоду.

— Третий день льет. Всю листву сбило. А какая была листва! В золотом наливе... — Поэт окинул меня озабоченным взглядом, мотнул головой. — Эка ты промок! Вешай-ка плащ к печке. Только что протопил.

Я раскинул плащ на веревку, соединявшую две стены поверху, поставил свой походный чемодан в угол и сел на табурет. Поэт крикнул — видимо, это была его привычка перед значительным действием, и на столе появилась бутылка водки. Я так и не понял, откуда он ее достал: или из тумбочки, или из-под подушки, или с подоконника...

— Вовремя мне муксуна подкинули, — говорил Попов, ловко разрезая его на аккуратные части. — Малосольный... Соскучился, поди, по такой рыбке?

— Я же кондинский... У нас рыба помельче.

— Щука, ерш, карась...

— Они самые. Но муксуна я люблю.

— А кто его не любит? Все любят: и министры, и гитаристы... — Нож буквально мелькал в руках хозяина.

Стол был накрыт минуты за две, не больше. Взмахом руки я получил приглашение к ужину.

— Будь как дома. Поэт к поэту пришел. А это, брат, областного значения праздник...

Забулькала водка.

— За приезд! За поэзию! — Попов крякнул, мы выпили стоя.

Речь пошла о Ленинграде, о знакомых тамошних поэтах. Я давно знал, что Вячеслав Вонифатьевич воевал под Ленинградом, участвовал в прорыве блокады. Ушел на войну рядовым, вернулся майором с орденами и медалями.

— За Питер грех не выпить, — снова поднялся Попов, наполнив стаканы. Не успели мы сдвинуть их, как дверь шумно распахнулась на всю скрипучую возможность. В дверях стоял, покачиваясь, улыбающийся, мокрый, с бесшабашным видом молодой парень среднего роста. Демисезонное пальто распахнуто, черные кудрявые волосы закрыли лоб. С пальто и с головы пришельца стекала вода. Мы удивленно уставились на него.

— Вот и я, Вяч!.. Не смей без меня пить!

Мы машинально опустили стаканы на стол.

— Генка Калабин, поэт, — кивнул мне Попов и крикнул: — Закрой дверь, ветрогон!

Гость закрыл дверь и погрозил пальцем Попову:

— Слушай, Вяч, истинную лирику:

*Я осенью — лист одинокий,
И в том виноват только я.
Вся в золоте кружит дорога,
Но нет ни рубля у меня...*

Геннадий кинулся с объятиями к старшему собрату. Попов проявил солдатскую бдительность, мгновенно убрав бутылку и свой стакан на подоконник. Мой стакан был опрокинут.

— Ну, будя, будя, — отмахивался Попов от наседающего собрата, воспринимая, однако, его бурные чувства как должное. — Тарханов вон приехал... Из Питера. Познакомься.

— А-а-а! Тарханов! — Калабин круглыми мокрыми глазами уставился на меня. — Поэт березок... — И, откинув пятерней волосы со лба назад, кинулся с объятиями ко мне. Попов, крикнув, схватил его, что называется, в охапку, развернул и ловко вытряхнул из пальто, намереваясь послать пальто к моему плащу.

— Стой, Вяч! — диким голосом закричал Калабин. — Там бутылка.

Мы с Поповым расхохотались. Рассмеялся и Калабин.

Застолье продолжилось. Было шумно, весело, сумбурно. Геннадью, изрядно захмелевшему, хотелось говорить и говорить.

— Погоди, Вяч, — в очередной раз останавливал он Попова. — Я расскажу сейчас такую хохму!.. Век вспоминать будете...

— Это когда ты в яр упал и попался в сети? Дак об этом каждый рыбак в городе знает, — отмахнулся Попов.

Калабин уронил голову на грудь, видимо, припоминая другое приключение. Попов обратил взгляд на меня.

— Красный Бор под Питером знаешь?

— Нет, Вячеслав Вонифатьевич, не приходилось там бывать.

— Напрасно. Там такой бой мы приняли, что не дай бог другому такое испытать... — Попов задумался. — Три батальона в разведку боем ходили... Один мой... Ты знаешь, что такое разведка боем?

— Ну, чтобы огонь на себя привлечь...

— Дело тут посложнее, брат. Надо врага так шурануть, чтоб он испугался, в большое наступление поверил. Вот тогда он и будет палить из всего, что у него есть... а нажали мы на них крепко... Давай-ка вспомняем моих однополчан, солдат моих дорогих...

Шумок наливаемой водки, видимо, достиг чутких ушей Калабина. Он, задремавший, встрепенулся.

— Вяч, сколько у нас было революций?

Меня рассмешил этот, по таинственной причине родившийся, вопрос. Но Попов и глазом не моргнул. Видимо, привык к чудачествам дружка. И спросил ласково:

— А тебе это зачем, Гена? Трактат решил написать?

— У нас было две революции, Вяч. Зимняя — февральская, осенняя — октябрьская. Они непутевые, толку нет. — Калабин

встал. Мне он показался протрезвевшим. — А нужна, Вяч, — он взмахнул рукой, — третья революция, весенняя! И чтобы возглавили ее не пришельцы: троцкие-потоцкие, урицкие-быстрицкие, а поэты: поповы-бугровы, калабины-панины, тархановы-бурьяновы. Вот тогда и будет великое равенство и великая житуха, Вяч! — И Калабин, как истовый оратор, простер руку в сторону окна и непогоды. — А теперь налей мне положенное. Знаю, что выпили.

Попов покачал головой, улыбнулся и разлил водку по трем стаканам.

— За Красный Бор! — поднял тост Калабин и одним махом выпил. Потом стал читать стихи Есенина и Лермонтова.

Признаться, Калабин озадачил меня своим поведением, своей необычностью, непредсказуемостью. Его прекрасная память хранила множество стихов классиков и современных поэтов. Его переходы в разговоре часто были полярными и неожиданными.

Вот и сейчас, что-то вспомнив, он накинул пальто, махнул нам рукой и ушел в ночь. Я встревожился.

— Как бы не случилось беды, Вячеслав Вонифатьевич.

— Не переживай! Эта погода — его... В ясную ночь дома сидит, пишет. А в буран и дождь бродит. Уж сколько я его знаю, а понять не могу.

Фронтвик усмехнулся чему-то, крикнул и стал разливать чай по стаканам.

2. Слово однополчанина

Удивительный случай: в событиях под Красным Бором принимал участие и другой поэт, очень известный в послевоенное время в Советском Союзе, Александр Петрович Межиров. Он, как и Вячеслав Вонифатьевич, был командиром батальона, одного из тех самых, которые ходили в разведку боем. Командира третьего батальона, к сожалению, не помню.

Когда я поступил на Высшие литературные курсы в Москве, Александр Межиров руководил поэтическим семинаром. Узнав, что я из Ханты-Мансийска, он пожелал поговорить со мной о Попове. Я сказал, что его нет в живых. Он опечалился, вздохнул, сказал тихо, глядя в небо:

— Царствие ему небесное... Бесстрашный был человек. Честный и бескорыстный до удивления... Как он жил-то?

— Бедно, но лихо.

— Это его стиль, — улыбнулся Межиров и кивнул мне: мол, рассказывай, мне интересно.

— Комнатушка маленькая, в барачном деревянном доме. Кухня общая. Ну, он ее почти не касался, как я понял...

— Жарить-парить он не любил, — добавил Александр Петрович. — А вот чай, сто граммов... Ну, это солдатское... Продолжайте.

— В комнатке, кстати, у него был камин. А на камине, сами знаете, и уху можно оперативно сварить, и картошечку... да мало ли что.

— Камин — это хорошо, — со знанием дела сказал Александр Петрович. — Да если еще камин впритык к русской печи... Это рай в зимнее время, конечно, я предполагаю настоящую деревенскую избу. Вот у вас в родной избе, где вы родились, каково по этой части расположение?

— А так и есть, как вы говорите. Камин с левой стороны навечно прилип к печи. Печь обогревала спальню и прихожую, а камин — горницу.

— По-хозяйски, разумно сделано, — одобрил Межиров и вновь обратил русло речи к Попову. — Значит, жил, ничего не просил... Про это у нас в России еще так говорят: живи за печкой и мерцай свечкой.

— Привилегий он никаких не имел, — продолжил я мысль Александра Петровича, — а право на них было. Трижды ранен. Инвалид. Грудь в орденах и медалях... Но никто, к примеру, не предложил ему путевку в санаторий или Дом отдыха.

— Сами же такие люди, как Попов, по кабинетам не пойдут, — Межиров задумчиво покачал головой. — Им претит это выпрашивание, гордость не позволяет... И, заметьте, у всех властей — от Москвы до самых до окраин — такие безропотные люди, не претендующие на блага, вызывают умиление, власти прочат их в святые. Вот где корни, — Межиров повысил голос, — русского явления святости! Святой человек, как известно, хлеб-соль у властей не просит, духом единым живет он... Кажется, мне пора, — посмотрев на часы, сказал именитый поэт. — Извините, договорим в удобный день и час...

Вторая встреча с Межировым произошла в буфетном зале Центрального Дома литераторов, именуемого кратко — ЦДЛ.

— Из фронтовых поэтов гремели тогда Михаил Дудин и Сергей Орлов, — начал свой рассказ Межиров. — У меня лирика...

конечно, в ней сквозили боевые будни... А Попов выдал сразу, к удивлению всех поэтов, эпическую поэму «Ленинградцы». Написана она крепко и эмоционально. — Александр Петрович воодушевился. Литературная публика стала прислушиваться к его речи. — Огнем души овеяны строки поэмы. И неспроста политотделы взяли ее на свое вооружение. Читали в частях. О поэме узнало командование. И случилось неожиданное... Сам Говоров вручил ему перед строем дивизии благодарственную грамоту. Вячеслав сиял. Прибавилось и вдохновения, и отваги...

К Межирову подошел Евгений Евтушенко и, наклонившись к нему, что-то сказал. Александр Петрович встал, извинился, и поэты ушли в ресторан, примыкавший к буфетному залу. Межирова с той поры я больше не видел. Потом, позднее, узнал, что он уехал на житье-бытье в США. Я был очень удивлен и огорчен. Но, как говорится, судьбы людские неисповедимы.

3. Прости, Вячеслав Вонифатьевич

После войны семейная жизнь Попова разладилась. Жил он в Омске. Имел дочь школьного возраста. Покинув семью, фронтовик приехал в Ханты-Мансийск, который знал раньше и который ему понравился. На работу устроился в окружной военкомат ночным сменным дежурным. Ему дали комнату на втором этаже дома № 42 по улице Ленина. В этом же доме жила моя знакомая из Кондинского района Наталья Семеновна Вискунова, которую мы называли по-деревенски, по-домашнему — тетя Наташа. Она и стала женой Вячеслава Вонифатьевича. В их распоряжении оказались две комнаты — у каждого своя. Инициатором отдельного житья стал Попов: мол, поэту необходимо уединение.

Наталья Семеновна по характеру тихая, скромная. И слава богу, что она по-житейски понимала мужа, мирилась с его чудачествами.

Гости у Попова не переводились. Кого тут только не было: ветераны войны, любившие воспоминания и стихи, бывалые и молодые поэты, лихие знакомые по рыбалке и охоте. Заглядывали на огонек и офицеры военкомата, и какие-то неизвестные бродяжки. И все находили приют, доброе слово, угощение. Чайник, прокопченный до черноты, порой словно возмущался от постоянного нагрева. Стоило его поставить на горячую плиту камина, как он начинал дрожать, фыркать, пугать паром. Сколько в этой ком-

нате выпито водки, вина, шампанского — невозможно сказать! Измерение пойдет на цистерны или железнодорожные вагоны.

Надо отлатать должное Вячеславу Вонифатьевичу. Он никогда не пьянел, только чаще кричал и сверкал глазами, когда ослабевшие от водки сотоварищи начинали чересчур шуметь или безобразничать. Порядок он наводил быстро, решительно. Брал за шиворот хулигана и пинком отправлял за дверь. Его побаивались. Это важно, если вспомнить, что гостей у него было невпроворот.

Комната-квартира Попова поистине историческая, легендарная. Здесь проходили первые заседания окружного литобъединения, которое Попов возглавлял. Читали новые стихи и рассказы. Здесь проездом побывали писатели из разных городов России: Алексей Смольников, Леонид Шкавро, Зот Тоболкин, Геннадий Сазонов, Михаил Чернолуцкий, Александр Мищенко, Анатолий Кукарский, Владимир Нечволода, Иван Ермаков, Борис Полочкин, Станислав Золотцев, Николай Шамсутдинов, Ямил Мустафин, Александр Николаев, Николай Денисов.

Постоянными посетителями квартиры Вячеслава Вонифатьевича были ханты-мансийские городские литераторы Геннадий Калабин, Микуль Шульгин, Владимир Волдин, Нил Кориков и автор этих строк.

Шли годы. Мы обзавелись своими семьями и все реже и реже навещали Попова. Он часто болел: давали знать старые раны и возраст. Социальные службы так и не предложили ему бесплатного лечения в санатории.

Умер Вячеслав Вонифатьевич в своей комнате одиноко. Тетя Наташа тоже болела.

На похороны приехали из Омска бывшая жена, дочь, близкие родственники. Разделили между собой библиотеку поэта. Кроме книг, ценным было кожаное пальто с меховым воротником. Из-за него вспыхнула ссора. Пальто одно, а родни много. Нам было стыдно и больно.

Я живу на улице Ленина, недалеко от того памятного дома № 42. Каждый раз, когда приходится бывать здесь, я останавливаюсь возле дома. И, глядя на окно поэта, шепчу: «Прости нас, Вячеслав Вонифатьевич. Царствие тебе небесное».

Андрей Тарханов.

9 апреля 2005 года, Ханты-Мансийск

И наш гвардейский полк поднялся...

Возвращение

Все позади: бои, тревоги,
Блиндаж, окопное жильё.
Переступив черту порога,
Он отдышался: — Вот и все!

А в горнице, цветочном зале,
Принарядившись, земляки
Солдату под ноги постлали
Узорные половики.

Он шел по ним под звон медалей,
Вернувший миру тишину.
Ночь за победу пировали,
Он пил и целовал жену.

Все хорошо, — вот только мать бы
Напомянула: «Вышел срок,
Отметь серебряную свадьбу
В день возвращения, сынок».

* * *

Ведет зеленая тропинка
Туда, в поля, через кусты,
Где яркоцветные косынки
Девчат похожи на цветы.

Там дом родной и мать родная.
И ветеран войны — братан,

Ночью

(Из армейской тетради)

Погрузилась казарма в сон.
Тишина.
Только ходики тикают.
На плакате — крадется шпион,
Чуя зверем опасность великую.

Он от смерти на волоске,
Автоматы в него направлены...
В ночь,
поблизости и вдалеке,
На посты часовые поставлены.

Погрузилась казарма в сон,
Но дежурят огни сигнальные.
И на тумбочке телефон,
Как всегда, под рукой
у дневального.

Слово о воздушных разведчиках

(Отрывок из поэмы)

Лучом прожектора пробита
Густая корка облаков.
И хлещут пули
«мессершмиттов»
По крышам каменных домов.
И звонкий хруст разбитых
стекол
На полумертвой мостовой
Тебе шептал: ты русский сокол,
И долг расплаты за тобой.
И чуть рассвет вставал
знакомый,
Холодной дымки слой редел,
Гончар врага аэродромы
Фотографировать летел.

Да и разведчики не дремлют,
Где немец — там всегда они.
Они пехоте точно скажут,
Где дзот, где проволока, рвы...
Судьба и здесь на фрица та же,
Что и у солнечной Невы.
И мы следим за каждым шагом,
За каждой выдумкой врага.
И Нарва лижет серой влагой
Свои худые берега.
Родная русская сторонка,
Мы по тебе сейчас идем.
Везде воронка на воронке,
И пахнет гарью и дымком.
Но все же мы тебя узнали,
Тобой вскормленные сыны,
Ведь здесь недавно полыхали
Пожары смерти и войны.
Еще дороже и любимей
Для нас ты, край привольный наш!
Взлетел Ткаченко и Шалимов —
Орденосный экипаж.
И, ветром трижды передутый,
Исчез внизу аэродром.
И перекрестятся маршруты
Лучами смерти над врагом.
И были дни — один другому
Они взлетали прямо вслед,
Чтобы прийти к родному дому
Дорогой славы и побед.

Дорога войны
(Из фронтовой тетради)

По полю, взрытому войною,
Гуляет ветер так и сяк,
А мы идем, и за спиною
Шумит желтеющий лозняк.

Ногой солдата в землю вдавлен
След от подкованных сапог.
Война здесь шла совсем недавно
По большаку и без дорог.

Большая, грозная, карала
Все без боязни до конца
Кусками черного металла,
Огнем тяжелого свинца.

Быть может, здесь гвардейцев рота
Достигла новых рубежей,
Когда враги из минометов
Хлестали бешено по ней.

Но что гадать? Пускай устал ты,
Но путь войны — твои шаги.
Войска идут. Им вслед на карте
Передвигаются флажки.

Поход

(Из армейской тетради)

Разведку выслав, на сближенье
идем по горному пути.

Остановились

на мгновенье,

чтоб новый взлет произвести.

А высота —

рукою облако

возьму, на цыпочки привстав.

Внизу,

в ущелье,

синим проблеском

речной излучины рукав.

Над бездной

навзничь,

по канату я

Зимой, в предчувствии весны
Мне вспомнить хочется
о многом.

4.

В студеном цехе к потолку
Пристыли острые сосульки.
Рабочий подошел к станку
В покрытой инеем тужурке.
Усталый, бледный, как стена
С клеймом заделанных пробоин,
Он так сказал:

— Пока — война,
Мы — каждый труженик
и воин.

Да, каждый должен — стар
и мал —

Трудиться, драться за свободу,
Чтоб Ленин руку так держал,
Всегда простертую к народу.
Чтобы Мироньча шаги
Звучали, будто бы он снова
Идет вдоль берега реки...

5.

Воспоминания ведут
Меня по лестнице событий.
Зенитки, вздрагивая, бьют
По крестоносным
«мессершмиттам».

Наш лейтенант упал на снег
И простонал:
— А жить, ребята!..
За смерть его брала разбег
Месть ленинградского солдата.
За то, что слезы очи жгут
Над пеплом Гатчины и Пскова.
За то, что парни не придут
К своим
двадцатилетним вдовам.

И, бесшумно пройдя,
где-то скрылось вдали.
Мы сыновней любовью
тебя полюбили,
Край суровый и дальний
Родимой земли.
Все нам дорого, все:
и седые метели,
И хрустального снега
пушистый завал...
Но, покинув Сибирь,
ты в солдатской шинели
С боем шел от Невы
и до Эзельских скал.
Мы прошли этот путь,
путь смертельный
для многих,
Чтоб за все и сполна
расквитаться с врагом.
День придет — победим!
И по старой дороге,
По сибирской дороге
мы снова пройдем.

Ленинградский фронт, 1943 г.

В полете

Не видно ни моря, ни суши.
Чуть слышно: кого-то зовут.
Заклинил нам наглухо уши
Моторов томительный зуд.

Родной, но невидимый берег —
Ты слышишь, товарищ пилот? —
Как помощи руку, свой пеленг,
О нас, беспокоясь, дает.

Хотя бы на долю секунды
Увидеть случайный просвет.

Спросил я у штурмана: — Трудно?
Он крикнул мне на ухо: — Нет!

Знакомая трасса. Колючим
Обшивку долбило дождем.
Тяжелую мрачную тучу
Разрезало встречным крылом.

Солдат идет на пост

Тропинкою ближайшею
Солдат идет на пост.
Над ним горит созвездие
Больших и малых звезд.
Фонарик разводящего
Нет-нет да и метнет
Свой меткий луч,
                  направленный,
Как взгляд его, вперед.
А впереди, чуть видимый,
Пост важный, нумерной.
Колосья поднимаются
Над бывшей целиной.
А в небе — реактивные,
Звено, еще звено!
От звезд их ночью кажется
Не так уж и темно.

Памятник летчику

В парке,
Возле Дома офицеров,
От аэродрома в ста шагах
Он стоит в комбинезоне сером
С двухкилометровкою в руках.
Мужество в глазах его открытых,
Плотный шлемофон на голове,
А в ногах — обломки
«мессершмитта»,

Сбитого на подступах
к Москве.

Боеготовность

Я вижу вновь однополчан
И на плечах несущие погоны,
Когда читает Левитан
Приказ министра обороны.
Весомо диктор говорит.
Мы не бросаем слов на ветер!
И смотрят пристально в зенит
Бойцы, локаторы, ракеты!

Друзья

Ветеранам 189-й стрелковой дивизии

Есть друзья у меня в Ленинграде,
Побратимы — водой не разлить,
Мы тогда еще,
    в годы блокады,
Дали клятву: навеки дружить!
Держим слово.
Встречаясь нечасто,
Как положено, письма строчим.
Если выпало счастье — о счастье,
А беда — о беде говорим.
Ничего не таим, не скрываем.
Прикипев капитально к труду,
С ними я по переднему краю
В это мирное время иду.
И, конечно же, им я поведал,
Что средь топей, тайги и озер
Земляки одержали победу:
Подарили стране Самотлор.
И они, как друзьям подобает,
Посылая привет и любовь,
То один, то другой сообщает
Про свою ленинградскую новь.

Хорошо мне. Я чувствую рядом
Локоть дружбы и невский гранит.
На одной широте с Ленинградом
Город мой не случайно стоит.

В сынах не ошиблись отцы

На эстакаде

Машины, груженные плотно,
Ревут, оглашая тайгу.
Дорог снеговые полотна
Едва отличимы в пургу.

За цепким капканом кюветов
Внимательно фары следят.
Снежинки на полосы света,
Как бабочки ночью, летят.

Маячит копер эстакады
На фоне завьюженных гор.
Колдобины, словно засады,
Умело минует шофер.

Жива в нем солдатская хватка,
Спасавшая в битвах от пуль.
Трешит на плечах его ватник,
Когда он ворочает руль.

Таежная весна

К нам весна приходит неспешно,
Ей не счесть на пути преград.
На дорогах просторов здешних
И в апреле снега лежат.
Потемневшие, ноздреватые,
Тяжелы они, тяжелы...
Плотно стелют тени косматые
На осевший сугроб стволы.

Под колесами брызг метелица,
Сторонись, област невзначай!
На дорогах снег перемелется,
А в тайге его — хоть отбавляй.
Он такой же жесткий и матовый,
Как и лес в морозный рассвет.
Здесь плацдармы весне захватывать
После долгих и трудных побед.
И она отступить не думает,
Не щадит золотых лучей,
Чтоб запел под корягой угрюмою
Чистоты родниковой ручей.

Родник

Его снегам не одолеть,
Не иссушить глухому зною,
Родник не может умереть —
Звенит, журчит порой любовью.
Родник, дай жажду утолить!
Склонюсь я низко над тобою,
Чтоб жизнь счастливую прожить
Твоей бессмертною водою.

* * *

Снега, снега. Кругом снега...
И все отчетливо я вижу.
Дорога дальняя близка,
Когда становимся на лыжи.
Мелькает все по сторонам,
Одышка не мешает бегу.
Я обтираюсь по утрам
Своим родным сибирским снегом.
Он землю всю посеребрил,
Она под ним теплее стала.
Снег, дай мне бодрости и сил
Преодолеть любые дали.

Домики саманные, колодцы,
Встреча с Волгой краткая в пути, —
Наглядеться вдоволь не придется.
Вот она! Величествен и прост
Вид ее! Я рядом с нею, близко.
И другой припомнился мне мост,
Мост над Обью у Новосибирска.
Дальше степь. Ковыль, солончаки,
Горизонт у черта на куличках.
Смотрит вдаль сосед из-под руки,
Отстранив прочитанную книжку.

Весеннее

Ручьи вовсю зашевелились,
С землею встретились хлеба.
Весной девчонка удивилась,
Увидев в зеркале себя.
Да, удивилась: «Я ли это?
Глаза мои — и не мои,
Так много в них тепла и света,
Волшебных искорок любви!».
Да, удивилась. Ей сестрицы
Чистосердечно говорят:
— Нет, это крылья, не ресницы,
Того и бойся — улетят!
Потом все трое в храм деревьев
Порхнули в платьях голубых...
Сама весна, весна-царевна
Не налюбуется на них.

Вечер на селе

Осторожно сумерки сгущаются,
И обычно после десяти
Женихи с невестами встречаются,
Чтобы вечер вместе провести.
Целоваться им не запрещается —
На здоровье! — если влюблены.

Но когда целуются, случается,
В свете фар отчетливо видны.
Друг на друга смотрят и смущаются,
Разговор заводят об ином...
А пройдет машина, начинаются
Поцелуи снова да ладом.

На рыбалке

Петька рано проснулся,
Чуть забрезжил восток.
Потянулся, обулся
И схватил узелок.
Быстро выбежал в сени,
Из сеней на простор.
Воздух мягкий, весенний,
Травянистый ковер.
Тальниковая роща
Над водою нежна,
Кудри листьев полощет
В той протоке она.
Каждый кустик и ветка
У нее на счету.
Не насмотрится Петька
На ее красоту.
То отсюда окинет,
То с другой стороны
Взглядом глаз своих синих,
Синих, небу сродни.
Прошлым, помнится, летом
Был он здесь, где сейчас.
Что тогда не приметил,
Нынче радует глаз.
Значит, чувства острее
И пытливей ум:
— Жарко солнышко греет,
Душно, дядя Наум.
Искупаться бы!..

— Рано.
Рановато, сынок.
Рыбка клонула, тянет
В глубину поплавок.
Вот она без боязни,
Вот еще... И опять ускользнула.
— Все дразнит,
Озорная, видать.
— Ты за нею позорче
Наблюдай, дорогой!
Петька выслушал молча
И застыл над водой.
Засученная гача
На ноге калачом.
Птичка резвая скачет
И поет над гнездом.
В лепестках незабудки
Копошится пчела.
Рыбка заново
Чуткий поплавок увела.
Следом — круглые пятна
Разбежались, легки.
Сердцу очень понятно
Напряженье руки,
Так упорно и долго
Выжидающей знак,
Без которого дергать
Не решится рыбак,
А решится — ошибки
Осознает вину,
Вспомнив истину: «Рыбка
Любит плавать по дну».
А у дяди Наума
Туесок не пустой.
Чтоб юнец не угрюмым
Возвратился домой,
Он богатство улова
Поделит пополам

И сказал несурово:
— Ну а в будущем — сам!

* * *

Ручейков серебряных дорожки
Побежали звонко к Иртышу.
Золотые зайчики с окошка
Прыгают в кроватку к малышу.
Он стремится пухленькой ручонкой
Одного из зайчиков поймать.
За игрою солнышка с ребенком
Наблюдает радостная мать.

В грозу

Пароход причалил к дебаркадеру,
Просверкав над крышами села.
Нанесла земле большую ссадину
Дальнобойной молнии стрела.

В корне перебитая, отпрянула
От воды прибрежная лоза.
Дерзко, неожиданно нагрянула
Первая весенняя гроза.

Будто с выси с гулом скалы падали,
Будто рвал порою динамит...
Девушка стоит на дебаркадере
Без плаща, без зонтика стоит.

Вся она, когда резвилась молния,
Тучи перекачивали гром,
Ликовала, смелая, довольная,
Что гроза хорошая с дождем!

Так и в жизни, полной света, ясности,
Проторит к мечте своей стезю
Через все тревоги и опасности
Девушка, влюбленная в грозу.

Скоро выпадет снег,
Будет все на земле им покрыто,
И до новой весны
Он свою белизну сохранит.
Я хожу по квартирам
И всех приглашаю: «Спешите
Наслаждаться природой,
Природа людей молодит».
Разве это не так?!
Тут ни капли позерства и спеси.
Все как есть на виду,
Все прельщает и радует глаз.
Русский сказочный лес,
Кладовая преданий и песен,
Будто бронзовый весь
И нарочно отлит на показ.
Воздух свеж и пахуч,
На кореньях и травах настоен,
То грибной он, то ягодный —
Терпкий, хмельной.
Голова закружится —
О слабости думать не стоит!
Это вас опьянил
Удивительный запах лесной.
Сколько радости здесь,
Сколько посвистов птичьих и трелей!
Переложь, композитор,
На светлую музыку их...
«Сказки венского леса»,
О, как мы вас жадно смотрели!
Но росли и влюблялись
В сибирских просторах родных.
Здесь леса величавы,
Их кроны сомкнулись с зенитом,
Богатырский у них,
Не плакучий скучающий вид.

Но с нерадивых взывал
В строю и у станка.

И в ясный день, и в непогодь
Прокладывал свой путь.
Одно лишь было некогда —
Дать сердцу отдохнуть.

— Стучи! — ему приказывал,
Когда невмоготу.
А сам рукой показывал
Вперед и в высоту.

Ни разу не ослушалось
Хозяина оно.
Под бушевавшей тучею
Мне не было темно.

Сердце

Случится это — только на ходу,
В движении, борьбе, не на постели —
Ты, сердце, замолчишь.
И не дойду
Я двух шагов до ясно зримой цели.
Всего два шага.
Нет, я их пройду!
Поможет друг мне, поддержав рукою.
Но если до подмоги упаду,
Два этих шага ростом перекрою.
И улучу секунду, видя свет,
Сказать врачу:
— Не прибегай к догадке.
Болело сердце сорок восемь лет,
Остановилось на восьмом десятке.

Моим землякам

Понятными издали звуками
Природа со мной говорит.

Родное село Сухоруково,
Реки не касаясь, стоит.
Обь, русло раздольное около
Сыскав для него, подошла —
Мол, жителям можно протокою
Ко мне приплывать из села.
Впервые здесь травами росными
Прошел, полюбив сквозняки.
Здесь в бурю орудовать веслами
Учили меня рыбаки.
Погодки мои невысокие
Созрели для жизни и дел,
И плечи их стали широкими,
И голос у них отвердел.
А руки! Здоровые. Чувствую —
Природные с детства гребцы —
В наследство им дав долю лучшую,
В сынах не ошиблись отцы.

* * *

Вот если б...
Природа лицом повернулась к зиме,
Тепло на исходе, тучнеют туманы.
А у меня до сих пор на уме
Сугубо курортные летние планы.
Цветы на окошке. Как будто в саду
Сижу я в беседке, о чем-то мечтаю.
Тебя, непутевая, все еще жду
И знать не хочу, что затея пустая.
Нет-нет, ты путевая. Это я так,
От нечего делать ворчу и судачу.
А листья, как мелочь, — трояк да пятак,
Которые дали в киоске на сдачу.
Тепло. И цветы, и надежда при мне,
А вот почему-то невольно взгрустнулось.
Природа лицом повернулась к зиме.
Вот если б ко мне ты лицом повернулась.

Вячеслав Попов

«Благодарю судьбу за то, что учился в Ленинграде»*

Мои родители родом с Верхней Оби, из-под Томска. Отец, Георгий Иванович Тайлашев, из чисто хантыйской деревни Тугулина, сам ханты, но, возможно, что где-то раньше в роду было смешение с татарами: Тайлашевы — по-татарски звучит как «маленькая лошадь, жеребенок», а с языка ханты перевода нет. Отец — рыбак, охотник, ничем другим он не занимался. Почему переехали в Ханты-Мансийский округ (по-хантыйски — «скасались»)? Под Томском в конце 20-х — начале 30-х годов было очень голодно. Отца вызвали в 30-м году в Уралрыбпром (тогда все это была Уральская область), сказали: «Поедете в Ларьяк и будете создавать там рыбозавод!», и он поехал, организовал рыбозавод и остался тут работать, но не на первых ролях: он был малограмотный, самоучка. Дед Иван Николаевич определил моего отца, еще мальчишкой, в ученики к одному знатному купцу в Томск. Но, конечно, днем он больше не учился, а, как сам рассказывал, разносил карточки-визитки, приглашения на различные вечера, а вечерами и ночами учился грамоте. Ему сначала засчитали обучение за два класса, а когда в стране шел «ликбез» (Россия же была безграмотная, особенно наши народы, советская власть в первую очередь стала людей грамоте обучать), зачили уже четыре, дали удостоверение о начальном образовании. Но когда я учился в школе, отец помогал мне решать задачки за 7–8 классы.

А мама, Евдокия Александровна (по отцу она была Тайдонова, тоже из верхнеобских ханты, из деревни Салтонаково), совсем была неграмотная. Ее отец говорил: «Парням надо учиться, им служить, а девушкам незачем, да и возможности такой нет». Он рано умер — надсадился на физической работе. Остались они с матерью: три брата и две сестры, она была средней дочерью. Рано стали зарабатывать, чтобы жить семье. Девушки собирали ягоды,

* О своем жизненном пути рассказывает Леонид Георгиевич Тайлашев, много лет работавший секретарем Ханты-Мансийского окружкома КПСС.

*Георгий Иванович
и Евдокия Александровна,
родители Лени Тайлашева*

а братья ловили рыбу, возили в Томск на рынок, покупали там все необходимое. Замуж за моего отца мама вышла в 16 лет. Вероятно, ее мать Анна Матвеевна старалась как можно быстрее устроить судьбу своих детей — Тайлашевы жили более-менее неплохо.

Мама у меня была очень сильная. Она за водой ходила с коромыслом и ведрами-пудовками. Зачерпнет и пошла, только чуть покачивается. За сеном ехать — в колхозе сразу двух-трех лошадей берет. Мы держали корову, овец до сорока штук, иногда свинью; мама сено косила — скотину кормить же надо было. Отец служил, часто был в разъездах, в основном все хозяйство на ее плечах лежало. Высокая была, выше меня! Все поражаются: «Как же так, ханты должны быть маленькие!». Действительно, ханты ниже- и среднеобские низкорослые, а верхнеобские, откуда мы, — там народ здоровый! Брат матери дядя Володя тоже был очень сильный. Когда в деревню привозили на баржах муку, так он выносил из трюма на берег враз по 15 пудов. И красивый был. Как-то приезжала журналистка-москвичка, попросила показать ей ханты. Дядька ей говорит: «Хорошо, покажу вам ханты». Умылся, причесался, рубашку чистую надел. Пришел, сел перед ней: «Вот он я — ханты».

Старшая сестра Оня родилась в 1915 году, а я, «заскребыш», последний, шестнадцатый, — в 1932-м. Маме тогда было 40 лет. Она говорила: «У меня что ни год, то Федот! Я ни одного не выбросила, всех выносила». Более того, всех своих детей сама «бабничала» — сама принимала роды у себя. В том числе и меня приняла. В утро, когда я родился, она привезла три воза сена. Лошадей не успела распрячь, зашла домой, чугунок с водой поставила на печку — тут я и родился. Сделала все, что надо, меня обмыла, запеленала, полежала... А коровы (их было две) режут, овечки режут, лошади стоят запряженные... Потихоньку, с палочкой, пошла

все это хозяйство управлять — такая была у меня мама! Дожила до 86 лет. И по-своему была очень мудрая, как все матери.

Когда я родился, мы уже жили в Охтеурье — есть такие юрты хантыйские (юрты — деревня по-хантыйски), месторождение Охтеурское сейчас есть. Тогда это был Ларьякский район, сейчас Нижневартовский. (Охтеурье переводится со слов «охтэн урий». Охтэн — это перетаска, а урий — речка, залив. Охтеурье — перетасочный залив). В Охтеурье мать везла десятерых детей. Отец прислал ей в помощь старшего сына Никифора. До Нижневартовска ехали на пароходе, а дальше на плашкоуте. Это лодка большая, как баржа, покрытая сверху, чтобы не мочило, но мест внизу не было, они ехали сверху. А конец сентября... Кормила грудничков так: молока купит, во рту его согревает и поит. Пока ехали по Ваху, мама чуть не в каждой деревне хоронила то дочку, то сына. Начиная с устья Ваха, там недалеко есть деревня Савкино, там первого похоронили, потом в Тархово, дальше — в Устье Колик-Егана, в Колик-Егане... У нас было два Юрия, оба умерли, два Леонида. Первый Леонид был старше меня, с 31-го года, а я родился уже после этого переезда, в Охтеурье. У мамы так было заведено: имен не хватало, так первый умрет, она следующему это же имя дает. Умирили и от голода, и от неустроенности. Когда голод, любая болезнь может до смерти довести. Я, например, чуть не умер от кори, когда мне было года два или три. Мать уже села шить мне белую рубаху (у нее была швейная машинка зингеровская — ее единственное приданое), чтобы положить в гроб. Положила меня у окна, шьет и плачет. Я задыхаюсь. А у нас через дорогу жила медичка, как тогда называли, Наташа Паронова. На мать вдруг как нашло что: вскинулась, бросила шитье и побежала за ней. Наташа прибежала, поставила укол, скорее всего камфару, чтобы поддержать сердце — какие лекарства тогда еще могли быть в деревне? И я задышал и дышу уже 72 года! Муж Наташи был «избач» — клубный работник, а она — медицинский работник, после училища. Муж у нее погиб во время войны, она снова замуж вышла, стала Филиппович, работала в Березовском районе, в райкоме партии, в одном из отделов. Мать мою она хорошо помнила, а как меня спасла — не помнит.

В Охтеурье отец купил дом у ханты. Этот дом был построен «заплотом». Это четыре столба, в них прорезь, и в эти прорези вставляются бревна — заплот. Так и теперь огороды огораживают.

Высота — меньше двух метров, я, когда последние годы туда приезжал, уже ходил, пригибаясь, значит, 1,60—1,70. Два окна, у окна — лавка. Стол, русская печка (еще железная печка была), за ней нары — на них спали отец с матерью и меня, как маленького, туда брали. А остальным на полу расстилали оленьи шкуры. Единственное богатство было перины да подушки. Раз дичь стреляли, так перо и было. Баня была общедеревенская, в лесу, на опушке. Топили и мылись по очереди. Высотой баня была еще ниже, чем наш дом. Там полок, печь — железные круги, сверху бульжники — много, а трубы нет, вместо нее дыра. Дым уходил и в дыру, и внутрь тоже, потому и называлась — «баня по-черному». Воду (зимой снег) на-таскивали в бочки, когда бульжники накалялись докрасна, их туда скидывали, и вода закипала. Хотя и котел был, но семья же большая, и воды много надо, чтобы всех помыть и постирать. Топили почти весь день. Раздевались в предбаннике, там было холодно, сосульки висели, как сталактиты. Когда мыла не было (особенно во время войны), делали щелок. Зола кипятят, вода становится как мыльная, очень хорошо моет — все вымывали. И стирали с помощью настоя этой золы. Грязными мы не ходили. Полоскать — в речке, зимой — в проруби.

Есть ханты лошадные, есть оленеводы, есть рыбаки и охотники, есть оленеводы и охотники вместе, потому что олени — это средство передвижения. А мы — оседлые ханты, уже тогда «обрусевшие». Как и русские семьи, мы держали коров, лошадей, овец, свиней. Но в наших семьях, которые побогаче, были еще и олени. Собаки обязательно, но у нас на собаках не ездили никогда. В Ларьяке было очень много оленей. Было такое селение Лабаз-еган, там жила семья Хохлянкиных, я помню их Никиту — симпатичный такой мужчина, у него было две жены — русская и хантыйка, вместе жили (у нас много было таких случаев). А детей у него не было. Они жили очень богато, у них была тысяча голов оленей! Родня большая, всем работы хватало. Охотиться в тайге без оленей нельзя. Русские сани, в которые лошадей запрягают, низенькие, а оленьи нарты высокие. На русских санях по тайге не проехать и полкилометра — под снегом же пни, кочки. Полозья поломаются, вязы повывлетают. А оленья нарта, во-первых, высокая, во-вторых, полоз у нее круглый, он соскальзывает с кочки, а пень проходит перед ней.

Женская нарта еще и отгорожена сзади, как кошевка, — детей возить, они там как в люльке.

Перед войной ханты-оленеводы богато жили. Говорят, мол, советская власть разорила малые народы. Да не советская власть, война разрушила все! Мужиков-то поприбили на фронте, стада разбрелись, одичали. В Ларьякском районе были многотысячные стада. А сейчас оленей закупают и завозят с Ямала, восстанавливают поголовье. Но разве их сравнишь с нашими, ваховскими? Эти карлики, а наши были богатыри, красавцы!

Перед войной наша область стала Омской. На местах, где принимали пушнину, была так называемая «Омпушнина» — типа факторий, прямо в деревнях располагались. Сюда завозили товары: сахар, масло, сушки, сухари, муку (хлеб пекли сами). Году в 37—38-м у ханты уже и оленей было очень много, и вся жизнь устоявшаяся. Как сейчас помню: в марте, числа 15—20, с утра слышен звон — бубенчики-колокольчики, за рекой тайга, и оттуда едут олени упряжки — не меньше ста нарт. Олени все на подбор — красавцы, белые, да по четыре в упряжке и на каждом по 2—3 «ширкунца» (круглые бубенцы), вся медная упряжь начищена до блеска. Нарты с добычей — пушшиной. У каждой привязано еще по два оленя — на мясо. Подъехали, остановились у «Омпушнины». Ханты все нарядные, малицы расшитые, особенно у женщин, были у них такие «распашонки», отделанные разноцветным сукном, бисером — загляденье просто. Начинают заносить добычу по старшинству. Сначала мешки с белкой — 2, 3, 10, 20 мешков, все сбрасывают приемщику. Он пересчитывает только в одном мешке. Если возьмется пересчитывать в другом мешке, ханты тут же развернутся и уедут к другому приемщику, в другие юрты — обидятся. Они никогда не обманывали, им недоверие — оскорбление! Один мешок пересчитать — это закон, а если начал второй — все, ты им больше не родня. Приемщик пересчитал в одном мешке, сами мешки, прикинул — белки на столько-то рублей! Дальше начинают заносить соболей: 2, 3 — до 10 мешков, лисы — и рыжие, и черно-бурые, песцы — пушнины было очень много! Не было же нефтяников, девственная тайга, зверь непуганый. Все подсчитали, охотник заходит за прилавок. Там стеллажи, на них рулонами ткани. Ханты особенно любили сукно, но обязательно цветное — красное, зеленое, синее. Берут сразу рулонами, сносят на нарты, бастриком (палка, типа оглобли, с одной сто-

роны зарубка, с другой — петля) завязывают. Дальше продукты: мука мешками, коробки конфет, масла, головки сахара — все это на другой нарте упаковывают, оленьими шкурами укрывают. Набирают детям, что там есть. И так каждый из ста. В последнюю очередь — спирт, ящиками. Водки в то время не завозили, потому что теплых складов не было, а водка на холоде замерзает. Все сдали, набрали продуктов, товаров, снова на нарты и обратно за реку, в тайгу. Недалеко отъехали, километров пять, там ягельное болото, оленей отпускают пастись, а сами на опушке ставят нарты кругом, в середине зажигают костры, колют оленей, достают рыбу, делают строганину, варят, жарят, вытаскивают спирт и гуляют. Иногда неделю, иногда две. Как спирт кончился, оленей поймали, запрягли и опять в тайгу на год уехали. Жены, дети — все вместе. Младенцы в деревянной люльке. Вместо памперсов мелкая-мелкая осиновая стружка: она очень хорошо все впитывает. В крайнем случае — ягель. Мать ребенка распеленает, над костром обсушит со всех сторон, в чистое завернет, обратно в зыбку положит и дальше пить-гулять.

Мы хоть и оседло жили, но помню, как меня маленького, лет четырех, возили в Тольку. Верхняя Толька когда-то входила в ХМАО, в частности, в Ларьякский район. В этой Тольке учились летом, потому что учителей завозили зимой, а летом туда не поедешь из Ларьяка, разве что через Ямал ехать. Да и по прямой почти тысяча километров. И отец с матерью возили меня туда на оленях. Туда едешь девять дней, на десятый приезжаешь. Ночевали в лесу, чтобы ветер не доставал. Никакой чум не ставили. Сначала покушаем, костер, чай — как положено. Потом спать: прямо в снегу ямку выроешь и ложишься. Хоть и не как дома в постели, но ведь

*Семья Георгия
Ивановича
и Евдокии
Александровны
Тайлашевых*

в меховой одежде весь. Кисы длинные, пристегиваются, да двойные: внутренние (чулки) шерстью внутрь, верхние — шерстью наружу. На рубашку надевалась «кухлянка» — из шкуры маленького оленя шерстью внутрь, а сверху еще малица. Под подбородок подкладывалась чистая тряпочка, чтобы не терло. В такой одежде в снег спокойно ложишься, нигде не продует, никакой мороз не достанет. Утром проснешься, если ночью снег шел, никого не видно, все ровненько, одни олени ходят. Потом смотришь: ханты встает, отряхнулся, костер развел, чайник подвесил, оленя поймал...

Ханты и сейчас в округе больше 20 тысяч. Манси — 9 тысяч. Венгры считают, что ханты и манси — родственные им народы. Во II тысячелетии до нашей эры было великое переселение народов — шли племена с востока. Там не было ни ханты, ни манси, ни русских, ни татар — кочевые народы. Дошли до Южного Урала, часть пошла на север, образовав народности ханты, манси, ненцы, селькупы. Другая ветвь прошла югом до современной Венгрии. В Будапеште есть гора Геллерт, на ней стоит каменный монах, он повернут лицом на восток. По легенде был такой монах, который задался целью найти, где корни венгерского народа. Он был и на западе — ничего не нашел. Пошел на восток, дошел до Урала, спустился на восточную его сторону, наконец дошел до какого-то поселения на притоке Оби и услышал там речь, похожую на венгерскую, — он понял их! Родственные корни в языке до сих пор сохраняются, например, вар — огород, город. В Венгрии был город Сталинварош, другие с таким же корнем. А у нас — Нижневартовск, Верхневартовск... Разные условия жизни, по-разному к ним приспособлялись, вот теперь с трудом друг друга узнаем!

В школу я пошел с восьми лет, в 1940 г. В Охтеурье школа была четырехклассная, в деревянном здании. Но все классы отдельно, и даже интернат при ней был. В него привозили детей из ближних юрт, а рядом стоял дом, в котором были их спальни. Человек сто, наверное, учились. Формы у нас не было, раздельного обучения тоже. Я поразился, когда пытались вводить это — мальчики отдельно, девочки отдельно. Первый директор у нас был Николай Нилыч Баталин — спокойный такой украинец. В 41-м году он ушел на фронт. Вернулся раненый, но еще женился на приезжей учительнице

Раисе Уваровой, очень красивой. Они прожили очень долго, дети у них выросли, потом уехали на Украину. Она и до сих пор жива, а сестра ее здесь живет.

Я учился в этой школе с первого по третий класс. Она долго сохранялась, а потом... Дело в том, что нынешнее Охтеурье не та деревня, в которой я родился. Сначала на место нынешнего Охтеурья перевели рыбучасток. А старый рыбучасток и юрты Охтеурье, в которых я родился, были выше по течению, на повороте Ваха. В этом месте Вах менял русло и начал валить берег. Даже кладбище вываливало. Мы с ребятами, когда рыбу удили, не раз видели торчащие из берега гробы. Потому и начали перебазировать сначала старый рыбучасток, а потом и деревню. Название сначала было Охтеурский рыбучасток, а потом просто Охтеурье. Недавно я был на 75-летию района, нас, ветеранов, возили в Ларьяк, а я попросил остановиться у того места, где было старое Охтеурье. Там уже ничего нет. Мой дом стоял в глубине, теперь середина Ваха метрах в ста от того места, где он был.

На войну из нашей семьи ушли отец и шестеро братьев. Братья Никифор и Николай были с 1917 и 1918 годов. В 37-м их взяли в армию, на Дальний Восток. Отслужили, а в 40-м году возвращались домой, добрались до Ханты-Мансийска, остались там на зиму. А летом началась война, и их сразу же забрали. Четверо братьев на фронте погибли. Всего в живых нас осталось шестеро: три сестры и три брата. Сейчас уже четверо... Зато детей, внуков, правнуков — больше тридцати!

В 43-м году отец вернулся с фронта, его направили в Ларьяк и назначили начальником Ларьякского рыбучастка. Там были и рыбозавод, и рыбучасток. Потом рыбозавод перевели в Нижневартовск, а сейчас, по сути дела, разорили его. А завод очень хорошо работал, добывали тысячи тонн рыбы! Весной 43-го года мы все в Ларьяк переехали последним санным путем. С третьего по десятый класс я учился уже в Ларьяке. Когда начинал учиться, школа была семилетней. Но когда дошел до восьмого класса, образовали уже восьмилетнее обучение, следом девяти- и десятилетнее. В седьмом классе у нас было двадцать семь учеников, а до десятого дошли пять. Спрашивали каждый день на каждом уроке! Тогда нам это очень не нравилось, это уж потом я понял, что очень повезло! Все оставшиеся хорошо учились.

Разъехались, но друг о друге не забываем. Люда Ярова (отец ее работал в райисполкоме) вышла замуж в Бурятию. В такую даль черт унес! Правда, так можно и про мою жену сказать: из Горьковской-то области да в Ханты-Мансийск! А вот сестра Люды, учительница, поэтесса, в Нижневартовске и Ларьяке всю жизнь проработала. Леня Медведев (я у них на квартире жил) уехал в Донецк, стал шахтером. В Тюмени живет Борис Найда — пенсионер уже. Он да Эрнест Звезда — друзья были не разлей вода. Потом Эрнест был директором школы. У него и отец был директором школы в Ларьяке. Вот уж где семьяща огромная! Толя Кауртаев, манси, бывший заместитель председателя райисполкома Нижневартовского, сейчас возглавляет общество «Спасение Югры». Саша Боровских — ее я потерял, но знаю, что замужем, учительница.

Учителя у нас были замечательные. Вера Матвеевна Винокурова, заслуженной учительницей РСФСР потом стала, а тогда она и еще несколько учителей приехали совсем молодыми. Директором был Иван Матвеевич Елесин — чудеснейший человек! Участник войны. Парни его просто боготворили!

Окончил школу я в 1951 году. Мы были первые выпускники средней Ларьякской школы. Но поскольку в нашей школе учителей с высшим образованием было недостаточно (были с незаконченным высшим), а в государственной комиссии на аттестат зрелости нужно было, как минимум, две трети экзаменаторов с высшим образованием, нас весной с первым катером (еще лед шел) отправили в Сургут — за семьсот километров от Ларьяка. По Ваху, по Оби, мимо Нижневартовска... В Сургуте я и сдавал выпускные экзамены. Почти все экзамены сдал на «отлично» и только по физике получил «хорошо». Принимал этот экзамен знаменитый физик Аркадий Степанович Знаменский: хорошо помню, как он ходит по классу, в руке карандашик остро отточенный... Мне попался вопрос «Устройство бинокля». Поскольку наша школа еще только образовывалась, в ней не было наглядных пособий, бинокля я никогда не видел, но теоретически наш физик объяснял нам, как бинокль устроен. Вот я теоретически все нарисовал, где что, куда какие лучи идут, куда смотреть. Знаменский говорит: «Хорошо, вы все правильно объяснили. Вот вам линза, поставьте ее перед моим глазом так, как она должна стоять в бинокле». А я ее никогда в

руках не держал! Конечно, поставил наоборот. И за это он вывел мне в аттестат четверку.

Еще не закончились экзамены, на мое имя приходит телеграмма от директора школы: «Прошу согласия учиться в Ленинграде в университете имени Жданова». Я, конечно, тут же дал согласие: еще бы, мне, ханты из Охтеурья, из Ларьякской школы, учиться в Ленинграде! Таких, как я, со всего округа собрали 11 человек представителей народов коренных национальностей. В нашей школе и другие ребята учились хорошо, но отличник-ханты я был один. Хантыйский язык я знал, поскольку родители его знали хорошо, разговаривали на нем между собой, но нас не принуждали говорить по-хантыйски. Понимать-то я и сейчас понимаю (ваховский диалект), но разговаривать не могу — практики же нет. А когда уезжал в Ленинград, еще и по-русски говорил очень неважно, даже рода пугал.

Собирали меня на учебу всей семьей. Муж моей старшей сестры Виктор Нестерович Овсянкин подарил шинель и фуражку, которые у него остались после фронта. Вместо чемодана смастерили ящик из фанеры с навесным замком. Небогато, конечно. Зато отец купил мне часы «Победа» — это такая роскошь была!

Выехал я в августе. Сначала на катере до Ханты-Мансийска — там мы получали направление из окроно. Собрали нас, всех одиннадцать, посадили на пароход «Гусихин», довели до Тобольска. Дальше пароходы не идут — к августу Тура обмелела. Все, кто с нами ехал, сели в автобусы и уехали, а мы гадаем, что дальше делать: мы же первый раз едем, про автобусы ничего не знаем (потом в Тюмени первый раз в жизни паровоз видели). И тут подвернулась какая-то женщина: «Вам куда, в Тюмень? Пойдемте со мной, я вас отправлю!». Повела через весь Тобольск на берег Иртыша. Там мы просидели почти до утра, потом подошли две машины-полуторки. «Это дядя Яша, а это дядя Саша. Садитесь, они вас довезут». В кузовах какие-то запчасти... Ехали до Тюмени мы трое суток, да под дождем. Заезжали во все попутные деревни, и в каждой — пьянка. Дядя Яша с дядей Сашей выходили с шапкой, в которую мы клали деньги, и они шли пить, а мы их ждали. Уже недалеко от Тюмени мы так сидели в очередной раз, а мимо проезжал воинский эшелон на «студебеккерах». Выскакивает военный, красивый

*Леонид Тайлашев,
студент исторического факультета
ЛГУ (1955)*

парень цыганского типа: «Ребята, вы откуда?» Мы ему рассказали. «Где шоферы?» — «В чайной». Он оттуда и выносит обоих «дядей» за шиворот, как котят. «Если вы еще раз остановитесь, или с ребятами что случится, сдам под суд! Я за вами поеду, следить буду!» После этой встречи наши водители быстро поехали, но под Булашево оторвались и свернули в заросли тальника. «Студбеккеры» мимо прошли. И дядья опять к

нам с шапкой... Ночь мы снова провели на завалинке «чайной» под дождем. На следующий день, не доезжая Тюмени, шоферы нам говорят: «Выходите, уж недалеко, теперь так дойдете, а то нас арестуют из-за вас!» Мы вышли со своими чемоданами, идем гуськом. Подходим к Тюмени, смотрим: наши машины стоят, рядом с ними наш военный и дяди Яша с Сашей уже руки назад. А парень этот, видимо, был либо гаишник, либо кагэбэшник, он их отловил, спрашивает: «Где ребята?» А тут и мы подошли... «Они вас везли? Сколько взяли с вас?» Ну что теперь вернешь, все уже пропито... Подгоняют «черного ворона», их туда — за издевательство над нами. А нас посадили в хороший автобус и отвезли на железнодорожный вокзал.

Встали мы в очередь за билетами. Вперемежку стоим. Я свою вахту отстоял перед рассветом, вышел в скверик и заснул, сидя на скамейке. Просыпаюсь, хотел посмотреть, который час — нет часов! Я под лавку, туда-сюда... На другой лавочке парень с девушкой сидят. «Вы не видели, подходил кто ко мне?» — «Да, двое сидели с двух сторон, а потом перескочили через забор и уехали на автобусе». Я к милиционеру, он говорит: «Где я вам их найду?» В это время подбегают наши ребята: «Взяли билеты!» И поехали мы

в Ленинград. Так меня в первый и последний раз в жизни обворовали. В Тюмени. С тех пор я Тюмень не люблю. Живу здесь, потому что меня направили по партийной дисциплине. Но не люблю и любить не буду! А в Ханты возвращаться — зачем? Я же пенсионер. У меня дочери там живут и работают. Такая судьба.

Приехал я в Ленинград. У вокзала крутятся шоферы: «Вам куда?» Мы рассказали. «Мне по пути, довезу!». Посадил и давай возить по Ленинграду. Там ехать-то по Невскому проспекту десять минут. А он возил-возил и взял с нас по десятке — большие деньги по тем временам! Добрался я до университета, до приемной комиссии, сдал документы, какие требовались. Потом вышел на Университетскую набережную, стою на трамвайной остановке со своим ящиком, в шинели... Тут же стоит рабочий, видно, заметил меня, подходит: «Куда тебе, парень?» — «На восьмую линию, там наш факультет». — «Поедем, я тебе покажу». Я поразился: «Может, опять обманывают?» Сели в трамвай, доехали до восьмой линии, он показал: «Тебе туда». Я вышел, стою... Тогда он тоже вышел, берет меня за руку: «Пошли, доведу!» Так до самого дома и довел. Этого человека я всю жизнь помню и буду помнить! Первый ленинградец! И все они такие. Они из нас сделали людей, воспитали. К ленинградцам с тех пор у меня самое лучшее отношение. Я говорить по-русски по-настоящему научился благодаря ленинградцам, причем блокадникам. Ленинградцы нас, северян, которые учились с их детьми, приглашали по субботам, после занятий, к себе в семьи. Мы проводили у них субботу, ночевали там, потом воскресенье — жили в ленинградских семьях. Мы все считаем, что в те годы получили не только институтско-университетское образование, но еще и ленинградское! Такое образование может получить только человек, который там жил и учился не менее 5–6 лет. Если во мне есть что-то доброе, хорошее в моем характере, поведении, то обязан этим я ленинградцам, причем блокадникам. Это были необыкновенные люди! Я благодарю судьбу за то, что попал в Ленинград. Тем более что я же учил историю, а Ленинград — живая, наглядная история. Куда бы ни пошел, везде история!

Учиться я начинал на историческом факультете университета, а остальные десять наших ребят — в педагогическом институте имени Герцена. Но закончил я тоже институт Герцена. В 1953 году мы проходили военную практику в Пярну, а когда вернулись оттуда,

нам объявили: «Ваш факультет сливают с историческим факультетом института им. Герцена». — «Почему?» — «Потому что университет дает общие знания, готовит к научной работе, а сейчас срочно нужны люди на практическую работу — учителя для Севера!» Мы даже бастовали, не хотели идти на учебу, писали письмо Председателю Президиума Верховного Совета Ворошилову. Но с нами потом побеседовали, сказали: «Ребята, вы делаете не то!»

В институте имени Герцена (сейчас это педагогический университет) было подготовительное отделение. Детей северных народностей: ханты, манси, коми, ненцы, эвены, эвенки, коряки, чукчи — привозили в Ленинград сначала на подготовительное отделение, подтягивали, а потом уже они шли на первый курс. Так вот, Юван Шесталов начал учиться с подготовительного. На первом курсе он уже писал стихи — талантливый парень. Стихотворение напишет, кто-то рядом переведет с подстрочником — обоим деньги. Куда их девать? Мы же были на полном государственном обеспечении: нас одевали, обували, кормили и заставляли учиться! Были ребята из коренных национальностей, которые любили выпить. Сколько с ними возились! Он загулял — ему дают академический отпуск. Русского тут же исключали, а нашему брату — академический отпуск! Год, второй он не является. Потом приезжает, опять идет на тот же курс. Сколько-то проучился, снова запил, ему снова академический отпуск. Говорить категорически о физиологической потребности в алкоголе северных народностей нельзя, это неправда. Все так же, как и у других национальностей: все зависит от человека, от характера. В нашей семье только старший брат Никифор любил выпить, остальные не пили. Да, пили наши ребята, в том числе и талантливые, даже учась в Ленинграде, но не все же! В основном-то ребята не сивались, а выучились и прекрасно работали! Эти ребята были патриотами своего Севера, они готовились нести ему свет знаний. Если у человека есть цель, он не запьет! Никогда я в эту «болезнь» не верил. Всегда возглавлял всяческие комитеты, был даже в общеинститутском комитете комсомола, воспитывал наших северных выпивох.

Сколько с нами советская власть возилась! Теперь плохая стала. А разве батюшка-царь или белые офицеры, князья-аристократы стали бы так печься о Шесталове или обо мне, или о других? Да разве Шесталов стал бы поэтом без советской влас-

ти? А сейчас он, Райшев и другие ханты, которые вместе со мной при советской власти получили высшее образование, стали говорить: «Зачем забирать детей северных народностей в интернаты от родителей? Пусть дети на дому учатся, живут в семье, пасут оленей, сохраняют традиции, и не надо им этого общего образования!» И доброхоты русские за ними эту глупость повторяют. Но как «учить на дому» — в чуме, в юртах? Ясно, что это нереально, говорится только для того, чтобы посеять смуту. Я и сам учился в школе, родители были за восемьдесят километров, и ничего со мной не случилось, я не разучился ни охотиться, ни рыбачить. Зато вошел в современную жизнь. Есть такая народность — ульчи, тоже с нами учились, их всего то тысяча человек, а у них два доктора наук в советское время появилось! А если бы они в чумах учились?

В институте имени Герцена я и жену свою нашел, Нину Васильевну, она тоже училась на историческом. Она русская, из Горьковской области, из города Сергача. Также из большой семьи — она шестая. Мать умерла, когда ей было всего пять лет. Девчонка осталась с отцом — остальные дети уже взрослые были. А в конце 1944 года отца арестовали по 58-й статье — «враг народа»: он в адрес колхозников сказал не те слова. Работал главным бухгалтером в совхозе — ему сразу посадили стукача. И забрали. И в тринадцать лет она осталась одна в доме в последнюю военную зиму. Выжила благодаря соседям: кто приносил горсть овса, кто горсть муки, но все же голодала... Просуществовала до весны, потом в саду появились яблочки зеленые, а она уже не вставала. Соседский мальчишка, с которым они дружили, наберет, принесет ей ведро, она лежит и ест. Живот вздулся... Чудом выжила, но теперь болеет, врачи говорят, что это все пришло из детства. Отца потом освободили, реабилитировали. И ее реабилитировали — она же тоже числилась как дочь врага народа.

Пожились мы 22 января 1955 года. Свадьбу сыграли на квартире председателя профкома института Виктора Куценко. Сначала снимали угол у знакомых, потом нам в общежитии выделили комнатку, во дворе института. Весной 1955 года закончили институт. Я все время был в комитете комсомола института, в факультетском бюро. Я и в школе всегда был секретарем комсомольской организации — и общешкольной, и уче-

нической, и учительской. Меня не освободили даже на время выпускных экзаменов. В Ленинград ехал, думал: «Ну, там уж отдохну! Буду учиться играть на баяне!» — была у меня такая мечта. Нет, опять некогда: все время был на общественной работе. Играть-то и сейчас играю — и на баяне, и на аккордеоне, но по слуху, а нот так и не знаю. Меня приглашали остаться в Ленинграде инструктором Куйбышевского райкома комсомола, я отказался: как можно, я же патриот своего округа! Я должен вернуться к тем, кто меня направил.

И поехали мы с Ниной Васильевной в распоряжение облоно. Распределение у нас в Ларьякский район. Но там была только одна средняя школа, которой достаточно одного историка. Две школы были в Кондинске (тогда Нахрачи) — семилетняя и средняя. Тут же подвели к заведующей районо Екатерине Васильевне Головкиной. Встретила она нас очень строго: «А мы ждали не вас, а Филатова!» Петька Филатов был родом из Кондинска, учился сначала в педучилище, потом вместе со мной. В Кондинске ждала его подруга Аннушка с двумя его сыновьями. А в Ленинграде он успел жениться на другой. Кроме того, была у него подруга в Ханты-Мансийске, которая работала в окроно. Об Аннушке она ничего не знала и уже готовила для него место. Когда до нее дошла весть о его женитьбе в Ленинграде, заведующая окроно Турбаева направила ему письмо: «Раз ты так поступил, мы тебя зашлем туда, где Макар телят не пас!» В Ханты-Мансийск он приехал один, встретился с Женей, заверил ее, что не женат, показал чистый паспорт. Тогда заведующая окроно тут же нашла для него место в Хантах, выделила квартиру. Только начал преподавать, приезжает жена с лялькой. Но через полгода она уехала вместе с ребенком, а Филатов так и остался в Хантах.

А мы с Ниной Васильевной осели в Нахрачах: она в заводской школе, а я в средней. Для начала в Кондинске нам предоставили «угол» — кровать, на ней мы и жили. У нее в качестве приданого было одеяло из сукна и подушка с гвоздем (покупали на рынке, там в подушку для тяжести гвоздь положили), а у меня была перина и тоже подушка. Еще был ящик книг и наших конспектов. Через год у нас родилась Наташка. Потом директор школы пригласил нас в свою кухню — с отдельным входом. Когда мы уже поработали, нам выделили квартиру, в

которой под полом стояла весь год вода. Из этой квартиры мы и переехали в Ханты-Мансийск. А до того оба сначала стали директорами своих школ. Нина Васильевна очень толковая и как учитель, и как руководитель. Будучи директором, по сути дела, построила новую школу — возглавила строительство. В 1958 году ребята в Конде избрали меня первым секретарем райкома комсомола. Я перешел в райком комсомола — ее перевели завучем средней школы.

Первым секретарем Кондинского райкома комсомола я был в 1958–1960 годах. Мне часто приходилось ездить по деревням, по лесоучасткам, встречаться с молодежью. Машин не было, но в райкоме комсомола был беленький конек, звали его Спутник. Я запрягал его в кошевку, садился и ехал из Кондинска до Шаима. Туда да обратно — на это уходил месяц. Один ездил. Но в каждой деревне конный двор, там лошадь поят, кормят, ухаживают за ней. От деревни до деревни — это тысяча километров: Никулкино, Катыш, Юмас, Сотник, Леуши, были еще Ямки и дальше, за Леуши. В ту сторону еду — встречаюсь с секретарями первичных комсомольских организаций, мы с ними договариваемся, в какой день проведем комсомольское собрание, и я еду дальше. Доезжаю до Шаима — это крайний пункт на реке Конде, дальше уже ничего не было. Там провожу комсомольское собрание, утром снова в кошевку и поворачиваю своего Спутника в обратный путь. К вечеру возвращаюсь в Чантырью, там уже назначено комсомольское собрание. Обязательно приглашали руководителей лесоучастков — разговор в основном шел о производственных вопросах и условиях работы молодежи. Тогда комсомол очень сильно вникал в хозяйственную деятельность, и к нему прислушивались. Дальше в Мулымью. Деревни там так расположены, что если на лошади утром выезжаешь, приезжаешь в следующую еще до вечера. Дальше Половинка, Три Конды, Леуши, поворачиваешь на Лиственничный, а дальше пошли поселки спецпереселенческие. Выезжать ссыльным тогда еще не разрешали, народу полно и молодежи много, причем молодежь была очень активная. Потом, когда выезд разрешили, все уехали.

У меня никогда не было проблем с явкой комсомольцев на собрание, потому что я всегда возил с собой баян. Объявление

обычно писали так: «Состоится комсомольское собрание. После собрания — танцы под баян». Вечером полный клуб молодежи! Сначала я играю, все танцуют. Потом секретарь (обычно были крепкие, волевые такие парни или девушки) объявляет: «Посторонних просим временно удалиться из клуба! Мы сейчас проведем комсомольское собрание». «Посторонние» выходят на улицу, но не уходят, стоят, облепляют окна — у каждого на комсомольском собрании остались друзья и подруги, вот и ждут. А зима ведь. Ну, мы тогда долго не заседали. Снова всех запускаем — и на столе куча заявлений о вступлении в комсомол: «Мы хотим участвовать во всем!»

В 1960 году меня отозвали и направили в Ханты-Мансийск вторым секретарем окружкома комсомола. Рядом со старым окружкомом до сих пор стоит кирпичный двухэтажный дом, в нем на первом этаже нам дали двухкомнатную квартиру — о-о, как это было прекрасно! Хотя никаких удобств в этом доме не было. А в 1961 году избрали секретарем окружкома партии — мне было всего 28 лет. И я работал секретарем окружкома партии в городе Ханты-Мансийске 20 лет бессменно. Жена вместе со мной переехала в Ханты-Мансийск, стала завучем школы № 2 в Самарово, потом работала заведующей методкабинетом. А когда мне как секретарю удалось построить и запустить институт усовершенствования учителей, она с нуля вместе с Владимиром Дмитриевичем Гурьяновым (он директор, она — завуч) создали межокружной институт.

Отношения с нефтяниками начались, когда я работал секретарем Кондинского райкома комсомола. С буровым мастером Семеном Никитовичем Урусовым мы встретились как раз перед тем, как он начал бурить знаменитую скважину № 6 на Сухом Бору. Я его расспрашивал, как дела, какая бригада. «Бригада должна быть больше сорока человек, но очень плохо идет к нам взрослый народ. Не верят». — «Давайте попробуем молодежь поагитировать!» И вот тогда мы с ним вместе создавали первую комсомольско-молодежную буровую бригаду, которая и стала первооткрывательницей первого нефтяного месторождения Западной Сибири. Для нашего края это открытие имело огромное значение, и я считаю за счастье, что мне довелось присутствовать у самого основания этой эпопеи! Теперь идут разговоры, что,

мол, северные народы от освоения недр Западной Сибири больше пострадали, чем выиграли, я с этим категорически не согласен!

Действительно, при открытии крупных месторождений были издержки — без них невозможно никакое освоение. Да, рубили просеки — отгоняли белку, медведя, но как иначе пройти геологам-геофизикам со своей аппаратурой, как составить карту? Тут уж или белку стрелять и оленей разводить, или нефть добывать! Я не осуждаю, потому что знаю, как трудно это совместить. Все равно, что по болоту пройти и не замочить ноги. Конечно, пришлый народ, да еще в поисковых партиях рабочими зачастую уголовников нанимали, беспорядку наделали. Раньше ханты, уходя из своих юрт на охоту, палочкой дверь подопрут и уходят на два-три месяца, а то и на четыре. Набрел в пути на такую деревню, погрейся, если замерз, да и иди дальше. Взять-то там нечего, единственно постель — олени шкуры лежат. Как только первые, еще геодезические, отряды дошли до деревень хантыйских, стали эти шкуры воровать, утварь всю забирать, может, считали, что все брошено. В наших поселках всегда стояла девственная тишина, покой, а тут наезжают на танкетках, шум, гром, развернулся лихо, зацепил дом, отворотил угол — разорил ханты. Плохо, конечно. Зато сейчас, когда нефти стало много, не узнать старые поселки! Дороги, дорожки, все заасфальтировано, забетонировано, новые дома стоят, даже школу мою старую снесли. Мне жалко ее, но и радостно. Есть, конечно, еще хибары, медленно жильё строится, даже в Ханты-Мансийске. «Центром наступления» на большую нефть Ханты-Мансийск никогда не был. Центрами стали Сургут, Нижневартовск. Ханты-Мансийск числился столицей округа, но денег на его строительство в те годы не выделялось. Тогда, чтобы построить туалет в Ханты-Мансийске, надо было согласовать этот вопрос в Тюмени, с облпланом! Самостоятельно мы ничего решать не имели права. Сейчас, когда округ стал самостоятельным субъектом, стали распоряжаться своими деньгами, я радуюсь за город!

Наверное, можно было бережнее относиться к природе. Например, чтобы перейти речку, надо было не надвигать на нее бульдозером землю, а бросить трубу. Но трубу еще где-то взять надо, привезти, бульдозером проще, быстрее, а нефтеразведчиков план подгоняет, им надо к определенным срокам выйти на

месторождение. Они перекрыли речку и поехали. А та речка рыбная была, теперь рыба туда не пойдет. Так и сейчас еще есть. Но сейчас у нефтяников другие возможности. Геологоразведчики что имели, кроме штанов да визиров? И кормила-то их подчас кооперация... А сегодняшние нефтяники могут миллиарды бросать. У нас в Варьегане есть такой вояка ненец Вэлла, он и судится, и топором машет, чтобы ему платили за то, что работают на его родовых угодьях. И нефтяники платят — они имеют такую возможность. У государства в 50–60-е годы такой возможности не было. Страна только что вышла из войны, вся разоренная... Денег в стране не было, а горячее нужно было! Помню, в конце сороковых годов из Большого Ларьяка вылавливали мелких ершей — много, мешками, привозили неводниками, солили в деревянных бочках и отправляли в Белоруссию, на Украину, в Прибалтику. Я только удивлялся: на что годны такие ерши? А когда узнал, что люди там кору с деревьев срезали, варили и ели, понял, что, может, наш ерш спас тысячи жизней. Какой-никакой, а отвари его — это белок.

Через два года после окончания войны Сталин отменил карточную систему, накормил страну досыта хлебом — ни на копейку не поднял цену! До сих пор жалуются: «У нас тут жильё разваливается!» Правильно, куда вперед были направлены деньги — на строительство жилья. В ту же Белоруссию, где немцы дотла сжигали все деревни, в города, которые лежали в руинах. Действительно, получилось, что те города и деревни стали краше, чем наши. Но я считаю, что все правильно было сделано, потому что люди жили в погребах, ели кору деревьев! Моя жена девочкой в своей деревне, в заволжских степях умирала с голоду. А мы же с голоду не умирали! В степи хлеб не уродился — все, ложись и помирай. А у нас здесь рыба была, дичь была, мясо было, ягоды, шишки! Во время войны мы с матерью осенью шишек натаскивали — целый амбар забивали. Зимой хлеба нет, но приносили ведрами эти шишки, они мерзлые, орехи сладкие, весь вечер щелкали. Хорошо! В той деревне, где моя жена жила, за такое ведро, может, палец дали бы отсечь.

Да и сейчас у нас остаются места, где и ягоды есть, и шишки, и дичь, где нога человека не ступала. От голода манси или ханты в лесу или у реки никогда не умрут. Разве что от болезни, если

уж вовсе двигаться не смогут. Мне и сейчас оказаться в лесу — и сам не пропал бы, и семью бы прокормил. Богата наша природа была и остается, только мало мы занимаемся этим. И никакого вырождения коренных национальностей нет ни в качестве, ни в количестве! Кто говорит, что убавляется численность коренных национальностей, тот просто-напросто забывает о смешанных браках. У нас 40% смешанных браков — это официально признано! У меня семья: я ханты, жена русская, одна дочь пишется русской, другая — ханты. Правильно было заведено при советской власти: достиг совершеннолетия — выбирай, какой ты хочешь быть национальности — отцовской или материнской. Только в Нижневартовске у меня сейчас более двадцати племянников, внучатых племянников, каких-то правнуков! И в Ханты-Мансийске, и в Тюмени, и под Курганом — везде родня! Где же тут вырождение? Я как ханты разве не выиграл оттого, что выучился русскому языку, получил образование в русском вузе, женился на русской женщине? Разве от этого я перестал быть ханты? Я считаю, что, наоборот, обогатился: и ханты остался, и русскую культуру перенял. Друзья у меня есть и среди ханты, и среди русских, очень много друзей среди евреев и среди других национальностей. И эта дружба обогащает нас всех!

Записала Е. Грошева

«Жить буду красиво»

Валерий Павлович Поливанов — яркая личность в истории окружного радио. Он был «лицом» редакции на протяжении двух десятков лет. Он умел «разговорить» самого сдержанного и замкнутого собеседника. Он умел добывать «голоса» из самой глубинки, из прошлого. У него был талант исследователя, аналитика, публициста. Он был неизменно доброжелателен, ценил юмор и сам любил подстроить какую-нибудь «хохму», организовать розыгрыш, подготовить сюрприз.

Как человек эмоциональный, легко обижался, но не обижал. Чужую боль принимал, как свою. Он и умер преждевременно, от горя.

Случилось несчастье с его внучкой, и он не пережил его.

У него было много друзей. Но, наверное, никто не сможет рассказать о человеке лучше, чем он сам о себе. Я осмелилась предложить к публикации его письма, потому что это самый выразительный портрет автора, в них его внутренний мир, его страждущая душа. У меня хранятся 19 писем Валерия Павловича Поливанова, написанные им в трудный период его жизни (а легко он и не жил никогда) — в 1980–1982 годы. В ту пору он работал в г. Салехарде корреспондентом Ямало-Ненецкого окружного радио. Я переехала в Тюмень и пыталась реализовать свои творческие порывы в стенах Тюменской областной редакции радио и телевидения (ныне радиоккомпания «Регион-Тюмень»). Мы оба тосковали по Ханты-Мансийску, по сослуживцам, по прошлому.

Решение опубликовать письма Валерия Павловича далось мне не просто, но он сам писал в одном из посланий: «Знаешь, я

иногда думаю, что мои письма попадут в чужие руки. Пусть. Пожалуйста. Что плохого прилипнет к пальцам?.. Мое сердце существует помимо всех житейских бурь. Оно сильнее меня. А я неизмеримо богаче всех: я — люблю... Я запечатываю листки в конверт. Они отражают мое настроение, все мои клетки...»

И я хочу вернуть все это вам, всем тем, кто знал его и любил, кто был Его современником...

Ваша С.В. Павлова.

Письмо 1

Ну вот и живу я в мире своего детства. По утрам хорошо видно Уральские горы, а на рейде Полуя стоят океанские суда. Дыханье моря доносится сюда не только пароходными гудками и штормовыми солеными ветрами. Оно пока у меня в сердце, вот здесь.

Мне всегда кажется, что человеческая природа не только недолговечна, но и непостоянна. Периоды, когда не знаешь, куда деться, сменяются скрупулезным подведением счетов, оценкой себя. Не всегда чувства поддаются учету, так и норовят уколоть тебя побольнее. Но ведь я все бросил. И с удивлением обнаружил, что главной причиной бегства опять же была ты. Разумная плоть подчинилась неразумным чувствам и страшно этим довольна. Как ни странно, в одиночестве она не чувствует себя одиноко. Мне как-то пришло в голову: почему тогда, при последнем разговоре в той странной атмосфере, замешанной на мазохизме и утонченной светской лавировке словами, я назвал тебе этот непонятный срок — год. Кому он был нужен? Тебе? Мне? Сказал-то я не задумываясь, удивительно твердо. А потом додумал. Я ведь его тебе подарил! Может, и ошибаюсь, но приятно знать, что тебя любят и ждут. Ждут без всякого вознаграждения и просто так. Много есть чудаков на свете, но влюбленных... в наш рационалистический век. Я и сам-то поражаюсь. До предела. До внутренней боли.

Ты вела разговор нервно, взвинчивая временами себя. Брошишься, говоришь, с 5 этажа? «Да», — сказал я. И сделал бы это и тогда, и сегодня.

— Не боишься, что я тебя предам, — спросила ты.

— Не боюсь, — ответил я. — Когда хотят предать, не носят письма в портмоне.

В тебе есть много от семейной опеки и этого свойства души, называемого тепличным комплексом, когда человек опекался и рос под крылом родителей. Но в тебе и великая сила бунтарства, яростная и неприступная. Воспользуйся ей неумело и будешь на коленях. Вот, кажется мне, почему тебе и нужен на это год. Меня подстерегают удары судьбы и жестокие испытания, но в нос мне ударили запахи океана, его просторов. И помилуй меня бог, если я не сделаю шага, нет — не пойду упрямо вперед. Мне очень хотелось написать тебе и повидаться, строчками прикоснуться. Может, тебе и неприятно, но я уже не мог сдерживаться.

По-гречески мое имя звучит как «счастливый». И я счастлив тобой. И вовсе не противоречит перевод основы фамилии — от греческого «жестокий». Уж я-то умею зажать себя в узде чувств. И если уж жесток, то по отношению к самому себе. Я не говорю тебе ни прощай, ни до свидания. Ты всегда со мной. И это всегда как парус, надутый ветром, несущий бригантину мечты уверенно и сильно вперед. Можно я тебя поцелую?

Письмо 2

Ну что же это такое! Опять от тебя нет ни строчки, ни словечка. Как, впрочем, и от остальных. Почта с перекладными добирается в тундру долго. А вся она залита водой, и едва ступаешь с тротуара, как погружаешься в трясину. Странно, но погода здесь как раз противоположность полная моему настроению: то дождь, то холод. А я устойчиво живу теплом ожиданий и потихоньку, никому не мешая, страдаю. Какая все-таки она хорошая, жизнь! Идешь, словно в жаркий день, и так тяжело, худо, ноги не идут, а тащатся, а остановишься у озера с холодной водичкой и первым делом сполоснешь разгоряченное лицо, а потом хлебнешь жадно глоток-другой. И таким счастливым себя почувствуешь. Так блаженно! Я знаю: придет время и все изменится, забудется даже дорогое. Но ощущение счастья останется. Говорят, человек растет во сне. В какой-то миг он умирает и в это время подрастает. Затем срабатывает вновь биологический выключатель и уже живешь дальше увеличенным на сантиметр или два. В этот момент в детстве человек летит. Длится все это миг, а ощущение не забыто. Оно гнездится в самых сокровенных уголках нашего «я» и вылезает ведь все-таки на свет, и вспоминаем, и просыпаемся от необыкновенного облада-

нья радостью, парением, полетом. Сохранил — значит, ты существуешь. Значит — ты личность и человек. Человек!

P.S. Люблю тебя!

Письмо 3

Светла!

Удивительно — сегодня 16. 16 и 3. Я не заслужил столь долгого молчания. Если я необходим — я твой.

Все прежние времена мне казалось, что ты что-то недоговариваешь. И хорошо, что я ошибся. Такова ты. Помнишь, я тебе приводил слова А. Толстого: «Любимый — это чужой человек, только любимый»... Открываешь же только в близком. Но это так — пустяк. Я обещал тебе не заводить разговора на эту тему. И вот ты пишешь о своей боли. Передай ее мне. Я приму. Мне это доставит удовольствие. Я мазохист. Впрочем, и у меня были (слава богу, я человек) моменты, когда я предполагал: солнце (теперь-то уж!) взойдет не в той стороне. Ан, нет. Там же появляется и в то же время. Мир-то стоит и будет еще столько-то стоять.

На далеком-далеком острове сказок жил знаменитый доктор Ай-хо-хо. Он замечательно лечил все болезни. Из ничего делал все. И только одну болезнь он не умел и не хотел лечить — сердечную. Это в сказках, а в жизни они сами проходят и, как ни странно, без следа. Короче, «надо довольствоваться тем, что есть, если даже его нет».

Я, конечно, придерживаюсь несколько иных принципов, но спасали меня, как ни суди, не они, а чувства других людей, даже если они, как ты, не любили меня.

Мне все кажутся странными наши отношения. Иногда думаешь: ну что за глупость! Разуи глаза: сколько вокруг красивых и симпатичных женщин. Чего ты увязался за ней? И здесь вступают в силу законы природы. В чем они? В запахе? Цвете глаз? Интонации голоса, захватывающей тебя до последней клеточки? Черт его знает? И вот тут опять природа на твоей стороне. Она заставляет тебя испытать боль. Вот тут и кажется, что мир рухнул. Так ли это? А мы знаем хитрость — ни в коем случае!

Я не знаю, что ударило тебя. Домыслы можно строить разные, но еще раз скажу: понадобится — скажи. Сделаю и невоз-

можное. Человеческие отношения, как ни говори, самая бесценная часть бытия. И никакими ценностями, так называемыми, мира их не окупишь.

16.11.81 г.

Письмо 4

Светла!

Я, наверное, не вправе писать тебе, и ты упрекнешь меня, но просто вижу, что удерживать в себе не могу. Ты нужна мне. Понимаю, что скажешь — эгоист. Но разве эгоистично чувствовать близость с человеком, который тебе дорог, ради того, чтобы жить? Мне часто хочется спросить себя: чего хочу я от жизни? И не нахожу ответа, пока мыслями не обращусь к тебе. Пусть безответно, но мне необходимо это чувство. Прости. Не знаю, что из него получится в будущем, и не хочу думать об этом, но тепло это вливается в меня, как воспоминания о теплой прогретой воде летней речки. Раньше я был мужественным и сильным человеком (по крайней мере, так считал) и умел добиваться своей цели. Встать сейчас нелегко, но с тобой я встану. Даже если ты будешь со мной просто в мыслях. Принимаю тебя целиком такой, какая ты есть, и хочу, чтобы ты была, чтобы я мог посвятить тебе свою жизнь.

Письмо 5

Милая моя!

Прости за долгое молчание. Представляю, как тяжело было тебе в этот период. Но на это есть свои причины, и не скоро их объяснишь. Конечно, я подлец. Но опять же, прости, я предлагал тебе быть всегда вместе, и мое тепло, мое сердце всегда бы принадлежало тебе. И сейчас я верен своему слову. Срок — он назначен 13 апреля.

Впрочем, напрасно напоминаю. Правда? И глупо.

У нас с тобой в жизни все довольно странно. Плохо у меня, более-менее ничего тебе. У меня более-менее, у тебя плохо. Как мне хотелось бы стать той рукой, что поддерживала бы тебя, и тем голосом, что приласкал в темное дождливое утро.

Наши ребята иногда мне пишут. Матерился как-то Сургутсков, добродушненько ныл Соколов. Матвеева писала, да и сам

звоню. Но по-прежнему, как ни крути, возвращаться в прошлое не хочу. Впереди не вижу особого блеска, но и пустоты нет. Нам ведь, впрочем, так мало нужно, чтобы выбить из колеи, и так плохо станет. И пусть камешек мал, но опять же принадлежал он горе или принадлежит и сейчас. Так и день. Хороший-плохой, но он из моей жизни, и никому его не отдам. У нас с тобой ведь все хорошо? Правда?

Под окнами дома, где я живу, лежат рельсы заброшенной дороги. Они ведут от станции к станции, через мосты, которые уже разрушились, через станции, которых нет. И даже паровозы встретишь кое-где. У нее есть прошлое, а будущее? А настоящее? Но разве мне не приходят в голову мысли о больших дорогах и дальних странствиях? Значит, есть настоящее и оно во мне. Мне, впрочем, сейчас хорошо.

Тут я как-то прочитал книгу древних мудрецов Индии. Они утверждали: прошлого нет — оно прошло, будущее не наступило, а настоящего нет, поскольку пока я произносил это слово, оно стало уже прошлым. Мудрость в том, что человек живет всем: и прошлым, и настоящим, и будущим. И все это одновременно. Тот, кто отыщет середину, будет жить в мире вечного счастья. Я люблю тебя. И это для меня правда. И счастье.

Напишешь еще мне?

Письмо 6

Знаешь, мне тут пришло на ум: сколько чудесного в мире, а мы никак это не используем. Весь мир приключений и фантастики в реках, горах, городах, черт возьми! А мы уперлись в скорлупку личных болей и общественных (часто идиотских — не так ли?) и ничего не видим. Слепые! Разве нельзя мир использовать на полную катушку? Допустим, испытывал я наслаждение в горах, почему не попробовать снова? Не боюсь страшных волн урагана и дикого рева метели — так живи ради них, ради счастья победы.

Может, ты и возразишь, что во имя чего-то это надо делать. А разве я сам (личность вообще) не достоин счастья? Снова перечитывал [мореплавателей]-одинок, переплывших через океан и поразили меня слова Блэкберна, беспалого моряка, переплывшего Атлантику: «Это был единственный отпуск счастья, который я

позволил себе в жизни». А мы все силы, нервы бросаем на выяснение обстоятельств, кто, когда и кому что-то сказал.

Впрочем, я убеждаю себя более всего. Так странно оказаться за бортом (я боюсь воды). Мрак, темень, жуть... и все по каким-то пустякам. Неужели и я, и ты не личности? Неужели не отведено и нам хорошее? Я знаю, что ты возразишь: у меня все замечательно. Пусть так, но мне кажется, что мир еще можно построить (скроить — правильнее) по своим меркам, а полосу туманов мы (я) оставим за кормой.

Письмо 7

Светла!

Насчет лип не удивляйся. Все-таки моя прародина — Туринск, а там в центре города есть парк Декабристов и в нем огромные липы. Я их только здесь и видел (а может, мне так кажется, что только здесь). Предновогоднее настроение располагает к воспоминаниям и мысли все какие-то пасторальные, идиллистические. Покоем несет от праздника нынешней недели — Рождества. Правда, у нас оно приходится на 7 января, но в Европе раньше.

Мне вот тут пришла в голову мысль, довольно странная и бесшабашная. Что требуется обществу от человека? Чтобы он как можно раньше стал производителем продукта и как можно позже стал нахлебником у того же общества, то есть дольше трудился. Казалось бы, с этих позиций то же общество должно обеспечить этой личности возможно быстрее раскрытие ее таланта и более полное его использование. Жестокостью, эксплуатацией сделать это невозможно. Значит, один путь у людей — доброта. Доброе, сердечное отношение друг к другу. Не могу ручаться, что и на этом этапе развития нам обеспечены все условия для жизни, полной удовольствий, да и мы что-то уж слишком много обращаем внимания на мелочи и обижаемся, хуже — воспринимаем их как конец мирозданию. Но я-то сам целый мир. Он начинается и кончается со мной. Неужель я так плохо устроен, что не могу подняться над обидами? Над пустяками? Над пустозвонством и чванством? В истории человечества теория всепрощенчества уже была. Она закончилась крахом, и вновь возрождается, как всякая мысль — эфемерная, нереальная, живет и пробуждается в других, как вечно сугубо

интимное, казалось бы, чувство любви, материнства. Философия всегда была моим слабым местом. Просто мне не хватает тебя. Мне показалось даже, что или ты нашла (на данном этапе) мужчину, или Леня пришел обратно в дом. Столько было раскованности в твоём последнем письме.

Из новостей последнего времени сообщаю, что Ольгу и Таньку благополучно и грандиозно пропили и пропели. Ольге, конечно, легче. Она натура властная, а вот Тане мы особенно не завидуем. Что-то ее гнетет. Впрочем, дай бог, чтобы мы ошибались. Дай бог им и счастья. После Танькиной свадьбы Аскеров не вышел на трансляцию и заработал выговор. Шеф болеет весь декабрь. Редакцией (в отсутствие Конева) командует Кондрюкова. Насколько мне позволено судить — положение дел в редакции из рук вон плохо. Да, Сечко отмечает в январе 50-летие, и некоторые говорят, уезжает в Тюмень, а приняли в штат кого-то из ваших, из «Ритма», по-моему*.

Ну ладно. Пожелай и мне счастья. Лучше, если бы оно было вместе с тобой. Многое у нас непонятно. И хотя вроде ничего не скрываем друг от друга, а все как будто не договорили до конца.

Письмо 8

Светла!

Ты знаешь, каждое утро после получения от тебя письма я начинаю с его чтения. Что-то теплое согревает, дает силы для жизни. Заметь: с тех пор, как я тебе написал, ни дня не чувствовал себя не в своей тарелке. Сегодня мои лозунги: бодрость и оптимизм.

Знаешь, мне кажется порой, что нам бы, а не только мне, было бы хорошо вдвоем. Я, конечно, дурак и никогда не вылажу из своего отвратительного потустороннего, прямо-таки сказочного мира (и это причина всех моих житейских неурядиц. Мир так далек от меня), но ведь ты умница и прекрасно умеешь понять. А кругом столько удовольствий и пользоваться ими одному неразумно. Впрочем, это тоже из области фантазий на вольную тему. Но что же я должен говорить тебе или писать, если считаю себя обязанным по отношению к себе. Право — один без тебя, пра-

---

* Л.В. Лушай.

вильней — твоего присутствия рядом, я бы не выкарабкался. Сейчас только определить четкую программу (а я их выполнял четко). Буду ли заниматься писательским трудом, уйду ли от жизни в глухомань — время покажет. В самое недалекое время. Одно верно — жить буду красиво, потому что ты есть.

Удивительно, у нас с тобой никогда ничего не было, а вот какое-то родство, боль какая-то соединила. По крайней мере, меня. Отнести ли это за счет моего больного воображения? Или здесь что-то иное? Кто знает...

Извини — не захал в Тюмень. В Урае был билет на руках до Тюмени, но маленько измучила подружка-болезнь, а болезненным я не хочу с тобой встречаться. Ты этого не заслужила.

Напиши, пожалуйста, хоть что-нибудь. Так хорошо от строчек, написанных твоей рукой.

До свидания.

Письмо 9

Можно я с тобой пообщаюсь? Я понимаю, что несколько назойлив и, может, совсем не к месту лезу со своими писульками. Но уж сильно немоготу. Когда я остаюсь один на один, крик сам собой вырывается:

— Пошли хоть куда подальше! Только дай знак — жива, все нормально.

Сегодня всю ночь я был с тобой — от первой минуты до самой последней. Ты была все время рядом, улыбалась и говорила что-то хорошее. Никаких попыток обладать тобой я не делал, как будто и во сне знал, что бессмысленно. Только тихонько-тихонько прикасался. И так хорошо было и от улыбки, и от твоей близости.

Но проснулся (что и делал неоднократно) я от неосознанной, непонятной тревоги. И вовсе не потому, что в конце концов во сне ты надумала, по крайней мере, если судить по жизни, то сделала вид, что уходишь с другим, нет, тревога была иной. Меня не особенно беспокоит, что ты выберешь себе окончательно кого-то — это естественно. И пусть больно для меня... Но такое ли случается? Нет, меня остановило чувство беспокоящее, и мне показалось — у тебя что-то произошло. Все время, пока я тебя знаю, всегда точно ждал письма или звонка от тебя. Совер-

шенно точно. И никогда не ошибался. От предков по материнской линии я получил тонкий аппарат переживаний, так же легко раним, так же не контролируем в любви и ненависти.

Последнюю притчу, что я тебе сказал во сне, запомнил от слова до слова. В тот момент, когда ты сделала движение уйти (не вырваться — я тебя не держал), сказал о роднике, свежем, чистом, из которого любой прохожий пьет прекрасную воду и испытывает наслаждение. И еще какое! А вода самого родника мертва. Она не может дать жизнь даже худенькой бактерии. Случится это позже, когда родник сольется с рекой, станет медленным, малоподвижным. В нем будут и водоросли, и рыба, и утка поверху поплывет. А пить его воду вряд ли кто будет на речном этапе. Гадить будут — это точно.

К чему все это я видел — не пойму и объяснить не берусь, не суди, что написал. Просто я знаю — сегодня или получу от тебя письмо, или позвонишь. Спорим?

Письмо 10

Светла!

Не знаю, рассказывал ли я тебе о том, как смотрел Смоктуновского в «Царе Федоре Иоанновиче»? Уже после первого выхода я сказал соседу, что таких актеров необходимо убивать.

— Почему? — удивился тот.

— Да потому лишь, что они имеют такую огромную власть над другими.

Сегодня мне это вспомнилось лишь оттого, что временами мне кажется, что судьба послала тебя мне на муку, муку страшную, так как она становится все сильнее. И временами становится нестерпимой. Идет ли навстречу женщина — ищу в ней тебя. Делаю ли что — снова ты рядом. Это как дурман прекрасного, не кончающегося действия.

Может, это и впечатление настроения, и пройдет, может быть. Смешно, глупо, но не могу.

Мне сейчас глубоко безразлична работа (хотя не чувствую к ней и отвращения), безразлично, увидит ли кто мои мальчишеские письма. Сейчас я пишу тебе, единственной и любимой женщине. Я не клянусь в вечной верности — это неподвластно человеку. Может и быть, может и нет. Но разрывается сердце на

части от счастья: и... вроде в жизни я всегда был постоянен в своих привязанностях.

Ты меня как-то спросила, почему я никогда прямо не скажу, что хочу тебя? (Правильной — переспать).

Слишком грубо. Вот почему. И даже бы спросил, что изменилось бы? Любовь, по моим предположениям, это то поле, на котором может вырасти черт те что: и благоуханный цветок, и петля инквизиции. Здесь все в будущем. Бросаешь семя, а плоды собирать будешь потом. Я, конечно, хочу тебя, как никого и никогда не хотел, но начинать с плодов... с финиша... не по мне. Все это относилось, правда, к прошлому, когда я видел тебя совсем не такой близкой. Да и потом много воды утечет в реке жизни, что-то нужно держать в руке талисманом. А близость с тобой — она меня страшит. Она просто может быть началом конца. Такая психологическая ломка происходит. Короче, я боюсь потерять свою нужность тебе и твою мне.

Извини, я не мог не написать тебе. Пусть сумбур и недоговоренность, но, как ни странно, чем больше мы общаемся, тем больше нуждаемся в общении. По крайней мере, мне так думается. И чем большее душевное равновесие приобретаю, тем сильнее его теряю по отношению к тебе.

Прости.

Письмо 11

Светла!

Сейчас глубокая ночь, а я пишу письма в разные места и разным людям — не спится. Пишу «все нормально» и спохватываюсь, а что подразумеваю сам под нормально. За окном властвуют силы мрака. Выйди и будет тебе неуютно, мрачно и, может, страшно. Какие-то крики, торопливые, удаляющиеся шаги, и все так тревожно.

Нормально... А ведь эта же ночь доставляет мне истинное наслаждение, когда я в лесу, в дикой заброшенной избушке, или, наконец, когда хочу побыть один.

Нормально... Светлое чувство победы над собой, чувство обладания прекрасным — что? Ночью я просыпаюсь обычно от неуверенности в своих силах, желания сделать невозможное. Неправда, что мы, живущие здесь в глуши, люди более низкого

ранга, чем столичные. Наши переживания, может, не так тщательно маскируемы и отрепетированы, но чувства — они более непосредственны. И кто, когда смог бы сравнить — вот это большое, а это малое чувство, и этот человек более тонок в нюансах восприятия. Отвечаю этими словами, по-моему, на твои тревоги. Неправда, я не согласен с утверждением твоим о твоей инфантильности. Если способна вспыхивать — вспыхивай, только принимай все, как есть. Это твое (а разве мир это не я?), и значит лучшее, что создал бог. И неправда, что интеллект человеческий зависит от времени и места обитания особи. Обстоятельства тормозят или усиливают наши влечения, но не влияют на личность. Гржимек, выступая в клубе кинопутешествий, сказал, что и пигмей, и лондонский дэнди обладают одинаковым разумом, но разными знаниями о природе вещей. Ведь никто не гарантирует, что современного цивилизованного человека не назовут «варваром» через пару столетий. В столь высокие материи я залажу не так часто. Они мне нужны для душевного равновесия и оценки всего, что существует вокруг. Узнать бы больше в тысячу раз, чем знаю, да среда не та и многое упущено. Впрочем, сейчас для меня наступило время наслаждения жизнью во всех ее проявлениях.

Светланька! Ты не сильно рассердилась, что я назвал тебя любимой? Это уже вторжение в твой мир.

Не могу написать ни «до свидания», ни «прощай» — так не хочется расставаться. Просто — пока, по-английски.

Письмо 12

Светла!

И вот я представил себе ветер. В общем-то, нормальный — теплый, приятный, легкий (если хочешь). И как мы все в вос-торге:

— Какая прелесть!

А какая прелесть? Теплый? Посмотри — рядом кто-то кутает плечи: холодно ему.

Приятный? Взгляни — вот отворачивают лица. Им больно.

Легкий... Почему же тогда они хмурятся? Им не нравится?

А потом, что значит приятный и легкий? С каких это позиций? Может, ты еще скажешь и попутный? С какой же стороны? И север, и юг, и восток, и запад — условные линии услов-

ного горизонта. Иди к нему, и все он будет дальше. Многое непонятно на земле, слишком многое, чтобы правильно оценить ту счастливую любовь, что приковала меня к тебе.

Говорить о ней бессмысленно и не нужно. Слишком мы говорим на разных языках, вернее — языках разных времен, но ведь и я таю свою боль в себе, как прячет в себе хлорофилловое зернышко зеленый лист. И странно: чем дальше — их больше. И от них жизнь и счастье существования под солнцем и счастье — нужность существования вообще.

Знаешь — иногда я думаю, что мои письма попадут в чужие руки. Пусть. Пожалуйста. Что плохого прилипнет к пальцам? Моя неизгладимая страсть? А кому она нужна? Кому будут нужны те слова, плохие слова, что говорят люди о каждом из нас? Тебе? Мне? Мое сердце существует помимо всех житейских бурь. Оно сильнее меня.

Не знаю, сожжешь ли, разорвешь ли эти письма, не будешь ли читать их вовсе — мне легче: я неизмеримо богаче всех на свете. Я влюблен. И пусть небо разверзнется надо мной. Пусть услышу я оскорбительные слова: я выше их — я люблю!

Может, придет время, когда все покажется мне чепухой. Сейчас это меня не касается.

Пишу, наверное, под впечатлением аффекта и утром стану жалеть об этом. Пускай. Тем не менее запечатаваю листки в конверт. Они отражают мое настроение и мое все: клетки мозговые, ростовые, чувственные... Извини меня и пойми.

Письмо 13

Светла!

Я взял в руки самое хрупкое и прекрасное, совершенное в своем филигранстве творение природы — зеленый лист. Нет. Нет. Не тот пыльный, что вечно мозолит нам глаза в городе, а умытый сегодняшней грозой и от этого бархатистый и нежный. Я глядел на его выступающие ребра основы, на прожилки силовых нитей и удивлялся совершенству природы, фабрикой жизни назвал его великий Тимирязев. Фабрикой... жизни... И, наверное, вкладывал он в это понятие не просто утилитарный физический смысл.

Я знаю, у этого огромного, а по масштабам Земли и самого прочного творения где-то внутри спрятаны крошечные зерныш-

ки хлорофилла. Их множество маленьких, неприметных, ранимых, но от них цвет листвы, и цвет леса, и цвет воздуха, и цвет счастья (зеленый ведь, символ радости?!). И что важнее — основа ли зеленого листа, или то зернышко — хрупкое, неказистое. Его ведь и в лупу не всякую разглядишь. И теряешься в этом водовороте мыслей. И сравнить не знаешь с чем.

Прости, будь добра, но сейчас еду на охоту и не мог не поздороваться с тобой. Здравствуй!

Учти, пожалуйста, одно: лист через несколько дней слетит с дерева, а зернышки дерево припасет для весеннего возрождения. Не так ли и в нашей жизни? Увы, сила не всегда ломит солому. И хорошо, наверное, что есть исключения из правил. Пусть они чувствуют себя хуже правил, но они — исключения.

Письмо 14

Не режь по живому, малыш! Пойми. Мне очень-очень плохо без тебя. А ты рядом — как стена между нами, и не пробьешься. Это мне доставляет страшные муки. Безумею. Видела, поди, как руки дрожат?

Я все-таки не лейтенант Шмидт (ты говорила еще о переписке Чайковского), который любил на расстоянии. А закончилось тем, что он со шпажкой бросился на броненосец.

Пойми. Мне ужасно больно. Я дурак — знаю и не стою тебя, но так есть. Не знаю, вытерплю ли эти муки. Не правда, что от них не умирают. Тебе знакомо это чувство (может, оно и соединило нас?). Ты ведь в детстве тоже пыталась покончить с собой? Не все, похоже, знают об этом, даже ближайшие подруги. А я мучаюсь такими штуками. Такова природа. И от того по-особенному чувствителен. Помнишь — я говорил о чувствах на расстоянии.

Ты ушла, а я сплю урывками, а когда засыпаю, вижу тебя с какой-то грустной улыбкой, смущенной, что ли, и мужчину вижу совсем близко. В упор. Глаза, лицо. Он не укоряет, не угрожает, не сердится, он просто смотрит. Я не знаю и никогда не видел его. Начал кричать во сне. Мне за тебя страшно.

Письмо 15

«На далеком, далеком севере, в краю вечных снегов и холодного солнца жила-была девочка. Лед здесь никогда не таял, а от солнеч-

ного диска доходили только крошечные капельки тепла (и так было даже в самые длинные летние дни, когда ночь пряталась глубоко в океане). Но ледяные кристаллики так чудесно пели, когда тронешь нечаянно рукой, а на солнце, где-нибудь в затишье образовывался такой чистый и твердый слой, что голос девочки отскакивал от него не хуже мячика и долго, забавно прыгал по сугробам.

И одиночества девочка не чувствовала. К ней в гости приходили то неуклюжий, но мудрый тюлень, то сильный, мужественный умка.

Но однажды (в сказках ведь всегда бывает что-то необыкновенное) девочка увидела, как распевających песни беззаботных чаек, громко кричащих ей что-то всегда приветливое, подхватил коварный и злой северный буян-ураган. И крылья их длинные, красивые, могучие сломал вихрь и бросил ставшие жалкими комочки жизни на пустынный и смертельный для них лед.

Девочка никогда не завидовала этим южанкам, и ей не снились дорогие им голубые или зеленые просторы океана, но в ней жило прекрасное сердце, и в ней текла кровь настоящих родителей. И она наклонилась, и подняла птицу, и поглядела в ее мутнеющие глаза.

— Что же ты, малышка? — сказала она с такой огромной тревогой в голосе, что энергия ее зажгла все вокруг и... стало теплее. Конечно, не так уж, чтобы и жарко. Так, немного. Но ведь у девочки оставались и другие ее чувства... Боль за нанесенную другому рану. И радость общения. И песни, наконец. веселые и капризные. Счастливые и ритмичные. Задорные и грустные... И еще она очень хотела жить. И чтобы жили другие.

И чудо свершилось. Чайка вновь расправила крылья. К перу перо сложила свой наряд, подняла голову и гордо взглянула за горизонт, туда, где был ее мир. И которого никогда не было бы без девочки, без ее любви. И поднялась она к солнцу, пусть не такому теплomu в этих широтах, но такому жаркому в ее стороне. Впереди».

Светла! Часто я мечтаю о таком времени, когда у моих сказок будет слушатель. Эту я дарю тебе. Ну а слушатель... В конце концов у нас есть и внутренний голос, можно и с ним поговорить.

Спасибо за звонок. Я на седьмом небе и люблю тебя еще больше.

Письмо 16

Любимая!

Когда в день Страшного суда я предстану перед очами Господа, и спросит он о моих грехах, я отвечу: «Виновен. Я любил». И думаю, мне зачтутся за это многие грехи. Ведь и любил я бескорыстно, не думая о награде.

Не часто человек позволяет себе пожить в столь превосходном времени. Что же и мне надо? Я твердо встал на ноги, способен, по крайней мере, реально наслаждаться радостями жизни. Со времени второго, после твоего отъезда, письма я часто порывался писать тебе. Хотелось то крикнуть: «Хоть пошли к черту», а то молодец, думаю, умница. Правильно не пишет. На столе рабочем под стеклом твоя фотография, и народ ходит и дивится. Одни, наверное, с иронией, другие — с сочувствием. А мне думается: иронизируйте. А мне очень хорошо. Именно сейчас я трезв, как никогда. Трезв в оценке жизненных ситуаций. С нашими не часто можно говорить о близком, вернее, не нужно этого делать никогда. А наука общения — самая благороднейшая из благородных.

Ты пишешь о жизненной несправедливости. Я не совсем понял, что ты имела в виду, но как бы она ни складывалась, эта паршивка-жизнь, когда рядом любимая, все воспринимаешь так, как хочешь, но никак уж не с желчью и ненавистью. Все проходит и меняется: привязанности, симпатии, источники, на которые направлена твоя ненависть, но если я живу естественно и исхожу из этих естественных же чувств, я не боюсь. Ценности, даже моральные, они все равно останутся ценностями.

Вот почему я никогда не поверю в многочисленные твои похождения, которые ты приписываешь себе. Приписывай на здоровье. Я знаю, как бьется твое сердце и какие ценности вложили в него твои отец и мать. Люблю тебя за цельность характера и за милые вздорные выходки. И еще раз говорю: живи вечно! А я буду достойным тебя.

Письмо 17

Светла!

Душа моя! Ездишь по командировкам, а я тут смотрю, как дети в школу не ходят (занятия уже успели отменить из-за страшной метели), и жду тепла, которого здесь уж не будет и у

меня тоже. Жизнь — хорошая штука, и я настроен оптимистично, как и полагается приличному мужчине. С праздником комсомола! Все-таки мне приятно, что тебе (комсомолу!) 64 года, глядишь, и по возрасту мы с тобой ближе. В общем, гвоздики за мной и еще розы. Ладно?

Письмо 18

Светла!

Вначале, конечно, я хотел поругать тебя за пессимизм, слишком уж избыточный. Но я просто рад, что у тебя все обошлось благополучно, да и иногда стоит поматериться вволю. Знаешь, пожалуй, придет время (так устроена жизнь), и мы будем (а не хочется) не нужны друг другу. Пока же это не так и можно радоваться такому счастью. Вот говорят же, что если некоторым растениям играть определенную музыку, то они будут расти быстрее. И быстрее цветки дадут да лучше, чем у своих собратьев. А что музыка? Колебание воздуха. Иллюзия. Миф. Или вот заслуживающие внимание люди установили. Стоит поранить клетку — животного или растения, как она начинает испускать радиоволны четко определенной волны. Помогите, мол, братцы! А что волна? Эфир. Ничто. Столь много загадочного и прекрасного на земле.

Если мне отведется в мире сколько времени (отвечаю, как понимаешь, на твой вопрос о кесаре и богах), все до капельки использую на удовольствия. Посмотрю горы и пещеры, побываю на берегу океана, построю свою яхту, излажу тайгу. Во мне сейчас как кран открыт — все могу и сделаю. А кесарь пусть в сторонке подождет. Ты подняла меня и больше ничего и не надо.

Ну а твоё настроение (если оно неважное) улечитя очень скоро. Уверяю тебя. Из всех женщин, которых я встречал, тебя я считаю самой благоразумной. Не расчётливой, не эгоистичной, а именно рассудительной. Тут дашь мне ответ по кумполу — не перебарщивай! Точно тебе говорю. Я даже завидую тебе — будущее у тебя светлое. Как, где и что — не знаю, это верно, но и эмоциям ты поддаешься меньше, чем я. И не только внешне. Много ли ты мстила кому-то? То-то. Злобы в тебе нет. А как это великолепно! Растерянность дело временное. Как только она пройдет, я тебя потеряю. Боюсь и страшусь этого.

Слушай, насчет отключения, необходимости его, от забот, ты совсем напрасно. Нашу психику мы сами же и перегружаем. По крайней мере, так считаем. А на самом деле — натуральные бездельники. Хотя вырубиться тебе не мешало бы. Хочешь, съездим к моему брату в Житомир (Украина, арбузы, груши) или к дяде в Барановичи (Белоруссия, яблоки, Брест). Ты же знаешь, я давно собираюсь писать о семье Оношко. И съездим как бы в командировку. Я возьму творческий отпуск, надо — и уволюсь, с деньгами выход найдется. Кстати, у меня льготный. Хорошо бы поездом, через всю страну. Шик. Я не навязываюсь. Но хорошо бы. Просто великолепно.

Если же приедешь в Ханты — тоже неплохо. Надо — организую поездку, куда угодно.

Впрочем, как смотришь на мой переезд куда-либо? Редакция была моей, а сейчас она Ханты-Мансийская. И как говорит Куликова: время наше. Ихнее время — не мое. Но я-то меньше от этого не стал.

Танька Боркова перешла в телетайпистки. Помогал ей, чем мог, да, видимо, не захотела. На ее месте Ленка Выборова. Кстати, она редактор, а я корреспондент. Новый шофер — сын Цуркана. Королева все еще учится, а Аскеров все еще (более месяца) болеет. С Захаровым выучились играть в нарды (такая восточная штучка) и ходим на пару в кино. Так что мы еще культурнее и образованней, чем были. И вообще, циники.

В общем-то я расписался что-то. Пиши, пожалуйста. Письма твои больше, чем праздник.

Письмо 19

Светла!

Ну и дурак же я. Уж седею, а все на уме одни дурости. Все не могу вынуть тебя из сердца. И кто знает: к лучшему, к худшему? Человеческая судьба столь переменчива, что и сам удивляешься ее поворотам. Что втемяшится в голову, то уж не выколотишь. Правда, всему свое время. Предположим заурядный факт — дверь хлопнула. Если ты один и вечером — испугаешься, вздрогнешь. Если ждешь кого-то — обрадуешься, а то и огорчишься. А чаще всего это ветер шутку с тобой сыграл. Жизнь относительна, как ее ни поверни. Только что полил цветы во

дворе редакции. Поскольку суббота — никто бы этого не сделал. На песке бы они погибли. Но благодарны ли они мне за жизнь, любим ли ими? Вот вопрос.

Не знаю, дочитываешь ли ты до конца (по крайней мере, черкни — <...>). Но высказаться хочется, прямо до боли, нестерпимо. Ты перевернула во мне все. И без тебя бы я не выжил. Придет время, и вылечусь от этой болезни (правда, от нее нет лекарств), сделаю все, что наметил. А потерял уже больше года. Нельзя же, в конце концов, работу, да еще такую механическую, считать за счастье! Не могу знать, свяжет ли нас будущее. Если и нет, то мы останемся по-прежнему друзьями. Пусть самое хорошее, что себе загадываешь, и будет в тебе. Помнишь, я сказал: не верю ничему! Так и останется это во мне. И если хочешь, в тебе тоже. Я ведь не волен над твоими мыслями.

Знаешь, я бы мог писать тебе чаще, так хочется. Не могу без твоего разрешения. Тебе, конечно, сейчас весь мир кажется ненавистным. Но опять же это (знаю по себе) шутка времени. И общение (даже через такое дурацкое письмо), по-моему, есть благо.

Не обижайся на меня! Ладно?

«Наполивановские» планы*

Моя встреча и быстрое сближение с Валерием Павловичем Поливановым произошли в 1965 г., на втором году моей работы в окружной редакции радиовещания. Самоучки, увлеченные журналистикой (Валерий — с неоконченным агрономическим образованием, я — с университетским геологическим), мы были нужны друг другу так же, как нужны нам были Юрий Переплеткин, Юрий Кибардин и другие молодые наши коллеги.

В Валерии в нашей редакции всех привлекали открытость и дружелюбие, легкость на подъем, готовность к сотрудничеству и отзывчивость на всякое творческое дело. Его качества надежного редакционного работника особенно ценились летом, когда половина коллектива находилась в отпусках, и наполнение ежедневных программ ложилось зачастую на плечи четвертых, а то и троих сотрудников, включая главного редактора. Такая темповая, авральная работа не тяготила его, а, кажется, наоборот бодрила, давая возможность проверить себя на прочность и убедиться, что «могём». В один и тот же день он, постоянно в веселом настроении, мог сделать десяток звонков, собрать несколько сообщений для выпуска «Последних известий», сбежать куда-то с «Репортером», сразу же в аппаратной смонтировать пленку, подобрать в фонотеке нужную музыкальную запись и в студии прочесть собственную передачу, а назавтра выехать в короткую командировку (длительные в летнее время были непозволительной роскошью).

В радиожурналистике Валерий Поливанов, будучи уже вполне сложившимся человеком с житейским опытом, никому не подражал, искал свои темы и формы их воплощения. Да у нас и не было «мэтров», опытные журналисты и начинающие — мы жили одной семьей, никто не возносился и никто никому не завидовал. Недаром наш главный редактор Владимир Иванович

---

* Очерк был опубликован в газете «Новости Югры» (приложение «Краевед») в 1997 г.

Плесовских, бывало, с грустью замечал: «Такого коллектива мне больше уже не создать».

Валерий хорошо знал деревню и часто делал передачи на сельскохозяйственные темы. До сих пор мне представляется как эталонный цикл его корреспонденций из Сытомино и Кушино, прозвучавший по радио летом 1969 или 1970 г. и основательно, со знанием дела, высветивший проблемы северной деревни.

Работал Валерий больше в жанре радиокорреспонденции. Читая тексты микрофонных материалов, легко было оши-

биться в оценке его передач, их надо было слушать, потому что очень ценная часть информации, ее эмоциональное наполнение, заключалась в интонации разговора, а беседу Валерий любил и даже молчаливого и замкнутого человека мог превратить на время в интересного собеседника. Тогда еще сохранялась практика записей по заранее составленному тексту и существовал термин «бестекстовая запись» — в редакции последняя ценилась и всячески поощрялась, и Поливанов был здесь одним из лидеров.

В командировки мы ездили часто, и постепенно у каждого появились свои точки на карте округа, куда тянуло поехать еще раз и еще, и в конце концов естественным образом складывалась специализация радиожурналиста — отчасти отраслевая, но, пожалуй, в большей степени географическая.

Ехали туда, где чего-то не успели раньше, где ждало общение со знакомыми, а иногда и друзьями, приобретенными в прежних командировках. При этом нередко брали заказы от коллег привезти хоть коротенькую запись («голосок») по их тематике. Так и у Валерия постепенно появился особый интерес к железной дороге Тавда—Сотник, строителям подводных переходов на нефтепроводах, к личностям знаменитых нефтяников. Позднее

его увлечением долго была тема героики Гражданской и Великой Отечественной войн. На редакционных летучках пальму первенства за лучшие передачи недели часто отдавали ему.

Наша общая редакционная жизнь, благодаря счастливому дару В.И. Плесовских объединять сотрудников и присутствию в редакционном кругу таких незабываемых людей, как Надежда Петровна Губина, Борис Пантелеймонович Прибыльский, Александр Александрович Кельберг, была многообразной, полнокровной и не сводилась к одной службе. Валерий был одним из тех, кто поддерживал общественный тонус своим хорошим настроением, постоянными песенками себе под нос, а то и на весь «радиосарай», как мы прозвали наш дряхлый домик на улице Ленина, шутливо-высокопарными обращениями («милорд», «дорогуша» и т.п.), непременным участием в авральном и тайном от большей части коллектива сочинении и записи «радиоохом» к праздникам, надолго вошедших в редакционную жизнь благодаря неистощимому на юмор Юрию Кибардину, и, конечно, в наших коллективных рыбалках.

Как личность Поливанов не укладывался в профессиональные рамки. В нем было много такого, что очень притягивает, и сейчас, уверен, и в Ханты-Мансийске, и в округе многие вспоминают Валерия добрым словом.

Надо сказать, Поливанов был максималистом в такой степени, что для всех это было очевидным. Он многого хотел от жизни, его переполняли планы, очень часто несбыточные — «наполивановские», как мы в шутку окрестили их в редакции. Помню, еще не закончив заочную учебу в Тюменском сельхозинституте, он агитировал меня поступать на заочное отделение факультета журналистики Уральского университета. В конце концов мы рассудили, что и на текущую редакцион-

ную работу у нас времени в обрез, будем учиться самостоятельно в повседневной практике и обойдемся тем образованием, которое есть.

Широкая душа Валерия вмещала многое, но в быту непритязательность его граничила с аскетизмом. Этот максималист обходился минимумом вещного окружения, не думал об уюте, на новом месте легко обживался, мог быстро сколотить каркас теплицы из какого-то оказавшегося под рукой хлама, посадить картошку на пустующем клочке земли и вырастить хороший урожай, он мало заботился о личном архиве и имел скромнейшую домашнюю библиотечку.

Всегда с благодарностью, светло вспоминаются многие наши поездки на лодке, ночные костры на берегу, прогулки по лесам за ягодами, грибами, орехами и очень часто «ни за чем» — просто за впечатлениями, за радостью. Неудачи мало нас огорчали; когда на острове Морошечном однажды совсем почти не нашли клюквы, мы присваивали кочкам собственные имена: «Урожайная» (7 ягод), «Изобильная» (11 ягод) и т.п. В рассказах Валерия о разных случаях на реке, на сору, в лесу всегда было много восторгов и преувеличений: «Провалился в няшу — по пояс! Земляники набрал — целое ведро! Ночь — в двух шагах ничего не видно! Грибов — хоть коси, и совсем нет червивых!» О чем только мы не переговорили, сидя на берегу или шагая по лесу...

Натура героическая и бескорыстная, Валерий никогда не опускался в своих конфликтах до скандала, его протесты не раз выражались в том, что он, не говоря худого слова, уходил из коллектива. Он как бы говорил этим: «Пусть будет хуже мне, а не «обидчику», я достаточно силен, чтобы вытерпеть», по-цыгански легко поднимался и подавался то в рыбаки, то в овощеводы, а то и вообще в никуда. Он рвал связи, но, когда буря в душе утихала, возвращался, примирялся и опять становился для редакции тем же, кем и был раньше. Валерия принимали и любили целиком, каким его знали — работающим, всегда готовым помочь и не ждущим, когда позовут, открытым, крупным во всем от комплекции до почерка, близоруким, лохматым и неизысканно одетым. В своем архиве он сохранил одну открытку, помеченную 2 сентября 1980 года, с поздравлением ко дню рождения от редакции радиовещания, слова которой так удиви-

тельно точно рисуют его портрет и очерчивают занимаемую им в коллективе «нишу», что хочется привести их целиком:

Ну, с днем рождения,
медведь!
Рождение предполагает
схватку.
Коли живешь, давай
реветь
На микрофоны без
устатку.
Всегда для нас ты
быть изволь
Такой, как есть —
весь несуразный.
Ты стих, строка,
в которой боль...
Лишь прозой
пишутся приказы.

Последнее десятилетие его жизни было полно крутых перемен, метаний и неудовлетворенности, каким-то образом крепко спаянной с верой в лучшее будущее и неистребимыми «наполивановскими» планами. Валерий переехал в Салехард, работал там на радио, потом рабочим жестяно-баночного цеха рыбконсервного комбината, плотником, штукатуром и каменщиком в строительной бригаде, продолжая испытывать себя на разрыв. В начале 1990 г. он вернулся на Ханты-Мансийское радио, вскоре ушел, участвовал в создании местного отделения социал-демократической партии, был собкором газеты «Северный дом» и, наконец, стал арендатором, взяв участок земли на левом берегу Иртыша, где подрядился выращивать капусту. Этот последний его уход был уходом в одиночество. Последний раз мы виделись в марте 1992 года на похоронах моей матери. В июне того же года, возвратившись из командировки, я узнал, что жизненный путь Валерия Поливанова оборвался на 50-м году — гораздо раньше, чем прервутся душевные струны, связавшие его со многими из нас.

Валерий Белобородов

Тобольский Север на страницах частной газеты «Сибирский листок» (1890—1919)

В 2003 г. частное издательство Ю.Л. Мандрики осуществило неординарный проект: вернуло широкому читателю частную сибирскую газету более чем столетней давности — «Сибирский листок». Сейчас уже нет сомнений, что проект оказался на редкость удачным — тираж солидного пятитомника, пусть и небольшой (300 экз.), разошелся, чтобы стать «рабочим материалом» для десятков специалистов: историков, этнографов, краеведов, которые уже написали и еще напишут не один научный труд на основе разножанровых газетных статей этого собрания.

Насыщенность информацией — ключевое, но далеко не единственное достоинство издания. В.К. Белобородовым и Ю.Л. Мандрикой была восстановлена история «Сибирского листка» со всеми драматическими перипетиями провинциального периодического издания, выходявшего в эпоху трех революций и пережившего традиционные для русской культуры «цензурные мытарства», конфликт с «партийными пустосвятами», безденежье, потерю и возвращение подписчиков.

Судьба «Листка», как ее видит составитель книги В.К. Белобородов, — это судьба русской сибирской интеллигенции, ее надежд и разочарований, подвижничества и заблуждений. Настоящие герои книги — издатели и редакторы частной тобольской газеты, стоящие за каждой публикацией. Их биографии скрупулезно восстановлены В.К. Белобородовым. А.А. Зубковский, И.П. Львов, И.И. Покровский, В.К. Костюрин и М.Н. Костюрина... Люди, совершившие «личный подвиг», решившись на издание демократической прогрессивной газеты в крае, который давно и, похоже, заслуженно именовался то «гнездом невежества», то «глухим местом», то «захолустьем». Реконструкция судеб авторов и редакторов «Сибирского листка» составляет особую тему издания и особый сюжет книги. Вынесенные в раздел справочных мате-

риалов биографии, то лаконичные, то развернутые, свидетельствуют об огромной и сложной краеведческой работе составителей книги, которая будет понятна тому, кто когда-либо начинал поиск информации с одной только фамилии или инициалов.

Все пять томов, составленные из разнородных статей, написанных многими людьми на протяжении почти тридцати лет, все же носят ярко выраженный личностный характер. Причина этого кроется, на наш взгляд, в постоянном присутствии заинтересованного краеведа и журналиста, исследователя и публициста. Согласимся с издателем: без всякого преувеличения, В.К. Белобородов — тот единственный человек, который сегодня мог стать — и стал — составителем избранных материалов «Сибирского листка». И потому, что он лучший знаток истории тобольской интеллигенции, и потому, что только ему под силу было вынести титанический труд по отбору материала, и потому, что он сам из породы подвижников, которые все еще верят в силу разума.

Знакомясь с книжными томами «Сибирского листка», читатель чувствует и присутствие человека, который скромно именуется «издательство». Но, собственно, именно ему принадлежит идея перевести газетный формат в формат книги и вызвать из прошлого тот «напор времени», которым отмечены все тексты этого проекта. Именно издатель сформировал ближайший контекст пятитомника — переизданные произведения «Надежды Лухмановой и Константина Носилова, Евгения Кузнецова и Ивана Словцова (...) Василия Зуева и Марии Костюриной...». Некоторые из названных здесь имен являются и именами авторов «Сибирского листка». Нет ничего странного в том, что у читателя рождается параллель между образами современного издателя и издателей частной газеты: те же упования на будущее, те же надежды на помощь государства в сохранении общенародных ценностей, те же сетования на ограниченность сил и финансовых возможностей. Составитель и издатель собрания выдерживают принцип максимальной объективности, размещая материалы в хронологическом порядке практически без редакторской правки. Именно потому им удалось добиться эффекта достоверности и непреднамеренности хроникального повествования, в котором ожила четвертьвековая история региона и история его печати, зазвучали голоса людей, чьими усилиями наш край обретал собственный лик, свое место в истории России.

Материалы газеты складываются в целостную и многослойную картину, в которой есть несколько географических и идеологических центров: губернский Тобольск, который на глазах утрачивает экономическое и административное значение; уездная Тюмень в эпоху ее подъема и, как позднее оказалось, необоснованных амбиций; наконец, огромная территория Тобольского Севера (Низовой край), все еще плохо изученная, необустроенная, но открытая будущим преобразованиям. Как признается в предисловии Ю.Л. Мандрика, по воле составителя раздел, посвященный Северу, мог стать если не более обширным (поскольку все крупные материалы «Сибирского листка», связанные с северными территориями губернии, вошли в состав избранного), то более внушительным по сравнению с другими разделами: «Дабы избежать перекоса в подборе материалов в сторону северных территорий, издательство пыталось включением отдельных материалов (...) сохранить «географический» баланс в избранном» (33).

Будучи внутренне связанным текстом, собрание поддается двойному чтению и двойному способу интерпретации: в диахронном и синхронном аспектах. В свою очередь каждый из трех основных образов также разворачивается во времени и в пространстве. Можно, прослеживая по годам историю газеты, судить о подъеме и спаде интереса к той или иной территории, о характере тем, поднимаемых редакцией в разное время. Но можно представить образ края в его концептуальном единстве, отмечая постоянство тем, мотивов, интонации разновременных публикаций. Книжный формат нацеливает именно на такое чтение. Итак, попытаемся реконструировать ту концепцию Тобольского Севера, которая определяла характер публикаций частной газеты, задаваясь вопросом, чем эта концепция была продиктована, на какого читателя была ориентирована сто лет назад и что увидит современный читатель в созданном газетой образе Севера.

Начиная с первых материалов о северной окраине Тобольской губернии «Листок» вступает в полемику с традиционными представлениями о Сибири — «золотом дне», российской «Аркадии», где богатство дается даром, без всякого усилия. «Казовая сторона экономического благосостояния Сибири» (1893. № 17–19) основана на туристических впечатлениях о сибирской природе («путешественник ... поражается обилием у нас леса, раздольем наших сте-

пей и лугов, вышиной гор, глубиной, шириной и длиной наших рек»), о быте сибирского русского населения («отрадный вид сибирских сел и деревень приятно удивляет российского человека»), сытости и «франтовстве» сибиряка-крестьянина. Внешнюю, парадную сторону Севера редакция оставляет в удел сугубо официальным материалам, которые (без умысла редакции?) приобретают ироническое звучание на фоне картин совсем иного рода. Газета сообщает, как Сургут и Самарово встречают Его Высочество цесаревича Николая Александровича в июле 1891 г.: среди традиционных сибирских подношений вроде «корзинки, наполненной кедровыми орехами и шишками», шкур черно-бурого медведя, черно-бурых лисиц крестьяне Самаровской волости поднесли цесаревичу «маленького ручного медвежонка, а окрестные инородцы двух живых лисиц и живого оленя. Его Высочество изволил посмотреть на животных, но от принятия их как дара отказался» (1; 144)¹.

Над разрушением мифов о богатом, не тронутом цивилизацией крае «Сибирский листок» трудится настойчиво и постоянно, показывая последствия неурожая, весенних паводков, суровых зимовок, падежа скота. Бедность сквозит во всем: в административных учреждениях Сибирского Севера, в социальной организации общества, в хозяйстве русского поселенца и — особенно — в быте коренного населения Сибири. Причем беллетристическим описаниям газета противопоставила язык статистики, справедливо полагая, что, к примеру, данные о бюджете сибирских городов могут немало рассказать об уровне развития края. Таков, например, годовой бюджет Березова в 1433 руб. 59 коп. по сравнению с восьмимиллионным бюджетом Санкт-Петербурга, долги, накопившиеся с 1867 г., мелкие расходы на содержание пожарной команды, тюрьмы, ничтожное жалованье квартирному надзирателю и акушерке, выплачиваемое нерегулярно и не в полном объеме (1; 82). Та же информация может быть подана в форме живописного полотна: «Полы сгнили, вентиляции нет, вонь из допотопного клозета наполняет все палаты, ванной комнаты нет, так что больные ложатся на койку со всей

¹ Здесь и далее — ссылка на книги «Сибирского листка». Первая цифра в круглых скобках обозначает том, хотя издание не имеет нумерации. Автор обозначает: цифрой 1 — избранное за 1890–1894 гг., 2 — 1895–1900; 3 — 1901–1907; 4 — 1908–1911; цифрой 5 — избранное за 1912–1919 гг. Вторая цифра в круглых скобках обозначает страницу указанного тома. — *Прим. издателя.*

грязью, со всеми паразитами, какие имеются у них в громадных размерах...» (3; 31), либо повествования: «Почти за все лето в с. Троицком, д. Белогорье фельдшер не показывался, и только с наступлением зимы, открытием санного пути, мы имели «счастье» видеть его раза два, да и то первый приезд был вызван письмом политических, второй совпал с ясаком, а следовательно, и со съездом начальства» (3; 498–499). Но суть одна: расстояние между цивилизацией и Севером почти непреодолимо.

Жизнь частного человека здесь представляет собой причудливое сочетание богатства и бедности, будь то жизнь коренного населения или жизнь русского колониста. «Инородческие» поселки ужасают своей бедностью и нечистотой: «Грязь и зловоние в остяцких юртах не поддаются никакому описанию: полы и стены всюду покрыты плесенью, грязь никогда не выметается» (1; 74). Но грубый подсчет одного из корреспондентов «Листка» показал, что остяк-промышленник зарабатывает в год не менее 200 рублей и на предметы насущной необходимости расходует лишь половину этой суммы. Остальное — пропивается: «... вино — это новый бог после прежних идолов» (4; 161).

Проникая в самые глухие углы губернии, корреспонденты раскрывают перед читателем факты, свидетельствующие о повсеместной нищете северян: «Живут татары, за небольшими исключениями, очень бедно. Юрты их, построенные без всякого порядка, очень неряшливы снаружи, а еще того хуже внутри» (2; 359); ханты с реки Вах «постоянно живут впроголодь, им не во что одеться, они бывают вынуждены по целым дням греться у огня, причем очень часто обжигаются» (2; 106). От этих характеристик мало отличается описание сосвинских манси (вогулов): те же печальные впечатления о бедности, грязи, заброшенности и удаленности от цивилизации (2; 363–371).

Задаваясь вопросом о причинах этого парадоксального сочетания двух крайних состояний — роскоши природы и нищеты человека, — газета ищет ответ в достаточно удаленных друг от друга областях социальной организации: влиянии климата на характер человека и бездарной, не поддержанной правительством колонизации Сибири.

Обе темы возникают в провинциальной печати отнюдь не случайно: мировая наука XIX — начала XX вв. всерьез занима-

лась исследованием вопроса о влиянии местности на темперамент и интеллект человека: «Можно ли согласиться с мнением Гердера, что «обитателям севера Азии назначено природой быть номадами, а следовательно, более или менее дикарями; их название изменяется, но их характер и их нравы остаются прежними. Они всегда были и навсегда останутся полудикими; природа страны желает этого?» Состояние нашего Севера как бы подтверждает этот фатализм природы немецкого ученого» (1; 216). На первый взгляд доказательств пагубного воздействия сурового климата на личность поселенца вполне достаточно: «Среди аборигенов Сургута нет ни одного кузнеца, ни одного столяра, нет кровельщика, нет даже плотника и каменщика» (1; 90). Та же тема возникает в «Вестях из Конды»: «Ремесел и технических производств инородцы почти не знают. Бабы остяцкие и вогульские кладут печи, ткнут холст, сукманину, вышивают рубашки. Впрочем, остяцкие холщовые рубашки с разноцветными вышивками вытесняются произведениями российской мануфактуры» (1; 231). Русские обитатели Сибирского Севера заслужили те же упреки в лени и социальной апатии: «До сих пор в Березове ни один не приобрел специальности в знании какого-нибудь ремесла, если не включать сюда наследственной специальности рыболовства и врожденной — надувательства» (1; 278). Однако, по мнению газеты, «дело не в климате (...), но надобно сделать начало, показать пример, побудить сонное, вялое население к земледельческому труду, и тогда экономическое положение жителей Оби, теперь влачащих жалкое существование, могло бы сделаться по крайней мере сносным» (1; 135). Как видим, решение проблемы лежит в той сфере, которая поддается рациональному осмыслению и планомерному воплощению в жизнь, — в правильном, цивилизованном освоении Сибири и формировании гражданских институтов, способных обеспечить руководство этим процессом. Пока же колонизация не принесла стабильности и благополучия ни коренному населению, ни русским сибирякам.

К концу XIX в. эта политика привела к ощутимым потерям, высветила экологические, экономические, нравственные проблемы, разрешение которых уже нельзя было откладывать. Газета взяла на себя роль гласного органа, направив свою деятельность на оповещение о наступающей эпохе кризиса безоглядной эксплуата-

ции природных и человеческих ресурсов: «Действительно, север Тобольской губернии, как известно, до сих пор находится в довольно плачевном положении. Наше трехсотлетнее обладание этой отдаленной окраиной оставило в ней весьма мало следов культурного воздействия» (1; 447). Среди материалов «Сибирского листка» неоднократно встречаются сообщения «о лесоистреблении»: «Страшный призрак последствий лесоистребления уже начинает нам казаться, да и в самом деле, чем же иначе объяснить такое страшное обмеление, постигшее последние года реки Туру, Иртыш, Тобол и даже местами многоводную Обь...» (1; 194). Пушные богатства истощились «вследствие хищнической их эксплуатации» (1; 448). «...Рыбпромьшленность на севере Тобольской губернии <...> падает с каждым годом, становясь делом рискованным не только для мелких предпринимателей, но и для крупных. <...> Цена на рыбу сильно упала» (1; 449). Причиной, считает газета, стал «слишком грубый хищнический промысел, производимый крупными фирмами». Вместо усовершенствования технологии добычи и переработки рыбы эти «крупные фирмы» повели промысел «способами, запрещенными законом», в ущерб природе Севера и местному населению (5; 104–107), причем масштабы вылова рыбы непомерны даже для безмерно богатого края (см. об этом в статье «Из Низового края» — 1913. № 8). Век техники также отозвался в Сибири самым губительным образом. «Если в широкой Оби нефть, попадающая в воду, не особенно вредна для рыбного промысла, то в узеньких речонках, притоках Оби, нефть, по словам инородцев, совершенно отпугивает рыбу», — таковы первые результаты загрязнения сибирских рек нефтяным пароходным топливом (5; 143).

Влияние русских колонизаторов негативно сказалось на быте и нравственности коренного населения. Традиционная культура полуразрушена, а цивилизация так и не прижилась. Остяки по-прежнему плохо понимают русскую речь, «несмотря на постоянные сношения с русскими торговцами» (1; 68). Торговля, которую русские промышленники (кулаки, скупщики) передают, как родовые угодья, по наследству, ведется по неписанным правилам, впечатляющим однообразием «приемов и способов спаивания русскими кулаками остяков» (1; 73), самоедов, вогулов. Автор статьи «Вести из Пелымского края» негодует: «...не преувеличивая, можно сказать, что почти все русское население сказанных волостей исклю-

чительно кормится Кондой, эксплуатируя инородцев; многие этим наживают большие состояния, делаются капиталистами, как, например, Мальцев, Кайдаулов, Вергунов, Меньшенин и проч. <...> Зло поддерживается всем складом жизни инородца, его физическим и душевным убожеством и гражданским неустройством» (1; 244). Последовательно, отчет за отчетом, корреспонденты «Сибирского листка» рисуют мрачную картину вымирания «диких» народов, для которых цивилизация обернулась катастрофой (например, «С. Ларьякское. Сургут. у.». 1910. № 10).

Как полагает газета, происходит неостановимый процесс вытеснения коренного населения «более сильным и культурно развитым народом» (1; 174). При этом никто из корреспондентов не становится на точку зрения коренных жителей Севера. Сибирская интеллигенция убеждена в правомерности и исторической оправданности исключительно европоцентристского пути развития края. Для «инородцев» необходимо все то, что имеет цивилизованный европеец или хотя бы русский человек: «...необходимо при каждой инородческой церкви иметь школу с обязательным обучением и при ней отдельное помещение для учащихся ввиду разбросанности паулов на большом расстоянии и снабжение их пищею на общественный счет. Затем в число предметов непременно должно входить сельское хозяйство и некоторые кустарные изделия, так как отсутствие земледелия происходит отчасти от полного незнакомства ясачных с ним» (1; 245). Так, уже сто лет назад русская интеллигенция все решила для целых народов: русификация и окрестьянивание, привитие несвойственных народу занятий, обучение русской грамоте, внедрение чужой веры... именно то, что окончательно было отвергнуто северянами после десятилетий советского миссионерства.

Итак, демифологизация образа Сибири и критика ее современного состояния — два ключевых принципа, определяющих позицию «Сибирского листка» по отношению к Тобольскому Северу. Но газета создавалась и выходила в эпоху преодоления нигилизма: за отрицанием уже видится вполне определенная положительная программа, направленная в будущее региона. С будущим связана сквозная тема исследований обширного края: открытие Северного морского пути и приполярной железной дороги, научное (топографическое, геологическое, ихтиологи-

ческое, орнитологическое и др.) описание малодоступных уголков губернии, систематические наблюдения за климатом Сибири, изучение языка, быта и — главное — экономического положения сибирского населения. Наряду со знаменитыми путешественниками и учеными в глубь Севера устремляются просто заинтересованные люди: купцы, чиновники, студенты. По словам одного из таких исследователей, Иосифа Владимировича Иллинича, «всякий интеллигентный человек, находящийся в каждой данной местности хотя бы временным гражданином, обязан внести свою лепту в общую сокровищницу коллективного труда по исследованию края и, если возможно, двинуть хотя бы на волос вперед страну на пути развития и культуры...» (2; 558). Такие «попутные» описания природы и быта края занимают значительное место на страницах газеты (например, К. Трубин. «С берегов Иртыша (Ниже г. Тобольска)» — 1908. № 120, 121). В 1911 г. «Сибирский листок» печатает материал губернского агронома П.С. Суханова «Великая» и «Малая Конда», составленный на основе собственных наблюдений и административных документов, статистических отчетов, материалов различных экспедиций (№ 118, 125, 131). В 1914 г. сообщается о новом обследовании Низового края, которое было проведено и.о. самаровского лесничего А.А. Дуниным-Горкавичем.

Среди авторов «путевых заметок» оказываются «путешественники поневоле», кому приходится добираться в медвежьи углы по служебной надобности: лекари, учителя, агрономы, десятники — персонажи мучительных разъездов по стране, лишенной простых путей сообщения, где каждая поездка может обернуться героической одиссеей (см., например, публикации фельдшера Леонида Александровича Корикова-Михайлова «По Сосьве» — 1897. № 76, «От Сартыньи до Щекурьи» — 1898. № 8).

Забота о будущем окрашена тревогой: вслед за знаменитыми покорителями Арктики в Сибирь устремились «мало кому известные капитаны Адамсы», европейские промышленники, готовые составить конкуренцию русскому капиталу и вытеснить его из экономического пространства Севера. Их интересы — торговля, выгода: экономика постепенно подавляет все иные вопросы. В 1913 г., сообщает газета, в Красноярск пришел английский корабль «Коррект»: эра коммерческого использования Северного

морского пути началась (см. 5; 224–225). Особое значение этот маршрут получит с началом Первой мировой войны (см.: *Виктор Костюрин. Открытие Северного морского пути // 1915. № 6*).

Стоит признать, что, несмотря на глубокую заинтересованность и постоянство редакции, ценность «исследований», проведенных и опубликованных «частной газетой», не так уж и велика. Статистические отчеты печатались государственными губернскими ведомостями, отчеты о научных экспедициях — в Записках РГО, даже для материалов исследований, проведенных губернскими учеными и энтузиастами, был свой печатный орган — Ежегодник Тобольского губернского музея. На фоне специализированных изданий материалы «Сибирского листка» кажутся несистемными, случайными. Чтобы увидеть тот или иной сквозной «сюжет», нужно затратить немало усилий. На восприятии материалов сказывается периодичность и общедоступность издания, специально не предназначенного для «исследовательских» целей.

«Сибирский листок» выполнил историческую задачу совершенно иного толка.

Газета придала Тобольскому Северу вид обычной российской провинции, полностью сняв с него тот налет экзотизма, который сопровождал литературный образ Сибири на протяжении нескольких веков. Место античных гипербореев и славянских «человецев неизвестных» заняли вполне обыкновенные люди, а взамен всевозможных чрезвычайностей газета предложила информацию об умопостигаемых и вполне заурядных происшествиях. Хроника, составленная из «внутренних известий», рисует поток обыденного существования сибиряков и одновременно выявляет в нем некую системность, рассматривает не только «условия» жизни захолустья, но и их причины.

Такая концепция газеты нашла отражение и в общем тоне публикаций, и в их структуре, причем за всю историю газеты ни то ни другое практически не изменилось. Так, уже со второго номера «Листка» в нем начинают печататься «Письма из Березова». Рассмотрим структуру одной — первой — статьи из этого цикла. 1. Стороннее представление о Березовском крае, которое обычно отсылает к давним и недавним мифам о богатой Сибири: «...изобилует рыбой, в его лесах много пушного зверя, на лето сюда прилетают несметные количества птиц» (1; 40). 2. В проти-

вовес мифу выдвигается картина современного быта и говорится о вопиющей бедности населения. 3. Непременное сообщение о дне сегодняшнем обычно включает сообщение, что текущий год — выдающийся по своей тяжести: неурожай, высокая вода, бескормица. 3. Место обретает четкость очертаний в рассказах о промыслах, их специфике, устройстве, с обязательными этнографическими деталями. 4. В финале происходит возвращение к злобе дня и мрачным прогнозам о ближайшем будущем: «Сенокос не удался в Березовском крае, и неудача эта дает уже себя знать ужасающим, как слышно, падежом скота» (1; 42).

Статьи могут ограничиваться одним из обязательных разделов «программы» либо охватывать их все с необходимым, естественно, лаконизмом. Весьма показательны вариации внутри этой устойчивой схемы: так, миф о богатом и обширном крае может быть заменен статистикой — кратким сообщением о площади, численности населения, традиционных занятиях. Неотменимы лишь сетования на тяжелые погодные условия, на бедность и поиски хоть какого-то пути к спасению: «...ввиду предстоящей весенней голодовки самаровское общество просит высшее местное начальство выдать ему ссуду...» (1; 68). Самаровское можно с легкостью заменить на сургутское, кондинское, обдорское, дьянское... Возвращаясь к сообщениям из Березова, находим практически ежегодные извещения о непрерывной череде несчастий.

1892: «Вот уже вторую тяжелую зиму переживает Березовский край. Прошлой зимой не было сена, отчего домашний скот выпал в весьма значительном количестве. Нынче сено есть, но мало хлеба и почти нет рыбы. Значит, скот отчасти благоденствует, люди же живут впроголодь, а некоторые даже и прямо голодают» (1; 209).

1902: «Зима была суровая и долгая. Промыслы были плохие, припасы истощились или сильно вздорожали, заработков не было» (3; 77).

1909: «Но тепла все еще нет, и зелень появится не скоро. А между тем сено у большинства жителей уже давно вышло, и скот, выпущенный на все четыре стороны, гибнет от бескормицы» (4; 207).

1910: «Тяжелые времена переживает Березовский край, каких не помнят и старожилы» (4; 328).

Наконец, к началу XX в. сложился новый стереотип восприятия Сибири: «...На время о Тобольском Севере все заговорят, о рыбных и лесных его богатствах, об эксплуатации инородцев и об их вымирании. Этот неизбежный заунывный припев красной нитью походит через всю историю края» (3; 53). Само собой напрашивается сравнение с гоголевской Россией — и по уединенности сибирского существования, и по его непреходящему унынию: «Несмотря на гоголевскую манеру преувеличения, такие местности на Руси существуют: северная окраина наша — одна из таковых; из нее в продолжение чуть ли не пяти месяцев в году не только до какого-либо государства, но и до губернского города не доскачешь» (речь идет о Самарове — 1; 114). «У нас, березовцев, есть много родных и знакомых в Тобольске, но весной и летом мы очень редко можем услышать что-нибудь о них. Мы считаем их живыми, а они, быть может, давно уже отошли в вечность» (1; 156).

Изменила ли газета хоть что-нибудь в общественной жизни Тобольской губернии за три десятилетия своей подвижнической деятельности? Если судить по тону публикаций — почти ничего. Но круг корреспондентов «Листка» определенно стал шире: «вести» приходят из самых отдаленных уголков губернии, авторами становятся не только русские, но и инородцы (см., например, «Вечер с елкой» в с. Мужы в феврале 1908 г. Автор — бывший ученик зырянин — с удовольствием отмечает, что ежегодно курс церковноприходской школы оканчивают три — четыре ученика, и грамотность прививается среди «темного люда» — 4; 37). И значит, расширяется «география» издания и круг ее читателей — тех, чье гражданское самосознание сформировано под влиянием газеты.

Вряд ли и современное переиздание «Сибирского листка» обретет широкую аудиторию, сколько бы ни мечтали об этом составители избранного. Но для специалистов: филологов, историков, журналистов, краеведов — оно откроет очень яркий, самобытный мир, где реальность и ее личностное восприятие составили нерасторжимое единство образа Тобольского Севера.

Н.А. Рогачева

Книжная полка краеведа

Цысь В. В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917—1921 гг.): Монография. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 2005. — 268 с.

«В монографии, — извещает аннотация к книге, — рассмотрены основные проблемы политического, социально-экономического и культурного развития севера Западной Сибири в 1917—1921 гг.; выявлены важнейшие особенности организации государственной власти и управления на различных этапах Гражданской войны; проанализирована социально-экономическая политика режимов, под контролем которых находился Север Западной Сибири в рассматриваемый период, ее результаты; изучены отдельные вопросы, связанные с развитием культуры на территории края».

Монография В. В. Цыся — обобщающий труд, результат исследования большого массива архивных документов, изучения и критического осмысления статей и книг о войне, накопившихся почти за столетие. Пожалуй, впервые появилась работа, которая подробно рассматривает тему целиком, во всех ее аспектах, с позиций современной исторической науки.

Есть основания ожидать, что книга «Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917—1921 гг.)» станет настольным пособием для учителей истории, студентов и старшеклассников, краеведов. В отличие от многих прежних трудов на эту тему она с интересом читается, так как свободна от надоевших стереотипов недавнего прошлого, например от героизации войны. Из множества фактов, подвергнутых строгому анализу, у читателя складывается картина войны как величайшего народного бедствия, след от которого тянется до наших дней. Ведь в общественном сознании участники войны до сих пор разделены на две неравных стороны, одна из которых считается недостойной памяти, и Гражданская война, многократно воспетая, — до сих пор незатянувшаяся

рана на теле российского общества. Поэтому позитивно воспринимается читателем отношение автора к персонажам истории, обрисованным в его книге: они небезразличны автору, он высвечивает подробности их биографий, раскрывает мотивы действий.

Выпустило книгу издательство Нижневартовского педагогического института (628615, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 13. E-mail: ngpirc@nwartovsk.wsnet.ru).

Напомним читателю, что В.В. Цысь дважды печатался в «Полужорнике»: в четвертом выпуске опубликована его статья «Сургутская потребительская кооперация в период Западно-Сибирского крестьянского восстания», в пятом — «О некоторых особенностях установления Советской власти в Самарово в 1918 г.».

Гольдберг Р. Книга расстрелянных: Мартиролог погибших от рук ВЧК—ОГПУ—НКВД в годы «красного террора» (Тюменская область). В 3-х томах: Т. 3. — Тюмень: Тюменский курьер, 2004. — 408 с.

Эта книга — личный подвиг (не в пафосном, а в бытийном значении этого слова) ее создателя, публициста, редактора газеты «Тюменский курьер» Рафаэля Гольдберга, продолжающийся полтора десятилетия. Десять лет он потратил на подготовку первых двух томов, вышедших в свет в Тюмени в 1999 году. Именно они открыли для многих старожилов области, как в действительности закончились жизненные пути их отцов и дедов, когда-то арестованных и, как считалось, без вести пропавших.

В новой книге — продолжение списка жертв «красного террора». Но не только. Здесь есть стихи гражданского звучания. Есть очерки о людях неповторимых судеб, имевших одинаковый конец. По материалам одного из «расстрельных» дел Рафаэль Гольдберг рассказал о талантливом тюменском журналисте Антипе Герасимовиче Кунгурцеве, которому выдумщиками из НКВД было приписано членство в мнимой подпольной политической организации с идиотским названием «Экстальная комиссия заграничного руководства со стальным сердцем». Еще один рассказ — о красноармейце, расстрелянном лишь за то, что он послушался командира, не стал сбривать свою бороду.

Но особенно берет за душу чтение писем митрополита Петра Полянского, который был для власти олицетворением ненавис-

тного врага — Русской православной церкви, и она, эта власть, раз за разом, без суда, продлевала старому больному человеку сроки тюремного заключения. Письма Петра Полянского — это то, что стоило бы прочитать каждому, они способны встревожить совесть даже дремлющего обывателя. Над ними стоит поразмыслить и тем энтузиастам, что смущают души предложениями об установке памятников Сталину.

Книга полна горьких и мужественных раздумий. «Эпоха террора, — пишет Р. Гольдберг, — мне представляется таким же бунтом, бессмысленным и беспощадным, — бунтом власти против человека и человечности, бунтом страха против разума, против права спокойно жить на земле».

Мы привыкли считать, что Гражданская война закончилась в 1921 г. Нет, она продолжалась, загнанная внутрь, еще два предвоенных десятилетия. Вся муть была поднята властью со дна общества в свою поддержку и защиту (например, в лагерях уголовники против «политиков»). За каждым невинно пострадавшим — доноситель и лжесвидетель, а то и несколько. Это ли не война всех против всех? Народ потерпел в ней поражение. Нынешнее безмолвие народа уходит корнями в эту затяжную войну.

Книгу можно купить в издательстве «Тюменского курьера» на ул. Первомайской, 20 (угол улиц Герцена и Первомайской, вход со стороны ул. Герцена).

Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. — 8-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 274 с.: ил.

«Виной» всему — читательская дотошность Юрия Александровича Федосюка. Читая русскую классику XIX в., он то и дело встречал вышедшие из употребления слова, наверняка многим неясные. Богат или беден помещик, спрашивал он, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший «полштофа» водки, щедр ли чиновник, давший на чай «синенькую», «красненькую» или «семитку»? Незнание значения этих и многих других слов порождает проблему недопонимания текста.

Еще в 1959 г. Ю.А. Федосюк написал письмо в редакцию журнала «Вопросы литературы», призвав ученых составить специальный справочник по истории русского быта для широкого

круга читателей, но не был услышан. Прошла четверть века — необходимое пособие так и не появилось на свет. Тогда в соответствии с универсальным житейским правилом «тебе надо — ты и делай» он сам написал эту нужную многим книгу, выдержавшую уже восемь изданий.

Книга интересна и полезна и школьникам, и взрослым — всем, кто читает не только русскую классику, но и вообще всякую литературу XIX века, включая и периодику, а также работает с архивными документами.

Об «Остяцких сказках» Александра Демина

В краеведческом альманахе «Подорожник» (2005 г., вып. 5) опубликованы «Остяцкие сказки» учителя Березовского уездного училища А.Г. Демина, хранящиеся в Государственном архиве Омской области.

В записях остяцкого (хантыйского) фольклора, сделанных любителями, нередко встречаются некоторые особенности. Интересно то, что сущность этих особенностей часто аналогична тому, как современные ханты, живущие традиционной жизнью, на своем языке рассказывают так называемые «русские сказки». Поясню сказанное. Например, основой сюжета сказки «В золотой обуви девушка» является известная «Золушка». Однако объяснение мотивов поведения героини, каких-то событий или иных реалий жизни сугубо хантыйское. Например, девушка вместо бала танцует на Медвежьем празднике, ее золотая обувь прилипает к черной смоле, которой смолят лодку, попы делают жертвоприношения и т.д.

Для отдельных остяцких сказок А.Г. Демина характерен такой тип особенностей, но не для всех произведений в равной степени. Большинство сказок, записанных автором, по сюжетам близки хантыйским или полностью совпадают, а произведение, названное «Сказкой о медведе, жившем на небе», наоборот, далеко от оригинала.

Этиологические мифы и сказания (II—X), «Остяцкая сказка», «Сказка о царском сыне» А.Г. Демина по содержанию соответствуют типично хантыйским жанрам фольклора. На мой взгляд, эти произведения имеют научную ценность в том смысле, что являются источником для изучения фольклора. Из них подлинно научные материалы — это «Остяцкая сказка» и «Сказка о царском сыне», здесь автор указывает, где и у кого они были записаны.

В двух других произведениях — «Сказке о дьяволе и дьяволихе», «Сказке про огненную реку» — легко узнаются основные сюжетные линии или стиль хантыйского повествовательного фольклора. В то же время некоторые детали, персонажи явно не

соответствуют образцам типично остяцких сказок. Например, нет хантыйских персонажей, которые соответствовали бы таким понятиям, как «дьявол» и «дьяволица». Чаще всего такие несоответствия связаны с неточностью перевода. При анализе этих двух сказок заимствования легко вычлняются, а персонажи соотносятся с соответствующими фольклорными героями ханты.

Вышеперечисленные произведения относятся к прозаическим жанрам фольклора, их язык в достаточной степени понятен рядовому слушателю, владеющему хантыйским языком. Возможно, поэтому автору удалось сделать достаточно точный перевод.

Иная ситуация со «Сказкой о медведе, жившем на небе». Поэтому мне хотелось бы остановиться на этом произведении более подробно. В реальности это не сказка, а достаточно сложный миф о небесном происхождении данного зверя. Как известно, миф отличается от сказки тем, что он актуален, значим для народа, в него верят абсолютно, он канонизирован, что исключает вольное обращение с материалом во время его исполнения.

Исходя из текста мифа, изложенного березовским учителем, можно прийти к выводу, что данный автор, вероятно, владел хантыйской разговорной речью, однако записи вел на русском языке, иногда, возможно, по памяти. Если же автор пользовался услугами переводчика, то тот недостаточно хорошо знал русский язык.

Миф о спуске медведя с неба записан в разное время у северных групп обских угров многими исследователями языка и фольклора. Во всех опубликованных вариантах сюжетная линия единая, отличия касаются некоторых деталей. Для сравнения возьмем варианты мифа, наиболее доступные для русскоязычных читателей. Это мансийский миф «Медвежья песня о спуске с неба»¹, записанный В.Н. Чернецовым в 1933 году на р. Северная Сосьва, и хантыйский вариант «Песня спуска вниз»², записанный нами в д. Ванзеват Белоярского (ныне Березовского) района в 1992 году. Оба варианта восходят к той же территории, что и публикация А.Г. Демина, т.е. к Березовскому району.

Данный миф относится к «медвежьим песням», т.е. в оригинале он исполняется в песенной форме и от имени самого мед-

¹ Мифы, предания, сказки ханты и манси / Пер. с хантыйского, мансийского, ненецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. — М., 1990.

² Земля кошачьего локотка. Вып. 4 / Пер., сост., предисл. и примеч. Тимофея Молданова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

ведя. Спецификой данного жанра является то, что многие словосочетания и отдельные обороты очень архаичны, лаконичны, следовательно, без знания особого «фольклорного языка» понять их крайне сложно. На мой взгляд, эта сложность отразилась в публикации А.Г. Демина. Видимо, многие архаизмы были не ясны автору, и он интерпретировал пробелы, исходя из представлений собственной культуры.

Сюжет анализируемого мифа следующий. Вместе с отцом медведь когда-то жил на небе, отец лелеял его в «богатом гнездышке», «соболином гнездышке», «среди богатств тонкого сукна, среди богатств тонкого шелка». Далее следует основной смысловой мотив мифа — мотив запрета. Отец запрещает сыну выходить на улицу. Сын нарушает запрет, нарушает правила поведения, следовательно, и весь мировой порядок. Частное нарушение приводит к всевозможным осложнениям, медведь распугивает табун небесных коней, или происходят иные неприятности. Он разрывает небесное полотно, в итоге открывается «дыра» в нижний (по отношению к небу) мир, «нижним народом населенная земля там видна».

С небесных высот земля кажется медведю прекрасной. Если событие происходит летом, то «белым сукном богатая земля, зеленым сукном богатая земля», если осенью, то «желтым расцвеченная, красным расцвеченная милая земля». Медведь просит отца отпустить его вниз.

В варианте А.Г. Демина миф записан в прозаической форме. Медведь выступает прежде всего в облике хищного зверя, который «жил на небе, привязанный на железной цепи, в особенной горенке». Мотив запрета отсутствует. «Ему скучно стало, и он стал сердиться, что вот живет один». Далее он «лапой махнул железную цепь», «стал ломать дверь... вышел на улицу». Однако из слов «ребят хозяина (бога)» видно, что медведь все-таки сын бога. Они кричат: «Отец, сын на улицу вышел». Неприятности, которые должны присутствовать по логике мифа, автор публикации объясняет гневом зверя. «Медведь осердился на ребят и давай бить их и собак тоже». Мотив разрывания небесного полотна присутствует, «ходя по небу, он ступил одной ногой в яму». Далее идет натуралистическое, не характерное для фольклора ханты расхваливание красот нижнего мира: «какое славное

место: везде лиственницы, елки... и осины уже покраснели... на земле веселее жить». Автор указывает еще одну причину желанья медведя оставить небеса. «Я потому не буду жить, что ребята стали кричать... я и осердился, собак и ребят убил».

В мифах-оригиналах отец медведя пытается оградить сына от необдуманного поступка, он поясняет ему, что земля не так хороша, как она представляется с неба. «Где тышла, доченька, землю желтоцветную, то вода по трясинам виднеется». «Кто это сотворил для тебя из белого, тонкого сукна землю? Многие бора с оленьим ягелем это ты видел. Если из желтого сукна землю видел, то с травянистыми истоками многие ручьи... и т.д. Отец пытается остановить медведя и иным способом, например, обращением к его незрелому возрасту: «Сынок, послушай, у тебя руки не окрепшие еще, у тебя ноги не окрепшие еще».

Затем следует очередной мотив запрета. Если сын последует тому, что наказывает ему отец, то на земле будет соблюден порядок. При этом запреты касаются взаимоотношений медведя и человека, т.е. согласно миру-оригиналу на земле обязательно живут люди. В одних вариантах запрет исходит из уст Неба-отца, в других — Земли-матери. «Человеческим сыном поставленные, на одной ноге стоящие многочисленные лабазы... их обходи стороной». «У хантыйского мужчины имеющихся... множество оленей, если ты найдешь, за два дерева ты их обходи, за три дерева ты их обходи» и т.д.

Далее отец изготавливает «золотую» или «железную» колыбель и отпускает сына к Земле-матери. Условия на земле оказались жесткими, «куда руку ни поставлю, всюду болотная тряпина». Обуреваемый голодом медведь забывает запреты отца (матери). Грабит лабазы, разгоняет оленьи стада. В результате становится «с коленями слабыми слабый мужчина, с ногами слабыми слабый мужчина» или «в плечах, коленях исхудал». От Земли-матери или зверей-матерей (Росомахи-матери, Зайчихи-матери, Лисицы-матери) он узнает, что таким образом наказан за нарушение запрета. Матери вновь наставляют его, учат, чтобы он питался природной пищей, сам ее добывал, «шишки ешь, как рукавицы длинные» и т.д. однако он снова грабит лабазы, посягает на могилы, «могилу холодную увидел, на целый городок тут большой грабеж я устраиваю» и т.д. За все это он обязан понести наказание, его физическое тело,

источник зла, должно быть уничтожено, а чистая душа отправлена на небо. Орудием наказания выступает человек.

В публикации А.Г. Демина, направляя медведя на землю, отец говорит: «Сын мой любезный, пустить тебя на землю я согласен, но только знай, что на земле человека нет». Здесь нет самого существенного, нет мотива запрета, прежде всего касающегося взаимоотношений с человеком, а следовательно, и нет мотива последующего наказания за его нарушение. Как уже говорилось, именно в этом заключается основной смысл и основная драма повествования в мифах-оригиналах.

Автор в своей сказке упоминает «рукавицы», некую «старуху» и т.д. Смысл появления этих атрибутов, персонажей из содержания произведения неясен. Вероятно, он влетает в контекст повествования то, что имелось в хантыйском варианте мифа, но вкладывает (или не вкладывает) в эти понятия иной смысл. Как уже говорилось, с «длинной рукавицей» сравнивается кедровая шишка, а «старухой» могла быть Земля-мать и т.д. В сказке присутствует мотив голода, который в мифах-оригиналах провоцирует медведя на нарушение запрета. Худоба медведя: «тут он сделался худым — спина как доска», в сказке просто упоминается, но не несет смысловой нагрузки как наказание за греховные поступки. В сказке еще нет человека, но присутствуют домашние животные: олень, корова, лошадь. Их медведь «разрывает надвое», причем это приписывается более всего его злости, но не голоду. Причину же того, что человек должен убивать медведя, сказка объясняет, на мой взгляд, с позиции христианского мировоззрения. Бог «дозволил человеку всякого зверя убивать и всякую шкуру надевать на себя». В конце сказки души убитых медведей ведут себя как живые сущности. Это мотив, типичный для фольклора обских угров. В рассматриваемом мифе именно душа, отделенная от «низвергнутого тела, должна направляться обратно к отцу.

Следует сказать, что для специалистов любые записи фольклора, в том числе и любителями, безусловно, имеют ценность. Если записи «непрофессиональны», сделаны представителями иной культуры, то это также своеобразный и интересный предмет исследования. В подобных ситуациях выявляются общие принципы интерпретации фольклорных произведений, уровень понимания, осмысления и многое другое.

Т. Молданова

Публицисты XIX в. в Тобольском крае Вместо послесловия к трехтомнику «Тобольские губернские ведомости»

Издание антологии тобольской журналистики конца XIX—начала XX вв.¹ позволило вытащить из архивной пыли ряд имен, благодаря которым читатели первых губернских газет черпали информацию о жизни края. Однако подготовка к переизданию текстов происходила традиционно в экстремальные сроки. Отсюда и осталась в некоторых местах недосказанность, которая нуждается в комментировании. К тому же часть материалов, обнаруженных во время работы над трехтомником, имея, несомненно, ценность для других исследователей, может быть утрачена. По этой причине было решено предложить читателям «Подорожника» эти маленькие зарисовки.

Потанин, Ядринцев или Елисейев?

Многие исследователи считают², что «Васюганская тундра», опубликованная в №11 неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» за 1858 г., — дебют крупнейшего исследователя Центральной Азии Г.Н. Потанина в печати. Однако это, скорее всего, не совсем так. Сам автор считает, что напечатал «несколько статей, относящихся к предмету: о кулане — “диком осле” — по рассказам моего отца, о раках, которых в сибирских реках разводили исправники, о слоне, приведенном в Омск из Ташкента, которого мой отец провожал в Ташкент. Таким образом, я удовлетворил свое желание посылить содействовать работам русских зоологов, но это содействие я оказываю».

¹ Тобольские губернские ведомости: Антология тобольской журналистики конца XIX—начала XX вв. — Тюмень, 2004. — Редакторский корпус. — 648 с.; Сотрудники и авторы. Т. 1. — 624 с.; Т. 2. — 510 с.

² См., например: Сибирское областничество: Биобиблиографический справочник. — Томск; М., 2002. — С. 106.

вал, не выходя из кабинета, так как я не мог из него выходить, служа в канцелярии. Исключение составила только заметка о полевых мышах. На деревни вокруг Омска в то время сделали нашествие полевые мыши»³.

Публикации «Кулан» (1858. №8) и «Семья толстокожих» (1858. №9), в которой и есть маленький эпизод о слоне, как видим, опубликованы несколько раньше «Васюганской тундры». Заметки, авторство в которых Г.Н. Потанин признавал, были подписаны неким Д. Такая же буква стоит под публикацией «Аблаетские сопки», появившейся в «Тобольских губернских ведомостях» в предпоследнем номере за 1857 г. Редакция ведомостей уточняла место жительства автора — «из города Омска». Потанин в этот период жил там и вполне мог корреспондировать из Омска, рассказывая о своей поездке к киргизам.

Буквой Д. подписаны также заметки «Палы, или пожары» (1958. №1), «Дрова в киргизской степи» (1958. №9), «Несколько слов о Семипалатинске» (1958. №12), «Алтайская и киргизская породы лошадей» (1958. №14), «Степные пшеницы» (1958. №15), «Добавление к статье “Кулан”» (1958. №21) и «Мысли о завоевании Сибири Ермаком» (1958. №44). Все названные публикации, несомненно, находятся в русле будущих исследовательских симпатий Г.Н. Потанина и не вызывают сомнений в его авторстве. Как и «Нашествие мышей на степные округа Тобольской губернии в 1857 году», а также «Раки в Тобольской губернии»⁴ (обе — 1858. №13), о которых Григорий Николаевич писал в воспоминаниях.

По-другому обстоит вопрос с авторством «Васюганской тундры», подписанной буквой К.

С одной стороны, Г.Н. Потанин рассказывал о знакомстве с пехотным офицером Копейкиным, который более десяти лет прослужил топографом и участвовал в работе над картой местности между Иртышом и Обью⁵. По мнению мемуариста, рассказ о быте остяков оказался настолько интересен, что он тут же

³ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1983. — Т. 6. — С. 79.

⁴ Все названные заметки включены в трехтомную Антологию тобольской журналистики конца XIX—начала XX вв.

⁵ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1983. — Т. 6. — С. 77.

помог ему записать сюжет для «Тобольских губернских ведомостей».

Публикация имела подзаголовок: «Тундра; лес; реки; быт остяков...». Повествователь достаточно детально описывает все обозначенные реалии, разбавляя рассказ экзотическими остяцкими словами, иногда приводя значение некоторых, таких как рям, урман, чага. Описание быта остяков было столь пространным, что охватывало не только одежду, пищу, промысел, многообразие диалектов, верования, но и растительный и животный мир, окружавшие область, образуемую «нижними частями Оби и Иртыша»⁶. При этом значительная часть рассказа отведена медведю, культ которого существует у остяков. Описывая игру в прятки с косолапым, повествователь обозначает свое участие в ней.

В 80-е годы в сибирской прессе начали появляться риторические вопросы: не прятался ли за буквой К. Юрий Иванович Кушелевский? Не является ли Копейкин таким же вымышленным, как гоголевский герой из «Мертвых душ»? Уж больно последнее предположение нравилось участникам полемики: вымышленный — значит, мертвая душа. И вот тогда на страницах «Восточного обозрения» выступил сам Г.Н. Потанин. Он утверждал, что «под буквой К. скрывается фамилия Копейкина; Копейкин был сибирский военный топограф, снимавший тундру по поручению начальства. Статья эта писалась на моих глазах в Омске...»⁷.

Автором данных строк была сделана попытка разыскать в фонде Западно-Сибирского губернаторства Государственного архива Омской области мифичного Копейкина.

Удалось найти лишь прошение отставного рядового Петра Копейкина. В нем шла речь об имении, оставшемся после смерти отца. Дело о наследовании было начато 31 января 1861 г., а завершено 30 марта 1864 г. и содержало в себе 61 лист документов о наследовании имущества Федора Копейкина, проживавшего в д. Щербакова Омского округа Карасульской волости и умершего еще в марте 1856 г. Сам Петр Копейкин служил в сибирском линейном №4 батальоне⁸.

⁶ Тобольские губернские ведомости. Антология тобольской журналистики конца XIX—начала XX вв.: Сотрудники и авторы. — Тюмень, 2004. — Т. 1. — С. 490.

⁷ Восточное обозрение. — 1886. — №18. — С. 12.

⁸ ГУОО ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 4841.

Так что офицер Копейкин и гоголевский капитан Копейкин — пока одно и то же лицо. В таком случае возникает вопрос: какой материал стал канцеляристу Г.Н. Потаниному, не выходявшему, по его же словам, из кабинета, основой для «Васюганской тундры»?

В сохранившихся воспоминаниях о том времени начальник отделения общего губернского управления Яков Семенович Скропышев рассказывает о том, как гражданский губернатор В.А. Арцимович относился к изданию тобольских ведомостей. Он, по словам мемуариста, «принимал самое живое участие в наполнении интересными статьями неофициальной части, и вполне достиг этого. Авторами таких статей были и директор, и инспектор, и учителя местной гимназии, штатные смотрители училищ, некоторые священники, один офицер линейного батальона (Потанин), начинающий тогда свою литературную деятельность Н.М. Ядринцев и даже некоторые чиновники, служащие в Тобольске. Со всеми этими лицами В.А. или сносился письмами, или лично просил писать статьи, которые затем и просматривал, разрешая их к печатанию...»⁹.

Н.Н. Александрова считает, что к сведениям Я.С. Скропышева «можно отнести с полным недоверием. ...В 1857 г. Ядринцеву было всего 15 лет»¹⁰. При этом автор диссертационного исследования допускает, что «подросток Н.М. Ядринцев <...> публиковал какие-либо материалы в данной газете».

Так «да» или «нет»? Вопрос не праздный еще и потому, что до сих пор не установлены авторы «Независимого листка» и «Листка из Омска», появившихся в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» в 1857—1858 гг.

Г.Н. Потанин в 1859 г. уехал из Омска в С.-Петербург. Вслед за этим со страниц ведомостей исчезли «Независимый листок» и «Листок из Омска»¹¹. Напрашивается вопрос: Говорун и

⁹ Скропышев Я.С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // Вестник Европы. — 1897. — Кн. 12. — С. 581.

¹⁰ Александрова Н.Н. Общественная жизнь Западной Сибири в середине 50-х — начале 60-х гг. XIX в.: По материалам «Тобольских губернских ведомостей». Дис. ...канд. ист. наук. — М., 1996. — С. 153.

¹¹ Вспоминная встречу с бывшим тобольским губернатором В.А. Арцимовичем, Г. Потанин писал: «Я посылал много статей в «Тобольские губернские ведомости», за которые тогда же получил от него гонорар сто руб-

Г. Потанин — одно лицо? Хотя псевдоним «Tattler»¹² навевает скорее другие ассоциации.

История англо-американской прессы была очень хорошо известна Н.М. Ядринцеву¹³. Этот факт подчеркивает еще один исследователь¹⁴, А.В. Ремнев. А учитывая утверждение Я.С. Скропышева, что в ведомостях работал и Н. Ядринцев, то, зная страсть последнего к псевдонимам, можно было бы предположить, что идеолог провинциальной прессы скрывался за именем Говорун. Не в пользу такой версии работает место жительства в период публикации Говоруна в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей». В 1860 г. из Томска в Петербург уезжал гимназист шестого класса. А ведь большинство публикаций в листках — «Независимом» и «Из Омска» — освещали события Тобольской губернии.

В пользу того, что «родителем» Говоруна был Г.Н. Потанин, говорит публикация предания Бухтарминской станицы «Афанасий Селезнев, разбойник» (1858. №15).

Но если посмотреть остальные публикации, то все они построены на обзоре той или иной отрасли. Первый выпуск «Независимого листка» посвящен публичным библиотекам, книжным лавкам, типографиям, писчебумажным фабрикам (1857. №34), следующий — кожевенной промышленности, суконным фабрикам, заводу стеариновых свечей, табаководству (1857. №36). Еще в первом выпуске Говорун писал о своем намерении «образовать на время... собственный листок, род фельетона, наполняя его всякими замечаниями по части истории, географии...» и т.д. В эти «на время» читатель увидел четыре выпуска «Независимого листка» и два — «Листка из Омска».

лей». — Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1983. — Т. 6. — С. 137.

¹² В начале XVIII в. в Англии начинают издаваться просветительские и дидактические журналы. Среди них есть и «Tattler», что в переводе на русский язык обозначает «Болтун (Говорун)». — См.: Хорольский В.В. Эссе и памфлет в английской публицистике XVIII в.: к проблеме диффузии и дифференциации жанров // Акценты. — 2001. — №5–6. — С. 35–41.

¹³ См. письмо XXXIII от 4 апреля 1873 г. в кн.: Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. I. — Красноярск, 1918. — С. 220–221.

¹⁴ Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. — СПб., 1997. — С. 142–156.

Журналистике XIX в. знаком жанр внутреннего обозрения, появившийся в 60-е годы и «ставший одним из важнейших видов журнальной и газетной публицистики»¹⁵. И среди журналистов, сделавших внутреннее обозрение жанром публицистической хроники, нельзя в числе первых не назвать имя Григория Захаровича Елисеева, выпускника Тобольского духовного училища 1840 г.

Уйдя из духовного звания, а затем и из Казанской духовной академии, где был профессором, поступает на гражданскую службу. Вначале омский (до 1856 г.), а затем тарский окружной начальник. Весной 1858 г. оставляет службу и переезжает в Петербург¹⁶. Практически вместе с ним исчезает и Говорун. Хотя публикации под этим именем и появляются еще в двух номерах неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», но отказать в праве на авторство Г.З. Елисееву, как никому другому из претендентов на псевдоним, сложно.

Конечно, об этих последних двух выпусках «Независимого листка» возможны и другие версии. Скажем, в №15 появились две публикации за подписью Говоруна. В одной шла речь об экономическом обществе, выставке сельских и заводских произведений, в другой — рассказ о разбойнике Афанасии Селезневе. Один автор завершал сотрудничать в издании, другой — продолжил его путь.

И этот другой во внутреннем обозрении сорок пятого номера неофициальной части губернских ведомостей писал об этнографии, провинциализме, политическом быте податного сословия не только Тобольской губернии, но всей Сибири. В тексте мы встретим Томск и Алтай, Омск и полуазиатский Петропавловск, Семипалатинск и Бийск... Но все, что сказано в данном абзаце, — не более чем гипотеза, плод воспаленного ума, пытающегося понять историю становления провинциальной печати на материале Западной Сибири, вернее, лишь незначительной ее части — Тобольской губернии. И появление независимого листка в глухой провинции — повод для размышления...

¹⁵ См.: Емельянов Н.П. У истоков жанра: Внутреннее обозрение в журнале «Современник» // Русская журналистика XVIII–XIX вв.: Из истории жанров. — Л., 1969. — С. 79–101.

¹⁶ Подробнее см.: Русские писатели (1800–1917): Биографический словарь. — М., 1992. — Т. 2: Г–К. — С. 226–228.

Сам Г.З. Елисеев как-то позже напишет о внутреннем обозрении: «В них сообщались распоряжения правительства, производства, описания процессий, празднеств, ученых заседаний и т.п.»¹⁷. Именно такие и были обозрения Говоруна.

Позже, в столичных журналах, Г.З. Елисеев никогда не подписывал внутреннее обозрение. Лишь под единичными публикациями значился «Грыцько».

Кстати, еще один факт из жизни Г. Елисеева. Переехав в Петербург, он практически с самого начала 1859 г., с пятого номера, ведет рубрику «Хроника прогресса» в «Искре»¹⁸. Да, той самой «Искре», в которой в том же году появляются карикатуры некоего Знаменского, правда, пока с инициалами М.М. Лишь в 1868 г. в «Искре» читатель увидит рисунки тоболяка М.С. Знаменского. Дебют Г.З. Елисеева в «Искре» и появление там же публикаций Пр. Знаменского по времени практически совпадают.

Оглянемся на тобольский период уже столичного публициста. В этом сибирском городишке Грыцько учился до 1840 г., а Стефан Яковлевич Знаменский, священник кафедрального собора Тобольской духовной консистории, был произведен в сан протоиерея и переведен в Ялуторовск в 1839 г.

Так что отец Михаила Степановича был знаком с будущим Грыцько. И «Пр.» в подписи под статьями не было ли сокращенным наименованием сана одного из бывших учителей?

Еще одна неисследованная линия отношений между столицей и провинцией, прошедшая через всю жизнь тобольского художника-карикатуриста и писателя. Именно в «Искре», печатавшей «значительно сокращенный, исправленный и изображенный в лицах» римейк романа В.В. Крестовского «Петербургские трущобы», появилась в аналогичном жанре «Корреспонденция из сумасшедшего дома», автором которой был «Тобольский житель»¹⁹. В введении к публикации автор, перед тем как явиться на литературное поприще, начинал страдать: «...как подписаться под своим произведением? Какой псевдоним избрать?» (Искра.

¹⁷ Современник. — 1864. — №3, II отд. — С. 124.

¹⁸ См. Библиографию Г.З. Елисеева в: *Клейнборт Л.М.* Григорий Захарович Елисеев. — Пг., 1923. — С. 49–52.

¹⁹ В РГАЛИ в фонде М.С. Знаменского сохранился оттиск данной публикации, на котором чернилами атрибутирован автор.

1877. №3). А вдруг эта подпись уже кем-то используется? Как видно по «Тобольским губернским ведомостям», Говоруна эта проблема не сильно волновала.

Колмогоров и Текутьев

Приехав в северную столицу, Грыцько дебютировал в декабрьском номере «Современника» статьей «О Сибири». Она была откликом на многие публикации Григория Колмогорова, «дифирамбический тон» которых вызывал удивление: «Ныне, когда каждая истина продается за деньги, кого найдете вы, кто бы решился даром, без всякого возмездия проповедовать ложь». Автор статьи в «Современнике» был сражен наповал поведением своего тезки: «Я не знаю сочинителя более усердного и плодовитого в изобретении сведений, более незастенчивого в сообщении их публике под именем действительных сведений».

Впрочем, этот паталогический случай такого рода публицистики был не единственный в Сибири.

Д. Завалишин, отбывавший наказание за государственное преступление в ссылке в Иркутске, писал позднее издателю «Русской старины» М.И. Семевскому в декабре 1880 г.: «Что же касается до предлагаемого Вами гонорария, то вот что я могу сказать Вам на этот счет: я всегда более заботился о напечатании того, что, по моему мнению, должно было сделаться достоянием гласности²⁰, чем о гонорарии, а потому в борьбе, напр., по сибирским делам я не только не хлопотал о получении гонорария, но и не принимал его, чтобы не было и тени того, чтобы я тут извлекал себе какую-либо выгоду; напротив, с моей стороны было в этой борьбе премного пожертвований на одно писание всего и высылку в дубликатах и страховыми, на переписывание и пр.; в доказательство этого могу привести выписку из письма покойного Ф.В. Чижова (подлинное письмо цело). Вот что написал он мне по поводу отказа от гонорария, когда я написал ему, что мне нужен не гонорарий, а нужно напечатание того, что я сообщаю (прилагая и документы), и что готов доказать и пред судом: «труд и такой почтенный уважительный труд, как Ваш, по крайней мере, не должен Вас вводить в лишние издер-

²⁰ Об этом модном явлении в общественной жизни России 60-х годов XIX в. — читай ниже. — *Прим. издателя.*

жки²¹. Если бы Вам было угодно вместо денег приказать что-нибудь купить, то будьте уверены, что с моей стороны это слово: **приказать**²² никак не пустая фраза; я буду смотреть на Ваши поручения, как на приказание человека, глубоко мною уважаемого». (Письмо 1860 г., сентября 14). Конечно, я не был обязан трудиться даром для журналов, извлекавших выгоду из моих трудов (с появлением моих статей в «**Морском сборнике**» и в «**Вестнике промышленности**» — эти журналы, которых едва было по одному экземпляру, и то **случайно**, как писал мне содержатель библиотеки в Иркутске, стали вдруг выписываться сотнями экземпляров, даже и за истекший год, когда статья, напр., появлялась в исходе года), но это показывает Вам, что гонорарий никогда не был ни моею целью, ни моею заботою. И поэтому предлагаемый Вами ныне мне гонорарий за статьи, еще не напечатанные, будет иметь и для меня, и для Вас только то значение, что даст мне возможность несколько уменьшить те занятия, которые, будучи необходимы для обеспечения моего существования, поглощают у меня лучшее время, а, уменьшив эти занятия, я буду иметь более досуга заняться изложением тех вещей, пояснения которых Вы желаете, следовательно, для Вас ускорится значительно получение оно, а по моим летам представится больше обеспечения и вероятности, что я буду в состоянии до смерти своей сообщать Вам немало любопытного, сохранение чего, думаю, важно для истории. По всему этому я и не нахожу основания для определения гонорария с моей стороны, а предоставляю это Вам самим, думаю только, что не останусь в долгу»²³.

Эта цитата, столь непростительно длинная для сегодняшнего читателя, из письма совсем другого публициста подчеркивает, что Г. Колмогоров вполне мог быть убежден в своей правоте. И в статье «О Сибири» Грышко, полемизируя с «отчаянным панегиристом Сибири», приводит другой пример из сибирской публицистики, не менее красноречивый, наглядно показывающий, что публицистика — всегда дело субъективное.

²¹ Я должен был все посылать страховыми письмами и дубликатами и переписывать на свой счет в Москве. — *Прим. Д.И. Завалишина.*

²² Выделенные полужирным в тексте слова — в письме подчеркнуты. — *Прим. издателя.*

²³ ИРЛИ. — Ф. 625. — Оп. 2. — Лл. 5—9.

Н.А. Абрамов. Это имя известно историкам Сибири и церкви, краеведам и т.д. Мы воспринимаем его публикации сегодня как документ времени, не сомневаюсь ни на йоту в сказанном Николаем Алексеевичем. Грыцько, сравнивая этнографические публикации Г. Колмогорова, не отказывает себе в удовольствии уравнивать их по качеству содержания со статьями Н. Абрамова, который «в Березовском округе был лицо чиновное, пользовавшееся и по своему посту и по своим личным достоинствам уважением сановников города, ездил он по казенной надобности и натурально останавливался на земских или проездных квартирах»²⁴. И по этой причине не мог знать, как жили крестьяне уже в 10 или 20 верстах от тракта.

Статья Г.З. Елисеева помогает уточнить некоторые детали его биографии, которые не удалось обнаружить пока в архивах²⁵. Оказывается, он «заседатель земского суда»: «... вас занимали тогда другие дела — дела вашей должности, вы производили следствия».

Готовя к печати пятитомное избранное из «Сибирского листка», первой тобольской частной газеты, удалось обнаружить письмо бывшего тюменского городского головы А.И. Текутьева, который отмылся от ярлыка — фальшивомонетчик²⁶, навешиваемого ему афромеевским «Сибирским торговым посредником». Рассказывая о том, как «в 1864 или 5 году... возникло дело в Ялуторовском уезде на ярмарке, где крестьяне были уличены в сбыте 150 рублей фальшивых денег»²⁷, А.И. Текутьев вспоминает, как он попал под подозрение. «Следствие об этом поручено было заседателю Колмогорову, явному в то время взяточнику.

²⁴ С образчиками творчества Г. Колмогорова, а также статьей Г.З. Елисеева «О Сибири» можно познакомиться в кн.: *Тобольские губернские ведомости. Антология тобольской журналистики конца XIX—начала XX вв.: Сотрудники и авторы.* — Тюмень, 2004. — Т. 2. — С. 246–318.

²⁵ См.: *Мандрика Ю.Л.* Она начиналась с рецепта чернил: К 150-летию первой сибирской газеты // *Тобольские губернские ведомости. Антология тобольской журналистики конца XIX—начала XX вв.: Редакторский корпус.* — Тюмень, 2004. — С. 7–8.

²⁶ Эта история достаточно подробно и узнаваемо изложена в «Ермаке», редактировал который тот же А. Афромеев. См.: *Байкалов. Поездка самоудра в столицу* // Лукич. — 2003. — №1. — С. 84–118; №2. — С. 108–121.

²⁷ Здесь и далее *цит. по:* *Сибирский листок: 1912–1919* / Сост. В. Белобородов и Ю. Мандрика. — Тюмень, 2003. — С. 112–113.

Колмогоров производил допросы, учинил этих крестьян, как показывать и обвинять. Видя взяточничество с этих крестьян и защиту их, я сейчас же донес об этом губернатору Деспот-Зеновичу... Колмогоров был отдан под суд»²⁸.

Еще одна сторона жизни публициста, который, по словам Грыцько, «обращается с Сибирью слишком нецеремонно, говорит о ней решительно, что ему угодно, сообщает сведения о том, чему и подобия нет в Сибири».

Как учили меня на лекциях по общему языкознанию: «Язык — инструмент сознания». Каков в публицистике, таков и в жизни.

...Кстати, в «Тобольских губернских ведомостях» печатались две статьи Г. Колмогорова: «Торговый дом в Сибири», взятая из «Экономического указателя», и «Факт из русской жизни» из «Сына Отечества»²⁹.

Юрий Иванович Кушелевский

Некоторые материалы Ю.И. Кушелевского, опубликованные в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», не дают ясного представления о нем как о журналисте. Зная страсть местной прессы к заимствованиям из других изданий, сложно сказать, были ли все эти материалы предназначены для губернской газеты?

С помощью указателя Межова удалось найти несколько публикаций в газете «Деятельность». Однако некоторых работ Ю.И. Кушелевского, значащихся в книгах знаменитого библиографа, на самом деле в нужных местах указанных изданий не оказалось. Статья «Тайны сибирской золотопромышленности» была помещена в четырех номерах и перетекла из 1868 года в шестьдесят девятый.

В них речь идет о проблемах Енисейской губернии. Очевидно, в этот период жизни Ю.И. Кушелевский по заданию извест-

²⁸ См. подробнее материалы судебного разбирательства: Дело о подделке и сбыте фальшивых денег // Сибирский листок: 1895–1900 / Сост. В. Белобородов и Ю. Мандрика. — Тюмень, 2003. — С. 12–93.

²⁹ Подробнее см.: Кузнецов Е.В. Указатель статей, помещенных в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» с начала издания их (27 апреля 1857 г.) // Тобольские губернские ведомости. Антология тобольской журналистики конца XIX—начала XX вв.: Редакторский корпус. — Тюмень, 2004. — С. 435–462.

ного исследователя российского Севера М.К. Сидорова пытался найти приемлемый для торговцев путь с Енисея на Печору³⁰.

Публикация с Енисейского Севера начиналась пафосно: «Странно кажется, что голодуют там, где много золота. В Сибири голод! Да это такая диковинка, что об ней, говоря словами Гоголя, смешно и городничему сказать!» (Деятельность. 1868. №175). И голодают как раз приисковики, так как нет у них рабочих мест. Многие прииски «находятся под тяжбами в судах». Автор пытается проанализировать механизм аферы, при которой происходит смена собственника. В арсенале аферистов — подделка документов, лжесвидетельства, установление нужных связей, обещание открыть в Сибири университет... Появился новый род золотопромышленников, для которых «исконное занятие превращено в ремесло». Ю. Кушелевский приводит пример, когда на прииске, добывавшем 20 тонн золота за сезон, были приостановлены работы до принятия судебного решения. Тяжба длилась восемь лет.

Автор поднимается до уровня обобщения, что появился новый род золотопромышленников, ищущих благородный металл «не в россыпях, разрушаемых природою гор, а в разрушаемых ими самими чужих шкатулках».

Кстати, эта тема не была нова для сибирской прессы.

После того как министр народного просвещения Е.П. Ковалевский написал специальную записку «О гласности в печати», которая легла в основу циркуляра от 3 апреля 1859 г., власть признала свою заинтересованность в освещении повременными изданиями различных злоупотреблений, допускаемых представителями власти, а также беспорядков³¹.

Реализуя лозунг дня в жизнь уже в первые годы издания, «Енисейские губернские ведомости» накачивали лексику в материалах, посвященных проблемам золотопромышленности в крае. Параллельно в неофициальной части появлялись публикации,

³⁰ Об этой поездке Кушелевского см.: *Омельчук А.К.* Рыцари Севера. — Тюмень, 2006. — С. 309–310.

³¹ См. подробнее: *Коновченко С.В.* Информационная политика в России / С.В. Коновченко, А.Г. Киселев. — М., 2004. — С. 346. — В циркуляре было сказано, что «печать должна проводить идеи “неприкосновенности самодержавия и его аппарата” и отказываться от обсуждения преимуществ других форм государственного устройства».

в которых авторы объясняли: что такое гласность. Оказывалось, что это высказывание через печать общественного мнения, которое, увы, может контролировать только администрация края³².

На гребне гласности и обсуждалась тема золота в «Енисейских губернских ведомостях». Так что радишевской смелости не понадобилось Ю.И. Кушелевскому, да еще в столичной газете, чтобы повторить сказанное в Сибири о новых золотопромышленниках: «Бандиты сутяжнической организации».

Там же, в «Деятельности», Ю.И. Кушелевский поместил несколько публикаций о направлении уральской дороги. Этот вопрос волновал не только Сибирь. От этого зависело не только: быть ли Ирбитской ярмарке. От этого зависело развитие промышленности как на Урале, так и в Сибири.

В то время тема «железки» была актуальна для всей провинциальной прессы.

Автор с долей ехидства описывал суету вокруг проектируемой железной дороги. Все хотят, чтобы она «проходила непременно возле ворот обитаемых ими домов и успокаивала животрепещущее сердце» (1868. №174). Но Ю.И. Кушелевский считал, что к удобным природным водяным сообщениям, уже существующим, необходимо присоединить «искусственные, но через такие только местности, которые разобщаются с водяными путями».

Однако самая большая проблема выползла совсем из другого места. Оказалось, что на Урале не проведено межевание земель. И отсутствие у нее собственника не позволяет даже государству распоряжаться землей по своему усмотрению: «Никто является самым богатейшим владельцем на Урале» (1869. №67).

После выхода в свет книги «Северный полюс и земля Ялмал» столичная пресса не осталась равнодушной к этому событию. В обзоре «Новые книги»³³, подписанном неким П.Н., почти четыре страницы были посвящены изданию.

Посмеиваясь над изданием, обозреватель писал, что книга «могла бы с таким же правом быть озаглавлена: «Ю.И. Кушелевский, или Человек редких достоинств», потому что о Северном полюсе и земле Ямал в ней говорится почти столько же,

³² Енисейские губернские ведомости. — 1859. — №7 и далее.

³³ Дело. — 1868. — №9. — С. 56–59.

сколько о прекрасных свойствах и качествах г. Ю.И. Кушелевского».

Обозреватель так разошелся, восхищаясь автором книги и его личными качествами, что остановить, казалось, его будет невозможно. Г. Кушелевский — «замечателен», «одержим желанием сделать “одно истинно полезное дело в жизни”», он «уважает генералов», а значит — «патриот», «патриот красноречивый». Для усиления личных качеств автора обозреватель пишет сакраментальную фразу: «То, что он говорит о самоедах, гораздо менее заслуживает внимания, чем то, что он говорит о себе».

Выхватив из текста фразу о вшах, о вкусе которых говорила самоедка, П.Н. рушит книгу с пьедестала: «Большинство наблюдений автора отличаются таким же вшивым характером». Охарактеризовав внешний вид издания как «лубочные виньетки и лубочные картинки», обозреватель успокаивает себя надеждой, что никто «не захочет купить этой книги».

* * *

В антологии тобольской журналистики гораздо больше имен, нежели в данной публикации. И в творческой биографии каждого из журналистов немало белых пятен, которые предстоит еще разгадать.

Ю. Мандрика

Оглавление

Ю. Мандрика. Мода на лечение голодом проходит..... 3

Предисловие переводчика

О. Трофимова. «С тех пор все у нас было общее...» 4

Наследие

Отрывки из дневника Эвы Фелинской,
который она писала в Березове.

Пер. с польского О. Трофимовой 7

Николай Ядринцев. Соболь 132

Андрей Тарханов. Владея штыком и пером 270

Вячеслав Попов. И наш гвардейский полк поднялся..... 277

Вячеслав Попов. В сынах не ошиблись отцы 291

Краеведение

Утечка. Собрал В. Белобородов 116

Валентина Патранова. В поисках золота и кварца 255

Александр Петрушин. «Цеппелин» над Югрой:

Особенности деятельности органов государственной
безопасности в Ханты-Мансийском национальном

округе в годы Великой Отечественной войны 263

Рукописи не горят

Ю.М. Козлова. Сенькин: Страницы неоконченной повести 134

Материалы к повести.

Публикация Г.А. Поповой и В.А. Козлова 168

Александр Петрушин. Тихон Сенькин:

герой или авантюрист 191

С архивной полки

В. Белобородов. Юганский культурно-санитарный отряд 198

М. Протопопов. Северное брожение 208

В. Константинов. Березовские курсы туземного актива 211

Деятели прошлого

- В. Б.* Исследователь Тобольского Севера
Василий Михайлович Новицкий: Материалы
к биографии (К 115-летию со дня рождения) 215

Домашний архив

- Б. Б. Зобнин.* Воспоминания об отце 237
Б. Ф. Зобнин. Филипп Козьмич Зобнин 250
В. Б. Берегите семейные архивы 252

Тропа жизни

- «Благодарю судьбу за то, что учился в Ленинграде».
Записала Е. Грошева 303
С. В. Павлова. «Жить буду красиво» 323
Письма *В. П. Поливанова С. В. Павловой* 324
Валерий Белобородов. «Наполивановские» планы 342

Круг чтения

- Н. А. Рогачева.* Тобольский Север на страницах
частной газеты «Сибирский листок» (1890–1919) 347

Книжная полка краеведа. [Рец.: *Цысь В. В.* Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917–1921 гг.):

- Монография. — Нижневартовск: Изд-во
Нижневартовского пед. ин-та, 2005. — 268 с.;
Гольдберг Р. Книга расстрелянных: Мартиролог
погибших от рук ВЧК—ОГПУ—НКВД в годы
«красного террора» (Тюменская область). В 3-х томах:
Т. 3. — Тюмень: Тюменский курьер, 2004. — 408 с.;
Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или
Энциклопедия русского быта XIX века. — 8-е изд. —
М.: Флинта: Наука, 2004. — 274 с.: ил. 359

Постскриптум

- Т. Молданова.* Об «Остяцких сказках» Александра Демина ... 363

Вподверстку

- Ю. Мандрика.* Публицисты XIX в. в Тобольском крае:
Вместо послесловия к трехтомнику
«Тобольские губернские ведомости» 368

ПОДОРОЖНИК

Краеведческий альманах
Вып. 6

Редактор-составитель
Валерий Белобородов

Операторы ПЭВМ: Д. Никифоров и Н. Нохрина
Корректоры: М. Кремлева, Н. Тиунова
Дизайнер (обложка) В. Дыба-сын

Подписано в печать 25.05.2005 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 22,32. Тираж 300. Заказ №1088.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106

260-00

117552006

Библиотека Югры

